Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет

(на правах рукописи)

Кичигин Кирилл Валерьевич

Лингвистическая доктрина Доминго де Санто Томаса в контексте грамматической традиции Испании XVI века

Специальность 10.02.05 – Романские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
доцент
Гуревич Дмитрий Львович

Москва – 2016

Введение.....7

Глава 1. Основная проблематика пиренейской лингвистики в контексте европейской грамматической традиции......17

1.Корпус анализируемых грамматик. Общая характеристика проблематики……...17

2.Грамматические сочинения, оказавшие влияние на лингвистическую мысль Испании XVI века.....22

2. 1. Грамматики латинского языка.....22

2.1.1.Греко-римская традиция. Грамматики Доната и Присциана.....22

2.1.2. Латинские грамматики эпохи Средних Веков.....27

2.1.3. Ренессансные латинские грамматики.....29

2.1.3.1. Грамматики Испании.....32

2.1.3.1.1. Грамматика латинского языка А. Небрихи.....33

2.1.3.1.2. Грамматики Семпере, Жильберти, Тамары.....37

2. 2. Грамматики испанского языка.....39

2. 3. Грамматики семитских языков.....43

2. 3 .1. Грамматика Педро де Алкала.....45

2. 3. 2. Грамматика Саморы.....47

2. 4. Грамматики индейских языков.....50

2. 4. 1. Грамматика языка науатль Ольмоса.....52

2. 4. 2. Грамматика пурепеча Жильберти.....54

3.Миссионерская грамматика языка кечуа Доминго де Санто Томаса.....56

4.История лингвистического описания грамматики Доминго де Санто Томаса…….60

5.Ренессансная пиренейская лингвистика в контексте истории

грамматических учений.....66
6.Выводы по первой главе.....69
Глава II. Сопоставительная трактовка именных частей речи в рамках канона грамматического описания.....73
1. Определение имени.....73
2. Прилагательные как самостоятельный подкласс имен.....77
2.1. Грамматики латинского языка.....77
2.2. Грамматики испанского языка.....81
2.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....83
2.4. Грамматика Томаса.....86
3. Выделяемые в грамматиках акциденции имени.....90
3.1. Грамматики латинского языка.....90
3.2. Грамматики испанского языка.....92
3.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....92
3.4. Грамматика Томаса.....94
4. Сопоставительный анализ акциденций в грамматике Доминго де Санто Томаса и других грамматических сочинениях.....94
4.1. Акциденция качество. Имена собственные.....94
4.1.1. Грамматики латинского языка.....94
4.1.2. Грамматики испанского языка.....99
4.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....100
4.1.4. Грамматика Томаса.....102
4.2. Акциденция вид.....104
4.2.1. Выделяемые в грамматиках разновидности производных имен.....104

4.2.1.1. Грамматики латинского языка.....104
4.2.1.2. Грамматики испанского языка.....105
4.2.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....106
4.2.1.4. Грамматика Томаса.....107
4.3.1. Патронимы.....107
4.3.1.1. Грамматики латинского языка.....107
4.3.1.2. Грамматики испанского языка.....112
4.3.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....114
4.3.1.4. Грамматика Томаса.....115
4.3.2. Посессивы.....120
4.3.2.1. Грамматики латинского языка.....120
4.3.2.2. Грамматики испанского языка.....122
4.3.2.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....123
4.3.2.4. Грамматика Томаса.....124
4.3.3. Деноминативы.....125
4.3.3.1. Грамматики латинского языка.....125
4.3.3.2. Грамматики испанского языка.....127
4.3.3.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....128
4.3.3.4. Грамматика Томаса.....129
4.3.4. Компаративы и суперлативы.....131
4.3.4.1. Грамматики латинского языка.....131
4.3.4.2. Грамматики испанского языка.....136
4.3.4.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....138
4.3.4.4. Грамматика Томаса.....141

4.3.5. Диминутивы.....147
4.3.5.1. Грамматики латинского языка.....147
4.3.5.2. Грамматики испанского языка.....150
4.3.5.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....151
4.3.5.4. Грамматика Томаса.....153
4.3.6. Отглагольные имена.....156
4.3.6.1. Грамматики латинского языка.....156
4.3.6.2. Грамматики испанского языка.....159
4.3.6.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....160
4.3.6.4. Грамматика Томаса.....162
4.3.7. Имена, производные от причастий и наречий.....167
4.3.7.1. Грамматики латинского языка.....167
4.3.7.2. Грамматики испанского языка.....169
4.3.7.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....169
4.3.7.4. Грамматика Томаса.....169
5. Акциденция род.....170
5.1. Грамматики латинского языка.....170
5.2. Грамматики испанского языка.....176
5.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....179
5.4. Грамматика Томаса.....183
6. Акциденция число.....187
6.1. Грамматики латинского языка.....187
6.2. Грамматики испанского языка.....189
6.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....190

6.4. Грамматика Томаса.....194
7. Акциденция фигура.....197
7.1. Грамматики латинского языка.....197
7.2. Грамматики испанского языка.....202
7.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....202
7.4. Грамматика Томаса.....203
8. Акциденция падеж / склонение.....206
8.1 Падеж.....206
8.1.1. Грамматики латинского языка.....206
8.1.2. Грамматики испанского языка.....212
8.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....215
8.1.4. Грамматика Томаса.....223
8.2 Склонение.....234
8.2.1. Грамматики латинского языка.....234
8.2.2. Грамматики испанского языка.....238
8.2.3. Грамматики неиндоевропейских языков.....240
8.2.4. Грамматика Томаса.....242
9. Выводы по второй главе.....244
Заключение.....252
Список использованной литературы.....257
Приложение.....том 2

Введение

Важное место в истории лингвистических учений занимает такая область как миссионерская лингвистика, получившая свое развитие в последние десятилетия XX века. Эта область лингвистической историографии посвящена анализу развития лингвистической мысли на материале грамматических и лексикографических работ европейских миссионеров в Юго-Восточной Азии и, главным образом, в Новом Свете, описавших большое количество разнообразных в типологическом отношении языков, система которых, как правило, кардинально отличалась от привычных европейцам систем греческого и латинского языков, а также от народных языков Ренессансной Европы. Описываемые миссионерами «экзотические» для европейского сознания индейские языки Америки было необходимо соотнести с существовавшим каноном грамматического описания, построенном на греко-римской традиции, в частности, на позднеантичных грамматиках Доната и Присциана, дополненных грамматическими сочинениями позднего Средневековья (Томас Эрфуртский) и Ренессанса (А. де Небриха, Ф. де Оливейра). Наличие системных расхождений между описываемым языком–объектом (индейскими языками) и латинским языком (языком грамматического канона), основные характеристики которого легли в основу теории лингвистического описания, вынуждало авторов миссионерских грамматик модифицировать теоретический аппарат и систему терминов, что приводило к возникновению новых понятий или к появлению более общей интерпретации существовавших ранее терминов. Подобное обстоятельство делает миссионерские труды важным объектом анализа в контексте общего понимания логики развития лингвистической науки.

Данное диссертационное исследование посвящено анализу одной из таких грамматических работ, а именно анализу грамматики языка кечуа, носящей название «Gramática o arte de la lengua general de los indios de los reinos del Perú» и написанной Доминго де Санто Томасом в 1560 г.

Объектом исследования является грамматическая доктрина, которой

обладал Доминго де Санто Томас, рассматриваемая в контексте лингвистической мысли Испании первой половины XVI века.

Предметом исследования является отражение и реализация в грамматическом труде системы взглядов на язык Доминго де Санто Томаса, проявившаяся в том, что касается применения данной системы для описания существительных и прилагательных в сопоставлении с описаниями, обнаруживаемыми в других грамматических сочинениях Испании первой половины XVI века.

Актуальность данного исследования определяется тем, что оно проводится в рамках перспективного направления, получившего название миссионерская лингвистика. Несмотря на то, что данная область истории языкознания сформировалась несколько десятилетий назад, системного контрастивного описания известных миссионерских грамматик на данный момент не существует. Данная работа восполняет этот пробел, ее появление вызвано необходимостью создания последовательного и системного описания лингвистических воззрений грамматиста XVI в. с применением контрастивных методик.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые осуществляется комплексный анализ описания именных частей речи, представленного в грамматике Доминго де Санто Томаса, при этом внимание обращается как на эксплицитно высказанные положения автора, так и на принципы, которые обусловили критерии отбора языкового материала. Грамматика Санто Томаса рассматривается в общем контексте лингвистической мысли Испании первой половины XVI века с учетом не только грамматических сочинений, посвященных латинскому и испанскому языкам, но и с привлечением грамматик неиндоевропейских языков. Подобная методика анализа грамматики Доминго де Санто Томаса применяется впервые.

Материалом исследования послужили следующие грамматические сочинения: грамматика языка кечуа Доминго де Санто Томаса (Gramática o arte

de la lengua general de los indios de los reinos del Perú); позднеантичные грамматики латинского языка Элио Доната (Ars Maior) и Присциана (Institutiones grammaticae); ренессансные грамматики латинского языка – Антонио Небрихи (Introductiones latinae), Андреса Семпере (Primae vereque compendiaria Grammaticae Latinae Institutio), Франсиско де Тамара (Suma y erudición de gramática en metro castellano, Instrucción latina, muy compendiosa y útil para los principiantes), Матурино Жильберти (Gramatica Maturini. Tractatus omnium fere que grammatices studiosis tradi solent a fratre Maturino Gilberto Minorita ex doctissimis collectus autoribus); ренессансные грамматики испанского языка – Антонио Небрихи (Gramática castellana), Кристобаля де Вильялона (Gramatica castellana: Arte breve y compendiosa para saber hablar y escrevir en la lengua Castellana congrua y decentemente), Антонио дель Корро (Reglas gramaticales para aprender la lengua española y francesa, confiriendo la una con la otra, segun el orden de las partes de la oration Latinas), грамматика анонимного автора 1555 года (Util y breve institucion para aprender los principios y fundamentos de la lengua hespañola) и грамматика анонимного автора 1559 (Gramática de la lengua vulgar de España); грамматика библейского иврита Альфонсо де Саморы (Introductiones artis grammaticae hebraice nunc recenter edite); грамматика диалекта арабского языка Педро де Алкала (Arte para ligeramente saber la lengua arauiga emendada y añadida y segundamente imprimida); грамматики индейских языков – грамматика языка науатль Андреса де Ольмоса (Arte de la lengua mexicana) и грамматика языка пурепеча Матурино Жильберти (Arte de la lengua tarasca o de Michoacán) – всего 17 текстов грамматик, написанных на латинском и на испанском языках.

Вышеперечисленные грамматики были выбраны для данного исследования по следующим причинам.

Грамматика языка кечуа Доминго де Санто Томаса (основной объект описания) представляет интерес потому, что в ней в качестве объекта описания фигурирует язык, отличающийся в системном отношении от языков, обычно

служивших объектом описания в Европе на протяжении многих столетий, в связи с чем при анализе произведений подобного рода ожидается, что в них особым образом сочетается традиция грамматического описания и новаторские черты. Иными словами, при анализе таких произведений возможно, с одной стороны, оценить силу традиции грамматического описания, и с другой, проследить развитие лингвистической мысли. Кроме того, была выбрана грамматика именно языка кечуа постольку, поскольку данный язык был одним из самых распространенных в XVI веке в западной части Южной Америки. Более того, в отличие от других индейских языков, подробное его описание в отечественной лингвистике практически не представлено.

Позднеантичные грамматики латинского языка Доната (Ars Maior) и Присциана были выбраны, поскольку в них был заложен грамматический канон, которому авторы в XVI века, как правило, следовали; латинская грамматика Небрихи (версия 1495 года, более полная по сравнению с ранними версиями) – как образцовое грамматическое сочинение Испании XVI века, которое послужило моделью для многих последующих грамматистов; грамматики латинского языка Семпере, Жильберти и Тамары – как образцы латинской грамматики XVI века нового типа, в которых делалась попытка модифицировать предложенную Небрихой модель грамматического описания; грамматики испанского языка Небрихи, Вильялона, дель Корро и анонимных авторов 1555 и 1559 гг. – как наиболее авторитетные и известные современникам грамматики испанского языка, возникшие до 1560 года (года публикации грамматики Томаса), с идеями которых Доминго де Санто Томас мог так или иначе быть знаком; грамматика библейского иврита Саморы – как одна из наиболее авторитетных в Испании грамматик, принадлежащих перу пиренейского автора, посвященная одному из языков Священного Писания, интерес к которому в начале XVI веке сильно возрос; миссионерские грамматики, вышедшие в свет до 1560 года, грамматика диалекта арабского языка П. де Алкала, грамматика языка науатль Ольмоса и грамматика языка

пурепеча Жильберти – как грамматики, авторы которых преследовали цели, схожие с целями, которые ставил перед собой Доминго де Санто Томас.

Вместе с тем, в данной работе не рассматриваются грамматики греческого языка, поскольку роль греческого языка в эпоху Ренессанса, в XVI веке, для Испании не столь важна, что доказывается относительно большим количеством грамматик латинского языка и значительно более скромным количеством грамматик греческого языка. Также в работе не рассматривается известное сочинение Хуана де Вальдеса «Diálogo de la lengua» («Диалог о языке») (1535), поскольку в фокус исследования попали только грамматические сочинения. Работа Вальдеса относится не к жанру грамматик, а к особому типу гуманистических сочинений, сочетавшему в себе разнообразные жанры (более подробно см. [Кистерева 2012]).

Анализ собственно фактического материала проводился со следующих позиций.

При анализе именных частей речи описываются те явления, которые эксплицитно были представлены Томасом и другими грамматистами: определение именного класса, описание имен прилагательных, количество выделяемых акциденций, описание имен собственных, категории рода, числа и падежа, явления словоизменения и ряда вопросов словообразования, связанных с такими традиционно выделяемыми в латинских грамматиках производными именами, как патронимы, посессивы, имена, производные от глаголов, наречий или предлогов, причастий и других имен, компаративы и суперлативы и диминутивы. Описание данных явлений представлено в том порядке, в котором оно дано у Томаса и Небрихи (на которого Томас опирался). Более того, специально будет представлено описание некоторых явлений, которые рассматриваются в грамматиках латинского языка и практически не рассматриваются Томасом, для того, чтобы более полно представить роль грамматического канона и степень его влияния на грамматику Доминго де Санто Томаса. Описание всех именных частей речи в данной работе не

представлено, поскольку составляет отдельную, достаточно объемную проблематику. Имена прилагательные и имена собственные были выбраны постольку, поскольку представляет интерес анализ логики формирования представления о данных классах, обладающих, по сравнению с именами существительными нарицательными, рядом специфических черт. Описание имен нарицательных проводится не на всем подклассе, поскольку их описание во многом идентично в рассматриваемых грамматиках и их трактовка часто однотипна, что не позволяет обнаружить новую интерпретацию значения данного класса слов. Из представителей имен нарицательных в работе анализируются только некоторые из них (диминутивы, деноминативы, отглагольные имена, отнаречные и отпричастные имена), однако они рассматриваются не с точки зрения их общего лексического значения, а с точки зрения их формы (как результат словообразования). Артикли, числительные и местоимения не рассматриваются, поскольку включение анализа данных классов в данную работу существенно увеличило бы ее объем и вывело бы за рамки формата диссертации.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа принципов описания именных частей речи в грамматике Доминого де Санто Томаса и их сопоставления с принципами описания, представленными в других грамматиках, выявить основные положения лингвистической концепции автора и определить ее место в общем развитии пиренейской лингвистики начала – середины XVI века. В соответствии с поставленной целью предусматривается решение следующих **задач**:

1. Проанализировать состояние пиренейской лингвистики первой половины XVI века, выявить основные черты грамматик и общую проблематику, рассматриваемую в грамматических сочинениях.

2. Представить описание структуры и композиции грамматики Санто Томаса, а также охарактеризовать цели и задачи, стоявшие перед автором.

3. Провести системный анализ описания именных частей речи,

представленных в грамматике Томаса, сопоставив его с описанием, содержащимся в других анализируемых грамматических сочинениях, с привлечением к анализу всех выделяемых грамматических и лексических признаков (акциденций) данного класса слов.

4. Сопоставить интерпретацию именных частей речи в грамматике Томаса с интерпретацией, содержащейся в современных описаниях языка кечуа, с целью обнаружения неэксплицированных, но имеющихся в грамматике XVI в. теоретических инноваций.

5. На основе сравнительного анализа грамматики Томаса с грамматическими трудами его предшественников и современников определить, в какой степени и в чем именно Томас следует грамматической традиции, а в чем отклоняется от нее, установив, таким образом, степень его новаторства или традиционности.

6. Охарактеризовать роль грамматики Томаса в начинавшемся в XVI в. процессе расшатывания канона грамматического описания.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Анализ миссионерских грамматик предполагает обязательный учет не только авторитетных для того времени грамматических трудов предшественников и современников, описывавших традиционные для Европы языки, но и учет грамматических описаний других, «экзотических», языков.

2. Анализ грамматического сочинения Доминго де Санто Томаса должен принимать в расчет как существовавшую грамматическую традицию, выражавшуюся в наличии так называемого грамматического канона, так и отход от нее, который нередко обнаруживался именно в миссионерских грамматиках, что позволяет более точно определить вклад Томаса в развитие лингвистической мысли.

3. Роль грамматического канона в грамматике Доминго де Санто Томаса следует рассматривать не как некую лингвистическую догму, а как модель лингвистического описания, отличающуюся лабильностью и служащую скорее

в качестве ориентира для описания.

4. В грамматике Доминго де Санто Томаса модификация грамматического канона касается изменений, в частности, в тех местах, где система описываемого языка не совпадает с системой латинского языка, в практике описания которого и складывался канон.

5. Отход от грамматического канона со стороны Доминго де Санто Томаса следует рассматривать как следствие того, что, обнаружив столкновение теоретических концепций с эмпирическим материалом, автор использует существующие термины, снабдив их новым содержанием.

6. При оценке вклада грамматики Доминго де Санто Томаса в пиренейскую лингвистическую традицию, помимо анализа эксплицитно выраженных теоретических положений, необходимо учитывать саму трактовку языкового материала, которая нередко отражает невысказанные, но осознаваемые автором грамматики новаторские идеи.

Основными **методами** исследования стали: гипотетико-дедуктивный и критико-филологический метод анализа на этапе отбора материала и обзора критических работ по данной проблематике; на последующих этапах широко использовался аналитический метод, включающий анализ отобранного материала, и сравнительно-сопоставительный, включающий сравнение проанализированного материала с описаниями, представленными у других авторов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что работа представляет собой комплексное исследование широкого спектра идей ренессансного грамматиста в контексте пиренейской грамматической традиции, а также в значительном углублении методики описания ранних грамматик.

Практическая ценность данной работы заключается в том, что материалы и выводы проведенного исследования могут быть использованы в учебных курсах по истории лингвистической мысли Испании и по истории миссионерской лингвистики. Кроме того, она может быть использована при

подготовке курсов по истории романского языкознания, истории общего языкознания, по истории и культуре стран Латинской Америки, по истории описания индейских языков.

Теоретической основной исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов фундаментального и прикладного характера, посвященные общей истории языкознания – В. М. Алпатов, А. В. Десницкая, Ю. В. Рождественский, Т. А. Амирова, Р. Х. Робинс, С. Ору, П. Свигерс, В. Лоу; истории языкознания в эпоху Возрождения – М. А. Косарик, К. Персиваль, Л. Кюкенхейм, Г. А. Пэдли, Е. А. Гринина; истории лингвистической мысли в Испании XVI века – Э. И. Левинтова, М. М. Раевская, А. Рамахо Каньо, В. Банер, М. А. Эспарса Торрес; миссионерской лингвистике: Н.Г. Сулимова, О. Звартйец, К. Циммерман, Л. Суарес Рока; современным описаниям языка кечуа – Р. Серрон-Паломино, Д. Вебер.

Структура работы обусловлена поставленными целями и задачами, а также выбранными методами исследования. Работа состоит из введения, двух глав с выводами по каждой главе, заключения, списка использованной литературы и приложения. В первой главе проводится краткий обзор выбранных для анализа грамматик, во второй – собственно анализ лингвистических взглядов автора в контексте XVI века. При этом языковые явления, сравнительных анализ которых приводится во второй главе, проводятся в том порядке, в каком они представлены в грамматике XVI века (то есть в порядке следования акциденций), что несколько отличается от принятого в современных работах способа их описания, поскольку отдельно рассматриваются явления, связанные со словоизменением, отдельно – явления, связанные со словообразованием, и т. д., что обусловлено особенностями анализируемых грамматик, сопоставление которых предполагает контрастное описание по анализируемым параметрам. Подобная композиционная организация не впервые применяется в данном исследовании, а была заимствована из работ других исследователей, занимающихся

сопоставительным изучением ранних грамматических сочинений.

Апробация результатов работы осуществлялась в докладах на VIII Международной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 24-25 ноября 2016 г.), VIII Международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 26-27 ноября 2015 г.), VII Международной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 27-28 ноября 2014 г.), VIII Международной научной конференции «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 24-25 ноября 2016 г.), на XX, XXI, XXII заседаниях секции «Филология» ежегодной научной конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ имени М. В. Ломоносова, 2013, 2014, 2015 гг.). Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, из которых 4 статьи опубликованы в журналах, включённых в список изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Глава I

Основная проблематика пиренейской лингвистики в контексте европейской грамматической традиции

1. Корпус анализируемых грамматик. Общая характеристика проблематики.

Все рассматриваемые грамматики можно условно разделить на несколько типов.

Во-первых, в отношении языка–объекта описания анализируемые грамматики можно разделить на грамматики латинского (работа Присциана, Доната, Небрихи, Семпере, Жильберти и Тамара), испанского (работа Небрихи, Вильялона, дель Корро, грамматики 1555 и 1559 годов), семитских (работы по ивриту Альфонсо Саморы и грамматика диалекта арабского языка Педро де Алкала) и индейских (грамматика языка науатль Ольмоса, языка пурепеча Жильберти и языка кечуа Томаса) языков.

Во-вторых, по шкале прикладной характер – теоретический характер, то есть по степени представленности анализа теоретических вопросов (например, рассуждения о правильности определения класса глаголов и т. п.) грамматики можно разделить на те, в которых в некоторой степени теоретические вопросы освещаются (грамматика Присциана, латинская грамматика Небрихи, грамматика испанского языка Вильялона и первая версия грамматики Саморы), и на те, в которых теоретическим вопросам практически не уделяется внимания, а основное внимание уделяется описанию реализации тех или иных понятий (все остальные).

В-третьих, рассматриваемые грамматики разбиваются на несколько групп по цели создания и целевой аудитории. В одну группу можно отнести работы, которые создавались в качестве учебных пособий, предназначенных для студентов в образовательных учреждениях, которым язык был необходим для приобретения навыков чтения и понимания важных для европейского общества того времени текстов (религиозных, литературных, юридических и так далее) (грамматики латинского языка и иврита), в другую группу – работы,

предназначавшиеся для взрослых пользователей, желающих выучить иностранный язык для определенных целей (торговля, общение и т. п.) (грамматики испанского языка). В последнюю группу относятся работы, созданные преимущественно членами религиозных орденов и предназначенные для коллег с целью их обучения иностранному языку и помощи в распространении католической веры среди завоеванных и подчиненных народов.

В-четвертых, все грамматики разделяются на две группы в отношении такого параметра, как письменный или устный источник фиксации. Так, к грамматикам, создававшимся на основе анализа письменных текстов, относятся грамматики латинского языка и иврита, к грамматикам, создававшимся преимущественно на основе фиксации устных текстов, относятся все остальные (грамматики испанского языка, грамматики индейских языков и грамматика диалекта арабского языка).

Несмотря на различие в некоторых аспектах, представленных выше, анализируемые грамматики имеют и ряд общих черт, в частности, общую проблематику, что обусловлено той важностью, которая придавалась в первой половине XVI века понятийной системе, оформившейся в Древней Греции и Риме в практике описания греческого и латинского языков, дополненной в Средние века и систематизированной в эпоху Возрождения. Иными словами, большая доля всего комплекса проблематики, который был представлен в грамматиках латинского языка Доната и Присциана, в несколько модифицированном виде присутствует и в грамматиках латинского языка XVI века (Небрихи и других авторов), а также в грамматиках испанского, семитских и индейских языков.

Начиная с Квинтилиана грамматику было принято делить на две части: методическую и историческую. В задачи первой входило рассмотрение, систематизация и анализ языковых фактов, а также обучение описываемому языку, в задачи второй входило чтение и анализ литературных произведений.

Анализируемые грамматики создавались в качестве грамматик первого типа. Важным аспектом также являлось внимание к идее узуса и к характеру корпуса материала, на основе которого создавалось грамматическое описание.

Всю методическую грамматику, в частности, латинскую, делили на четыре части: первая часть была посвящена проблемам фонетики и графической представленности звуков, которая носила название орфография; вторая часть была посвящена характеристике слоговой структуры слов; третья часть, традиционно носившая название этимология, была посвящена описанию морфологии частей речи; четвертая часть посвящалась проблемам синтаксиса словосочетания. Из всех рассматриваемых работ в полном виде данная проблематика представлена в работах Присциана, латинской грамматике Жильберти, латинской и испанской грамматиках Небрихи и испанской грамматике Вильялона, грамматике Томаса. В грамматике Доната и Саморы отсутствует раздел о синтаксисе, в грамматиках латинского языка Семпере – раздел об орфографии и слогах, в грамматиках 1555 и 1559 годов, а также П. де Алкала и Жильберти – раздел о слогах и синтаксисе, в грамматике дель Корро, Тамары и Ольмоса – раздел о слогах.

В разделе, носившем название орфография, рассматривались вопросы, связанные с характеристиками звуков и их графическим представлением, в разделе о просодии и слогах рассматривались вопросы, связанные с типом слогов и ударения.

В разделе о морфологии (общем для всех рассматриваемых работ) были принято рассматривать классы слов (части речи) и их характеристики. Стандартно (по крайней мере в грамматиках латинского языка) выделялось и описывалось восемь частей речи: имя, местоимение, глагол, причастие, которые выделялись в особую группу по параметру «изменяемые части речи», а также наречие, предлог, междометие и союз, которые выделялись в другую особую группу по параметру «неизменяемые части речи». В грамматиках испанского языка также выделялся артикль (а в грамматике Небрихи еще и «причастные

имена»).

Кроме того, в части грамматик XVI века отдельно рассматривались супин и герундий, а также прилагательные и существительные, которые выносились в особые подклассы имен. В грамматиках с теоретической направленностью рассматривалась в первую очередь проблема определения каждой части речи, то есть выбор того или иного набора критериев (семантический, морфологический, синтаксический и т. п.).

Части речи (как собственно и другие языковые явления, типа звуков и слогов) принято было разделять на группы по так называемым акциденциям, то есть некоторому набору признаков лексико-семантического и грамматического характера.

Среди акциденций имен выделялись (в первую очередь в грамматиках латинского языка Присциана и Небрихи, в которых были представлены наиболее полные списки акциденций, в других грамматиках список акциденций мог сокращаться) такие акциденции, как качество, то есть деление имен на собственные и нарицательные (в некоторых грамматиках данное деление выносилось из состава акциденций, а в грамматике испанского языка Небрихи в данную акциденцию также включалось деление имен на прилагательные и существительные и представление об антецедентах и союзных словах при придаточных относительных предложениях), вид, то есть деление имен на непроизводные и производные (среди производных в свою очередь выделялись патронимы, то есть наименования потомков, поссессивы, то есть относительные прилагательные, производные от глаголов, имен, наречий и причастий, а также диминутивы и компаративы с суперлативами, в некоторых грамматиках отдельно выделялись наименования жителей тех или иных территорий), фигура, то есть словосложение и префиксальная деривация, род, число, падеж. Некоторые грамматисты также выделяли лицо и акциденцию склонение в качестве дополнительной к акциденции падежа, то есть собственно представление о падежном словоизменении, а также о типах

словоизменительных парадигм.

При описании местоимения выделялись следующие акциденции: вид, род, число, фигура, лицо, падеж со склонением, которые могли объединятся в одну акциденцию «declinatio». При описании вида приводилось деление местоимений на простые (личные / указательные) и производные (посессивные).

К акциденциям глагола было принято относить следующие: род, (в некоторых грамматиках употребляется альтернативный термин – значение), время, наклонение, вид, число, лицо, спряжение. Род понимался как деление глаголов на группы по типу переходности и типу значения залога. Наклонение также включало в себя и инфинитив. Вид подразумевал деление глаголов на непроизводные и производные. К последним относились глаголы, принадлежащие к различным аспектуальным типам. Спряжение подразумевало разделение глаголов на словоизменительные парадигмы.

Причастие рассматривалось в качестве особого класса слов и выделялось в качестве части речи. В состав ее акциденций входили часть акциденций имени и часть акциденций глагола: время, фигура, число, род, падеж и склонение, а также значение или род.

В описание предлогов входило определение таких акциденций, как фигура, то есть сложность формы, положение, то есть позиция данных классов по отношению к другим частям речи, и падеж, то есть тип падежной формы, которая встречается при том или ином предлоге.

К акциденциям наречий относились вид, фигура и значение, то есть деление наречий по типу обстоятельственного или иных значений, которое они выражали, к акциденциям союзов – значение, то есть деление союзов по типу логических отношений, которые они выражали, фигура и положение, к акциденциям междометий – только значение.

Наконец, в разделе синтаксиса (кроме грамматики Присциана, у которого данный раздел имеет специфику) основное внимание уделялось в первую очередь описанию таких явлений, как согласование и управление. При

описании управления было принято выделять отдельно модели глагольного управления (выделялись группы по типу рода глагола, а также по типу падежных форм имен, которые встречались с тем или иным родом глагола) и отдельно модели управления других частей речи, в том числе и именных.

Помимо вышеобозначенной проблематики, общей для всех описываемых грамматик, в некоторых также рассматривались вопросы, специфичные только для них. Так, в частности, в грамматиках латинского языка и некоторых других сочинениях рассматривались вопросы стилистики и риторики. В грамматиках испанского языка (Вильялона и Небриха), а также в грамматике Томаса, поднимался вопрос о защите и прославлении описываемого языка. В миссионерских грамматиках также затрагивался ряд вопросов, связанных с религиозной тематикой.

2. Грамматические сочинения, оказавшие влияние на лингвистическую мысль Испании XVI века

2.1. Грамматики латинского языка.

При описании анализируемых в работе грамматических сочинений внимание будет обращаться на следующих вопросах: источники; цели написания; характер (прикладной или теоретический); структура; связь с греко-латинской грамматической традицией и особенности описания языковых явлений.

2.1.1. Греко-римская традиция. Грамматики Доната и Присциана.

Для сопоставительного анализа представляется целесообразным привлечь грамматики Доната и Присциана, поскольку a) данные работы пользовались большим престижем среди гуманистов в Испании XVI века b) Томас, будучи сторонником гуманистического течения, имел возможность лично познакомиться с данными грамматиками, тем более что, согласно [Calvo Pérez 2000], работы этих авторов оказали на него влияние, c) описание и анализ идей Доната и Присциана является удобным инструментом для анализа идей позднейших грамматистов, которые, безусловно, судя по освещаемой проблематике и механизмам ее описания, ориентировались на этих авторов.

Грамматики Доната относятся к типу античных грамматик, которые появились в поздней Античности (вместе с грамматиками Диомеда и других) в IV веке, и имеют ряд характерных черт. При анализе в качестве ориентира были взяты наиболее полная версия грамматики – «Ars Maior», а также исследования, представленные в [Luhtala 2005], [Десницкая 1980]), [Holtz 1981], [Петрова 1999] и др.

Грамматика Доната носила преимущественно практический, дидактический и прескриптивный характер, теоретическая составляющая (анализ языковых явлений, полемика, строгость и эксплицитность определений) в ней была сведена к минимуму, что особенно ярко выражено в «Ars Minor» Доната, где определений практически нет. Дидактическая направленность также прослеживается в организации материала, в частности, в том, что автор сначала приводит описание регулярных форм, а затем иррегулярных [Galindo 1993:33].

Кроме того, автор при иллюстрации тезисов какими-либо примерами не указывает авторство текста [Galindo 1993:33].

Она имеет общий с другими работами (грамматика Диомеда, например) источник – грамматика латинского языка Ремия Полимона, которая, в свою очередь, была создана по аналогии с грамматикой греческого языка Дионисия Фракийского. Иными словами, его работа испытала основное влияние александрийской школы, то есть школы, направленной на создание описания языковых явлений в прикладном аспекте [Luhtala 2005].

В научной литературе (например, см. [Петрова 1999], [Holtz 1981], [Galindo 1993], [Робинс 2010]) принято делить работу Доната на три части. В первой части автор дает описание звуков и их графическое представление, слогов, а также проблемы метрики, просодии и пунктуации. Вторая часть посвящена морфологии частей речи. В ней автор представляет собственно части речи и дает их последовательное описание (имя, местоимение, глагол, наречие, причастие, союз, предлог, междометие). Третья часть посвящена некоторым

отклонениям от правил грамматики: вариации внутри слова, например, изменение долготы гласного (barbarisma), вариации внутри предложения, например, использование одной части речи вместо другой, одного значения рода вместо другого (soloecisma), явление плеоназма, тавтология (vitia), а также некоторые другие явления функционального варьирования.

При описании частей речи в качестве основных позиционировались имя и глагол. Представление об артикле существовало [Ramajo Caño 1987], [Viciano 1996], однако автор не включал его в состав частей речи латинского языка. Причастие рассматривалось как часть речи, герундий и супин практически не рассматривались, прилагательные и числительные не выделялись в отдельные классы, служебные слова (закрытый класс грамматического, а не лексического характера, например, местоимения, предлоги, союзы) ставились в один ряд с самостоятельными (лексическими открытыми классами).

Описание частей речи велось по так называемым акциденциям, то есть по признакам лексического и грамматического характера, на основании которых части речи делились на определенные группы. Акциденции выделялись как у открытых лексических классов слов, так и у закрытых грамматических. Так, например, среди акциденций имен, местоимений, причастий и глаголов рассматривались категория рода (genus), числа (numerus), падежа (casus), лица (persona), времени (tempus), наклонения (modus), залога и переходности (обозначались терминами «genus» или «significatio»), а также явления словообразования: словосложение (figura) и деление слов на лексико-семантические группы: собственные / нарицательные (qualitas) для имени и определенные / неопределенные (finitas / infinitas) для местоимений. Отдельно представлялись разновидности (species) имен и местоимений, выделяемые по разнообразным семантическим и формальным критериям (патронимы, омонимы, наименования родственников и так далее – для имен; неопределенные, вопросительные и так далее – для местоимений). Более подробно, см. [Робинс 2010], [Десницкая 1980], [Maquieira Rodríguez 1989].

В определении имени основной упор делался на формальный аспект, а именно на способность выражать значения падежной категории. Кроме того, к этому добавлялось упоминание о делении на собственные / нарицательные и абстрактные / конкретные. Также, например, определение местоимения основывалось на его способности замещать имя и выражать значение категории лица. Наблюдалось смешение классов (указательных, личных, рефлексивных и др.) и нечеткое, с современное точки зрения, разделение указательных местоимений по дейктическим значениям.

В отношении описания словоизменительных категорий имени наблюдались следующие особенности: категория рода в основном была представлена с точки зрения описания родовых классов («nomina masculina», «comunia», «dubia»), а не с позиции реализации родовых значений. Кроме того, присутствовало смешение понятий о биологическом поле и языковой категории рода; падежные значения трактовались преимущественно с формальной, а не семантико-синтаксической, точки зрения. В описание падежа включается и описание словоизменения и словоизменительных парадигм.

Грамматика Присциана «Institutiones grammaticae», созданная в VI веке, является из всех дошедших до нас грамматик греко-римской традиции наиболее полным и подробным описанием латинского языка.

Основной характеристикой данной работы является ее двойственный характер. С одной стороны, она была написана как учебное пособие по латинскому языку для говорящих на греческом языке ([Galindo 1993:38], то есть основной целью была сугубо прикладная и дидактическая, с другой стороны, работа отличается высокой степенью теоретичности (сравнима с работами Варрона и Квинтилиана) [Luhtala 2005].

Основной целью ее написание было создание нового, качественного пособия по латинскому языку (в противоположность написанным в IV–V веках) с использованием достижений греческой науки, а также возрождение изучения латинского языка и литературы ([Lucas González 2003: 45]).

Среди наиболее значимых источников исследователи [Робинс 2010], [Luhtala 2005] выделяют, с одной стороны, латинские грамматики IV–VI веков, а с другой стороны, работы Аполлония Дискола (его труд по синтаксису) и, как следствие, философскую школу стоицизма и неоплатонизма. Согласно [Luhtala 2005], влияние Аполлония отразилось, в частности, на синтаксической концепции автора, а также на структуре определений имени и местоимения. Грамматика Присциана имеет как общие с римскими грамматиками IV века черты, так и отличные. К особенностям этой грамматики можно отнести следующие ее черты.

Присциан использует не только понятия, выработанные на основе наблюдений за языковыми фактами (падеж, род), но и сугубо философские, такие, например, как субстанция или качество.

В отношении информационной наполненности грамматика отличается наличием описания всевозможных деталей латинского языка, а также огромным количеством цитат из античных авторов, что объясняется ее дидактической и энциклопедической составляющей.

Структура грамматики делится не на три, а на две части: «Priscianus maior» (фонетика и морфология) и «Priscianus minor» (синтаксис). Иными словами, в данной работе представляется описание всех разделов языка. Кроме того, вопросы функциональной вариации практически исключаются из грамматики.

Несколько отличается и порядок описания частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение и служебные части речи. Кроме того, автор выделяет прилагательные в особую группу, исключает неопределенные и другие местоимения из разряда местоимений, включает описание герундия и супина, а также, хотя и отрицает наличие артикля в латинском языке, спорадически пользуется представлением о «praenomen aprticulare» ([Viciano 1996:91], то есть, подобно Варрону, включает в состав местоимений артикль как особый подкласс.

В определениях частей речи автор ставит акцент на семантику ([Galindo 1993:38]).

В состав акциденций автором включается species, то есть деления имен на непроизводные и производные. Среди производных автор описывает такие имена, как родственные наименований (patronymica), относительные прилагательные (possessiva), отыменные (denominativa), отглагольные (deverbalia), диминутивы (diminutiva), производные от предлогов и наречий (adverbiablia), компаративы и суперлативы (comparativa и superlativa), а деление на собственные / нарицательные (qualitas) и представление о степени сравнения (conparatio у Доната) исключаются из числа акциденций.

Среди особенностей описания словоизменительных категорий можно отметить исключение седьмого падежа из общего списка падежей, при описании категории рода упоминается также отношение «родовое значение – семантика» и «родовое значение – форма», при описании словоизменения добавляется, как уже было выше сказано, проблема словопроизводства (аффиксального словообразования), а также добавляется третья группа составных имен (decomposita). Кроме того, перфектный футурум автор рассматривает в составе сослагательного наклонения, оптатив рассматривает через призму греческой видовременной системы [Galindo 1993:39].

Наконец, одной из наиболее существенных черт является выделение проблем синтаксиса в особый раздел. Более того, автор пользуется понятием о переходности и управлении, о рефлексивности, анафоре / катафоре (хотя еще достаточно диффузно их обозначает).

2. 1. 2. Латинские грамматики эпохи Средних Веков

В Средние века грамматика продолжает использоваться в качестве прикладного учебного пособия. Из работ античных авторов наибольшей популярностью пользуются грамматики «Ars Minor» Доната и «Institutiones»

Присциана. Появляется также большое количество комментариев к ним и переработок (сокращений). Более того, часть разделов, которые у позднеантичных авторов представлялась в рамках одного труда, в Средние века начинает выносится в отдельные трактаты. Так, ближе к XI веку возникают работы по орфографии, просодии, метрики, риторическим фигурам и пр.

Начиная с XI века начинают появляться грамматики нового типа, целью которых было приспособить материал, излагаемый в античных работах, к нуждам школьного образования ([Galindo 1993: 48]). Наибольшую известность получили грамматика «Doctrinale» Александра Вилладейского и «Graecismus» Эберхарда Бетюнского (XIII век). Среди наиболее характерных черт можно отметить отсутствие интереса к теории языка. Основное содержание средневековых грамматик касается преимущественно вопросов образования супинов, герундиев, компаративов, инфинитивов, относительных местоимений, патронимов, диминутивов, наречий места, а также некоторых типов управления и согласования. Материал подавался достаточно бессистемно, правила и объяснения шли вперемешку с парадигмами и примерами, некоторые парадигмы приводились неполностью. Более того, язык этих сочинений и примеров был близок не к классической, а к средневековой латыни, в качестве примеров использовались не отрывки из античных авторов, а цитаты из религиозных книг или искусственно созданные предложения. Появляется и новая форма изложения: стихотворная. Несколько меняется сама структура работ: грамматика делится не на три, а на четыре части: 1) этимология (морфология), 2) синтаксис (вопросы согласования и управления), 3) просодия и характеристика слоговой структуры и 4) стилистика и риторика.

Вместе с тем, с развитием средневековой философии появляются грамматики, в которых внимание акцентируется преимущественно на теории языка ([Степанова 2000], [Десницкая 1991]). Подобные работы получили название спекулятивные грамматики. Описательный метод в них меняется на объяснительный. Главный интерес сосредотачивается не на конкретных

языковых фактах и разнообразии языков, а на вопросе о происхождении языка и его взаимосвязи с мышлением и реальной действительностью. Категории языка начинают описываться в категориях логики, и основной упор делается на значении (центральным понятием становится modus significandi) и организации означающих в речи (синтаксис). В трудах схоластов и модистов (Мартина Дакийского, Томаса Эрфуртского) появляются новаторские понятия, связанные с семантическим и синтаксическим устройством предложения: для характеристики субъекта и предиката вводятся понятия «suppositum» и «appositum», для обозначения слова, предшествующего относительному или анафорическому местоимению – «antecedens», для описания синтаксических связей управления и согласования – «regere» и «concordare», для характеристики семантических ролей – «res agens» и «res patiens», а также разграничиваются существительные и прилагательные. По-новому осмысливается понятие «transitio» и «intransitio». В предшествовавшей традиции переходными глаголами назывались такие, которые могли согласовываться с именами в косвенных падежах, иными словами, этими терминами описывались синтаксические отношения глаголов и имен. В Средние века этими понятиями начинают описываться более абстрактные отношения слов в предложении (подлежащие и дополнения) [Робинс 2010: 124]. Используются и Артистотелевские представления о причине («vix» или «natura»). Наконец, одной из самых характерных черт является то, что в трудах модистов появляется понятие об универсальной грамматике.

2. 1. 3. Ренессансные латинские грамматики.

В эпоху Ренессанса сохраняются выработанные в Средние века и в эпоху Античности языковые понятия. Категории языка и их акциденции продолжают пониматься так же, как в Античности (при этом новшества средневековых трудов учитывались). Также сохранилось двоякое отношение к языку как объекту прикладному, с одной стороны, и теоретическому, с другой. Однако меняется специфика и метод подхода к описанию этого объекта. Так, несмотря

на то, что в качестве основных пособий по изучению латыни в учебных заведениях продолжают использоваться учебники и грамматики латинского языка, составленные в прошлые эпохи, появляются новые, составленные уже гуманистами. Для метода, использованного при их составлении, характерно предельное упрощение грамматического описания, а также расширение источников материала, служащего в качестве иллюстрации для тех или иных понятий. Основой для ориентации в составлении грамматик становится понятие об обиходе (узусе), сложившееся под влиянием трудов Квинтилиана. В качестве примеров приводились выдержки не только из классических авторов Рима, но также и Греции. Что касается теоретического осмысления языков, то в этой области также происходит значительный поворот. На смену логическому и философскому подходу к языку приходит исторический [Степанова 2000], [Косарик 1998, 2013]. Это означает, с одной стороны, что концепции универсальной латыни и методу теоретического анализа языка в отвлечении от реальных языковых факторов и явлений гуманисты противопоставляют концепцию латыни как естественного и исторически изменяющегося языка, а с другой, происходит углубление понимания факта разнообразия языков. При этом в фокус интереса попадет текст во всей его совокупности и разнообразии. Появляется новый метод исследования языка – в его функциональном проявлении. Следствием подобного подхода (а также ввиду исторического понимания языка) стало появление сравнительного метода, при котором брались тексты на разных языках одного или разных произведений и сравнивались между собой, благодаря чему формировалось в какой-то степени типологическое представление о языках, при комментировании и переводе текстов были заметны различия и специфика тех или иных категорий. Однако, в основном, работы, посвященные таким комментариям, носили больше филологический, нежели собственно лингвистический характер. Кроме того, становится допустимой возможность не только существования языков, отличных от латыни, которая воспринимается при этом как образец и модель

для многих культурных аспектов, а народные языки представляются как варианты видоизмененной латыни («языковая порча»), но и возможность того, что подобные языки могут обслуживать разнообразные сферы коммуникации. Наличие литературы на языке и его кодификация в грамматиках становится критерием оценки. Право на существование и признание язык получает тогда, когда удовлетворяет вышеуказанному набору критериев. Среди других новшеств можно отметить следующие: внимание к проблемам риторики, разработка идеи об аналогии и пропорции, деление грамматики на две части: методическую, которая собственно занимается описанием языковых фактов, и историческую, в которой акцент ставится на филологическом толковании текстов. Кроме того, в грамматическом описании появляется больше деталей, подборка материала и описание становится тщательнее и аккуратнее. Разделы, которые в средневековых грамматиках существовали отдельно (орфография, синтаксис, морфология), объединяются в одном месте. Наконец, из грамматики исключаются философские представления и термины.

Стоит также отметить, что ближе к середине XVI века начинают появляться и грамматики рационалистического толка, к которым относятся следующие: грамматика Агостино Сатурнио (Agostino Saturnio. Mercurius maior (1531)), грамматика Томаса Линакра (Thomas Linacre. De emendata structura latini sermonis libri sex (1523)), грамматика Юлиуса Цезаря Скалигера (Julius Caesar Scaliger. De causis linguae Latinae libri tredecim (1540)) и грамматика Франсиско Санчеса де лас Бросасас (Francisco Sánchez de las Brozas. Minerva seu de causis linguae latinae (1587)). Среди основных черт можно отметить критику существовавшего подхода к описанию латинского языка, критику метода и терминосистемы и понятий, реформирование подхода, применение рационального / логического метода, изменение описания (замена пяти родов глагола на два, деление конструкций на стандартные и метафорические («constructio iusta» и «figurata»), разработка теории эллипса, пересмотр теории управления и т.п. (подробнее см. [Sánchez 2002]).

2.1.3.1. Грамматики Испании.

Среди особенностей лингвистической мысли в Испании можно отметить следующие черты.

Во-первых, подавляющее большинство грамматик латинского языка представляли собой работы прикладного типа. Среди грамматик, которые были распространены в Испании в Средние века, [Calvo Fernández 1995: 55] приводятся грамматики Доната, Присциана (с комментариями Педро Гелийского), а также «Doctrinale», «Graecismus» и др. Интереса к философским проблемам практически не отмечается.

Во-вторых, в процессе преподавания латинского языка отмечалось активное использование романских языков как вспомогательных. Так, особую популярность (особенно на северо-востоке страны) набирают так называемые грамматики примеров (grammaticae proverbiandi), особый тип грамматик, в которых техники средневековых грамматик комбинировались с новыми, основанными на использовании романского языка в качестве вспомогательного средства для освоения латыни (подробное описание представлено в [Calvo Fernández 1995]). Ближе к концу XV века появляется подтип таких работ, характерной особенностью которых является смешение и синтез средневековых и гуманистических подходов. Наиболее ярким представителем является работа Хуана де Пастрана (Juan Pastrana. Compendium grammatice breve et utile sive tractatus intitulatus Thesaurus Pauperum sive Speculum Puerorum, editus a magistro Iohanne de Pastrana (XV век)), которая в XVI веке переиздавалась неоднократно и оказала немалое влияние на Небриху (более подробно см. [Codoñer 2000]). Среди других наиболее известных грамматик можно отметить труды Гутьерреса дель Сереco (Gutiérrez del Cerezo. Breuis grammatica (1485)) и Даниеля Сисо (Daniel Sisó. Perutile grammaticale compendium (1490)).

Что касается собственно XVI века в Испании, то в отношении бытования грамматик латинского языка можно выделить два этапа: этап, связанный с влиянием грамматик Небрихи, и этап, связанный с критикой его работ.

2.1.3.1.1. Грамматика латинского языка А. Небрихи

Грамматика латинского языка Антонио Небрихи «Introductiones latinae», первое издание которой датируется 1481 годом, была одним из самым известных и самых влиятельных грамматических пособий в Испании на протяжении нескольких веков. Ее автор, который прошел обучение не только в одном из самых крупных университетов страны в Саламанке, но и 10 лет провел в Италии в тесном контакте с гуманистами, собрал в одном произведении достижения и средневековой, и гуманистической мысли и задал вектор развития не только латинских грамматик, но и работ по другим языкам. Кроме того, автор изобрел особый метод, «nova ratio nebrissense», сущность которого заключалась в особом педагогическом подходе (создание универсального учебника, который бы мог использоваться для всех ступеней образования) и использовании испанского языка в качестве посредника для изучения латыни.

Основной целью написания грамматики было, среди прочего, создание практичного, эффективного для учебы и унифицированного пособия, которое смогло бы заменить собой существующие учебники по грамматике латинского языка, показавшие свою неэффективность (см. более подробно в [Esparza Torres 1995]).

В качестве источников грамматики Небрихи послужили грамматические труды античных авторов (Доната, Диомеда, Проба, Присциана, Варрона, Квинтилиана,), средневековых авторов (в первую очередь, грамматика Хуана де Пастраны) и ренессансных авторов (Перотта, Веронезе и Валла). Кроме того, как отмечают [Téllez Nieto 2015: 72], не последнюю роль сыграли и grammaticae provebiandi.

Грамматика Небрихи существовала в нескольких вариантах. Первая версия была опубликована в 1481 в Саламанке, вторая версия – в 1485 (дошедший до нас вариант датируется 1491 годом и был выпущен в Венеции), в 1487 году создается автором двуязычная версия (перевод грамматики на

испанский язык) и в 1495 появляется третья комментированная версия (Introductiones latinae cum commento) (первое издание – Саламанка 1495 год). Впоследствии появляются переиздания этих версий, в том числе и в Севилье (1501 год), где проходил обучение Доминго де Санто Томаса. Существенным изменением в третьей версии грамматики стало включение большого количества комментариев теоретического характера. В комментариях содержатся замечания относительного того, как воспринимать тезисы, упоминаемые в основном тексте, а также включается дополнительный набор примеров из античных авторов, добавляется филологическая критика и т.п. Также, начиная с изданий 1508 года, в основной текст вносятся некоторые изменения, в частности, появляются парадигмы глагола с перфектными формами будущего времени [Téllez Nieto 2015: 66]. Более того, по замечаниям [Sánchez 2002: 60], в новую версию начинают проникать идеи рациональных грамматик. Наконец, к основному корпусу добавляются (сначала самим Небрихой, а впоследствии и издателями его работ после его смерти) разнообразные дополнительные книги по стилистике, фонетике, риторике.

В данной работе основное внимание обращается на третью, наиболее полную версию грамматики (версию 1495 года), чья структура выглядит следующим образом. В первой книге представлено описание словоизменительных парадигм имени, местоимений, глаголов (с комментарием на испанском языке про соответствия и несоответствия латинского и испанского в отношении временных форм глагола), описание моделей образования глагольных форм, даны иррегулярные глаголы и глаголы неполной парадигмы. Кроме того, в ней представлена краткая характеристика частей речи (определение и общее описание акциденций), а также описание вопросов согласования и управления. В конце первой книги приводится список предлогов и префиксов (без противопоставления) и модели управления одних падежных форм имен другими.

Во второй книге приводится описание категории рода по лексико-

семантическим и по формальным критериям (так называемые правила родов), описание склонений, форм претерита и супина по способам их образования. Отдельно рассматриваются «аномальные», неаналогические, формы, а также модели комбинаций глагольных основ с префиксами.

В третьей книге приводится определение грамматики как жанра лингвистического описания, ее деление на методическую и историческую, деление методической грамматики на четыре части (орфография, просодия (с описанием разнообразных типов слогов), этимология и синтаксис) и описание каждой из них. Описание частей речи производится в следующем порядке: имя, местоимение, глагол, причастие, предлог, наречие, союз и междометие.

В четвертой книге подробно разбираются проблемы согласования (формального и семантического), а также разнообразные модели управления, как глагольного, так и именного. В изданиях XVI века добавляется описание компаративов, диминутивов, относительных местоимений, патронимов и наречий места.

Пятая книга посвящена вопросам просодии, метрики и описанию характеристик слогов.

В конце представлен краткий латинско-испанский глоссарий, содержащий слова, встречающиеся в грамматике.

Характеризуя грамматику Небрихи в целом, можно сказать следующее.

Из сочинений греческих и римских авторов Небриха взял идею о делении грамматики на историческую и методическую (Квинтилиан); выделял семь падежей (Квинтилиан); ставил акцент на формальном аспекте при определении частей речи в основном тексте грамматики (Донат) и на семантике в комментариях к основному тексту (Присциан); использовал термины, выработанные в рамках практики описания латинской грамматики (части речи, акциденции, логика их описания). Кроме того, автор неоднократно в тексте обращается к работам и взглядам античных авторов. Можно также отметить

использование формы вопросов и ответов (от Донатовской «Ars Minor» через грамматики Средних веков), а также помещение (по мнению [Bonmatí 1988: 100]) парадигм именного склонения и глагольного словоизменения в первую часть.

Влияние спекулятивных грамматик проявилось в первую очередь в разделении прилагательных и существительных, в выделении синтаксиса в самостоятельный раздел, в использовании понятий об управлении, подлежащем, активных и пассивных участниках ситуации, объяснение языковых явлений Аристотелевскими категориями. (В этом просматривается некоторый консерватизм работы Небрихи, поскольку, как уже было сказано, многие гуманисты отказались от подобных терминов). От практических средневековых пособий Небриха, вслед за гуманистами, взял деление грамматики на 4 части (орфография, просодия, этимология и синтаксис), использование сводов таблиц по словоизменению (падежные и временные парадигмы), активное использование вопросно-ответной и стихотворной формы (особенно в 3 версии). Наконец, в этот список можно включить и определение прилагательного по сочетаемости с «артиклем» [Percival 2004: 255], то есть с указательными местоимениями.

От грамматик переходного периода и грамматик примеров Небриха взял активное использование испанского языка в качестве языка комментария. Кроме того, из работы Пастраны автор заимствовал идею структуры первой части.

Наконец, от идей гуманизма Небриха взял следующее: внимание именно к работам античных авторов, а не их переложениям, опора на авторитет авторов вместо логических построений, объединение всех разделов грамматического описания в одно пособие, филологическая критика, особое внимание к риторике и стилистике. Из более конкретных деталей: вынесение в четвертую часть компаративов, диминутивов и патронимов, особенность структуры третьей части (влияние Перотта) и т. п.

2.1.3.1.2. Грамматики Семпере, Жильберти, Тамары

Как уже было сказано, грамматика Небрихи стала одним из самых авторитетных пособий в Испании, претерпела множество изданий, а в самом конце XVI века, по указу короля Филиппа II, закрепляется в качестве основного официального пособия на всей территории Империи в виде «Gramática Reformada de Nebrija» под редакцией Хуана Луиса де ла Серды (Juan Luis de la Cerda). Тем не менее, уже с начала XVI века начинают делаться попытки модификации грамматики Небрихи. Среди основных причин подобного стремления исследователи [Sánchez 2002: 60] называют как необходимость переработки и сокращения текста (большое количество комментариев не способствовало, а, наоборот, мешало обучению), так и возникновение новых направлений. В частности, появляются, с одной стороны, идеи рациональной, объяснительной грамматики, в которой теории отводится значительное количество места, а с другой стороны, идеи дидактической грамматики (среди инициаторов числился Эразм Роттердамский), которая должна была содержать минимальное количество информации и способствовать скорейшему переходу к чтению текстов на латыни. Так, в Испании появляется большое количество работ, в которых модификации подвергаются 4 и 5 книги грамматики Небрихи (в соответствии с новыми идеями таких авторов, как, например, Линакр). Также делаются попытки создания новых пособий с переработанной структурой. Одними из первых с критикой Небрихи выступили Маринео Сикуло (Marineo Sículo) с работой «De grammatices institutionibus libellus brevis et perutilis» (1501 и 1532), Педро де Торрес (Pedro de Torres) (Petrus Syderatus) с работой «Ars constructionis ordinandae» (1512, Алкала), Хуан Мальдонадо (Juan Maldonado) «Paraenesis ad politiores litteras adversus grammaticorum vulgum» (1529, Саламанка), Андрес Семпере (Andreu Sempere) «Primae vereque compendiaria Grammaticae Latinae Institutio» (1546) (Валенсия).

В данной диссертации основное внимание обращается на грамматику Жильберти «Grammatica Maturini» (1559), вышеуказанную работу Семпере и

сочинения Тамары «Suma y erudición de gramática en metro castellano и «Instrucción latina, muy compendiosa y útil para los principiantes».

Грамматика Жильберти (Grammatica Maturini 1559) была издана в Мексике в издательстве Антонио де Эспиноса (Antonio de Espinosa). Ее появление обусловлено нехваткой в учебных пособиях на территории колоний. Грамматика создавалась как для христиан, так и для индейцев. В качестве основных черт авторы [Lucas González 2003: 51-52] называют практический и дидактический характер. Грамматика была написана в духе ренессансных грамматик Перотта и Небрихи. В качестве теоретических источников использовались как работы позднеантичных авторов и Небрихи, так и грамматики XVI века, в частности, синтаксический трактат Эразма Роттердамского (Libellus), который Жильберти практически полностью включил в четвертую часть грамматики [Lucas González 2003: 57]. При этом автор, следуя идеям Эразма, сделал акцент на лаконичности и краткости изложения, исключив многие определения и теоретические положения. Грамматика также организована по уровням: от простого к сложному. Первая часть посвящена краткому обзору морфологии (части речи и словоизменительные парадигмы), вторая часть – вопросам синтаксического согласования и описанию акциденций, третья – категории рода и разнообразным формам глагола, четвертая – синтаксическому управлению, пятая – просодии и фонетике, шестая – стилистике и седьмая – разнообразным конвенциональный формулам и выражениям.

Грамматика Семпере (первая версия) выходит в Валенсии в 1546 году и представляет собой яркий пример грамматик того времени: она сочетает в себе логику описания Небрихи в области морфологии и инновации того времени в области синтаксиса. Кроме того, она отличается от работы Небрихи большей лаконичностью. Структура работы следующая: первая часть посвящена морфологии, вторая синтаксису. Кроме того, Семпере использует испанский язык как один из дидактических инструментов и приводит краткий раздел о

глагольной морфологии на испанском языке [Sánchez 2002: 273- 275].

Грамматика Тамары, опубликованная в Антверпене в 1550 году, также относится к типу грамматик, основной характеристикой которой была дидактическая направленность, лаконичность и ясность. Работа состояла из нескольких книг: «Suma y erudición de gramática en metro castellano, «Instrucción latina, muy compendiosa y útil para los principiantes» и «Grammatices rudimenta». Издание, которое описывается в данной работе, состоит из первых двух книг, а также отдельной книги, посвященной вопросам метрики, слоговой структуры слова, стилистики и риторики, которая не рассматривается. Первая книга предназначалась для старших курсов, а вторая – для младших (для детей) ([Charlo Brea 2003: 128-135]). Особенностью данной работы является, в первую очередь, то, что она написана на испанском языке, однако в качестве объекта описания используется латинский язык. Отличает данную работу также то, что при описании автор опирался, помимо грамматики Небрихи, и на работы других авторов (Альд Мануций, Донат), а также то, что она написана в стихах. Структура работы (две книги) следующая: первая книга состоит из пролога, раздела о фонетике, морфологии и синтаксиса, вторая книга целиком посвящена морфологии.

2.2. Грамматики испанского языка

В шестнадцатом веке с расширением владений испанской империи, в частности, с включением в ее состав некоторых земель центральной Европы (Фландрия, Бельгия, некоторые территории Италии), с возрастающим могуществом испанской Короны, а вместе с этим и с возрастающим престижем испанского языка, а также с установлением более тесных экономических, социальных и культурных связей с европейскими странами возникает необходимость обучения испанскому носителей других языков и, как следствие, создания пособий по испанском языку (о дополнительных причинах см. [Roldán Pérez 1976: 201-230]). В эту эпоху начинает появляться особый тип грамматик, прикладные грамматики романских языков, в том числе грамматики испанского

языка. Так, в Лювене появляется в 1555 году анонимная грамматика «Util y breve institucion para aprender los proncipios y fundamentos de la lengua hespañola», авторство которой, согласно [Roldán Pérez 1977], приписывается выходцу из Толедо Франсиско Вильялобосу (Francisco Villalobos). В Антверпене в 1558 году выходит грамматика Габриеля Мерье «Breve instruction contenante la manière de bien prononcer & lire le François, Italien, Espagnol et Flamen y Coniugaisons, règles et instructions mout propres et nécessairement requises pour ceux qui désirent apprendre françois, Italien, Espagnol et Flamen». Также в Лювене в 1559 появляется грамматика анонимного автора «Gramática de la lengua vulgar de España». В Неаполе в 1560 году выходит грамматика Алессандри д'Урбино «Il paragone della lingua Toscana et Castigliana», в Венеции в 1565 году публикуется «Osservationi della lingua Castigliana» Джовани Миранада, в Париже в 1550 выходит грамматика Луи Мегре «Le tretté de la grammére françoéze». Грамматика Антонио дель Корро «Reglas gramaticales para aprender la lengua española y francesa, confiriendo la vna con la otra, segun el orden de las partes de la oration latinas» печатается в Оксфорде в 1586 году, однако, как указывает Санчес Перес, грамматика была создана не позднее 1560 года [Sánchez Pérez 2005: 23–44], что дает основание рассматривать ее наряду с другими грамматическими сочинениями, которые могли оказать влияние на лингвистические концепции Доминго де Санто Томаса. Из приведенных выше работ для описания и анализа используются две анонимные грамматики, 1555 и 1559 годов, соответственно, а также грамматика дель Корро. Кроме того, в круг анализа будут включены еще две грамматики иного, более теоретического, методологического типа – испанская грамматики Небрихи (1492) и грамматика Вильялона (1558). Подобный выбор обусловлен тем, что авторы данных работ являются испанцами по происхождению, а также тем, что они были созданы до 1560 года включительно, то есть в период, когда грамматика Томаса еще опубликована не была, и автор, гипотетически, мог ознакомиться с их содержанием и тем или иным образом включить свои наблюдения в создаваемую им грамматику кечуа.

Из общих характеристик первых трех грамматик можно отметить прикладную, дидактическую направленность и, как следствие, краткость описания; практически полное отсутствие определений; опора на греко-латинский канон при описании языковых явлений; сосредоточение внимания на орфографии и морфологи, отсутствие раздела (кроме дель Корро), посвященного вопросам синтаксиса; описание преимущественно словоизменительных категорий (род, число и падеж), внимание к категории артикля, падежам (и соотношению падежа и артикля / предлога); при описании местоимений – обращение внимание на личные, указательные и посессивные, которые представляются в качестве производных. Кроме того, отмечается внимание к проблеме обозначения языка, служащего объектом описания («castellano», «hespañol», «vulgar» и так далее). Что касается целевой аудитории, то рассматриваемые грамматики позиционировалась как учебные пособия для людей, незнакомых с испанским языком [Колтунова 2012: 38].

Представим краткую характеристику этих работ.

Грамматика 1555 года, как отмечает [Roldán Pérez 1977], была достаточно популярна в свое время и оказала некоторое влияние на последующие работы (в том числе и на грамматику 1559 года). Данная работа состоит из нескольких частей. В первой части автор представляет описываемый им язык, приводит некоторые комментарии относительно правильного наименования и происхождения испанского языка, проводит его сравнение с латинским языком. В второй части он описывает фонетику. Наконец, в третьей части он описывает морфологию: представляет части речи (8 традиционно выделяемых в грамматике латинского языка и артикль), отдельно описывает каждую из них (артикль, имя, приводит парадигмы имени с артиклями и предлогами, местоимения, глагол, неизменяемые части речи, отдельно рассматривает компаративы и суперлативы, диминутивы и патронимы, отдельно описывает заимствования). В конце он приводит примеры религиозных текстов на испанском и других языках.

Грамматика 1559 года, как уже было отмечено, написана на испанском языке и состоит из нескольких разделов. Первую часть автор посвящает описанию языков Испании. Отдельно он останавливается на испанском языке, разбирает вопрос о связи испанского языка с латынью, упоминает о делении грамматики на орфографию, этимологию, синтаксис и просодию, во второй и третьей частях грамматики содержится описание орфографии и этимологии, соответственно; автор отмечает важность словоизменительных категорий, отдельно описывает артикль, имя, местоимение и глаголы.

Грамматика дель Корро, опубликованная значительно позже 1560 (1586), написана в основном на испанском с некоторыми комментариями на французском языке и посвящена описанию как испанского, так и французского языков. Она состоит из следующих частей: двух прологов, описания традиционно выделяемых разделов орфографии, этимологии и синтаксиса.

Помимо сугубо прикладных появляются также и работы с элементами теоретических грамматик, то есть таких, в которых внимание уделяется не только конкретным деталям и формам реализации того или иного языкового явления, но и описанию и анализу языковых явлений как таковых (хотя при этом прикладной характер не теряется). К таким работам можно отнести грамматику Небрихи «Gramática castellana» (1492, Саламанка) и Вильялона «Gramatica castellana. Arte breve y compendiosa para saber hablar y escrevir en la lengua Castellana congrua y decentemente» (1558, Антверпен).

В качестве цели написания работ авторы называют идею описания испанского языка в категориях, служивших для описания латинского языка, для придания испанскому более высокого статуса, то есть авторы поднимают тему защиты и прославления родного языка (1) (здесь и далее номер ссылки указывает номер цитаты источника в Приложении).

Подобные работы отличаются большей эксплицитностью, наличием определений и авторской рефлексии по поводу описываемых явлений, а также тем, что в них внимание уделяется всем разделам языка. В трактовке

рассматриваемых языковых явлений и в подходе к структуре работы авторы сильно рознились между собой.

В качестве особенностей работы Вильялона можно отметить выделение всего трех классов слов: имени, глагола и частиц. Он описывает только словоизменительные категории, делает акцент на семантике, не делит местоимения по классам, то есть не выделяет указательные, посессивные и др. Структурно работа Вильялона состоит из следующих разделов: пролог, вступление (содержащее общие слова про терминологический аппарат и набор описываемых категорий, представление о членимости языка на предложения, части речи, слоги и звуки), описание частей речи (имени, местоимений и глагола), описание некоторых проблем синтаксиса и стилистики, освещение вопросов фонетики, орфографии и пунктуации.

Среди отличительных особенностей грамматики Небрихи можно назвать то, что во многом логика описания испанского языка повторяет ту, что использовалась при описании грамматики латинского языка (структура, определение явлений, состав акциденций и так далее). Из отличительных особенностей можно назвать выделение в составе частей речи особых единиц («причастные имена»), переосмысление некоторых явлений (более подробно см. [Baldischwieler 2004]). По своей структуре работа делится на три части: пролог, теоретическая (первая–четвертая книги) и более практическая (пятая) книга. Первая книга посвящена орфографии и фонетике, вторая – просодии и типам слогов, третья морфологии, четвертая – синтаксису, а также разнообразным стилистическим и риторическим фигурам. Пятая книга представляет собой краткое изложение вопросов фонетики и слоговой структуры слов, а также отдельных вопросов морфологии (имя, глагол, местоимение).

2.3. Грамматики семитских языков

Интерес к арабской культуре и к арабскому языку среди христиан, живших на территории Пиренейского полуострова, появляется уже в VIII веке с момента появления их носителей на данной территории. Однако более и менее

серьезное изучение культуры и языка начинается в XIII веке в период правления Альфонса X. Среди причин возросшего интереса к арабскому языку обычно называют открытие некоторых работ Аристотеля, переведенных на арабский, развитие торговых и культурных связей с арабским миром, а также необходимость полемики с проповедниками ислама для успешной деятельности христианских миссионеров. В качестве одного из следствий подобного интереса стало появление в Толедо Школы переводчиков. Кроме того, появляются первые лексикографические работы на территории христианских королевств Пиренейского полуострова: «El Vocabularium arabico-latinum et latino-arabicum» Раймунда Марти [Vidal Castro 2001: 322]. Важную роль также играли монашеские ордена (орден святого Иеронима, Доминика и Франциска).

Тем не менее, к началу XV века интерес несколько спадает (хотя стоит отметить Собор в Вене, по результатам которого был издан указ об учреждении в крупных университетах Европы (в том числе и в Саламанке) кафедр для изучения восточных языков (в том числе и арабского)).

Новый толчок к изучению арабского языка в Испании возникает в конце XV века с падением Гранады и окончательным отвоевыванием Пиренейского полуострова христианскими королевствами. Основным стимулом становится необходимость в пропаганде католической веры среди остававшегося мусульманского населения. Так возникает «Escuela Arábica Catequista», а также появляется в 1505 году первая грамматика диалекта арабского языка Педро де Акала.

Тем не менее, хотя в XVI веке и возникает некоторое количество работ по арабской культуре, в общем и целом со второго десятилетия XVI века интерес к арабскому языку практически сходит на нет (очередная работа по арабскому языку появляется только 90 лет спустя). К причинам подобного явления авторы относят [Vidal Castro 2001: 324] деятельность церкви (инквизиции), кардинала Сиснероса, самих правителей, которые в начале XVI века изгоняют морисков из-за угроз новых восстаний, а также открытие Америки, куда смещается все

внимание.

2.3.1. Грамматика Педро де Алкала.

Грамматика Педро де Алкала, сначала под название «El Arte para ligera mente saber la lengua arauiga», а затем «Arte para ligeramente saber la lengua arauiga emendada y añadida y segundamente imprimida» появляется в начале XVI века (в 1505 – первая версия и в 1506 – вторая) вместе со словарем «Vocabulista arauigo en letra castellana» [Zwartjes 2014: 754] (комментарии относительно различий между версиями 1505 и 1506 гг. см. в [Zwartjes 1992: 654]).

В качестве объекта описания был выбран не классический арабский язык, а непосредственно язык населения юга современной Испании, а именно разговорный вариант диалекта арабского языка, распространенный в Андалусии (гранадский диалект, по мнению [Zwartjes 1992:655]), который в фонетическом и грамматическом отношении несколько отличался от классического арабского. (Тем не менее, согласно [Zwartjes 1992: 663] со ссылкой на [Corriente 1977], де Алкала в некоторых случаях приводит описание языковых явлений литературного арабского языка вместо того, чтобы описывать факты диалекта.) Для обозначения первого он использует сочетание «comun habla», для второго «lengua de los alfaquis», «arauigo» (2). При этом автор (а также издатель) при передачи арабских языковых единиц пользуется латинским алфавитом (в некоторых случаях слегка модифицированным) и не использует арабскую вязь.

Целью написания грамматики было создание пособия как для миссионеров, которым бы оно помогло осуществлять свою деятельность на языке целевой аудитории, так и новообращенным в христианскую веру [Zwartjes 2014: 756]. В связи с этим в качестве языка описания автор использует испанский, а не латинский язык. Более того, автор отмечает, что его работа обращена к тем, кто уже обладает некоторыми представлениями о латинской грамматике (3). Из этого (а также из других его комментариев) следует, что данная работа носила всецело прикладной, а не теоретический характер.

Из анализа самой грамматики можно заключить, что в основном автор полагается на терминологический и понятийный аппарат латинской грамматики, то есть при описании диалекта арабского языка применяет категории латинского языка, что приводит в некоторых случаях к неточной интерпретации. Так, например, автор выделяет те же части речи в диалекте арабского языке, которые выделялись в латыни, а у каждой части речи выделяет определенный набор акциденций, которые было принято выделять в грамматике латинского языка, и рассматривает часть явлений сквозь понятийный аппарат модели, построенной на основе грамматики латинского языка (словообразование, количество падежей, парадигмы склонения, местоимения и т.д). Некоторые исследователи, например, [Zwartjes 1992, 1993], усматривают в данном произведении влияние грамматики латинского языка Небрихи, а также трудов Исидора Севильского.

При этом, хотя автор и пользуется понятиями латинской грамматики, позиционируя их в качестве универсальных, тем не менее он допускает некоторые вариации в отношении их реализации, о чем он и сам заявляет (4). (Более того, как отмечает [Zwartjes 2010: 71] со ссылкой на [Corriente 1977], де Алкала не обладал глубокими познаниями в латинском языке.) Так, например, он выделяет всего два «спряжения», два наклонения, два рода, три числа. Кроме того, при описании некоторых явлений арабского языка, которые отсутствовали (или были маргинальными) в латинском языке, автор прибегает к испанскому языку, а также к терминологии на арабском языке (согласно [Zwartjes 1992:654] со ссылкой на [Cowan 1983], де Алкала использует 18 терминов на арабском языке в первой части, добавляет еще один во второй части, а также пользуется представлением об артикле). Также в его работе усматривается влияние арабской традиции в организации материала (автор приводит сначала описание имени, глагола, а затем остальных частей речи). Тем не менее, стоит отметить, что собственно традиция описания классического арабского языка практически (кроме описанных аспектов) не оказала влияния на автора (среди причин

[Zwartjes 1993:262; 1992: 654] отмечает тот факт, что сам автор непосредственно не был знаком с грамматиками арабского языка и получал основную информацию от исламских богословов–законоведов (факихов)).

Что касается структуры грамматики (ее второй версии), то она состоит из пролога, тридцати восьми глав, посвященных описанию языковых явлений (фонетике, морфологии, слоговой структуре слов) и около двадцати текстов, тем или иным образом связанных с концептами и понятиями христианской веры, в двуязычном (испанский – арабский) варианте или только на арабском. Кроме того, после грамматики следует словарь «Vocabulista arauigo en letra castellan».

В прологе, обращенном непосредственно к заказчику работы Эрнандо де Талавера, автор обращается к нему с похвалой за его работу по обращению мусульман в христианство и с критикой исламской религии, а также излагает собственно идею создания грамматики, видение целевой аудитории и приводит размышления о применении латинского канона к описанию диалекта арабского языка.

Глава первая посвящена вопросам фонетики и графики, во второй главе приводится краткий обзор классов слов, выделяемый в арабском языке, а также именных акциденций и аналоги латинских словоизменительных парадигм имени и глагола в арабском языке, третья–девятая – описанию акциденций имени, главы десятая–четырнадцатая посвящены местоимениям и местоименным аффиксам (данный термин используется вслед за [Гранде 2001: 373]), пятнадцатая–тридцатая – глаголу и его формам (в двадцать девятой главе также упоминаются и отглагольные имена), тридцать первая – союзам, тридцать вторая – предлогам, тридцать третья – междометиям, тридцать четвертая – диминутивам, тридцать пятая – отглагольным именам, тридцать шестая и тридцать седьмая и тридцать восьмая – фонетике и графике.

2.3.2. Грамматика Саморы

Активное изучение иврита в Испании в христианской среде начинается в первой половине XVI веке (более подробно о грамматиках иврита в Испании в

XVI веке см. работы [Perea Siller 2003] и [García-Jalón 1998]). Немаловажной фигурой, сыгравшей ключевую роль в этом, является фигура кардинала Сиснероса, благодаря стараниям которого, среди прочего, создается университет в городе Алкала де Энарес (в котором также открываются кафедры по изучению восточных языков) и начинается проект по созданию многоязычной Библии (текст на латыни, иврите и арамейском). Главной идеей проекта был пересмотр латинского варианта Вульгаты Св. Иеронима, а также выпуск доступного текста на иврите и арамейском. Для этого приглашаются Пабло Коронель (Pablo Coronel), Альфонсо де Алкала (Alfonso de Alcalá) и Альфонсо де Самора (Alfonso de Zamora), ответственные за латынь, арамейский и иврит, соответственно. Первоначально Небриха тоже принимал участие, однако после отказа от его идеи о пересмотре латинского варианта и его исправлении в соответствии с вариантом на иврите он прекратил данную деятельность. По завершении проекта, помимо собственно трех вариантов Священного Писания, создается грамматика иврита Альфонса де Саморы (1515), а также грамматика арамейского. Десятилетие спустя, в 1526 году автор выпускает несколько переработанный вариант своей грамматики под названием «Introductiones artis grammaticae hebraice nunc recenter edite».

Среди основных целей написания грамматики можно назвать следующие: необходимость грамматического пособия для понимания собственно текста Библии на иврите, систематизация, дополнение и исправление уже существующих описаний.

Среди источников, на которые мог опираться автор, исследователи указывают собственно латинскую грамматику (в частности, грамматику Небрихи (см. [Diez Merino 1989: 212]), а также грамматики иврита, написанные евреями и христианами (среди основных – грамматика Кимхи, которую сам автор издал и дополнил, а также грамматика Рехлина).

Обе версии работы отличаются прикладным характером: в них отсутствуют определения категорий и понятий (автор пользуется сложившейся в латинском

языке терминологией) (некоторые определения есть в первой версии, однако они не отличаются практически от определений латинских грамматик), заметно и отсутствие интереса к синтаксису (автор не выделяет особого раздела).

Среди основных характеристик можно назвать сильное влияние латинской грамматики. Так, автор пользуется латинскими терминами для описания языковых явлений иврита, даже для тех, которые отличались от латинского. Более того, само описание строится в логике латинской грамматики ([Diez Merino 1989: 220]). Среди более частных вопросов можно назвать следующие: еврейские породы обозначаются термином «спряжения» и вместо 7 современных [Коган 2009: 329] выделяются 4 (как и в латыни), при описании двух видов инфинитива используются аналоги из латыни.

Тем не менее, отмечаются и расхождения с латинским каноном, что связано с собственно влиянием традиции описания иврита, а также наблюдениями самого Саморы. Так, во второй версии автор организует описание несколько иначе (делит грамматику на три части (если не рассматривать фонетику): 1) имя, 2) глагол и 3) неизменяемые части речи и иррегулярные формы имен и глаголов. Также автор приводит иногда термины на иврите (а во второй версии он в конце приводит и краткий словарь: термины иврита – термины на латыни), а также переосмысливает некоторые термины латинского языка: под «conjugationes» понимает аспектуальные типы глагола, под «declinationes» типы числового словоизменения, под «casus» – формы слов с предлогами и так далее. Наконец, Самора приводит описание понятия о корне, а также аффиксов («litterae radicis» или «litterae substantiales» для корня, и «litterae accidentales» или «litterae servitii» для аффиксов). При этом он пользуется понятием о том, что некоторый звук или группа звуков может использоваться для обозначения как собственно лексического, так и грамматического значения.

Первую версию условно можно разделить на три части. Первая часть посвящена описанию фонетики, графики и орфографии, вторая часть – описанию частей речи (восьми, в соответствии с латинском каноном), а в

третьей части автор приводит среди прочего классификацию и описание морфем, которые используются для выражения грамматических значений, описание глаголов, которые претерпевают трансформации в корне, также предлагается алгоритм вычленения корня.

Вторая версия в содержательном плане мало отличается от первой. По мнению [García-Jalón 1998], она лишь отличается большей лаконичностью, большей эксплицитностью и дидактичностью. Дидактичность, в частности, проявляется в том, что автор отмечает, что не будет останавливаться на теоретических моментах (определение имени, его подклассов, категорий и так далее, как это было в первой версии), а даст описание собственно особенностям реализации того или иного значения. Автор эксплицирует логику отбора материала, отмечая, что рассматривает только то, что отличается от латыни. Кроме того, вторая версия несколько реструктуризована: первая часть посвящена вопросам фонетики и орфографии, вторая – имени, местоимению, глаголу и неизменяемым частям речи, в третьей рассматриваются нерегулярные, отклоняющиеся от общих правил, формы. Несколько меняется и структура описания, способ подачи материала. Так, например, описание аналогов производных имен помещается в самый конец раздела об имени. Также автор несколько отходит от описания по акициденциям и сосредоточивается на описании по категориям (например, при описании имени отмечает, что будет описывать только те явления, которые имеют особенность в иврите). Также, автор добавляет пролог, в котором разъясняет причины написания новой версии грамматики: неудовлетворенность существующими пособиями, в том числе и его собственным первым вариантом грамматики, и описывает достоинства новой версии (более информативная, более лаконичная и доступная для понимания), а также указывает на целевую аудиторию – ученики и ученые мужья.

2.4. Грамматики индейских языков.

С открытием Нового Света в орбиту внимания попали индейское

население и языки, среди которых были языки майя, чибча, а также науатль, пурепеча и кечуа, грамматическое описание которых нас интересует.

Интерес к языку науатль начинает возникать с момента захвата и последующего включения в социальную структуру испанского общества его носителей (то есть с 20-ых гг. XVI века). Появление подобного интереса можно объяснить двумя факторами. С одной стороны, миссионеры стремились обратить в свою веру новых подданных, в связи с чем вставала необходимость создания пособий, которые бы позволили проповедникам христианства успешно распространять религиозные идеи среди индейского населения. С другой стороны, часть интеллектуальной элиты, видя неуважение, а иногда и проявления агрессии и насилия по отношению к автохтонному населению, стремилась поднять его статус в глазах колониального и европейского общества посредством описания его языка, которое велось с использованием общечеловеческих, а, следовательно, и присущих индейцам тоже, понятий и представлений, воспринимавшихся в качестве знаков культуры и свидетельствующих о наличии у индейцев души, могущей воспринимать христианское учение.

Главную роль в создании грамматических описаний играли миссионеры из монашеских орденов. В частности, важную роль на территории Новой Испании (Мексики) играл орден францисканцев. Уже в первые годы после завоевания территории современной Мексики орден успешно осуществляет деятельность по катехизации индейского населения, изучению местных языков, а также организации социальной жизни. В середине XVI века на территории новой колонии активно функционировал Королевский колледж (Colegio de la Santa Cruz de Tlatelolco), в котором организовывалось обучение избранных представителей индейского населения с той целью, чтобы затем они могли помогать с обучением миссионеров индейским языкам, а также с распространением европейских культурных ценностей и католической веры [Téllez Nieto 2015: 10-18]. Помимо образовательной функции данное

учреждение выполняло и функции научного центра, в котором миссионеры занимались изучением индейских языков и составлением их грамматических описаний.

2.4.1. Грамматика языка науатль Ольмоса.

Грамматика Андреса де Ольмоса, созданная по инициативе Мартина де Охакастро (Martín de Hojacastro) и законченная в 1547 году, считается первым дошедшим до нас грамматическим описанием языка науатль, хотя, как на это указывают исследователи ([Téllez Nieto 2015], среди прочих), до нее уже существовали грамматики («Arte y vocabulario de la lengua mexica» Франсиска Хименеса (Francisco Jiménez), «Arte para aprender las lenguas mexicana y matlatzinca» (1542) Хуана де Рибаса (Juan de Ribas) и «Arte sobre el náhuatl» Алонсо Ренхеля (Alonso Rengel»)), которые, к сожалению, не дошли до наших дней. Более того, сам текст грамматики существовал до XIX века лишь в виде рукописей (известно, что таких было шесть экземпляров), поскольку автору было отказано в печати ввиду особых обстоятельств (более подробно см. [Amate Blanco 1992: 518]). Первая грамматика науатля, которая вышла в печатном виде, принадлежит Алонсо де Молина (Gramática de la lengua mexicana). Она была опубликована в 1571 году. Первой же изданной работой по языку науатль вообще считается словарь (Vocabulario de la lengua náhuatl) того же автора, который вышел в свет в 1555 году [Téllez Nieto 2015: 51]. Несмотря на то, что грамматика Ольмоса не была напечатана, она оказала сильное влияние на многих миссионеров, авторов работ по описаниям индейских языков (среди прочих в [León-Portilla 2009] приводятся Жильберти и Молина). Помимо собственно науатля, автор владел и другими индейскими языками (создал «Arte y Vocabulario de la lengua totonaca» и «Arte y Vocabulario en lengua huasteca», которые не дошли до нас), также он владел языками отоми и баскским ([Téllez Nieto 2015: 53]).

Цель работы Ольмоса – прикладная, а именно создание учебного пособия для христианских проповедников. При этом, как и в случае с другими

грамматиками неиндоевропейских языков, автор ориентируется на тех, кто обладал уже какими-либо знаниями об устройстве латинского языка (хотя он и не отмечает это эксплицитно, это ясно из структуры работы и способа подачи материала). В качестве источника автор использовал уже существующие грамматики, а также информацию, полученную от самих носителей.

В качестве языка описания он использует испанский. В качестве метаязыка – латинскую терминологию и понятия, переведенные на испанский. При этом, как это отмечает сам Ольмос и подтверждают исследователи [Téllez Nieto 2015: 2], автору при создании работы в качестве ориентира послужила латинская грамматика Небрихи. Следование ей обнаруживается, например, в использовании многих терминов, в выделении частей речи и их акциденций (5).

Тем не менее, грамматика Ольмоса отличается значительной степенью новаторства и отходит от латинского канона.

Во-первых, это обнаруживается в организации самого материала. Так, например, автор начинает свое описание с местоимения, а не имени, как это было принято в грамматиках латинского языка, осознавая важную роль местоимений и местоименных аффиксов [Téllez Nieto 2015: 99-101]. Не останавливается он на вопросах просодии, не приводит кратких списков словоизменительных парадигм глаголов или имен. Кроме того, автор несколько отходит от традиционного способа описания языковых явлений по акциденциям. Так, при описании имени он сначала приводит описание словоизменительных категорий, затем явлений словообразования, отдельно описывает способы выражения диминутивности, прагматических значений, например, уважение, пренебрежение, и идеи сравнения.

Во-вторых, автор исключает из описания некоторые грамматические особенности латинского языка (склонение, род, супин), то есть считает их незначимыми для науатля (6).

В-третьих, Ольмос активно пользуется понятием о морфеме (не эксплицированным, хотя в некоторых случаях он и обращается к особым

терминами «prefijo de objeto», «partículas»), а также использует понятие о инкорпорации (подробнее см. статью [Monzón 1995]).

Исследователи (в частности, [Téllez Nieto 2015:74]) делят сочинение Ольмоса на три части: первая часть состоит из трех прологов, вторая – из описания собственно грамматики языка науатль, третья включает в себя разнообразные фразы и выражения идиоматического характера на языке науатль и их аналоги на испанском, а также тексты нравоучительного характера, некоторые комментарии относительно глагольного класса и словарь [Téllez Nieto 2015: 74]. Собственно грамматика также состоит из трех частей. Первая часть посвящена общему представлению науатля в сравнении с латинским языком с комментариями о расхождениях между ними, описанию местоимений и местоименных аффиксов и имени. Вторая часть целиком посвящена глаголу. Третья часть посвящена описанию предлогов, наречий, числительных, союзов и междометий, а также фонетике, графике и способам передачи на науатле разнообразных типов сложносочиненных предложений испанского языка (условных, временных, целевых).

Грамматика пурепеча Жильберти

Деятельность францисканцев разворачивалась не только в ареале распространения языка науатль, но и на других территориях. Так, в частности, важную роль (после провинции Санто Эванхелио) играла провинция Мичоакан, на землях которой до появления испанцев активно развивалось государство пурепеча (по другой терминологии – тараски) и на которой был распространен язык пурепеча [León-Portilla 1996]. В доколумбову эпоху пурепеча оказывали активное сопротивление экспансии ацтеков, сохранили свою языковую идентичность и тем самым представляли цивилизационный и религиозный интерес для испанских миссионеров. В результате уже в 1558 году появляется грамматическое описание языка пурепеча, созданное миссионером–францисканцем Жильберти Матурино.

Грамматика Жильберти (информацию о его биографии и полный список

работ см. у [Lucas González 2003: 30]), миссионера ордена францисканцев, вышедшая в свет в Новой Испании в 1558 году (вместе с ней выходит лексикографическая работа автора «Vocabulario en la lengua de Mechoacan»), является первой опубликованной дошедшей до нас грамматикой индейского языка, написанной на испанском.

При создании работы автор также руководствовался, подобно другим миссионерам, сугубо прикладными целями: создание учебного пособия для других миссионеров ради обеспечения успешной катехизации автохтонного населения. Кроме того, как отмечает сам Жильберти, в его задачи входила переработка существующих пособий по языку пурепеча и создание нового и качественного описания (7).

Объектом описания является язык пурепеча, язык местного населения, проживавшего (и до сих пор живущего) на территории современного штата Мичоакан (Мексика). Автор опирался как на уже существующие пособия по языку пурепеча, так и на данные, полученные от информантов.

В качестве языка описания используется испанский, в качестве метаязыка и языка понятийного аппарата – преимущественно латинский терминологический аппарат в его переводе на испанский язык. В качестве основных грамматик латинского языка, на которые автор мог опираться, исследователи ([Monzón 1995]) приводят грамматики латинского языка Небрихи и Диспаутериуса.

Влияние латинского канона проявилось в том, что автор приводит парадигмы склонения имени, глагола и местоимения, выделяет роды у имени и роды у глагола, два футурума, рассматривает восемь частей речи, выделяет у имени роды и падежи, у глагола роды и так далее.

Тем не менее, наблюдаются и заметные расхождения с латинским каноном (как отмечает [Monzón 1995: 254], расхождения наблюдаются даже с его собственной грамматикой латинского языка): с одной стороны, автор обращается к устройству испанского языка (хотя в меньшей степени, чем Ольмос или де Алкала), а с другой, к собственным наблюдениям и, вероятно, к

уже созданным пособиям по языку пурепеча (6).

Автор активно (даже активнее, чем Ольмос) пользуется представлением о корневых и аффиксальных морфемах. Как отмечает [Monzón 1995: 256], Жильберти использует данное понятие так же, как оно используется в современных описаниях, а именно рассматривается как отношение «форма морфемы – значение морфемы», а не как «форма слова–дополнительный компонент значения у слова», как это было у Ольмоса (см. большой раздел по описанию значений аффиксов у Жильберти), также он пользуется понятиями личность / неличность и одушевленность / неодушевленность как релевантными для грамматики. Кроме того, автор также допускает различные вариации для реализации некоторых латинских явлений (падежей, наклонений).

Структурно грамматика делится на три части (не считая пролога, в котором среди прочего кратко обсуждаются проблемы фонетики и графики). В первой части представлены, как уже было сказано, склонения имени, глагола и местоимений, во второй – описание собственно 8 частей речи, а также представлены термины родства и иные понятия, связанные с институтом семьи. Наконец, в третьей части представлены вопросы графики и фонетики, дано описание глагольных морфем и счетной системы пурепеча, среди прочего ([Lucas González 2004: 34-38].

3. Миссионерская грамматика языка кечуа Доминго де Санто Томаса

Доминго де С. Томас родился в 1499 году в Севилье, вырос, как предполагает [Cabrera 1987: 24], в семье новых христиан, то есть, вероятно, мог быть знаком с арабским языком и ивритом (и как следствие, с грамматическими учениями по данным языкам), даже если это не так, национальная особенность могла как-то сказаться на его интересе, с одной стороны, к этническим меньшинствами и их правам, а с другой стороны, к тому языку (иврит, арабский, кечуа), на котором они говорили. Благодаря покровительству Диего де Дьеса (Diego de Dieza) он был принят в монашеский орден доминиканцев, образование получал сначала в образовательном учреждении Святого Павла (el

colegio de San Pablo), а затем Святого Фомы Аквинского (el colegio de Santo Tomás), впоследствие ставший на некоторое время крупным университетом. Как отмечает [Cabrera 1987: 15-25], особенностью этого последнего учреждения являлось его связь с миссионерской деятельностью, а также внимание к гуманистическим идеям защиты индейского населения. К сожалению, нет точными сведениями о том, какие именно грамматики латинского и других языков использовались при обучении как в одном, так и в другом учреждении. До 1529 года Томас работал в обоих заведениях. Информации о деятельности Томаса с 1530 до 1540 (года отплытия в Южную Америку) практически нет. С 1540 года по 1555 год Томас осуществлял миссионерскую и гуманитарную деятельность (катехизация индейского населения и защита индейского населения от эксплуатации со стороны испанских колонистов) в Перу, в частности в окрестности Трухильо и Чикамы (Trujillo и Chicama), на побережье современной территории Перу. Как полагают исследователи ([Cerrón-Palomino 1995: XVI], в частности), именно разновидность (диалект) кечуа, существовавшая на побережье, была зафиксирована Томасом в грамматике (в словаре автор обращается и к другим диалектам). В этот период, помимо собственно миссионерской деятельности, он также основывал школы по обучению индейского населения, участвовал в составлении первой официальной христианской доктрины Перу и составлял грамматическое и лексикографическое описание кечуа. В 1556 году он возвращается в Испанию. В Европе Томас находился до 1561 года. Среди основных мест, в которых он был, фигурирует Испания, Фландрия, Брюсель (аудиенция у короля), Германия, Италия (Рим). Данная информация является существенной, поскольку именно в этот период за пределами Пиренейского полуострова, в частности, в некоторых городах Фландрии, начинают появляться грамматики испанского языка как иностранного, с которыми Томас во время своего путешествия мог познакомиться (что дает основание использовать их для анализа). Во время своего пребывания в Европе Томас вел активные беседы с де лас Касас,

главным сторонником и защитником индейского населения. Вместе они смогли убедить Филиппа II повременить с решением о передаче прав на земли колониальным властям.

Грамматика и словарь были опубликованы в Вальядолиде в 1560 году в королевском издательстве Франсиско Эрнандеса де Кордовы (Francisco Hernandez de Córdova). Согласно [Calvo Pérez 2013: 12], было напечатано 1500 экземпляров, которые впоследствии были отправлены в Перу в качестве единственных на то время в своем роде систематизированных печатных учебных пособий по кечуа. С 1561 до 1570 (года смерти) Томас находился и осуществлял свою деятельность в Перу. К концу жизни он стал епископом Чаркас

В качестве основных целей создания грамматики исследователи ([Cerrón-Palomino 1995], среди прочих) называют создание учебного пособия для миссионеров, а также описание кечуа в категориях грамматики латинского языка для придания ему адекватного статуса.

В качестве целевой аудитории, пользователей грамматики, предполагаются священнослужители, при этом такие, которые уже знакомы с латинской грамматикой, ввиду чего автором опускаются комментарии теоретического характера относительно сущности того или иного языкового явления.

Структурно грамматика делится на следующие части: два пролога, в которых объясняется специфика работы и ее цели, 25 глав основного текста и текст проповеди на кечуа и испанском. Первая глава посвящена фонетике и общему обзору частей речи, вторая–четырнадцатая главы посвящены описанию восьми частей речи (специальные главы выделяются для глагола и глагольных номинализированных форм, которые Томас представляет как инфинитив, причастие и герундий), пятнадцатая–двадцатая главы – некоторым частностям (имена собственные или патронимы, в терминологии Томаса, диминутивы, способы передачи идеи сравнения (компаративы и суперлативы у Томаса), грамматические показатели атрибутивных предложений (релятивы), наречия

места и числительные); двадцать первая глава посвящена синтаксису главных членов предложения, согласованию и управлению, двадцать вторая и двадцать третья главы – разнообразным лингвокультурологическим особенностям языка кечуа (клятвы, приветствия, имена родственников, имена собственные, звуки животных), а также разнообразным аффиксам кечуа, которые Томас рассматривал в качестве «средств украшения» (partículas de ornato); двадцать четвертая глава посвящена риторическим фигурам (в понимании Томаса) и, наконец, двадцать пятая – просодии и слоговой структуре слова. В конце автор приводит текст проповеди на языке кечуа и испанском.

Среди основных характеристик, которые связывают грамматику Томаса с греко-латинским каноном и, в особенности, с грамматикой Небрихи, исследователи [Cerrón-Palomino 1995], [Calvo Pérez 2013]) называют следующие: деление грамматики на четыре части (орфография, этимология, синтаксис и просодия), выделение восьми частей речи, поиск аналогов семи падежей, выделяемых в грамматике Небрихи, описание именных форм с притяжательными аффиксами в качестве производных местоимений, описание герундия и причастия (с их разновидностями), выделение пассивных конструкций, поиск аналогов в кечуа для всех временных значений латинского языка, а также включение в парадигму глагольных форм сложного футурума, позиционирование падежных аффиксов в качестве предлогов.

Среди наиболее характерных «инноваций» Томаса отмечают отрицание наличия рода, выделение инклюзивных и эксклюзивных местоимений, допущение выражения значений перфекта и презенса одной формы, описание аналитический форм для выражения идеи сравнения.

Идеологический компонент усматривают в селективной подаче материала, в частности, в представлении примеров, тем или иным образом связанных с религиозным дискурсом.

Среди источников материала грамматики исследователи (например, [Cabrera 1987: 232-251]) называют, помимо собственно индейцев–носителей

языка, также существовавшие до работы Томаса грамматики и всевозможные карточки (cartillas) с текстами проповедей и катехизисов.

Комментируя «судьбу» грамматики, исследователи [Calvo Pérez 2013: 12] отмечают, что после Третьего Лимского Собора она перестает восприниматься в качестве значимого учебного пособия, поскольку диалект, который она фиксировала, теряет статус престижного, начинает возвышаться диалект Куско, описанию которого посвящаются последующие грамматики. Однако, при этом, последующие грамматисты так или иначе опираются на работу Томаса, хотя и критикуют его.

4. История лингвистического описания грамматики Доминго де Санто Томаса

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных разнообразным аспектам, связанным тем или иным образом с деятельностью Томаса и его лингвистическими сочинениями. Ввиду того, что в большинстве работ обычно затрагиваются не единичные аспекты, а комплексная проблематика, общий корпус исследовательских работ, посвященных Томасу, может быть разделен на части по следующим критериям: по времени появления (первые упоминания в хрониках XVI и XVII веков и в работах грамматистов, работы XIX и первой половины XX века, в которых работы Томас «заново открываются», и более детальные и подробные публикации работ второй половины XX – начала XXI века); по странам (Перу, Испания, Франция); по информационной наполненности (большие многоаспектные исследования, статьи или заметки). Для работы был выбран способ представления обзора литературы следующим образом. Сначала будут представлены исследовательские работы, посвященные биографии Томаса, затем работы, в которых грамматика Томаса является основным объектом описания. После этого будут представлены работы исследователей, в которых грамматика Томаса включается в общую проблематику миссионерской лингвистики и рассматривается вместе с работами других ренессансных

авторов.

Наиболее подробное описание жизни и деятельности Томаса (с опорой на хроники и существующие биографические описания) представлено в диссертации [Cabrera 1987]. Помимо собственно биографических данных (место рождения, социальный статус, сфера деятельности, основные достижения), автор останавливается на той сфере деятельности Томаса, которая была связана с распространением католической веры в Испании и в колониях Нового Света, с защитой прав индейского населения и борьбой с колониальным обществом и с созданием первого системного и полного грамматического и лексикографического описания языка кечуа. Кроме того, особый акцент исследователь делает на влиянии гуманистических идей де лас Касас на идеи Томаса. Основная информация почерпнута исследователем как из хроник XVI и XVII веков («El Primer nueva corónica y buen gobierno» Гуаман Пума де Айала (Guaman Puma de Ayala), «Crónica del Perú» Педро Сьеса де Леон (Pedro Cieza de León), «Origen de los indios de el Nuevo Mundo e Indias Occidentales» Грегорио Гарсия (Gregorio Gracía), «Comentarios reales de los incas» Инка Гарсиласо де ла Вега (Inca Garcilaso de la Vega), «Tesoros verdaderos de las Indias» Хуана Мелендес (Juan Meléndez)), в которых упоминается та или иная сторона жизни автора или дается его характеристика, а также работ исследователей двадцатого века: пролог к одному из первых комментированных изданий грамматики Томаса [Vargas 1947], к изданию 1951 года [Porras Berrenechea 1951]. Кроме того, достаточно полно биография автора представлена в прологе к критическому изданию словаря Томаса [Calvo Pérez y Urbano 2013], а также в несколько более сжатом виде в прологе к изданию [Cerrón-Palomino 1995]. Стоит при этом отметить, что данный список не является полным, помимо указанных работ существует большое количество статьей, в которых в кратком виде освещаются основные вехи жизни Томаса и основные его достижения.

Что касается собственно описания лингвистических идей Томаса и грамматики кечуа, в которой они были изложены, то из наиболее полных и

последовательных работ, которые посвящены наследию данного автора, можно отметить следующие работы: статья [Cisneros 1951] и вступительная статья к упоминавшемуся ранее критическому изданию грамматики [Cerrón-Palomino 1995]. В первой из них грамматика Томаса анализируется в отношении к греко-латинскому канону, а конкретнее, сравнивается с грамматиками латинского и испанского языка Небрихи. Рассматривая каждую структурную единицу (главу) грамматики Томаса и сравнивая ее с работами Небрихи, Сиснерос отмечает те черты в работе доминиканца, которые тем или иным образом повторяют идеи Небрихи. Более того, исследователь поднимает проблему источников работы Томаса, решая ее в пользу того, что доминиканец опирался не только на грамматику испанского языка, но и на грамматику латинского языка Небрихи.

Во второй работе грамматика Томаса описывается с точки зрения адекватности представленной в ней модели описания кечуа (хотя анализ связи с латинском каноном также присутствует). Автор останавливается на каждой главе грамматики и комментирует как аспекты работы доминиканца, которые вызывают критику с позиции современных идей об устройстве кечуа (например, выделение пассивного залога), так и те, которые внесли важный вклад в современную лингвистику (например, факультативное использование показателя множественного числа -kuna в языке кечуа XVI века).

Стоит особо отметить, что ни Серрон-Паломино, ни Сиснерос не представляют исчерпывающего описания, а затрагивают лишь некоторые аспекты проблематики, на что в принципе указывает и сам Серрон-Паломино [Cerrón-Palomino 1995: XXI].

Важно также отметить, что при анализе влияния работ Небрихи на описание Томаса авторы указывают, что латинская модель, хотя и повлияла на Томаса, однако не во всем. Так, некоторые аспекты, которые описаны в соответствии с ней, объясняются особенностями задачи написания: представить кечуа в качестве «человеческого» языка, отметив в нем все те аспекты, которые были присущи латинскому языку.

Помимо собственно анализа грамматического описания в свете определения степени влияния традиции и / или соответствия современным представлениям, в данных работах (в том числе и в [Cabrera 1987]) освещается также другая проблематика (хотя и связанная с вышеупомянутой). Внимание уделяется проблеме определения диалекта кечуа, зафиксированного Томасом. Также исследователи внимание обращают на определение целей и задач написания работы. Кроме того, важным представляется выявление культурно-антропологической ценности грамматики. В частности, наличие в грамматике Томаса некоторого пласта описания культурных реалий инкского общества характеризует грамматику Санто Томаса как важного источника информации по устройству индейского общества. Кроме того, авторы рассматривают проблему определения дальнейшей судьбы грамматики и ее влияния на развитие миссионерской лингвистики.

Другие работы, большинство из которых появились позже, в принципе останавливаются на тех же проблемах. Их авторы представляют либо более детализированное изложение каких-либо аспектов, либо включают работу Томаса в более обширный контекст (например, в контекст других миссионерских грамматик).

Среди наиболее значимых работ, в которых представлен системный анализ работы Томаса стоит отметить работу [Gordillo 2012]. Хотя центральной фигурой является другой автор грамматики кечуа, – Диего Гонсалес Ольгин, – тем не менее, грамматика Томаса упоминается при анализе практически всех важных теоретических вопросов, которые выделяет автор. В этой работе к разбору основных проблем добавляются и некоторые другие, в частности, роль испанского в качестве метаязыка, особенность целевой аудитории и так далее. Кроме того, более обстоятельно исследуется латинская традиция (хотя и с уклоном в латинские грамматики XVI века). Более того, в данной работе представлен один из наиболее полных обзоров критической литературу по всей миссионерской лингвистике и, в частности, по историографии работ по кечуа.

Стоит однако оговориться, что несмотря на подробность сравнения, идеи Томаса представлены в этой работе лишь в очень общем виде.

Из других работ, освещающих сразу несколько теоретических вопросов, указанных выше, стоит отметить статью [Calvo Pérez 2013]. Автор в основном придерживается идей вышеуказанных исследователей (работы которых он упоминает, на чьи идеи он также опирается), лишь в некоторых случаях дополняет их, в чем-то критикует (например, в излишней критичности при оценки некоторых аспектов работы Томаса) и конкретизирует некоторые детали (устанавливает преемственность традиции не только от Небрихи, но и от Доната и Присциана, например). Кроме того, для анализа он также привлекает словарь языка кечуа, составленный Томасом.

К работам, посвященным отдельным аспектам лингвистических взглядов Томаса на язык кечуа, можно назвать следующие.

В статье [Calvo Pérez 2006] рассматривается проблема описания сентенциальных атрибутов в первых грамматиках кечуа, в том числе, в работе Томаса. Среди работ этого автора также можно назвать [Calvo Pérez 1992], в которой среди прочего рассматривается описание категории числа у Томаса. Проблема описания падежной категории в грамматике Томаса (а также в других работах миссионеров, представивших описание языка кечуа) рассматривается в [Schimdt-Riese 2005]. На аспектах прагматики, представленных в грамматике доминиканца Томаса, частично останавливается автор диссертации [Merma Molina 2007]. В статье [Dietrich 2000] рассматриваются, помимо общей проблематики, связанной с грамматическими работами миссионеров, проблемы синтаксиса (подчинительные предложения), в том числе и в работе Томаса.

Наконец, среди работ, в которых в рамках общей проблематики грамматика Томаса описывается вместе с другими миссионерскими грамматикам, можно назвать следующие. Во-первых, это статья [Calvo Pérez 2000]. Помимо основной проблематики (влияние традиции, степень инновации и адекватность модели, преемственность среди самих миссионеров). Автор

статьи проводит анализ метода миссионеров, в том числе и Томаса, чей метод он характеризует как «убери и вставь» («quita y pon»). В статьях [Calvo Pérez 1992] и [Alvar 1992] анализируются первые грамматики индейских языков (Кальво Перес анализирует только язык кечуа) в их связи с грамматиками Небрихи и в связи с проблемами инновации, а также рассматривается соответствие представленной модели описания структуре языка–объекта.

Наконец, стоит отметить и работу [Suárez Roca 1992], в которой представлена проблематика миссионерских грамматик практически в полном объем, в том числе описывается и работа Томаса.

Из отечественных работ можно назвать диссертацию [Сулимова 1983], в которой рассматриваются такие проблемы, как выделение понятия морфемы, описание имени и синтаксиса в грамматиках индейских языков. Среди авторов исследователь анализирует и Томаса.

Тем не менее, несмотря на обширный корпус работ, посвященный грамматическому наследию Томаса, все еще остаются нерассмотренные вопросы. В частности, при анализе взглядов Томаса на тот или иной аспект авторы ограничиваются в основном теми комментариями, которые доминиканец приводит в основном разделе, структурно и логически отведенном для его анализа, и в основном не рассматривают другие комментарии, связанные с тем же аспектом, однако встречающиеся в других разделах грамматики. Кроме того, при сравнении взглядов Томаса с другими грамматистами исследователи ограничиваются лишь авторами латинских, испанских и миссионерских грамматик и не принимают во внимание грамматических работ по другим языкам, в частности, по ивриту и арабскому. Наконец, можно отметить и отсутсвие систематического исследования взглядов Томаса, то есть общего и полного описания его взглядов в связи с проблемой следования традиции или отхода от нее, а также со спецификой его взглядов на фоне лингвистических идей его современников.

5. Ренессансная пиренейская лингвистика в контексте истории лингвистических учений

Основной список работ по грамматической мысли Пиренейского полуострова XVI века и их описание можно найти в работах [Косарик 1998], [Раевская 2007], [Кистерева 2010], [Колтунова 2012], [Кистерева 2012], [Gordillo 2012], [Téllez Nieto 2015]. Здесь будут представлены лишь наиболее крупные труды.

Среди работ общего типа по истории лингвистики можно отметить такие работы, как [Амирова 2003], [Алпатов 2005], [Робинс 2010], в которых рассматривается общая логика развития лингвистической мысли с Античности до второй половины двадцатого века. Более детальное рассмотрение развития лингвистических учений Античности, Средних веков и Возрождения представлено в работах [Десницкая 1980; 1985; 1991] [Law 2002], [Auroux 1989; 1992].

Среди работ, которые фокусируются исключительно на развитии лингвистической мысли в эпоху Возрождения, выделяются труды [Percival 2004], [Kukenheim 1951; 1974], [Padley 1976; 1985; 1988]. В данных работах представлен анализ становления грамматического описания классических (латинский, греческий и древнееврейский) и народных языков в Европе конца Средневековья – начала Нового времени.

Среди общих работ по античным грамматикам можно отметить [Фрейденберг 1996] и упоминавшаяся выше [Десницкая 1980]. Непосредственно грамматикам Доната посвящены такие работы, как, например, [Петрова 1999] и [Holtz 1981]. В первой из них даются общие характеристики работ римского грамматиста, рассматривается содержание, источники. Во второй дается подробный анализ как самих работ Доната, так и того контекста, в котором они создавались, а также рассматривается влияние, которое они оказали на развитие лингвистической мысли. Грамматике Присциана посвящены работы [Baratin, Colombat, Holtz 2009] и [Luhtala 2005], среди

прочих. В первой из них сочинение византийского автора рассматривается с точки зрения его роли в истории развития лингвистической науки, а во второй анализируется роль философских представлений в описании латинского языка византийского автора.

Среди работ, посвященных развитию лингвистической мысли в Средние века (в частности, спекулятивным грамматикам и теории модистов), можно отметить работу [Bursill-Hall 1972] и [Десницкая 1985]. Также стоит отметить работу [Гринина 1986], в которой анализируются, среди прочего, грамматические представления, представленные в трудах провансальских и каталанских авторов эпохи Средних веков.

Среди специальных исследований, посвященных развитию лингвистической мысли в эпоху Возрождения, можно отметить следующие. Развитию лингвистической мысли в Португалии (комплексный анализ) посвящена работа [Косарик 1998] и [Косарик 2013]. Описанию представлений об именных частях речи, сложившихся в грамматиках Франции XVI, посвящена работа [Михайлова 2000]. Развитие грамматической мысли Италии эпохи Возрождения описано в работе [Степанова 2000], в Испании – в работе [Раевская 2007].

Из зарубежных работ, в которых рассматривается становление лингвистических представлений в Испании в XVI веке, можно назвать [Lope Blanch 1990], [Bahner 1966], [Ramajo Caño 1987], [Maquieira Rodríguez 1989]. Если в первых двух работах акцент делается на представлении общей проблематики (проблема узусу, прославения родного языка, связи с латинским каноном), то во вторых двух в центре внимания находится собственно описания языковых явлений.

Из работ, посвященных более узкой и конкретной проблематике, можно отметить [Колтунова 2012], в которой представлен анализ описания категории падежа в грамматиках Испании XVI–XVII веков, [Левинтова 1947] и [Кистерева 2012], в которых рассматривается грамматика Вальдеса, [Малявина 1985],

которая фокусируется на лингвистическом труде Санчеса де лас Бросас.

Что касается работ по латинской и испанской грамматикам Небрихи, то можно назвать [Esparza Torres 1955], а также [Baldischwieler 2004] и [Sánchez Salor 2008]. В первой работе представлен комплексный анализ лингвистических взглядов Небрихи, а также рассмотрены особенности его метода. Во второй работе осуществляется попытка сравнения грамматик латинского и испанского языков Небрихи. В третьей работе рассматриваются различные издания грамматики латинского языка испанского автора.

Из работ, посвященных прикладным грамматикам преподавания испанского языка (испанского как иностранного) можно назвать работу [Sánchez Pérez 1992], в которой представлен общий анализ грамматик данного типа, изданных в XVI и XVII вв., прологи к изданиям двух анонимных грамматик [Roldán 1966] и [Roldán 1977], а также работу [López Fernández 1996], в которой представлен анализ взглядов испанских грамматистов на устройство глаголов.

По латинским грамматикам XVI века Испании написана работа [Sánchez Salor 2002], по грамматикам примеров (grammaticae proverbiandi) – [Calvo Fernández 2000], по грамматикам переходного типа – небольшой пролог в [Codoñer 2000].

Среди работ, в которых анализируется грамматика древнееврейского языка Саморы, можно отметить [García-Jalón 1998], [Diez Merino 1989], [Perea Siller 2003], [Valle Rodríguez 2002]. В частности, в [García-Jalón 1998] и [Perea Siller 2003] работа испанского грамматиста рассматривается в общем контексте грамматик иврита XVI века, в двух других представлен анализ терминологического аппарата, используемого автором для описания иврита. Также стоит отметить работу [Pérez Castro 1950], в которой среди прочего представлена биография автор и общий обзор его работ.

Анализ лингвистических взглядов Педро де Алкала представлен в статьях [Cowan 1983], [Zwartjes 1992; 1993; 2010]. Так, например, в [Cowan 1983] обращается внимание на роль терминологии, заимствованной автором из

арабской традиции, а в [Zwartjes 1993] внимание уделяется особенностям представления класса местоимений.

Наиболее подробно грамматика языка науатль Ольмоса представляется в диссертации [Téllez Nieto 2015]. Исследователь анализирует биографию миссионера, представляет общий корпус его работ, кратко описывает источники, на которые автор мог опираться (в первую очередь, грамматику Небрихи), и проводит анализ самой грамматики. В работах [León-Portilla 2009] и [Suárez Roca 1992] грамматика Ольмоса представляется в общем контексте миссионерских грамматик, посвященных языкам Северной и Центральной Америке.

Среди работ по грамматике пурепеча Жильберти можно отметить [Monzón 1995], [Chamoreau 2005, 2013], [Villavicencio Zarza 2006], в которых анализируются взгляды автора по некоторым вопросам морфологии и синтаксиса.

Таким образом, как видно из приведенного описания, существует достаточно обширная исследовательская литература, охватывающая основную проблематику лингвистической мысли Испании XVI века. В данной работе в качестве ориентира используются вышеперечисленные работы, а также несколько дополняется описание в тех аспектах, описание которых не было обнаружено в проанализированном корпусе исследовательских работ.

6. Выводы по первой главе.

Таким образом, анализируемый период в Испании характеризуется подъемом в изучении и описании латинского языка, а также других языков (языка Священного Писания, например) как следствие перенесения гуманистических тенденций из Италии; растет внимание к «родному» и «экзотическим» языкам в связи с экспансией Испании.

В это время создаются широкие по грамматическому охвату описания латинского языка, как, например, грамматика Небрихи, а также возникает большое количество других латинских грамматик, стремящихся конкурировать

с ней. Кроме того, позднеантичные грамматики Доната и Присциана, если не сами по себе, то в изложении гуманистов, продолжают функционировать и служить своеобразным теоретическим ориентиром. Важное место занимает и анализ текста Священного Писания, в связи с чем пишутся грамматики иврита. Также возникает ряд грамматик, в центре которых оказываются романские языки, в том числе испанский. Наконец, после отвоевания Пиренейского полуострова и завоевания новых земель в Новом Свете создается значительное количество миссионерских грамматик.

Основной корпус грамматик носил прикладной характер. Прежде всего, авторы уделяли внимание дидактической стороне, то есть организации и подаче материала в соответствии с выработанной моделью, нежели непосредственно рефлексии над языковыми явлениями. Лишь небольшое число грамматик (грамматики Небрихи и Вильялон, а также служившая своего рода образцом грамматика Присциана) останавливались на теоретических вопросах (трактовка категорий, содержание терминов и т.п.). В большинстве других грамматик теоретические вопросы освещались либо спорадически и несистемно, либо их трактовка подразумевалась в имплицитной форме. В случае с латинскими грамматиками это было вызвано необходимостью в первую очередь адаптировать уже существующее описание под нужды образовательных учреждений, в случае с грамматиками испанского языка – создать ясное и лаконичное учебное пособие для обучения иностранцев испанскому языку, в случае с миссионерскими грамматиками – создать в рамках существующей понятной и привычной грамматической традиции прикладное описание «новых» языков, в случае с грамматикой иврита – создать практическое пособие для понимания текста Священного Писания.

Тем не менее, помимо вышеуказанных аспектов, в грамматиках рассматривалась и другая проблематика: защита и прославление родного языка, вопрос авторитета (на кого из предшествующих авторов стоит опираться), интерпретация того или иного комментария или отрывка, представление

концептов и понятий христианской религии (в случае с миссионерскими грамматиками). Однако подобные вопросы не носили универсального характера и были специфичны для какой-то одной группы грамматик: защита и прославление – для испанского языка, вопрос авторитета – для латинского, интерпретация текста – для иврита, представление понятий культуры – для миссионерских грамматик.

В анализируемых грамматиках представлено описание как индоевропейских языков (латинский и испанский), находившихся в сфере интереса европейских грамматистов достаточно долго, так и неиндоевропейских, среди которых были семитские (арабский и древнееврейский), обладавшие собственной богатой грамматической традицией, а также индейские языки (науатль, пурепеча, кечуа), имевшие ряд типологических особенностей и не имевшие собственной грамматической традиции.

В качестве основного объекта описания рассмотренные грамматики содержат разделы о морфологии, фонетике, метрике и слоговой структуре слова, а также разделы, посвященные синтаксису словосочетания. Наряду с грамматическими явлениями авторы описывали стилистические и риторические явления. В качестве основного теоретического аппарата использовался метаязык, выработанный в практике описания латинского языка и опиравшийся во многом на терминосистему, сложившуюся в поздней Античности. Описание морфологии опиралось на перечисление особенностей восьми частей речи. Для каждой части речи выделялся определенный набор признаков, которые могли не иметь однотипного характера (например, механизмы и элементы словообразования и словоизменения рассматривались в одном ряду). Подобная проблематика нашла (с той или иной долей полноты) отражение в позднеантичных грамматиках и грамматическом труде А. Небрихи. Характерно, что грамматики латинского языка XVI века сосредотачиваются в большей степени на проблемах синтаксиса, внося некоторые изменения в

понятийный аппарат, руководствуясь новыми теориями, возникающими в Европе, а грамматики испанского и неиндоевропейских языков сосредотачиваются в большей степени на проблемах морфологии и фонетики. При этом ввиду системных отличий грамматики латинского языка и других рассматриваемых языков теоретическая модель так или иначе начинает претерпевать некоторые количественные и качественные изменения, начинают вводиться новые понятия или переосмысливаться уже имеющиеся.

В подобном контексте возникает первая грамматика языка кечуа (1560), созданная миссионером–доминиканцем Доминго де Санто Томасом. По своим характеристикам она сближается с другими миссионерскими грамматиками: дидактическая и прикладная направленность, внимание в первую очередь к фонетике и морфологии, использование теоретического аппарата латинского языка для описания языка–объекта, внимание к религиозным аспектам. Кроме того, ее характеризует ярко выраженная гуманистическая направленность, поскольку она создается как манифест, доказательство тождества статуса индейского языка статусу любого другого языка цивилизованного мира.

Глава II

Сопоставительная трактовка именных частей речи в рамках канона грамматического описания

1. Определение имени

Определение именного класса присутствует во всех рассматриваемых грамматиках латинского языка, в грамматиках испанского языка Небрихи и Вильялона и в первой версии грамматики Саморы. Во всех остальных грамматиках определение имени отсутствует. Что касается информационной наполненности определения, то только в грамматике Тамары (во второй ее части) определение представлено кратко, в первой же ее части и в остальных грамматиках, в которых определение присутствует, оно полно и самодостаточно.

В качестве основной проблемы, связанной с определением имени, выступала проблема выбора критериев, которые бы использовались для характеристики имен как самостоятельного и отдельного класса слов и которые бы считались достаточными по своей объяснительной силе. Одним из таких критериев в грамматиках Присциана и Доната был семантический, то есть авторами подчеркивалось наличие у имен особого значения, которым они отличались от других классов слов. Однако роль данного критерия античными грамматиками понималась по-разному. Так, если у Присциана семантический критерий представлялся как единственный, то у Доната ставился акцент и на морфологический критерий, а именно на наличие у имен падежных значений (8).

Что касается латинской грамматики Небрихи, то в третьей ее части (а также в комментариях к первой и третьей) в качестве главного автором позиционируется, как и Присцианом, семантический аспект. При этом формулировка определения у Небрихи отличается от присциановской, но совпадает с формулировкой Доната, точнее с той ее частью, которая связана с указанием на особую семантику имен. В первой же части своей грамматики Небриха пользуется другим типом определения, в котором имя описывается

исключительно с формально-морфологической стороны, а именно рассматривается в качестве изменяемой части речи, у которой выражаются падежные значения и отсутствуют значения времени (9).

В грамматиках латинского языка, которые появились после создания грамматики латинского языка Небрихи, семантический критерий в качестве единственного и исключительного представлен только у Тамары (10). Кроме того, у него также встречается и характеристика имени по особой функции – номинативной (11). В остальных семантический аспект не позиционируется как исключительный и достаточный. Так, в грамматике Жильберти к нему добавляется (вероятно, вслед за Донатом) и морфологический (наличие падежных форм) (12), а у Семпере семантический критерий вообще исключается из определения, вместо которого ставится формально–морфологический (подобный тому, который используется Небрихой в первой части грамматики) (13).

В грамматиках испанского языка, в которых присутствует определение имени, семантический критерий сохраняется. Однако в качестве исключительного он представляется только у Вильялона (14), у Небрихи к нему добавляется морфологический (наличие падежных значений и отсутствие значений времени) (15).

Наконец, в первой версии грамматики Саморы именной класс определяется как по семантическому, так и по формально-морфологическому критериям, то есть имя описывается как часть речи, которая обозначает субстанцию или признак, не обладает категорией времени и не склоняется, однако эта часть речь способна выражать падежные значения (16).

Иными словами, в качестве основных критериев в рассматриваемых грамматиках выступали семантический и формально-морфологический.

В связи с обращением к семантической стороне вопроса вставала, как следствие, и проблема содержания, а именно определения той сферы значения, которую могли покрывать представители класса имен, а также определения

свойств обозначаемых объектов действительности. Данная проблема решалась в рассматриваемых грамматиках следующим образом.

В грамматиках Доната и Присциана в сферу значений, которую обслуживали имена, вводились материальные объекты и нематериальные сущности. В качестве терминологического обозначения первых использовалось слово «corpus», вторых – «res». Кроме того, у обоих авторов в определение имен включалось и представление о таком параметре, как количество обозначаемых объектов / сущностей, которое могло быть либо ограниченным (сведенным до единицы), либо неограниченным (больше единицы). Для обозначения первого значения параметра использовалось слово «proprius», для второго «communis».

В грамматике латинского языка Небрихи представляемые свойства объектов (конкретность / абстрактность и количество) не отличаются от тех, которые описываются у Доната и Присциана.

Схожим образом данная проблема трактуется и в грамматике латинского языка Жильберти. В работе Тамары также присутствует упоминание о способности имени обозначать разное количество объектов. Однако вместо конкретности / абстрактности объектов автор обращает внимание на несколько другие свойства. Так, он отмечает, что в сферу значений имен могут входить как предметы (объединяет их под общим термином substancia), так и качества (accidente).

В грамматиках испанского языка Небрихи и Вильялона используется только один параметр: конкретность / абстрактность у Небрихи и наличие множественности / единичности для нарицательных и собственных у Вильялона.

Наконец, в грамматике Саморы внимание обращается на то, что имена могут обозначать субстанции и акциденции (качества).

Таким образом, в качестве основных параметров значения имени выделялись конкретность / абстрактность, единичность / множественность и

предметность / качество.

Кроме того, наблюдается некоторое различие в трактовке морфологии в тех грамматиках, где в определение имени включался данный аспект. Так, в грамматике Доната и Жильберти в качестве отличительной черты имени с морфологической точки зрения выступало наличие падежных значений. В грамматике латинского и испанского языков Небрихи, грамматиках Семпере и Саморы к ней было добавлено также отсутствие временных значений. Иными словами, в качестве основных морфологических признаков имени позиционировалось наличие падежной категории и отсутствие временной.

Определение имени в грамматике Томаса отличается (как и определения других частей речи) исключительной краткостью. Так, Томас характеризует класс имен только по их способности обозначать предметы (17). Иными словами, рассматриваемый класс слов характеризуется автором по семантическому критерию, то есть как некое множество слов с особым, присущим только ему, значением. Также стоит отметить, что имя, как и остальные части речи, позиционируется Томасом в качестве универсального, присущего всем языкам явления (как латинскому, так и кечуа, испанскому и остальным) (18).

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать вывод о том, что Томас, подобно авторам грамматик латинского языка, а также другим авторам, которые следовали за ними, выделяет имя в качестве основного класса слов. При этом при его определении он руководствуется, подобно Присциану и Небрихи, семантическим критерием. В этом отношении он также сближается с Тамарой и, отчасти, с Саморой, Жильберти и Вильялоном. Однако в противоположность большинству авторов, у которых встречается определение имени, Томас приводит достаточно краткое определение, не конкретизируя сферу значения, ограничиваясь лишь указанием на ее объектную характеристику.

2. Прилагательные как самостоятельный подкласс имен

2.1. Грамматики латинского языка

Прилагательные в грамматике Доната не рассматриваются в качестве особого самостоятельного подкласса (наравне с существительными), а представляются как одна из многочисленных групп имен, выделяемых на основе разнообразных, порой несвязанных между собой, критериев. Более того, как отмечает [Vaahtera 2000: 235], автор не использует и классического термина adiectiva. Тем не менее многие особенности прилагательных в том или ином виде уже представлены в грамматике. Во-первых, Донат отмечает особые синтаксические характеристики данной группы слов. Так, выделяя группу имен «adiecta nominibus», он тем самым подчеркивает зависимый синтаксический статус прилагательных (19). Кроме того, он высказывает идею о широкой сочетаемости данных слов, рассматривая при описании категории рода группу имен «omne dicitur», особенностью которой, согласно ему, является возможность ее представителей (таких, как например, foelix) сочетаться с тремя родовыми формами указательного местоимения (hic, haec и hoc) (20). Во-вторых, грамматист упоминает особые семантические характеристики прилагательных. Так, он выделяет среди разновидностей имен имена со значением качества (bonus, malus) и количества (magnus, paruus) (21). Также при использовании термина «mediae significationis» он апеллирует, согласно [Vaahtera 2000: 235], к несамостоятельности значения данного класса. Семантический аспект упоминается и при описании степеней сравнения. Так, автор отмечает, что только имена со значением качества или количества (т. е. прилагательные) могут образовывать формы сравнительной и превосходной степеней (22). В-третьих, грамматист для прилагательных описывает особое морфологическое поведение в отношении родовых формантов (и степеней сравнения), выделяя среди разновидностей имен, которые обозначаются им как «mobilia appellatiua» (такой разновидности имен, которые при изменении пола референта меняют родовые форманты), имена «mobilia tria» (принимающие три родовых

окончания) и указывая в примерах прилагательные трех окончаний (bonus) (23).

В грамматике Присциана прилагательные уже более эксплицитно выделяются в качестве особого подкласса имен. Так, следуя за Апполонием [Luhtala 2005], византийский грамматист выделяет прилагательные (nomina adiectiua) в качестве одной из трех главных подгрупп имен (наравне с имена собственными и нарицательными). Он также суммирует характеристики, которые в том или ином виде упоминались у Доната (особое синтаксическое поведение (зависимое приименное положение), особая семантика (обозначение качества или количества) и особое поведение в отношении образования степеней сравнения) и приписывает их данному подклассу в определении (24). Кроме того, он несколько более подробно останавливается на семантической и морфологической стороне вопроса (степени сравнения и родовые формы). Так, при описании семантического аспекта он выделяет несколько разновидностей прилагательных со значением качества и количества, а также указывает на наличие у некоторых из них оценочных (похвала или критика) или мерных (величина) значений (25). Относительно сравнительных форм Присциан отмечает, что только прилагательные, значение которых способно подвергаться градуированию (увеличению или уменьшению, в его терминологии), могут образовывать данные формы, и противопоставляет их существительным, с которыми подобная операция не может быть произведена (26). В отношении реализации категории рода прилагательными Присциан более эксплицитно, чем Донат, представляет идею о наличии у них собственной родовой группы (27), а также особых родовых окончаний (28). Тем не менее, прилагательные еще не рассматриваются в его грамматике как самостоятельный крупный подкласс имен наравне с существительными. Так, помимо выделения прилагательных в один из трех крупных подклассов имен, Присциан упоминает их, подобно Донату, и в качестве одной из многочисленных разновидностей имен нарицательных. Кроме того, как такового самостоятельного значения он не выделяет, поскольку и существительные, согласно грамматисту, могут

обозначать качество [Luhtala 2005]. Кроме того, при описании рода в разделе об особенностях реализации отношения «значение – форма» Присциан не упоминает эксплицитно класс прилагательных, а лишь фиксирует в языковых примерах их особые свойства (29).

В грамматике Небрихи класс прилагательных уже выделяется в качестве одного из двух главных самостоятельных подклассов имен наравне с существительными (30). При этом Небриха объединяет все характеристики прилагательных, которые отмечались в позднеантичных грамматиках, некоторые из них модифицирует, а также добавляет свои. Так, подобно Присциану, он отмечает в качестве основных свойств прилагательных их особую семантику и синтаксис (31). При этом он закрепляет за подклассом прилагательных исключительное право обозначать признак, тем самым сильнее разводя его с подклассом существительных. Кроме того, помимо зависимой приименной позиции, он описывает особые модели падежного управления (32), а также особую сочетаемость прилагательных с указательными местоимениями (у позднеантичных авторов это тоже встречалось, однако не было так теоретизированно, как у Небрихи) и существительными с различным набором грамматических значений (33). Важной особенностью также является то, что Небриха делает акцент на связанном с прилагательными представлением о согласовании (когда отмечает, что прилагательные и существительные согласуются по роду, числу и падежу) (34). Что касается морфологии, то Небриха, подобно Присциану, указывает на способность прилагательных образовывать степени сравнения (35), формировать собственный родовой класс (36) и использоваться в качестве дифференциальной единицы при соотнесении имен с родовыми группами (37), а также эксплицитно отмечает наличие особого набора окончаний (38) и собственную словоизменительную парадигму (39).

В последующих грамматиках латинского языка в общем и целом представление о характеристиках прилагательных не изменяется. Варьируются

только акценты. Так, например, семантический критерий, который встречался в грамматиках Небрихи и Присциана, авторами отодвигается на задний план, и за основу берутся синтаксические (сочетаемость с указательными местоимениями) и формально-морфологические (изменение по трем родовым окончаниям) особенности (40). Кроме того, особое внимание уделяется грамматистами XVI века моделям падежного управления прилагательных. При этом подобные модели описываются более подробно (41).

Таким образом, прилагательные в рассматриваемых грамматиках имеют неоднозначный статус: в позднеантичных грамматических сочинениях они представляются в качестве одной из многочисленных групп имен, а в грамматиках латинского языка XVI века рассматриваются как особый крупный подкласс имен с собственными характеристиками.

При описании прилагательных авторы останавливаются на семантических, морфологических и синтаксических аспектах, при этом трактовка и место каждого из них у авторов варьируется. Так, семантический критерий, отличавшийся конкретностью у Присциана и Доната (имена качества, количества, похвалы и так далее), в грамматике Небрихи приобретает более абстрактный характер (имена акциденций, переменных признаков). При этом в качестве основного семантический критерий рассматривается только у Присциана и Небрихи, у остальных авторов (особенно у авторов грамматик XVI века) он несколько отодвинут на второй план, а на первый план выходят морфологический и синтаксический критерии. В качестве морфологических характеристик отмечается особый набор окончаний, особая родовая и словоизменительная группа, наличие сравнительных форм. При этом четко артикулироваться данный аспект начинает только в грамматиках XVI века (в том числе и в грамматике Небрихи). В качестве синтаксических характеристик прилагательных отмечаются зависимый приименный статус, а также особая сочетаемость с указательными местоимениями и другими частями речи. Кроме того, авторы грамматик XVI века (в том числе Небриха) особое внимание

обращают на наличие особых моделей падежного управления прилагательных.

2.2. Грамматики испанского языка

В грамматиках испанского языка также присутствует описание прилагательных. При этом, хотя авторами и подчёркивается их особый статус, тем не менее, как кажется, он у некоторых грамматистов несколько занижен по сравнению с тем, который приписывался прилагательным в грамматиках латинского языка XVI века. Так, в грамматике Небрихи прилагательные наряду с существительными представляются в рамках описания акциденции качество, которая у него также включает в себя имена собственные с именами нарицательными и антецеденты с относительными местоимениями, связывающими придаточные определительные предложения с ним (см. [Baldischwieler 2004:77]). В грамматике дель Корро существительные и прилагательные позиционируются как разновидность более крупного подкласса имен нарицательных (деление, которое напоминает одну из классификаций Присциана). В работе Вильялона прилагательные и существительные даются, как и в грамматике Семпере, в самом конце, после описания всех грамматических признаков имени. В грамматиках 1555 и 1559 годов эксплицитное теоретическое описание прилагательных не встречается (42).

Что касается собственно представления прилагательных, то в общем и целом авторами используется тот же набор критериев, который встречается в грамматиках латинского языка, отличается лишь степень их представленности и иерархия их конститутивных признаков от более важных к второстепенным.

Так, Вильялон в качестве основных характеристик (вынесенных им в определение) указывает на отсутствие синтаксической самостоятельности (приименная позиция), на особую семантику (признаковость) и форму (наличие нескольких окончаний), а также отдельно он отмечает обязательное согласование прилагательных по некоторому набору граммем с существительными и наличие у них особого родового класса (43).

В грамматике испанского языка Небрихи в качестве основных

характеристик отмечены синтаксическая несамостоятельность (приименная позиция) и особая сочетаемость прилагательных с артиклями, а также упоминаются такие аспекты, как согласование с существительными, особая семантика (признаковость), особые модели падежного управления (этот аспект встречается только у него), степени сравнения и наличие собственного склонения и родовой группы (44).

Что касается дель Корро, то он обращает внимание на согласование, особенность форм прилагательных в отношении родовых окончаний и степеней сравнения (более эксплицитно, чем у Небрихи) (45).

Затрагивается в грамматиках испанского языка и проблематика, связанная с определением позиции прилагательных при существительных. Так, Небриха и дель Корро отмечают, что в испанском языке прилагательные преимущественно употребляются в постпозиции (46). При этом дель Корро достаточно подробно останавливается на данном аспекте, указывая также, что испанский выделяется среди других известных ему языков в отношении постановки прилагательных в постпозицию, а также приводит прилагательные bueno и malo, которые могут варьировать свое положение относительно существительных.

Кроме того, в связи с особенностями устройства испанского языка в грамматиках поднимается проблема сочетания прилагательных с особой формой артикля среднего рода. Так, Вильялон и автор грамматики 1555 года отмечают, что прилагательные, в отличие от существительных, могут сочетаться с lo (Небриха, напротив, рассматривает формы с lo и как прилагательные, и как существительные) (47). Более того, дель Корро обращает внимание на особый синтаксический статус таких конструкций, то есть на их субстантивированный характер, указывая, что сочетания с lo являются существительными, однако не касается напрямую такого феномена, как субстантивация (48).

Таким образом, в грамматиках испанского языка представление о прилагательных как особом классе сохраняется, хотя в некоторых из них их

статус несколько занижается, а в некоторых (грамматиках 1555 и 1559 года) специальное их описание вообще отсутствует.

Что касается представленности критериев, то в грамматиках отмечается следующая ситуация. Упоминание об особой семантике встречается у Вильялона и Небрихи, об особой морфологии и синтаксисе – у всех трех авторов. Об особых окончаниях и наличии особой родовой группы говорят все три автора (Небриха менее эксплицитно), про степени сравнения – Небриха и дель Корро, про особую парадигму склонения – Небриха, про зависимую позицию говорят Вильялон и Небриха, про особое сочетание с артиклем – Небриха (у других это тоже встречается, однако менее эксплицитно). Кроме того, как уже было отмечено, авторы грамматик испанского языка поднимают проблему синтаксической позиции прилагательного при имени, а также другую проблему – сочетание с артиклем среднего рода lo (встречается не только у вышеперечисленных авторов, но и у авторов грамматик 1555 и 1559 года).

2.3 Грамматики неиндоевропейских языков

В грамматиках семитских языков прилагательным приписывается тот же статус, что и в описанных выше грамматиках латинского языка XVI века: данный подкласс позиционируется в качестве одного из главных (49).

В грамматике де Алкала прилагательные практически не упоминаются. Там же, где автор их упоминает, он отмечает следующее: прилагательные являются наравне с существительными самостоятельным подклассом и при употреблении вместе с существительными, которым сопутствует указательное местоимение, они требуют при себе собственного артикля. Алкала так же упоминает случаи употребления прилагательных как с существительными, так и без. Во втором случае в качестве примера на испанском языке он приводит прилагательное с артиклем среднего рода lo (50).

В качестве главных характеристик прилагательных Самора эксплицитно позиционирует их несамостоятельный характер в предложении (51). Кроме того, имплицитно автор отмечает в качестве главной особенности данного подкласса

особое регулярное (по сравнению с существительными) поведение в отношении родовых окончаний. Так, в примерах, иллюстрирующих представителей подкласса прилагательных, автор наряду с относительным прилагательным 'enoshi (человеческий) приводит родовую пару tob – tobah (хороший – хорошая). Также Самора несколько смещает акценты при описании грамматических категорий, которыми обладают прилагательные, таким образом, что данный подкласс представляется некоторым индикатором при определении значений той или иной категории имени (52). Подобно некоторым авторам испанских грамматик, Самора останавливается и на проблеме положения прилагательных по отношению к существительным, отмечая препозитивный характер последних в древнееврейском языке (53). Как можно заметить, Самора несколько обходит ряд вопросов, которые освещались в других грамматиках: сочетание прилагательных с артиклем (вероятно потому, что в иврите была только одна форма артикля), особая семантика прилагательных, степени сравнения (вероятно из-за отсутствия синтетических форм в иврите), модели падежного управления. Наконец, можно отметить, что не эксплицирует он и проблему пересечения классов прилагательных и глаголов, которая характерна для иврита [Waltke & O' Connor 1990: 365].

В миссионерских грамматиках Жильберти и Ольмоса прилагательные также выделяются в особый подкласс имен (54). Более того, в отличие от всех других анализируемых грамматик, в работах данных авторов прилагательным посвящаются собственные разделы (при описании словообразования и числа у Ольмоса, рода и числа – у Жильберти). С некоторым допущением можно сказать, что авторы делают еще один шаг вперед на пути к окончательному выделению (в типологическом плане) прилагательных в качестве особой группы слов.

Что касается главных характеристик, которые приписывали авторы данному классу, можно говорить только о взглядах Жильберти, поскольку у Ольмоса определения прилагательных не представлено. Подобно Присциану и

Небрихе, Жильберти выделяет семантический аспект в качестве основного, отмечая, что прилагательные могут обозначать качество или количество, а также употребляться для характеристики любого объекта или сочетаться с любым объектом (55). Семантический аспект также представлен в грамматике Ольмоса, однако в очень кратком виде (56).

В обеих грамматиках характеристики прилагательных представлены. Так, оба автора отмечают особенности прилагательных в отношении таких морфологических категорий, как род, подразумевая, что прилагательные в теории могут иметь особый набор родовых окончаний, что не реализуется в описываемых ими языках (у Ольмоса также, хотя и достаточно имплицитно, упоминается особый набор артиклей) (57), и число (описывают особое поведение в отношении выражения множественного числа (регулярные модели в науатле и разнообразие форм множественного числа в зависимости от класса и пола референта в пурепеча)) (58). Жильберти также выделяет у прилагательных собственное склонение (59). При этом миссионеры опускают проблему пересечения класса прилагательных и существительных (для пурепеча) ([Chamoreau 2003: 76]) и прилагательных и глаголов (для науатля) ([Launey 1992: 107]).

Таким образом, в грамматиках семитских языков XVI века прилагательные также выделяются в самостоятельный подкласс. В грамматике Саморы, в которой представляется их эксплицитное описание, они в первую очередь рассматриваются с синтаксической стороны (несамостоятельный характер). В качестве других характеристик упоминаются особая морфология (при этом автор делает акцент на ее регулярности) и синтаксис (особая позиция при имени). Кроме того, прилагательные более эксплицитно рассматриваются в связи с категорией рода и позиционируются как основные ее носители. При этом отсутствует внимание к семантической стороне вопроса, а также к проблеме пересечения классов прилагательных и глаголов.

В грамматиках индейских языков прилагательные также представляются в

качестве особого самостоятельного подкласса имен. При этом, как было показано, в данных грамматиках они в некотором смысле еще больше обособляются от существительных, когда представляются в самостоятельных разделах. В качестве основных характеристик Жильберти (и, вероятно, Ольмос) рассматривают семантический аспект. Что касается языковых характеристик данного подкласса, то миссионерами представляется особая морфология прилагательных в отношении выражения категории рода (ее присутствие в латинском и в испанском и отсутствие в описываемом языке), а также числа. У Жильберти они также представляются с собственной парадигмой словоизменения.

Наконец, как видно, во всех грамматиках неиндоевропейских языков отсутствует внимание к проблеме пересечения прилагательных с другими классами слов (с глаголами для иврита и наутля и с существительными в пурепеча).

2.4. Грамматика Томаса

Основное описание прилагательных сосредоточено у Томаса в начале второй главы. Так, автор отмечает, что в языке кечуа, как и во всех других языках, существуют два подкласса имен, которые отличаются по особому значению («способу обозначения»), приводит примеры на языке кечуа для иллюстрации представителей каждого подкласса и сопровождает их переводом (аналогом на испанском языке). При этом в качестве представителей двух классов Томас выбирает наиболее стереотипные: для первого класса – качественное прилагательное «alli» (хороший), для второго класса предметное существительное «cari» (мужчина) (60).

В работе обнаруживаются упоминания прилагательных и в других местах в связи с описанием того или иного языкового явления.

Так, прилагательные в грамматике упоминается при описании категории рода имен. В качестве иллюстрации (пояснения) идеи о том, что в языке кечуа отсутствуют особые признаки, по которым имена могли бы делится на родовые

классы, грамматист приводит словосочетание на латинском языке и его аналог на испанском, в котором прилагательное согласуется с существительным по роду: «bonus vir» и «buen hombre» (хороший человек), а также приводит вариант синтагмы, в которой подобное согласование нарушается («bona vir» и «buena hombre»), и добавляет утверждение о том, что в языке кечуа прилагательные и существительные не согласуются по роду.

Во второй главе в разделе, посвященном описанию числовых и падежных значений, Томас говорит о том, что в кечуа показатели числа и падежа в именной синтагме (при сочетании двух существительных или существительного и прилагательного) могут выражаться только один раз на крайнем правом члене. Также в начале данной главы Томас приводит утверждение о том, что прилагательные (как и существительные) обнаруживаются во всех языках

В двадцать первой главе, посвященной синтаксису, Томас приводит утверждение о том, что к языку кечуа применимы практически все правила построения предложения, которые формулируются для латинского языка, и в одном из таких правил отмечает, что прилагательные и существительные согласуются по некоторым категориям (роду, числу и падежу в латинском, числу и падежу – в кечуа), а также указывает, что прилагательные в языке кечуа всегда находятся в препозиции к существительному.

Суммируя наблюдения Томаса, можно сделать следующие выводы и замечания.

Во-первых, Томас выделяет прилагательные в качестве основного подкласса имен наряду с существительными.

Во-вторых, в качестве основной характеристики прилагательных для Томаса выступает их особая семантика, особое значение. При этом, к сожалению, не представляется возможным точно определить, какие именно типы значения (по Томасу) были характерны для прилагательных. Можно лишь предположить, опираясь на примеры, что общим у прилагательных был

семантический компонент «признак» или «качество». В пользу данной гипотезы может свидетельствовать тот факт, что грамматист при описании классов имен пользуется средневековым представлением о modus significandi, которое передается им на испанском языке как «manera de significar» и которое подразумевало деление имен на те, которые обозначали субстанции, и на те, которые обозначали акциденции (переменные признаки).

В-третьих, в грамматике Томаса также присутствует упоминание синтаксических и морфологических характеристик прилагательных, а именно наличие согласования по ряду категорий с существительными, а также наличие у прилагательных особых граммем этих категорий (числа и падежа для всех языков, рода только для испанского и латинского). Обращает внимание Томас и на позицию прилагательного в именной синтагме.

В-четвертых, Томас не представляет идею о возможности наличия у прилагательных особого словоизменительного класса, а также их способности образовывать сравнительные формы и модели падежного управления. Не комментирует он и соотношение прилагательных и детерминантов. Кроме того, из описания прилагательных, представленного Томасом в начале второй главы, также можно заключить, что грамматист постулирует универсальный характер для данного класса.

В-пятых, относительно лингвистических взглядов Томаса на испанский и латинский языки, можно отметить, что, согласно ему, в данных языках основой для выделения прилагательных в качестве главного подкласса являлось не только их особое значение (семантический критерий), но и особое формальное и синтаксическое поведение: прилагательные в синтагме в зависимости от типа согласовательного класса существительного (рода) принимали те или иные окончания (ту или иную форму), а также, видимо, обладали особой синтаксической сочетаемостью с детерминантами (с определенным артиклем в испанском и, вероятно, с указательными местоимения в латинском), о чем свидетельствует то обстоятельство, что Томас выделяет для латинского и, в

особенности, для испанского языка три родовые класса. Наконец, Томас также обращал внимание на место прилагательных в синтагме: для латинского языка оно не являлось фиксированным, а для испанского таковым являлось.

В-шестых, что касается взглядов Томаса на поведение прилагательных в языке кечуа, можно сказать следующее. Томас обращает внимание на то, что в данном языке, в отличие от латинского и испанского, прилагательные не имеют особых дополнительных формально-синтаксических характеристик в плане выражения родовых значений, а также на то, что в кечуа, как и в латыни, прилагательное и существительное, как уже было выше сказано, согласуются по определенным категориям. Кроме того, Томас использует дополнительный (синтаксический) критерий для разграничения двух подклассов: особое фиксированное положение прилагательного в синтагме (препозиция к существительному).

При сравнении взглядов Томаса на характеристики прилагательных со взглядами других рассматриваемых авторов можно отметить следующие особенности.

Во-первых, в грамматике Томаса, как и в других грамматиках XVI века (индоевропейских и неиндоевропейских языков), прилагательные выделяются в особый самостоятельный подкласс имен, хотя при этом Томас, в отличие от авторов индейских языков, не делает важного шага вперед и не посвящает прилагательным особых разделов, не приводит особых парадигм склонений.

Во-вторых, в качестве основной характеристики Томас выделяет семантический аспект, в чем, вероятно, следует за описанием Небрихи и сближается с Вильялоном и авторами грамматик индейских языков. Более того, доминиканец Томас сближается с Небрихой, а также и Вильялоном (но расходится, при этом, с Ольмосом и Жильберти) в том отношении, что пользуется несколько философским представлением об особом способе обозначения. Идея Присциана о том, что прилагательные обозначали качество (и другие параметры), а также идея Жильберти о том, что прилагательные

могли использоваться для характеристики любого объекта, видимо, не используются.

В-третьих, Томас использует, подобно авторам рассматриваемых грамматик, морфологический и синтаксический критерии. Так, при описании прилагательных латинского языка Томас, как и авторы латинских грамматик, пользуется представлением о наличии у данного подкласса имен особого набора окончаний. Для испанских прилагательных грамматист, подобно авторам испанских грамматик, подчеркивает несамостоятельный статус, фиксированную позицию при имени, а также, вероятно, и особые модели сочетания с артиклями.

В-четвертых, что касается описания прилагательных в языке кечуа, то, как и авторы грамматик других индейских языков, Томас отмечает отсутствие у прилагательных показателей рода. При этом не останавливается миссионер на особенностях реализации категории числа у прилагательных, подобно другим миссионерами, видимо, ввиду регулярности морфологии кечуа в этом отношении. Идея Томаса о наличии фиксированной позиции прилагательных в синтагме не находит аналогии у авторов грамматик индейских языков, в которых также отмечалось это явление, однако находит аналог в грамматике иврита Саморы.

3. Выделяемые в грамматиках акциденции имени

3.1. Грамматики латинского языка

Помимо проблемы выделения значимых, субстанциональных, признаков класса имен грамматисты также ставили задачу определения общего набора переменных признаков, которые, как уже было сказано, со времен античных грамматик латинского языка назывались акциденциями, к которым относились грамматические категории (род, число, падеж, лицо), словоизменительные парадигмы (склонения), само по себе понятие словоизменения, лексико-семантические классы (имена собственные / нарицательные, например), словообразовательные модели и подклассы производных имен. При этом среди

словообразовательных классов в основном выделялись родовые наименования (патронимы), относительные прилагательные (посессивы), компаративы и суперлативы, диминутивы и имена, производные от глаголов, имен, наречий или предлогов и причастий.

В грамматике Присциана и Доната именные акциденции включали в себя представление о грамматических категориях рода, числа, падежа. Помимо непосредственно грамматических категорий, в их состав входили также и словообразовательные модели с префиксальным способом образования и со словосложением. Кроме того, Присциан включал в разряд акциденций словообразование. В свою очередь, Донат включал в состав акциденций признак, по которому имена делились на собственные и нарицательные, а также идею сравнения. Качество у Присциана тоже описывается, однако включается не в состав акциденций, а в само определение имени. Идея сравнения рассматривается Присцианом в рамках описания производных имен (61).

Что касается грамматики латинского языка Небрихи, то у имени им выделяются те же 4 акциденции, что и у рассматриваемых античных грамматистов, а также, подобно Донату, акциденция качество и, подобно Присциану, акциденция вид. Кроме того, Небриха к акциденции падеж в качестве ее составной части выделяет акциденцию склонения (62).

Из грамматик латинского языка, которые были созданы после грамматики Небрихи, эксплицитное представление именных акциденций встречается только у Семпере. Валенсийский автор выделяет все те же акциденции, что и Небриха, за исключением качества, которое Семпере совсем не описывает (63). При этом из расположения наименований акциденци (склонение, род, падеж, число, фигура и вид) можно сделать предположение о том, что автор разводит явления, относящиеся к словообразованию и к словоизменению (подобная картина наблюдается и в сочинениях, созданных португальскими грамматистами [Косарик 2013: 53]). Кроме того, автор разделяет склонение и падеж.

Жильберти, в свою очередь, приводит деление имен на собственные и нарицательные, описывает род, число, падеж, склонения, лицо. Тамара отдельно не описывает данные акциденции, однако пользуется представлениями о роде, числе, падеже, склонении, лице, а также об именах производных (на словосложении Тамара, как и Жильберти, внимание не заостряет).

3.2 Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка список акциденций обнаруживается только в грамматике Небрихи. Автор перечисляет все те же акциденции, что и в своей грамматике латинского языка (64). У остальных грамматистов списка не обнаруживается, однако по тому описанию, которое они представляют, можно заключить следующее.

Вильялон описывает имена собственные / нарицательные, род, число, склонение / словоизменение и падежные значения. Вопросы именного словообразования в его грамматике не освещаются.

Дель Корро описывает число, род, падеж со склонением / словоизменением и имена собственные / нарицательные, отдельно описывает образование компаративов и суперлативов (аналитические и синтетические средства), диминутивы, а также отглагольные имена.

Автор анонимной грамматики 1559 года приводит только описание падежа, склонения / словоизменения, числа и рода (65), а автор анонимной грамматики 1555 года описывает род, число, падеж и склонение / словоизменение, а также останавливается на некоторых классах производных имен (диминутивы, патронимы, компаративы / суперлативы).

3.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Наконец, из всех грамматик неиндоевропейских языков эксплицитное перечисление акциденций встречается у Саморы и де Алкала и, в некотором смысле, у Жильберти.

Самора описывает те же акциденции, что и Небриха (Стоит тем не менее отметить, что автор в список акциденций не включает склонение). Кроме того,

он добавляет в список именных акциденций еще и лицо.

Де Алкала исключает из состава акциденций качество, при этом в качестве отдельной выделяет акциденцию склонение. При этом автор заявляет, что руководствуется латинской грамматикой, в которой выделяются все те же шесть акциденций.

Стоит отметить, что вопросы словообразования у обоих грамматистов разбираются как в главах, посвященных именной морфологии, так и описываются отдельно от словоизменительных категорий (в конце главы про имя во второй версии грамматики Саморы и в конце грамматики у де Алкала) (66).

Что касается грамматики Жильберти, то из всех акциденций, которые выделялись в грамматиках латинского языка, автор перечисляет наряду с прилагательными / существительными категорию числа, рода и компаративы / суперлативы. В основном корпусе работы он также представляет описание падежей, диминутивов и приводит различные производные имена (67).

Наконец, в грамматике Ольмоса, которая наиболее отличается от всех остальных, из всех словоизменительных категорий внимание обращается только на число (другие категории не описываются, видимо, ввиду отсутствия морфологических показателей их значений), большое внимание уделяется проблемам словообразования (в том числе и словосложения), а также отдельно описываются степени сравнения и аффиксы, выражающие идею диминутивности (а также другие семантические и прагматические значения, о чем будет сказано ниже) (68).

Иными словами, как видно, из большинства грамматик XVI века (как латинского и испанского, так и неиндоевропейских языков, за исключением грамматик Небрихи, Саморы и Ольмоса) практически исключаются вопросы словообразования и описание лексико-семантических классов имен, а основное внимание фокусируется на вопросах словоизменения.

3.4. Грамматика Томаса

В грамматике Томаса описываются все те же акциденции, что и в грамматике латинского языка Небрихи, а именно качество, вид, род, число, словосложение и склонение.. При этом, в отличие от всех авторов, акциденции он обозначает термином propriedades (69). Кроме того, факты словообразования и словоизменения Томасом разводятся: хотя грамматист и упоминает вид и фигуру во второй главе, посвященной имени, он ограничивается лишь несколькими комментариями относительно сущности данных акциденций и несколькими примерами, основное внимание же он уделяет словоизменительным категориям, а элементы словообразования (диминутивы, суперлативы и компаративы и патронимы) он описывает в отдельных главах (с 17 по 19). В этом отношении он сближается с грамматикой испанского языка 1555 и грамматиками семитских языков (в некотором роде, и с грамматикой Тамары и Небрихи).

4. Сопоставительный анализ акциденций в грамматике Доминго де Санто Томаса и других грамматических сочинениях

4.1. Акциденция качество. Имена собственные

4.1.1. Грамматики латинского языка

Донат в своей грамматике деление имен на собственные и нарицательные представляет в рамках описания акциденции качества, также включает упоминание о данном делении в определение имени (70). В качестве имен собственных автор рассматривает как антропонимы, так и топонимы, что видно из примеров, приводимых автором для иллюстрации каждой группы («Roma», «Tiberis» и «urbs», «flumen») (патронимы, построенные по греческому образцу, вероятно, автор не рассматривал в качестве имен собственных). В Ars Maior автор не дает никаких эксплицитных комментариев и специальных характеристик относительно содержательного аспекта, не приводит никаких критериев для разграничения двух подклассов. Однако, как отмечает [Barros Ochoa 2000], в краткой версии, «Ars Minor», данные классы разводятся автором

на основании семантического критерия.

Основное внимание автор обращает на описание видов каждого из подкласса. Так, среди имен собственных он выделяет четыре вида : имя (praenomen), родовое имя (nomen), наименования ветви рода (cognomen), прозвище (agnomen) (Publius Cornelius Scipio Africanus) (71). При этом он ограничивается лишь примерами для каждого вида, а также комментариями относительно способов их записей.

В грамматике Присциана деление на имена собственные / нарицательные, с одной стороны, упоминается в определении имени (как это было у Доната), с другой стороны, не представляется в качестве акциденции, а выносится в отдельный раздел. Как кажется, под именами собственными автор понимал, подобно Донату, как антропонимы, так и топонимы, однако больший акцент автор ставит на антропонимах. Несколько неясно, включились ли патронимы автором в сферу обозначения термина имена собственные или нет.

При описании подклассов автор дает эксплицитную характеристику каждой группе. Согласно [Barros Ochoa 2000: 345], Присциан также, как и Донат в «Ars Minor», опирается на семантический критерий, при этом несколько расширяет его. Так, имена собственные, согласно Присциану, обозначают единичную субстанцию или качество и относятся к единичным объектам, неделимым, нарицательные же обозначают качества и субстанции (а также количество), которое может быть присуще многим объектам / сущностям, как обозначающим родовые классы, так и видовые (72). Кроме того, в грамматике Присциана намечается тенденция к выделению имен собственных и нарицательных в самостоятельные (значимые) классы. Так, как отмечает [Barros Ochoa 2000: 347], автор описывает проблему употребления имени собственного во множественном числе. Кроме того, часто, описывая какое-либо явление, характерное для класса имен (например, соотнесение с определенной родовой группой или отсутствие у «собственных прилагательных» сравнительных степеней), автор пользуется не наименованием класса слов (имена), а

наименованиями его подклассов (имена собственные и нарицательные) (73).

Присциан выделяет те же четыре разновидности имен собственных, что и Донат. При этом он несколько иначе трактует некоторые группы. Так, он отмечает, что «praenomina» являются наименованиями, которые даются людям для маркирования их индивидуальности / как дань традиции, «nomina» – собственно именами, присущими отдельным людям, «cognomina» – родовыми именами (типа Scipio), «agnomina» – наименованиями в честь какого-либо события (74). Подобно Донату он останавливается и на вопросе графической передачи сложных наименований.

В грамматике латинского языка Небрихи представление имен собственных и нарицательных в общем и целом соответствует тому, что обнаруживается в грамматике Присциана и Доната. Так, подобно Донату, упоминание о делении на два подкласса автор включает в определение имени (75). Кроме того, он, подобно Донату, описывает два рассматриваемых подкласса в рамках представления акциденции качество (76). Подобно Присциану, в качестве имен собственных Небриха в основном понимает антропонимы, хотя и включает в данный подкласс другие разновидности (например, топонимы). Как и в случае с Присцианом, не совсем ясно, рассматриваются ли патронимы в качестве отдельного от имен собственных подкласса или нет.

Проблему определения имен собственных в основном тексте автор решает схожим с Донатом образом, а в комментариях – схожим с Присцианом (77). Что касается критериев описания обоих классов и их разграничения, то, как кажется, Небриха пользуется как семантическим критерием, упоминаемым в определении, так и формальным. Так, подобно Присциану, Небриха останавливается на проблеме употребления имен собственных в форме множественного числа, решая ее в пользу отнесения подобных имен в класс нарицательных (78).

Подобно античным грамматистам, он выделяет четыре вида имен собственных. Сходным с Присцианом образом Небриха описывает и суть

каждого из подвидов. (При этом Небриха также упоминает идею о том, что разновидность nomina может быть и индивидуальным, и родовым наименованием, и, как кажется, склоняется в пользу первой трактовки.) (79)

Однако испанский грамматист несколько расширяет и углубляет данную проблематику (непосредственно в разделе, посвященном описанию имен собственных). Так, он приводит факты из другого языка (древнееврейского), в котором имеет вместо иное, отличное от латинского языка, положение вещей, а именно то, что в древнееврейском одна и та же форма имени используются как в качестве имен собственных, так и в качестве имен нарицательных в противоположность латинскому, где имена одной формы могли использоваться вместо имен другой формы (80). Тем самым Небриха представляет данное явление более универсально, не как индивидуальное, свойственное только латинскому языку, но и как присуще большему количеству языков.

В последующих грамматиках латинского языка также встречается деление на имена собственные и нарицательные. При этом ни в одной грамматике оно не вынесено в состав акциденций. Эксплицитная характеристика встречается только у Жильберти и у Тамары, которые определяют данные подклассы вслед за античной традицией и Небрихой (81).

Что касается грамматики Семпере, то в ней не обнаруживается определения данных подклассов. Можно лишь отметить, что он знал об этом делении и пользовался им, так как оно встречается в тексте грамматики (например, в разделе, посвященном правилам соотнесения имен с родовыми группами) (82). При этом данные разновидности имен у грамматистов позиционируются не в качестве акциденций, а, подобно Присциану, в качестве отдельных, самостоятельных, отличных от акциденций, явлений. Так, например, в грамматике Жильберти имена собственные и нарицательные композиционно и структурно рассматриваются наравне с делением на прилагательные и существительные (после определения имени и до представления категорий).

В грамматике Тамары, во-первых, упоминание об именах собственных и

нарицательных включено в определение имен (в состав постоянных признаков), во-вторых, представляется в отдельном параграфе, не связанном с грамматическими признаками. Иными словами, в данных грамматиках имена собственные и нарицательные более или менее эксплицитно позиционируются (как и у Присциана) в качестве лексико-семантического класса, а само деление на данные классы – как деление иного уровня, отличного от деления слов по грамматическим признакам. При этом имена собственные и нарицательные практически не упоминаются авторами, что может свидетельствовать в пользу того, что грамматисты выносят лексические классы (нарицательные / собственные) из грамматического описания.

В качестве имен собственных также в основном представляются антропонимы, хотя остальные группы тоже рассматриваются как единицы данного класса.

Таким образом, в грамматиках латинского языка имена собственные рассматривались следующим образом. Деление на собственные и нарицательные в части грамматик рассматривается в качестве одной из акциденций (Донат и Небриха), а в части (Присциан и грамматики XVI века) оно выносится из их состава. В качестве наиболее типичных представителей имен собственных рассматриваются антропонимы. При этом другие группы, например, топонимы, хотя и упоминаются, однако гораздо реже. Достаточно диффузно трактуют авторы проблему отнесения патронимов и других производных имен к классу имен собственных. В качестве основной характеристики выбирается семантический аспект, а точнее, соотнесенность с определенным количество референтов (хотя встречаются и другие признаки). Кроме того, менее эксплицитно упоминается и формальный признак, а именно отсутствие форм множественного числа. Также рассматривались такие вопросы, как определение разновидностей имен собственных. Данная проблематика характерна в основном для позднеантичных грамматик и труда Небрихи, в грамматиках XVI века она практически не затрагивается.

4.1.2. Грамматики испанского языка

Что касается грамматик испанского языка, то во всех них используется в тех или иных объемах представление о делении имен на собственные и нарицательные, однако только в грамматике Небрихи и Вильялона дается специально описание. Содержание определения, которое дают Вильялон и Небриха данным разновидностям, соответствует тому, которое обнаруживается в грамматиках латинского языка, то есть, также рассматривается разница между двумя классами имен в их отношении к определенному количеству объектов (83) (см. [Ramajo Caño 1987:80]). Практически во всех грамматиках встречается идея о самостоятельности двух классов. Так, например, Вильялон и автор анонимной грамматики 1555 года активно используют имена собственные наравне с именами нарицательными при иллюстрации теоретических положений (например, при объяснения склонения или рода). В грамматиках также намечается тенденция к разделению двух подклассов по особому формальному и синтаксическому критериям: отсутствие артикля у имен собственных (у дель Корро, автора грамматики 1555 года, а также у Небрихи), отсутствие показателей множественного числа (у дель Корро и Небрихи), степеней сравнения и грамматического рода (у дель Корро) (84).

При этом грамматику Небрихи отличает тот факт, что ее автор включает деление имен на собственные и нарицательные в состав акциденций (85). Кроме того, описание разновидностей имен собственных у Небрихи соответствует тому, что было им представлено в латинской грамматике. Более того, автор ищет аналоги латинской системе антропонимов в испанском языке. Так, автор выделяет группу «nombres proprios» (собственно личные имена) (видимо, как аналог nomina); «prenombres», наименования, которые в римской культуре, согласно Небрихе, являлись своего рода маркерами социальной иерархии, служащими для различения людей с одним и тем же личным именем (prenomina), прямых аналогов которых автор не находит в испанском языке и приводит варианты форм обращения, например, «don»; также выделяет

«connombres» (калька с латинского cognomina), трактуемые автором в качестве фамилий (Небриха также приводит и собственно испанский термин «apellidos»); кроме того, выделяет «renombres» или «anombres» (аналог agnomina), прямых аналогов которым автор также не находит и в качестве варианта приводит уточняющее наименование, типа «maestre» (85). Кроме того, среди имен собственных помимо антропонимов Небриха перечисляет и топонимы (86).

Иными словами, в грамматиках испанского языка имена собственные и нарицательные рассматриваются в качестве самостоятельных подклассов, при этом они постепенно перестают быть объектом грамматики, поскольку воспринимается как объекты лексикографического, а не грамматического описания. В грамматике же Небрихи и Вильялона, где их описание присутствует, сущностные характеристики сохраняются (те же, что и в грамматиках латинского языка). Небриха при этом вместе с антропонимами описывает и топонимы, а также несколько модифицирует трактовку четырех типов личных имен, что обусловлено особенностями испанской лингвокультуры.

4.1.3. Грамматики неидоевропейских языков

Наконец, практически во всех грамматиках неиндоевропейских языков также встречается упоминание о данной лексико-семантической группе, при этом практически никто из авторов (кроме Саморы в первой версии) не описывает данное деление как эквивалентное грамматическим категориям (то есть не включают в состав акциденций). Само по себе представление такого деления встречается только в первой версии грамматики Саморы и в работе де Алкала (87), и только у Саморы встречается определение двух подклассов, которое по своему содержанию не отличается от вышеописанных определений (88) (то же верно, видимо, и для трактовки де Алкала, поскольку, по словам автора, сущностные характеристики имен собственных арабского языка не отличаются от характеристик имен собственных латинского языка).

В качестве имен собственных рассматривались преимущественно

антропонимы. Тем не менее, из комментариев, представленных некоторыми авторами, ясно, что в разряд имен собственных они относили, помимо антропонимов, еще и топонимы. Так, Самора при описании падежных значений отмечает, что имена собственные, обозначающие людей и географические объекты, имеют ряд особенностей в отношении некоторых представлений, связанных с падежными значениями. Из описания относительных прилагательных, которое представляет де Алкала и где упоминаются разнообразные наименования городов и их жителей, возможно предположить, что он также рассматривал топонимы в качестве составной группы имен собственных, однако не выразил эту идею эксплицитно. Также из комментариев Ольмоса относительно случаев употребления аффиксов притяжательности при именах возможно предположить, что в содержание термина propios автор вкладывал не только антропонимы (89).

При этом практически во всех грамматиках неиндоевропейских языков встречается упоминание об особом поведении имен собственных, хотя подобное явление и не рассматривается системно.

Так, Самора отмечает, что имена собственные не могут употребляться с аффиксальными личными показателями, с артиклями, в изафетных конструкциях (термин изафет используется для удобства в том значении, в котором он используется в тюркологии, то есть как обозначающий сочетание двух имен с наличием или отсутствием особых морфологических показателей), не имеют множественного числа, некоторые префиксы получают особую огласовку при присоединении к именам собственным. Ольмос, в свою очередь, отмечает, что имена нарицательные могут употребляться с уменьшительным аффиксом -ton, -tin (хотя автор не использует данный термин) и некоторой особой группой местоимений, а имена собственные, в свою очередь, не употребляются с аффиксом -tçin, а также с некоторыми местоимениями, с которыми могут употребляться имена нарицательные (90).

Кроме того, Самора, Ольмос и де Алкала неоднократно вместо термина

имя употребляют названия обоих подклассов – имя собственное и имя нарицательное – при описании характеристик, которые присущи им обоим (491, что также может свидетельствовать в пользу того, что данные группы рассматривались в качестве особых и самостоятельных с собственным набором признаков.

Таким образом, в грамматиках неиндоевропейских языков в трактовке имен собственных отмечается схожая ситуация. Данная группа имен рассматривается в качестве самостоятельных единиц с собственными морфологическими особенностями. При этом отдельное описание данной группы авторами грамматик не включается в грамматики, и подразделение имен на имена собственные и нарицательные ими больше не рассматривается (кроме Самары в первой версии грамматики) в качестве акциденции. Кроме того, в качестве имен собственных авторами рассматриваются не только антропонимы, в их состав включаются и топонимы.

4.1.4. Грамматика Томаса

В грамматике Томаса имена собственные и нарицательные описываются во второй главе в рамках представления одной из акциденций имени – качество. Томас отмечает, что все имена делятся на две группы: собственные (nombre proprio) и нарицательные (nombre común). Среди собственных он выделяет антропонимы и топонимы (Quispe, Condor, Chincha, Xauxa), среди нарицательных лексемы «runa», «piscu», «sacha». Кроме того, он отмечает, что данное деление характерно и для испанского и латинского языков (92).

Имена собственные также упоминаются в двадцать третьей главе, в которой Томас представляет описание системы личной номинации в языке кечуа. Кроме того, в семнадцатой главе, посвященной описанию патронимов, Томас пользуется термином «sobrenombre» для обозначения составной единицы, входящей в структуру имен собственных мифологических предков индейских родов («Toco» в имени «Maras Toco» и «Inga» имени «Mango Inga»).

Таким образом, Томас под терминами «común» и «proprio» понимает

исключительно имена собственные и нарицательные. При этом он не приводит определения ни одного из подклассов. Важной чертой является то, что Томас включает в состав «proprios» еще и топонимы. Кроме того, автор пользуется представлением о разновидности имен собственных и использует испанские термины.

Из сравнения Томаса с другими рассматриваемыми грамматиками можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томаса объединяет с Саморой то, что они рассматривают в грамматике описываемых ими языков имена собственные и нарицательные в качестве явления, относящегося к типу языковых признаков, акциденций. В этом отношении, вероятно, Томас (а также Самора) опираются на грамматику латинского языка Небрихи (и/или работу Доната). При этом Томас, подобно Донату, и, в противоположность Саморе и Небрихе, не приводит определения каждого из подклассов, а ограничивается лишь примерами.

Во-вторых, в отличие от большинства грамматик, в работе Томаса практически отсутствует представление о самостоятельности данных классов и наличии у них особого набора признаков.

В-третьих, отличается описание Томаса в отношении описания разновидностей имен собственных. Так, с одной стороны, он, подобно авторам грамматик неиндоевропейских языков, авторам грамматик испанского языка (кроме Небрихи), и авторам грамматик XVI века, вышедших после работы Небрихи, не дает описания разновидностей имен собственных так, как это было принято в грамматиках латинского языка Присицана или Небрихи, ни ищет эквивалентов в описываемом им языке, как это было в грамматике испанского языка Небрихи. Однако, с другой стороны, он, как уже было сказано, останавливается специально на описании системы наименования у индейцев. При этом Томас пользуется терминами «sobrenombre».

Наконец, в четвертых, подобно Саморе и Небрихе и, отчасти, де Алкала и Ольмосу, Томас представляет расширенное толкование термина имя

собственное, включая в его содержание помимо антропонимов еще и топонимы.

4.2. Акциденция вид

4.2.1. Выделяемые в грамматиках разновидности производных имен

4.2.1.1. Грамматики латинского языка

У Доната вил представляется как некая совокупность разновидностей имен нарицательных, выделяемых на основе некоторого набора признаков (единичных и в комбинации друг с другом). Так, Донат среди видом имени выделяет такие, основным отличительным признаком которых является семантика (например, материальные, нематериальные, омонимы, синонимы), форма (например, сходные с причастием и глаголом), синтаксис и семантика (прилагательные), семантика и форма (диминутивы).

В грамматике Присциана вид трактуется двояко. С одной стороны, автор, подобно Донату, понимает под видом некоторую разновидность имен семантического или грамматического характера и выделяет, соответственно, разновидности имен собственных и нарицательных. С другой стороны, вид трактуется как исключительно формальный признак, а именно, признак, по которому все имена разделяются на простые и производные (93). При этом автор не эксплицирует его. Среди производных имен на основании комплексных критериев он выделяет следующие: патронимы, посессивы, компаративы, суперлативы, диминутивы, производные от глаголов, наречий или предлогов, имен и причастий.

В грамматике Небрихи вид трактуется исключительно во втором значении, а именно в качестве формального признака, по которому имена делятся на простые и производные, хотя при этом автор и указывает на существование других значений (в версии грамматики 1481 года встречается и классификация античных авторов). Грамматист также не дает внятного определения акциденции, он лишь представляет определение простых и производных имен по признаку производность (94). Подобно Присциану, Небриха выделяет то же

количество разновидностей производных имен. При этом он разводит описание имен, производных от имен, и имен, производных от глаголов, наречий или предлогов и причастий, посвящая при этом каждому из них самостоятельный раздел.

В грамматиках латинского языка, возникших после грамматики Небрихи, вид как акциденция упоминается только у Семпере и трактуется так же, как и у Небрихи (95). При этом описание дается только«патронимам, диминутивам, компаративам и суперлативам и частично производным от глаголов. Кроме того, данные имена описываются в разделах, отдельных от описания грамматических категорий. Более того, компаративы и суперлативы и имена, производные от глаголов, рассматриваются в разделе о синтаксисе, в то время как диминутивы и патронимы в конце раздела об имени.

В грамматике Тамары также представляется описание некоторым производным (диминутивам, компаративам и суперлативам, патронимам и производным от глаголов), однако данные группы на рассматриваются как относящиеся к какой-либо акциденции.

Таким образом, проблема аффиксального словообразования, обозначаемая как акциденция вид, рассматривается подробно только в грамматиках Присциана и Небрихи. Авторы представляют в качестве основной характеристики формальную сложность и основное описание сосредотачивают на описании особенностей производных имен. В последующих грамматиках латинского языка подобная проблематика постепенно сходит на нет. Сохраняется описание только некоторых производных имен (патронимы, диминутивы, компаративы и суперлативы и, отчасти, отглагольные). При этом оно выносится в отдельный раздел.

4.2.1.2. Грамматики испанского языка

В грамматиках испанского языка вид как акциденция упоминается только у Небрихи и рассматривается так же, как и в его грамматике латинского языка

(96). Несмотря на это, в большинстве рассматриваемых грамматиках испанского языка представлено описание тех или иных разновидностей производных имен, которые реализуют акциденцию вида. Так, Небриха описывает полный набор производных имен (которые он представил в грамматике латинского языка), остальные авторы (дель Корро и автор 1555 года) представляют описание только для диминутивов, патронимов и компаративов с суперлативами. Более того, в отличие от Небрихи, данные авторы выносят описание производных имен в отдельный раздел, вне описания грамматических категорий. В грамматике Вильялона и грамматике 1559 года описания производных имен не представлено.

4.2.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.

Описание проблемы производности и производных имен встречается у всех авторов. При этом из всех грамматик неиндоевропейских языков только в грамматике Саморы представлено определение видовых классов, у Ольмоса и де Алкала упоминается лишь деление имен на простые и составные. Судя по комментариям Саморы и по примерам, приводимым де Алкала и Ольмосом, можно отметить, что понимание грамматистами их сущностных характеристик идентично тому, что представлено в грамматиках латинского языка (97).

Набор производных имен у авторов грамматик этих языков варьируется. Самора представляет описание патронимов, посессивов, отглагольных, деноминативов, компаративов и суперлативов, диминутивов, причастных. Де Алкала описывает диминутивы и производные имена, образованные от глаголов (при этом отглагольные упоминаются дважды: при описании глагольных форм и вместе с диминутивами), а также наименования жителей. В грамматиках Ольмоса и Жильберти отдельно групп производных не выделяется, однако из их описания можно заключить следующее. Жильберти описывает компаративы, суперлативы и диминутивы эксплицитно и отглагольные и производные от имен имплицитно, Ольмос – посессивные, деноминативные, отглагольные, диминутивные, компаративы и суперлативы, причастные, наречные,

наименования жителей (98).

4.2.1.4. Грамматика Томаса

Акциденцию вид Томас описывает в рамках представления именных акциденция. Грамматист отмечает, что по данному признаку все имена делятся на простые (primitivos) и производные (derivativos), поясняет суть каждого из классов (к простым, по его словам, относятся имена, которые не являются производными от других, к производным – имена, которые таковыми являются, и в качестве примеров приводит отглагольное имя «tiyana» (сиденье) и глагол «tiyani» (форма первого лица единственного числа от глагола tiyay «садиться»), от которого оно образовано, и их аналоги на испанском языке «assiento» и «assentar» (99). При этом Томас не выделяет эксплицитно состава класса производных имен. Тем не менее в отдельных главах (17-19) он описывает патронимы, диминутивы и компаративы и суперлативы, а также в главе о глагольных дериватах отглагольные имена.

В этом отношении он совпадает с авторами грамматик латинского языка XVI века (включая третью версию грамматики Небрихи), а также с автором испанской грамматики 1555, де Алкала и Саморой.

4.3.1. Патронимы

4.3.1.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната патронимы представлены в качестве одной из разновидностей имен. Автор не дает определения термину патроним, однако, судя по примерам, он понимает под ним в узком смысле наименование потомков по именам отцов, а из описания – в широком наименование потомков (как по мужской, так и по женской линии), присваиваемое по именам предков (отцов, матерей, более дальних предков). Кроме того, важно отметить, что грамматист останавливается на описании только личных родовых имен, заимствованных латинским языком из греческого. Родовые наименования собственно латинского языка, хотя и рассматриваются им в разделе об именах

собственных, где им соответствует термин «nomen» (например, Cornelius), однако не позиционируются как патронимы.

Что же касается непосредственно внутрилингвистического плана, то, суммируя комментарии грамматиста и то, что им не было эксплицировано, можно отметить следующее. Во-первых, Донат при описании патронимов останавливается на семантических классах производящей основы. Согласно ему, в качестве производящей базы могли браться наименования отцов, матерей или более далеких предков (avus). Во-вторых, он отмечает тип согласовательного (родового) класса патронимов. В-третьих, он описывает форманты, которые отличают патронимы от других имен (-des, -ius, -on, -es, -as, -ne) (100).

В грамматике Присциана представлено узкое и широкое толкование термина патроним, которое в общем и целом соответствуют Донатовским вариантам. Тем не менее Присицан несколько расширяет толкование термина, включая в него производные от имен царей, основателей городов и братьев (101). Кроме того, автор эксплицитно разводит родовые имена, пришедшие в латинский из греческого языка (которые он называет собственно патронимы), и собственно латинские (имена собственные в его понимании). Так, он отмечает что в круг слов, носящих название патронимы, входят только те слова, которые образованы по греческой модели, то есть греческий корень и греческий суффикс, за исключением (согласно Присциану) немногочисленных авторских окказионализмов, область функционирования которых в латинском языке, в отличие от греческого языка, ограничена рамками поэтических произведений. Что касается общелитературного латинского языка, то в качестве аналогов греческих родовых наименований автор приводит наименования, которые он объединяет под одним термином «cognomina familiarum». В качестве примера он приводит название рода Корнелиев и ветви рода Марцелл (Cornelii и Marcelli), а также поясняет происхождение данных наименований, отмечая, что они идут от имен основателей Корнелия и Марцелла (102).

Однако несмотря на это, нельзя еще сказать, что представление о системе

наименований и, в частности, о родовых именах, оформляется должным образом в грамматике Присциана. Так, подобно Донату, автор приводит описание родовых имен и в разделе о видах имен собственных. При этом термин «nomen», который у Доната соответствовал родовому наименованию, он определяет как индивидуальное имя и в пример приводит имя Paulus, а «cognomen», который у Доната определялся как наименования ветви рода, Прициан определяет как собственно наименования рода, хотя при этом в качестве примера приводит Scipio (наименования ветви рода). Подобное описание можно объяснить тем, что в эпоху Присциана классическая римская система наименований из 4 позиций стала претерпевать изменения. В частности, многие наименования ветви родов стали использоваться для обозначения собственно наименований родов. Присциан смешивает в одном термине «cognomen» систему наименования Рима классического периода (в примерах при описании разновидностей имен собственных и в основном тексте при описании патронимов) и систему наименований своего времени (в определении термина при описании имен собственных), когда наименования ветви рода стали функционировать в качестве наименований рода.

Наконец, присутствует у Присциана и описание внутриязыковых особенностей патронимов, которое в общем и целом соответствует Донатовскому (внимание на пол референта, согласовательный класс и словообразовательный форманты) (103).

Грамматика латинского языка Небрихи в описании патронимов не отличается практически в содержательном и концептуальном плане от грамматики Присциана. Грамматист также представляет патронимы в рамках описания акциденции вида, также дает им определение, которое тем не менее отличается большей эксплицитностью, поскольку автор включает в него, в отличие от Присциана и Доната, идею о том, что данный класс обозначает потомков того или иного рода.

Небриха также обращает внимание на ядерное и периферическое

значение термина (104), на модели образования патронимов. Отличаются лишь некоторые детали в отношении самого образования (105).

В грамматике Небрихи также не складывается лаконичного описания системы наименований как универсального явления, и родовых наименований, в частности. Подобно античным авторам, Небриха разводит объем терминов имена собственные и патронимы, поскольку при описании патронимов фокусируется только на тех родовых наименованиях, которые пришли в латинский язык из греческого языка. При этом, в отличие от Присциана, он не дает комментария относительно исконно латинских родовых наименований в разделе о патронимах, но при этом также рассматривает их в разделе, посвященном именам собственным (в качестве родовых имен он приводит такие имена собственные с аффиксом -ius, как Portius, Cornelius, Julius) (106).

В грамматиках латинского языка, вышедших после грамматики Небрихи, описание патронимов в содержательном плане не меняется по сравнению с грамматиками Присциана и Небрихи. Отличительной особенностью является лишь то, что внимание к патронимам ослабевает и намечается тенденция к разведению явлений словообразования и словоизменения, поскольку в работе Тамары, подобно двуязычной версии грамматики латинского языка Небрихи, патронимы описываются отдельно от описания морфологических категорий имени, а в грамматике Жильберти их описания не представлено вообще. Кроме того, описания данного класса отличаются краткостью. Так, Семпере делает акцент только на определении данных имен и на моделях их образования (107), а Тамара (останавливаясь на вышеуказанных моментах) также кратко останавливается и на описании особенностей их функционирования в латинском языке (108). При этом все авторы останавливаются только на родовых наименованиях, пришедших в латинских язык из греческого, собственно латинские патронимы они в грамматике не рассматривают.

Иными словами, к моменту написания грамматики языка кечуа в грамматиках латинского языка сложились следующие представления о

патронимах.

Во-первых, они рассматривались большинством грамматистов в качестве одного из классов производных имен, выделяемых на основании особого признака производность. В одних грамматиках данный класс описывался вместе с грамматическими категориями имени, в других (в основном в грамматиках латинского языка XVI века) он выносился в отдельное место, тем самым позиционируясь в качестве особого явления, отличного от таких признаков, как род, число и так далее.

Во-вторых, термин патронимы использовался грамматистами в двух планах: узком и широком. В узком смысле понимались обозначения потомков мужского и женского рода, получавших свое родовое имя по имени отца, в широком – по имени основателей рода (родственников, известных людей и так далее). В грамматиках XVI века используется преимущественно широкое толкование.

Кроме того, данный термин обозначал исключительно родственные наименования, образованные в латинском языке по греческой модели. Собственно латинские наименования, хотя и рассматривались некоторыми авторами (Небрихой и Присцианом), тем не менее описывались в связи с иной проблематикой (в рамках деления имен на собственные и нарицательные) и в иных терминах.

Иными словами, в грамматиках XVI века еще не складывается стройной модели описания системы наименований людей и, в частности, описания особенностей родовых наименований, вместо этого, латинские и греческие системы разводятся, а у некоторых авторов смешиваются системы наименования греко-латинской культуры разных этапов ее развития.

Наконец, в связи с описанием патронимов затрагивались такие языковые проблемы, как семантика производящей основы, словообразовательные форманты, тип согласовательного класса самих производных имен.

4.3.1.2. Грамматики испанского языка

Из всех рассматриваемых грамматик испанского языка патронимы описываются только в грамматике Небрихи и в анонимной грамматике 1555 года. В грамматике Небрихи патронимы рассматриваются в том же разделе, что и в грамматике латинского языка, и представляются как разновидность производных имен, выделяемых по признаку производность, который, в свою очередь, включается в состав акциденций. В грамматике 1555 года – в отдельном разделе, который размещается в самом конце грамматики, после описания всех частей речи. Патронимы у автора анонимной грамматики 1555 года не позиционируются эксплицитно ни как производные имена, ни как составная часть акциденций.

На основе анализа указанных работ можно предположить, что в них начинает формироваться представление о родовых наименованиях как особом явлении, имеющем свое специфическое выражение в разных языках. Так, в обеих грамматиках в качестве патронимов в испанском языке описываются собственно испанские родовые наименования (фамилии) типа Álvarez. Авторы (например, Небриха), хотя и упоминают греческие модели, однако ввиду их отсутствия в испанском языке, не рассматривают в качестве релевантных (109). Кроме того, Небриха не ограничивается только испанским и латинским языками и описывает родовые имена из других языков (в рамках раздела об именах собственных). Так, он приводит примеры из семитских языков. В описании семитских родовых имен автор указывает на такой способ образования, как прибавление к имени собственному имени отца (с прибавлением лексемы «bn» со значением «сын») или названия города (110).

Однако говорить о складывающемся окончательно представлении о родовых именах в грамматике Небрихи еще не приходится. Так, автор, как и в своей грамматике латинского языка, родовые имена описывает дважды. При этом они описываются им с разных углов зрения и с помощью разных терминов. С одной стороны, как уже было сказано, автор представляет их в рамках

описания классов производных имен, где они рассматриваются как класс «patronímicos». При этом он использует и испанский эквивалент «sobrenombres». С другой стороны, родовые наименования (фамилии) представляются в рамках описания разновидностей имен собственных, где они рассматриваются как третья разновидность, а именно «connombres». Более того, в качестве иллюстрации автор приводит иные фамилии «Estuñigas» и «Mendoças», ставит их в форму множественного числа, а также приводит еще один термин, «apellido», как аналог «connombre» (111).

Что касается грамматики 1555 года, то ее автор приводит описание только родовых наименований и не обращает внимание на другие имена собственные.

Что касается внутрилингвистических характеристик, то у Небрихи патронимы рассматриваются с точки зрения их особой семантики – в качестве наименований потомков своего прародителя (что соответствует широкому толкованию термина), а также с учетом их особой формы – как более сложные по морфологическому составу имена, а также косвенно упоминается производящая основа (когда отмечается, что патронимы обозначают имена потомков своих предков). В качестве примеров Небриха приводит, помимо собственно родовых имен испанского языка, также и потенциально возможную форму в латинском языке, которая выглядела как «Alvarides». Грамматист при этом не приводит (как это представлено в его грамматике латинского языка) особого списка аффиксов, которые могли бы участвовать в словообразовании патронимов в испанском языке. Небриха лишь представляет пары «Álvarez» – «Álvaro» и «Pérez» – «Pedro», а также, как уже было сказано, предлагает возможный аналог на латинском языке типа «Petrides» и «Alvarides».

Автор анонимной грамматики, в отличие от Небрихи, выделяет эксплицитно словообразовательные форманты. Так, он утверждает, что отличительной особенностью патронимов в испанском языке является особое «окончание» -ez, и в качестве примеров приводит пару «Hernando» – «Hernández». При этом, можно предположить, исходя из примеров, которые

приводит автор, что в описании представлена и семантическая сторона, а именно значение самих патронимов («Hernández»– «hijo de Hernando»).

Иными словами, в грамматиках испанского языка описания патронимов практически не отмечается. В тех же грамматиках, где оно присутствует, только у Небрихи патронимы рассматриваются вместе с описанием грамматических категорий, в работе же автора 1555 года они выносятся в отдельный раздел. Что касается трактовки термина патронимы, то намечается складывание системного представления о родовых именах, которые могут иметь разное морфологическое выражение в разных языках. Так, термин патронимы охватывал собственно родовые наименования (фамилии) в испанской языковой культуре, (относительно же латинского языка он понимался в соответствии с латинским каноном). Кроме того, в грамматике Небрихи также представляются иные (не аффиксальные) способы оформления родовых имен (например, в семитских языках). Тем не менее, нельзя еще говорить о том, что подобное представление окончательно складывается, поскольку в грамматиках еще наблюдаются некоторые сомнения в отношении его понимания (что особенно видно в работе Небрихи, где для одного и того же понятия используется четыре термина). Что касается формально-языковой стороны, то уже присутствует идея об особом форманте (-ez).

4.3.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков.

Из четырех рассматриваемых грамматик неиндоевропейских языков только в грамматике древнееврейского языка (в первой и второй версии) упоминается термин патронимы и приводится соответствующее описание (Стоит отметить, что в современной филологической испаноязычной литературе термин «patronímico» включает в себя как родовые наименования, так и название жителей, в связи с чем в работе [Labarta & Barceló 1999: 104], в которой анализируется грамматика де Алкала, и в [Téllez Nieto 2015: 104], которая посвящена сочинению Ольмоса, отмечается, что авторы анализируемых сочинений приводят описания имен, обозначающихся данным термином, в

частности, наименований жителей. В данной работе термин патроним используется, вслед за [Куранян 1984], как обозначающий родовые наименования.) В обеих версиях грамматики патронимы описываются в качестве разновидности производных имен, выделяемых на основе признака производность, который носит название вид. При этом в первой версии патронимы описываются вместе с другими акциденциями, а во второй версии – отдельно, после описания словоизменительных категорий имени.

В качестве патронимов автор понимает относительные прилагательные на -i, производящая основа которых по своей семантике связана с наименованиями людей. Собственно патронимов (например, конструкций с «ben» / «bat» [Торпусман 1989: 118]) автор не описывает как таковых, что вероятно, обусловлено латинизирующей тенденцией. Стоит заметить, что в грамматике Саморы присутствует описание имен собственных, однако автор ограничивается лишь примерами личных имен, не упоминая при этом других разновидностей.

Что касается собственно внутрилингвистического описания, то Самора описывает патронимы с точки зрения их семантики и формы, то есть приводит (отдельно для каждого из двух родов) различные способы образования относительных прилагательных, семантически связанных с идеей принадлежности референта к тому или иному роду, среди которых главной является аффиксальный тип (112).

4.3.1.4. Грамматика Томаса

Описание патронимов в грамматике Томаса приводится в 18 главе. Томас отмечает, что в составе класса имен в латинском и испанском языках выделяется группа слов, особенностью которой является то, что имена, образующие эту группу, являются наименованиями потомков какого-либо рода и наименованиями жителей, восходящих (*букв.* «se derivan») к именам родителей (предков или братьев / сестер) и к названиям обитаемых земель, соответственно. В качестве примера он приводит пары типа Сципионы –

Сципион, Катоны – Катон, римляне – Рим, Мендосы, Гусманы, андалуссийцы (113).

Говоря непосредственно о языке кечуа, автор подчеркивает, что в нем также обнаруживаются слова подобного рода, отмечая, что если человек добивается признания в какой-то области, его имя может передаться как его детям, так и более дальним потомкам.

Затем автор указывает на то, что индейцы обычно используют в качестве наименований названия родов (общин), которые на кечуа называются «ayllu» и / или «pachaca», а также наименования населяемых ими территорий. В качестве примера для первого случая он приводит среди прочего название народа «инки», которое происходит, по его словам, от имени основателя Манка Инки, а также названия общин, на которые делились инки, например, «capac ayllo», «igñaca pañaca ayllo» и «cucco pañaca ayllo», а в качестве иллюстрации наименований жителей –название народа «collas», которое, по словам того же Томаса, происходит от названия поселения «Hatuncolla» (114). При этом в качестве термина, обозначающего второй элемент сложного имени, Томас использует испанское слово «sobrenombre».

Наконец, Томас отмечает, что нет определяемого списка моделей для образования патронимов (115).

Системно взгляды Томаса по проблеме патронимов сводятся к следующему.

Во-первых, описание патронимов вынесено Томасом в самостоятельную главу, рассматривается отдельно от описания грамматических категорий и представлено как явление иного порядка.

Во-вторых, в грамматике Томаса к патронимам относятся как личные имена, так и наименования жителей.

В-третьих, сами патронимы описываются скорее с социокультурной стороны, нежели собственно лингвистической. Так, в определении акцент делается на значении самих патронимов, а идея их формальной производности,

хотя и присутствует, несколько заретуширована. Так, Томас не приводит никаких словообразовательных элементов ни для кечуа, о чем он эксплицитно говорит, ни для испанского, ни для латинского языков, а выражение «se derivan» в определении скорее следует понимать в социально-культурном аспекте как «имена передаются кому-то», а не сугубо лингвистическом, как «являются производными от».

В-четвертых, трактовка термина патроним как личного имени несколько отличается в отношении испанского / латинского и кечуа.

Для испанского и латинского языков в содержание термина, по Томасу, входят собственно родовые наименования. При этом его трактовка имеет ряд особенностей. В качестве примером он приводит наименования знатных семей. Также в примерах автор смешивает факты античной культуры и испанской, поскольку под одним термином он объединяет наименования ветвей родов Сципионы и Катоны античной культуры и фамильные наименования Мендосы, Гусманы испанской культуры. Более того, патронимы представляются в форме множественного числа. Несколько непоследовательно они представлены и в формальном отношении: наименования, связанные с античной культурой, автор приводит в виде пар: Сципион – Сципионы, Катон – Катоны, Рим – римляне, а наименования испанских реалий – без (Мендосы, Гусманы и андалуссийцы).

Что касается кечуа, можно отметить следующее. Томас не описывает в разделе о патронимах собственно родовые наименования кечуа как единицы системы наименований. Вместо этого миссионер приводит описание иных единиц кечуа, в частности, наименования членов определенного клана по названию клана, например, «инки» как патроним от Манка Инки. При этом автор не отмечает эксплицитно наличие расхождения между европейской системой номинации и системой наименования индейцев, хотя, видимо, на уровне интуиции он осознавал разницу.

В культуре кечуа до испанского завоевания система имен в структурном

отношении имела некоторую особенность. Человека можно было назвать одним словом или словосочетанием, выступающим в качестве атрибута, характеристики данного человека («Sinchi Roca» – «очень щедрый» – имя одного из правителей). Впоследствии человек мог менять имя и брать имя своего отца.

Тем не менее в грамматике Томаса присутствует описание собственно системы личных имен в кечуа: во второй главе, где он упоминает их в рамках описания имен собственных, и в двадцать третьей главе, в которой он приводит описание традиции наименования в культуре индейцев (откуда, в частности, известно, что имена у индейцев также могли состоять из двух позиций – имени предка и показателя статуса «потомка» его носителя (Guayna Anlaya – «Anlaya el mancebo»)).

В Древнем Риме и Средневековой Испании система личных имен имела иную структуру, в которой наименование рода включалось в состав наименования, при этом в отличие от системы кечуа, не заменяло личное имя, а употреблялось вместе с ним, то есть человека можно было назвать одновременно и по личному и по родовому имени (Gaius Iulius или Rodrigo Fernández).

Томас, хотя и приводит описание системы наименований в языке кечуа в отдельном разделе двадцать третьей главы, тем не менее в разделе о патронимах несколько непоследовательно представляет ее описание, отождествляя в теоретическом плане две системы (индейскую и европейскую).

Из сравнения описания Томаса с описанием, представленным в других рассматриваемых грамматиках, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас несколько отходит от греко-латинского канона, представленного в работах Доната и Присциана, и подобно Небрихе, а также другим авторам латинских грамматик XVI века и анонимному автору грамматики 1555 года, выносит описание патронимов из раздела, посвященного

грамматическим характеристикам имен. Однако в этом отношении он уступает тем авторам, которые вообще исключили описание патронимов из своей грамматики.

Во-вторых, в том, что в содержание термина патроним Томас включает не только имена собственные, но и наименования жителей, он выделяется на фоне остальных авторов грамматик, поскольку, лишь немногие включали в описание данной группы слов наименования жителей по названиям населяемых ими территорий.

В-третьих, подобно тем авторам, у которых встречается описание патронимов, Томас обращает внимание на идею наличия особой сложности формы, связанную с данным термином, хотя при этом отрицает ее существование в языке кечуа.

В-четвертых, Томас в трактовке латинских родовых наименований в некотором смысле сближается с Присцианом, поскольку рассматривает в качестве родовых наименования, которые в классический период являлись наименованиями не целых родов, а лишь их ветвей. При этом он сильно выделяется на фоне авторов латинских грамматик, поскольку в термин патронимы включает собственно наименования людей, относящихся к Римской культуре.

В-пятых, сходится Томас с авторами грамматик испанского языка в трактовке термина патронимы как обозначающего родовые (фамильные) наименования. При этом, подобно Небрихе, он не отмечает каких-либо специальных формантов, а также в том, что пользуется собственно испанским термином «sobrenombre». Стоит, тем не менее, отметить, что Томас выделяется на фоне испанских грамматистов, поскольку в качестве испанских фамилий приводит слова с непрозрачной словообразовательной формой и не приводит патронимы на -ez.

Что касается сравнения описания Томаса и Саморы (который также

описывал язык, в котором система наименования в формальном отношении отличалась от латинской), то они сближаются в том, что накладывают европейскую модель на описываемым ими материал (в концептуальном плане Томас и в собственно языковом Самора), а также в том, что отталкиваются непосредственно от идеи «принадлежности к роду» и приводят в качестве патронимов не собственно родовые наименования (имена собственные) для описываемого языка, а имена, в которых заложена идея принадлежности (имена нарицательные). Диффузность термина и описания, как можно предположить, связано с отсутствием адекватного теоретического инструмента (как было замечено, в грамматиках латинского языка понятие о родовых наименованиях представлялся бессистемно).

В-пятых, описание Томаса выделяется на фоне описания других авторов в том отношении, что доминиканец акцент ставит не на собственно языковых характеристиках, а на социокультурном аспекте.

4.3.2. Посессивы

4.3.2.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната посессивы описываются, как и патронимы, в качестве одной из разновидностей имен. В качестве них рассматриваются относительные прилагательные на -ius, образованные от имен собственных и выражающие идею принадлежности объекта, который они определяют, к объекту (лицу), от которого они образованы. При этом эксплицитно автор представляет только формальную сторону вопроса, а именно словообразовательный элемент -ius, имплицитно, видимо, присутствует и семантическая сторона (идея принадлежности), что следует из его примера («Euandrius ensis» – мечь Эвандриа) (116), а также из семантики самого термина.

В грамматике Присциана посессивы описываются в разделе, посвященном представлению производных имен. Византийский грамматист дает два толкования: узкое и широкое. В узком смысле под посессивами

понимается то же, что и в грамматике Доната. Однако в отличие от Доната, в качестве основного критерия выделения данного подкласса Присциан эксплицитно позиционирует семантический. В широком смысле Присциан под посессивами понимает то, что в современной лингвистике обозначается как относительные прилагательные, и в качестве главного он выбирает формальный критерий, допуская возможность изменения значений (117). При этом автор приводит не все относительные прилагательные, а только прилагательные трех окончаний, с формой мужского рода на -us, а имена с другими исходами (например, имена на -ster), хотя и признаются автором близкими по значению к посессивам, однако в данный раздел не включаются (118). Что касается собственно лингвистического описания, то можно отметить, что Присциан подробно описывает тип родового класса и частеречную принадлежность производящей основы (119).

В грамматике Небрихи посессивы также описываются в рамках представления производных имен, также представляются два толкования, отмечаются семантический и формальный аспекты и приводится их описание в отношении языковых характеристик данных имен. Отличие представления Небрихи от Присциановского заключается в том, что автор не отмечает эксплицитно различия ядерного и периферийного (более общего) толкования, эксплицитно приводит только первое, которое соответствует по содержанию Присциановскому. Иными словами, Небриха в теоретическом отношении представляет более диффузно содержание термина. Однако при этом автор более последователен в отношении формального аспекта, поскольку в состав посессивов включает имена на -is и -er. Еще одним отличием является то, что испанский грамматист ограничивается лишь списком возможных окончаний посессивов, не приводя характеристик производящей основы, не группирует отдельно латинские, отдельно греческие корни, несколько изменяет список формантов (способ их представления), приводит меньше примеров (120).

В других грамматиках латинского языка описание посессивов не

встречается.

Таким образом, к середине XVI века посессивы в грамматиках латинского языка уже не рассматривались в качестве объекта грамматического описания, их представление сохранилось только в позднеантичных грамматиках, а также в работе Небрихи. Подобное обстоятельство, вероятно, обусловлено «размытостью» самого термина. Эксплицитно он трактовался как относящийся к ограниченной группе имен со значением принадлежности, а описание давалось большой группе относительных прилагательных, семантика которых могла отличаться от заявленной.

Что же касается тех грамматик, в которых описание было представлено, то в них данный класс характеризовался особой семантикой и формой, у Присциана внимание обращалось еще и на специфику производящей основы. При этом, как уже было сказано, в качестве значения четко приводилось только базовое (принадлежность), а в качестве особенностей формы – преимущественно формы на -us, хотя в грамматике Небрихи намечается тенденция к включению и других форм .

4.3.2.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка описание посессивов встречается только в грамматике Небрихи. Его описание в общем и целом соответствует тому, что было представлено им в латинской грамматике. Так, хотя он и дает определение данной группе, рассматривая посессивы как производные имена со значением принадлежности, однако в примерах приводит относительные прилагательные, которые лишь отдаленно связаны с данной идей (ср. «Euandrius ensis» и «celestial» (небесный)). Отличие заключается лишь в том, что автор не приводит собственно посессивных прилагательных испанского языка. Что касается внутрилингвистического аспекта, то Небриха не уделяет ему внимания (121).

Иными словами, авторы грамматик испанского языка практически не

представляют описания посессивов, что, вероятно, свидетельствует о понимании потенциального диссонанса, который мог возникнуть при применении данного понятия (в том виде, в котором оно было представлено в грамматиках латинского языка) к фактам испанского языка. Те же авторы (Небриха), которые их все-таки описывают, рассматривают преимущественно относительные прилагательные, не уделяя при этом внимания формальному аспекту.

4.3.2.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Посессивы также представлены в некоторых грамматиках неиндоевропейских языков.

В грамматиках семитских языков наблюдается смещение акцента на широкое толкование термина посессив. Так, Самора, рассматривая семантический аспект, не ограничивает сферу значений только идеей принадлежности. Более того, в качестве иллюстрации он приводит не прилагательные, производные от личных имен, а прилагательные, образованные от нарицательных имен (типа «nahushet» бронзовый), которые лишь отдаленно связаны с идеей посессивности (122). Более того, он отмечает формальное сходство посессивов и патронимов, посессивов и наименований жителей и описывает особенности их образования в одном разделе, тем самым делая шаг в сторону выделения относительных прилагательных в самостоятельный подкласс. При описании языковых особенностей посессивов Самора фокусирует внимание на вариантах моделей их образования (123).

В грамматике де Алкала сделан еще больший шаг в сторону отказа от «неудачного» термина. Так, саму по себе группу с названием посессивы автор не выделяет, однако подробно описывает модели образования имен на -i в диалекте арабского языка. Более того, подобно Саморе, он обращает внимание на схожесть форм наименований жителей и аналогов посессивов латинского языка и описывает все вместе (124). Тем не менее в его описании все же наблюдается некоторая несистемность. Так, как отмечается в [Labarta & Barceló

1999: 107], автор не приводит правил для образования форм множественного числа данных производных и не включает в состав собирательные имена.

В грамматике Ольмоса в качестве посесивов описываются собственно посессивные имена с аффиксами -e / -ua («milli» – наследство, «mille» – хозяин наследства). Иными словами, автор сужает, подобно Донату, данный термин до имен с семантикой принадлежности или обладания и находит ему «удачное» применение (125). Тем не менее, стоит отметить, что автор все же не представляет до конца системного описания посессивов в науатле, поскольку разделяет композиционно и терминологически имена на -yo' (посессивные имена, производные от абстрактных форм), представляя их в разделе о производных прилагательных и позиционируя их как группу производных с особым значением, и посессивы с другими конечными элементами (в частности, вышеуказанными -e и -ua), рассматривая их в разделе о производных существительных и обозначая их термином посессивы (126), хотя в современной литературе обе группы принято объединять в одну (например, см. [Launey 1992: 95-101]).

Иными словами, в грамматиках неиндоевропейских языков намечается «раскачивание» термина посессивы и придание ему иного содержания. Так, в грамматиках семитских языков в связи с описанием посессивов намечается выделение относительных прилагательных, а в грамматике Ольмоса – выделение собственно класса посессивов.

4.3.2.4. Грамматика Томаса

В грамматике Томаса описание посессивов не представлено. Подобное явление можно объяснить следующим обстоятельством. Так как в языке кечуа нет самостоятельного, с точки зрения морфологии, класса прилагательных, а теория синтаксиса и представления о разрядах прилагательных в XVI веке еще не были выработаны, Томас ввиду всего этого не стал включать в структуру грамматики раздел, объекта описания которого в кечуа нет. Кроме того, вероятно, конструкции, которые могли бы являться аналогом посессивов в их

узком толковании, а именно притяжательные конструкции с двойным марикрованием («Pedrop rumin» – камень Педро или Педров камень), не были рассмотрены Томасом, поскольку были предназначены, по мнению автора, для выражения иных значений (идеи притяжательности у местоимений), а собственно посессивы в кечуа (имена с аффиксом -yuq) рассматриваются им в качестве падежных и/или предложных форм имен (127).

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас подобно авторам латинских и испанских грамматик XVI века, исключает описание посессивов из своей работы, отдавая, видимо, себе отчет в «неудачности» термина и осознавая наличие связанной с этим сложности его применения для описания языка кечуа. Что касается собственно идеи об относительных прилагательных, которая начинает формироваться в тех грамматиках, в которых представлено описание посессивов, то в грамматическом сочинении Томас она не находит отражение.

Во-вторых, в отличие от авторов грамматик тех языков, в которых были представлены посессивные имена, Томас, представляющий описание кечуа, в котором также представлены подобные имена, не использует термин посессивы (и связанную с ним идею принадлежности) для их обозначения, представляя описание, в некотором смысле уступающее по своей эксплицитности и полноте.

4.3.3. Деноминативы

4.3.3.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната как такового отдельного описания подкласса деноминативов, то есть отыменных существительных и прилагательных, не представлено.

В грамматике Присциана деноминативы описываются в качестве одной из разновидностей производных имен. При этом грамматист рассматривает их с двух сторон: как особую группу производных, отличную от других групп

производных имен, и как обширную группу производных имен, объединенных общим происхождением, которая включает в себя, помимо собственно деноминативов, еще и патронимы, диминутивы, суперлативы и посессивы и противопоставляется другим крупным группам (отглагольным, производным от наречий / предлогов и отпричастным) (128). Основное описание автор сосредотачивает на представлении моделей образования деноминативов, опираясь на форманты, характерные для данного подкласса (по списку гласных и согласных) (129). Лишь в некоторых случаях автор указывает на связанные с маркерами значения: имена на -dus выражают значение обладания тем, что обозначает исходное непроизводное имя, имена на -osus выражают значение наполненности объектом, который обозначает исходное непроизводное имя (130).

Описание деноминативов у Небрихи не отличается от описания Присциана. Исключение составляет только приводимый им набор формантов, связанных с особым значением. Так, испанский грамматист (также подчеркивая особое значение имен с аффиксом -osus) вместо имен на -dus отмечает имена с формантом -ceus, которые, согласно ему, обозначают материал, из которого сделана та или иная вещь, и которые у Присциана рассматривались в качестве посессивов. Кроме того, как уже было сказано, имена на -ster Небриха рассматривает в качестве посессивов (131).

В других грамматиках латинского языка XVI века эксплицитного описания деноминативов не встречается.

Таким образом, в большинстве рассматриваемых грамматик латинского языка деноминативы практически не описывались. Причиной может служить слабая разработанность понятия о морфеме и несколько несистемное описание проблем, связанных с производными именами. В тех же работах, где они представлялись, они рассматривались с нескольких сторон: как широкий класс имен, производный от других имен, и как более узкий класс имен, также производный от имен, однако не содержащий относительных прилагательных,

патронимов, компаративов и суперлативов, а также диминутивов. Что касается собственно описания языковых аспектов, связанных с данными именами, то авторы в первую очередь обращали внимание на формальную сторону, а именно на описание всевозможных «окончаний», указывая лишь для некоторых (преимущественно для имен на -osus) особые компоненты значения.

4.3.3.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка описание деноминативов встречается, как и в случае с посессивами, только в грамматике Небрихи. Данная группа слов рассматривается автором в качестве разновидности производных имен. Кроме того, они представляются так же, как и в грамматиках латинского языка, в двух аспектах: в узком – как имена, производные от других имен, и, в отличие от других производных, не обладающие определяемым значением, и в широком – как имена, производные от других имен с разнообразной семантикой (132). Тем не менее, что касается собственно описания, то оно несколько отличается от описания грамматики латинского языка. Во-первых, большое внимание в грамматике испанского языка Небрихой уделяется описанию наименований жителей (133). Во-вторых, из всех описанных формантов больший акцент сделан на тех, у которых выделяется тот или иной компонент значения (имена на -al со значением «совокупности», на -oso и -ento со значением «наличие объекта в большом количестве», на -ado, -edo и -uno со значением «материал», на -ero со значением «профессия», на -ario с локативным значением) (134). Иными словами, автор делает шаг вперед в направлении описания производных имен (деноминативов) не только с формальной, но и с семантической стороны.

Иными словами, в грамматиках испанского языка также в общем и целом не уделяется внимания описанию деноминативов. В тех же работах, где они представлены, внимание обращается преимущественно на те их разновидности, в которых представлялось возможным выделить не только формальный, но и семантический компонент, то есть описание становится более системным и

более схожим с современным.

4.3.3.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Из четырех грамматик неиндоевропейских языков только в грамматике Саморы (в двух версиях) и в грамматике Ольмоса присутствует описание деноминативов. У де Алкала нет отдельного раздела, посвященного дериватам от имен (диминутивы и посессивы он не относит к деноминативам), хотя в грамматике (классического) арабского языка выделяются некоторые регулярные модели образования производных от имени ([Гранде 2001: 257]). В грамматике Жильберти также отсутствует эксплицитное (теоретическое) описание имен, образованных от других имен (хотя в списках слов по окончаниям, которые он представляет в разделе, посвященном имени, обнаруживается некоторое количество деноминативов).

В грамматике Саморы деноминативы описываются в общем и целом в том же ключе, что и в грамматиках латинского языка. Отличие заключается лишь в том, что данный класс рассматривается автором только в узком смысле, то есть как класс с особой семантикой и формальными показателями (в качестве примера грамматист приводит пару «rasha'» (злость) — «resha'» (злой)) (135), отличный от других классов (например, патронимов или диминутивов), что, вероятно, обусловлено особенностью иврита, в котором у большинства производных, в том числе и деноминативы, форманты были не так «прозрачны» [Waltke & O'Connor 1990: 88-94]. При этом сам Самора отмечает сложность определения словообразовательных моделей, указывая на то, что не может выделить какие-либо конкретные типы (136).

В грамматике Ольмоса описание деноминативов заметно отличается от того, что было представлено в других грамматиках. Так, во-первых, словообразование логически и композиционно представляется как явление особого уровня, как отличное от словоизменения. Во-вторых, деноминативы описываются отдельно в соответствующих главах, посвященных описанию существительных и прилагательных, и рассматриваются исключительно в

широком смысле как имена, производные от других имен. Кроме того, в класс деноминативов Ольмос не включает компаративы / суперлативы и диминутивы, однако при этом описывает посессивы, а также рассматривает относительные прилагательные (о которых уже говорилось выше), наименования жителей (имена на -catl) и абстрактные / коллективные имена (имена на -yutl/-lutl), то есть несколько меняет содержание термина. Также для каждого из классов, помимо собственно формального аспекта, автор отмечает и особую семантику (137).

Иными словами, в части рассматриваемых грамматик неиндоевропейских языков описание деноминативов присутствует, в части отсутствует. В тех работах, где оно отмечается, наблюдается следующая специфика. В грамматике Саморы деноминативы представляются в узком толковании, как имена существительные, производные от других имен, с особыми моделями образования, а в грамматике Ольмоса – как собственно имена, производные от других имен. При этом Ольмос в грамматике отмечает как формальный, так и семантический аспекты в связи с описанием деноминативов. В других же работах, видимо, преобладает идея о «неопределяемом» характере словообразовательной модели деноминативов.

4.3.3.4. Грамматика Томаса

Что касается грамматики Томаса, то у него деноминативы не выделяются в отдельный класс производных имен.

В языке кечуа именная деривационная морфология (имя > имя) была представлена следующими аффиксами: -yuq со значением посессора («wasiyuq» – хозяин дома), -naq с привативным значением («taytanaq» – сирота (досл. «без отца»)), -sapa с усилительным и аугментативным значением («unusapa» – полный воды и «umasapa» – большеголовый), -cha с диминутивным значением («ñancha» – дорожка) и -ntin с комитативным значением («qusantin» – замужняя девушка (досл. «с мужем»)), среди прочих [Cerrón-Palomino 2008: 127-130].

В грамматике доминиканца Томаса данные аффиксы упоминаются, однако в другом контексте. Так, аффиксы -naq и -yuq (в одиннадцатой и двадцать четвертой главах) представляются как нечто среднее между служебными словами / клитиками, показателями грамматического значения, и деривативными морфемами, поскольку, с одной стороны, они определяются в качестве предлогов (послелога) и характеризуются как показатели эффектива, а с другой стороны, описываются как составная часть слова с особыми значениями (обладание или его отсутствие). При этом сами по себе лексемы с данными аффиксами не позиционируются в качестве производных (138).

Sapa, который в кечуа имеет два варианта употребления / функционирования, а именно sapa–квантификатор (со значением «весь, все» или «только») и -sapa–эмфатический аффикс, который указывает на интенсивность обозначаемого корневой морфемой качества [Cerrón-Palomino 2008: 129], в грамматике Томаса описывается достаточно следующим образом. Данный элемент рассматривается в качестве постпозитивного прилагательного со значением «только», которое употребляется с существительным для создания риторической фигуры эмфазы, направленной, согласно Томасу, на сужение значения слова, в результате чего значение у sapa пропадает, а результирующая форма слова обозначает наличие некоторого качества у референта («mikuqsapa kanki» – «tú eres comedor» (ты обжора)). Иными словами, первый вариант sapa (как самостоятельной лексемы) описывается Томасом схожим с современными представлениями образом, а второй вариант sapa (как аффикс), ввиду, вероятно, отсутствия разработанности представления о морфемах, рассматривается в ином ключе: столкнувшись с языком, в котором основное значение играли аффиксы, доминиканец пытается описать их с использованием существующих теоретических обобщений латинской грамматики. В данном случае он использует представление о риторических фигурах (139).

Аффикса -ntin у Томаса рассматривается в качестве элемента («partícula» или «dictión»), который участвует в образовании особого типа наречий типа

«hermanablemente». При этом Томас не формулирует собственно значение данного аффикса и не рассматривает наречия в качестве дериватов (140).

Из сравнения описания Томаса и других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас, подобно авторам грамматик латинского языка XVI века, большинству авторов грамматик испанского языка и части авторов грамматик неиндоевропейских языков, не останавливается на описании деноминативов. Причиной, вероятно, является, как и в случае с посессивами, «неудачная» разработанность представления об именном словообразовании в рамках практики описания латинского языка, в связи с чем не представлялось возможным применить термин и связанные с ним представления к описываемому языку. Наличие же описания деноминативов в латинской и испанской грамматиках Небрихи, вероятно, не воспринималось в качестве удачной модели.

Во-вторых, в отличие от тех авторов неиндоевропейских языков, которые делают попытки описания проблемы именного словообразования (выделение моделей образования одних имен от других), Томас не берется за такую задачу. Те же модели, которыми располагал язык кечуа, трактуются автором в ином свете.

4.3.4. Компаративы и суперлативы

4.3.4.1. Грамматики латинского языка

Среди акциденций имени Донат выделяет акциденцию сравнение (conparatio). Однако Донат рассматривает сравнение не с точки зрения реализации подобной идеи в комплексе в языке, а с точки зрения морфологических и синтаксических характеристик форм прилагательных, выражающих данную идею. Автор пользуется в качестве общего родового термина для всех форм с идеей сравнения таким сочетанием, как «gradus conparationis» (степень сравнения) и выделяет три разновидности: позитивы

(прилагательные без морфологических показателей значения интенсивность признака), компаративы и суперлативы (формы прилагательных с особыми показателями). В качестве примера он приводит три формы прилагательного «сильный»: «fortis», «fortior», «fortissimus» (141). При этом он не останавливается ни на определении самих сравнительных форм, ни на моделях их образования, не выделяет специально супплетивные формы (142). Не разграничивает он эксплицитино и двух видов значения превосходной степени: абсолютная высшая и относительная высшая (элатив).

Что же касается тех аспектов, на которые обращает внимание Донат, то они следующие: (а) особенность значений грамматических категорий компаративов и суперлативов (отмечает, например, что все компаративы – общего рода), (б) семантика имен, которые могут образовывать компаративы и суперлативы (только имена, обозначающие качество / количество), (в) форма (отдельно отмечает количество и варианты представленности форм у прилагательных (полный набор, только позитивная степень, только компаративная и так далее) (143). Отдельно он рассматривает (достаточно кратко) синтаксические конструкции компаративов и суперлативов (144). При этом при описании компаративов он обращает внимание на число эталонов сравнения, а также на их семантику и падежное значение (из того же вида, что и объект сравнения, или из другого; аблативная форма или номинативная). При этом Донат эксплицитно не разводит конструкцию с quam + объект сравнения в номинативе и эталон сравнения в аблативе без quam как конструкции разного порядка (хотя разграничение уже намечается). Для суперлативов, в свою очередь, он описывает конструкции с эталоном сравнения в генитиве, обозначающим объекты того же вида, что и объект сравнения. Также он вскользь указывает на возможность выражения идеи сравнения с помощью аналитических конструкций (145).

В грамматике Присциана сравнение не позиционируется в качестве акциденции, а помещается в главу, посвященную производным именам. Тем не

менее византийский автор также фокусируется на описании не самой идеи сравнения и способах ее выражения, а на особенностях поведения сравнительных форм. При этом, в отличие от Доната, Присциан отдельно описывает компаративы, отдельно суперлативы, и приводит определения каждому подвиду, которые определяются через отождествление их значений значению аналитической конструкции из прилагательного и наречия в сравнительной степени: для компаративов он приводит сочетание с «magis» («fortior» = «magis fortis)», для абсолютных суперлативов приводит конструкцию «valde + прилагательное» («fortissimus» = «valde fortis»), для относительных приводит конструкции прилагательного с предлогом «super», квантификатором «omnis» и объектом сравнения в соответствующей форме («fortissimus Graecorum» = «fortis super omnes Graecos») (то есть разделяет формы выражения абсолютной и относительной превосходной степени сравнения). Кроме того, для суперлативов им указывается еще и семантика превосходства (146).

Подобно Донату, византийский грамматист обращает внимание на особенности производящей основы, однако, в отличие от него, приводит более детальное описание подкласса имен, которые могут выступать в качестве базы для образования компаративов, отмечая, что они могут образовываться от прилагательных, которые выражают определённые признаки (accidentiae), а именно внутренние или внешние признаки количественного или качественного характера материальных и нематериальных объектов, которые могут изменяться по шкале интенсивности. Кроме того, Присциан не ограничивает частеречную принадлежность основ только именным классом и включает также класс глаголов («detero» => «deterior», «amans» => «amantior»), наречий и / или предлогов («extra» => «exterior») (147). Также, подобно Донату, он указывает на возможность выражения идеи отсутствия превосходства по какому-то качеству, а также обращает внимание на особенности выражения значений грамматических категорий у компаративов, отмечая, что компаративы являются

общего рода (в отличие от Доната, более четко отмечает, что берет на рассмотрение не только формы на -or, но и на -ius) (148). Как и в грамматике Доната, у Присциана отдельно описывается аспект, связанный с количеством и характером эталонов сравнения (на основе чего разводятся суперлативы и компаративы) (149), а также описываются падежные значения имен–эталонов сравнения (150). Конструкция с quam несколько обособляется, однако еще не так эксплицитно (151). Важное отличие от Доната заключается в том, что Присциан подробно разбирает модели образования компаративов и суперлативов, обращая внимание как на синтетические аффиксальные, так и на супплетивные формы (152). Про прилагательные, которые образуются только аналитическим способом сравнительные степени, Присциан тоже упоминает, однако в несколько специфическом ключе их описывает: отмечает, что у них нет синтетических форм, не упоминая аналитические (153).

В грамматике Небрихи описание идеи степени сравнения в общем и целом соответствует описанию Присциана: данное явление представляется в разделе о производных именах и рассматривается с точки зрения языкового поведения производных имен, а не способов выражения идеи сравнения, хотя идея о сравнении (conparatio) как особой акциденции также присутствует.

Компаративы и суперлативы определяются через аналогии с особыми конструкциями (154). Также выделяются два типа суперлативов (155), акцент ставится на морфологических (особенности производящей основы (семантика, форманты, а также аналитические и супплетивные формы)) и синтаксических (количество, семантика и падежные значения эталонов сравнения) особенностях (156). Однако наблюдаются и некоторые отличия.

Во-первых, компаративы и суперлативы описываются в нескольких разделах: в третьей книге представляются морфологические аспекты (значение, образование и так далее), в четвертой – синтаксические (падежные формы эталона сравнения). Во-вторых, Небриха приводит более структурированное описание, выделяя разные аспекты и описывая их последовательно. В-третьих,

Небриха приводит обоснование исключения сравнения из числа акциденций, фокусируясь на том факте, что идея сравнения выражается не у всех имен (157). В-четвертых, он, подобно Донату, пользуется понятием о степенях сравнения (gradus conparationis) (158). В-пятых, он эксплицитно отмечает, что определение компаративам и суперлативам дается косвенно, через определенные свойства, а также включает особую семантику в определение суперлативов. В-шестых, в отличие от Присциана, Небриха в качестве аналога суперлативов в определение включает наречие «maxime», а не «valde». В-седьмых, Небриха более эксплицитно проводит разницу между компаративами и суперлативами (159). В-восьмых, он эксплицитно описывает аналитические формы некоторых прилагательных. Наконец, в-девятых, Небриха более подробно описывает всевозможные синтаксические конструкции (расширяет спектр падежных значений, которые могут употребляться с той или другой сравнительной формой).

В последующих грамматиках латинского языка, с одной стороны, сохраняются основные положения, представленные в позднеантичных грамматиках и грамматике латинского языка Небрихи, с другой стороны, меняются некоторые акценты. Присутствие всех аспектов сохраняется только у Семпере (160), у Тамара и Жильберти представлены в основном только синтаксические конструкции (161). Кроме того, в некоторых из них появляется определение самой идеи сравнения. Кроме того, фокус описания смещается с морфологического на синтаксический (хотя компаративы и суперлативы рассматриваются как исключительно синтетические формы): внимание больше привлекают не сами формы, а способ выражения идеи сравнения во фразе, то есть возможные падежные формы объекта и эталона сравнения и их семантика.

Таким образом, к середине XVI века сложилась следующая картина в грамматиках латинского языка в отношении описания идеи сравнения. В одних грамматиках (позднеантичных авторов, Небрихи, частично Семпере) она рассматривалась с точки зрения характеристик синтетических форм

компаративов и суперлативов (форманты, особенности производящей основы, набор грамматических значений), хотя разные синтаксические вопросы (семантика эталона сравнения, падежные формы) также рассматривались, в других грамматиках акцент ставился на собственно способах выражения идеи сравнения и на особенностях синтаксических конструкций, хотя сами термины обозначали все те же синтетический формы прилагательных. При этом, как в первых, так и во вторых, в том или ином виде уже присутствовала идея о синтетических (регулярных и супплетивных) и аналитических способах выражения идеи сравнения. Отличительной особенностью грамматик XVI век, в частности, грамматики Небрихи и Семпере, является наличие структурированного и последовательного описания вышеуказанных аспектов. При этом, как было показано, в XVI веке в описании данных групп акцент смещается на синтаксический аспект. Кроме того, их описание выносится из раздела, посвященного морфологии имени, то есть начинается рассматриваться как явление особого рода.

4.3.4.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка описание компаративов и суперлативов содержат грамматика Небрихи, грамматика анонимного автора 1555 года и грамматика дель Корро. У Небрихи данные единицы рассматриваются при описании производных имен в разделе о виде, в грамматике 1555 года они описываются отдельно вместе с диминутивами и патронимами в конце, а у дель Корро – в рамках описания морфологии имени, в самостоятельном разделе. При этом только в грамматике дель Корро описание ведется более менее эксплицитно с точки зрения способа выражения идеи сравнения (хотя идея о компаративах и суперлативах как морфологических формах у него также присутствует) (162).

В рассматриваемых грамматиках под компаративами и суперлативами понимаются особые морфологические формы имен, а в грамматике 1555 года – еще и собственно аналитические конструкции испанского языка (163).

Что касается собственно форм, то в качестве аналогов латинских компаративов в испанском языке все три автора приводят модель «прилагательное + más» (в грамматике 1555 года встречается также упоминание сочетания прилагательных с «muy» в качестве компаратива). Кроме того, грамматисты упоминают синтетические супплетивные формы прилагательных («mejor», «peor»). В качестве аналогов суперлативов Небриха выделяет конструкцию «прилагательное + muy más», а также такие формы, как «primero», «postrimero»; автор грамматики 1555 рассматривает конструкцию «прилагательное + ísimo», дель Корро анализирует конструкцию «прилагательное + muy» или «прилагательное + ísimo». Как таковые правила построения сравнительных конструкций (синтаксический аспект) авторами не описываются. Не обращают они внимание и на специфику оформления объектов и эталонов сравнения. Тем не менее дель Корро обращает внимание на семантику имен, которые могут выступать в сравнительных конструкциях, а Небриха на омонимию форм (164).

Иными словами, в грамматиках испанского языка в данной проблематике акцент смещается (ввиду особенностей испанского языка) на описание аналитических конструкций: «прилагательное + más» для сравнительной степени и «прилагательные + muy (más)» для превосходной. При этом, хотя термины компаратив и суперлатив трактуются преимущественно в качестве обозначающих морфологические формы (авторы выделяют синтетические формы: супплетивные для сравнительных и супплетивные и аффиксальные (ísimo) для суперлативов), в некоторых грамматиках отмечается их переосмысление как обозначающих не только синтетические формы, но и аналитические конструкции. При этом, однообразия в подходе к описанию и трактовке данных явлений не наблюдается. Более того, многие аспекты, которые рассматривались авторами латинских грамматик (семантика прилагательных, семантика эталона сравнения, способ оформления всей конструкции) в грамматиках по испанскому языку практически не

затрагиваются. Наконец, частью авторов описание данного явления дается в разделе об именной морфологии, а частью выносится из данного раздела.

4.3.4.3 Грамматики неиндоевропейских языков

Описание идеи сравнения также представлено и в грамматиках неиндоевропейских языков. В грамматике Саморы компаративы и суперлативы описываются наряду с производными именами, в грамматике Ольмоса – отдельно от описания производных, в последней главе первой части, посвященной имени и местоимению, в грамматике Жильберти – в отдельном разделе в рамках описания именного класса (в соседстве с диминутивами). Описания способов выражения сравнения в грамматике де Алкала не обнаруживается.

Самора и Ольмос используют компаративы и суперлативы как термины, относящиеся к синтетическим формам прилагательных, в связи с чем отмечают, что в описываемых ими языках подобных форм не встречается, вместо чего они предлагают особые конструкции (165).

Самора для компаративов приводит конструкцию, включающую в себя объект сравнения, оператор сравнения «yother» (более) и эталон сравнения с предлогом min. Для абсолютных суперлативов, являющихся аналогом латинских форм на -issimus он предлагает конструкцию «meod (очень) + прилагательное»; для относительных суперлативов предлагает эту же конструкцию, а также эталон сравнения с предлогом «min» и квантификатор «kol» (весь). Важно отметить, что, с одной стороны, Самора отходит от латинского канона, допуская для компаративной конструкции возможность опущения наречия «yother» (166), с другой стороны, придерживается его, приводя для суперлативов не собственно суперлативную конструкцию иврита (добавление артикля к прилагательному [Коган 2009: 352]), а перифрастическую (167).

Ольмос выделяет несколько способов передачи латинских компаративов и

суперлативов. В качестве аналогов компаративов автор приводит следующие: «ac achi ynic qualli» и его аналог на испанском «mejor» (лучше), «ece ye qualli y» с аналогом «mejor es ésto» (это лучше) и «ece oc oalhca ynic qualli y» с аналогом «mejor es esto». Как видно из примеров, Ольмос рассматривает сочетание интенсификаторов «oc achi» (oalhca) или «ye» (более) («marca de intensidad» в терминологии [Launey 1992: 306]) и прилагательного с элементом «ynic» (во втором и третьем случае добавляется еще «ece» (однако) и дейктик «y» (этот)). При этом, Ольмос приводит лишь часть конструкции, а именно упоминает ту часть конструкции, в которой находится объект сравнения и признак, по которому проводится сравнение, вторая же часть конструкции, содержащая эталон сравнения и отрицание «in amo», он не упоминается (ср. с «Oc huālcâ in ic nichicāhuac in àmo tèhuātl» (я сильнее тебя)[Launey 1992: 306]).

Для суперлативов, а также в качестве второго варианта компаративов, Ольмос приводит конструкцию, в которой в одной части находится глагол «panahuia» (превосходить) (с маркером определенного или неопределенного объекта) и различные интенсификаторы («oc», «cenca») (только для суперлативов), а также объект и эталон сравнения в актантных позициях, а во второй части предикат, в качестве которого выступает лексема со значением признака, и аргумент, обладающий этим признаком и кореферентный объекту сравнения первой клаузы. Для компаративов он приводит в качестве примера «nicpanauya in Pedro yn ic niqualli» и его аналог на испанском «yo excedo a Pedro en ser mejor», для суперлативов выражения «tlapanauia yn ic qualli» с аналогом «muy mejor», «ece oc tlapanauia yn ic qualli» с аналогом «muy mejor es ésto», «ce oc cenca tlapanauia yn ic qualli y» с аналогом «muy mejor es ésto» и «nicpanauya in Pedro ynic cenca niqualli» с аналогом «yo excedo a Pedro en ser muy mejor». Как видно, автор для суперлативов описывает как неполную конструкцию, ограничиваясь одной клаузой, так и полную (то же и для компаративов).

При этом Ольмос приводит для испанского в качестве компаративных форм только супплетивные (например, «mejor»), а в качестве превосходных

форм – «muy + супплетивные сравнительные формы» (168).

Описание компаративов и суперлативов в грамматике Жильберти заметно отличается от представленных выше и выглядит более подробно и более актуально. Во-первых, автор строит описание с точки зрения способов выражения идеи сравнения и под терминами компаративы и суперлативы понимает собственно сравнительные конструкции, а не только и не столько особые морфологические формы прилагательных. Во-вторых, он выделяет несколько разновидностей форм выражения идеи сравнения: превосходства (использует термин «afirmativos») и тождество (использует термин «negativos»), представляя его с точки зрения отсутствия признака). В-третьих, он приводит собственно конструкции пурепеча, то есть конструкции с глаголами с семантикой превосходства, не фокусируя при этом внимания на их типологическом отличии от латинских конструкций. Более того, автор описывает два типа конструкций превосходства: состоящую из одного предложения, как например, «Pedro hatztamahati Juanoni ambaqueni» (досл. «Педро превосходит Хуана в доброте»), и из двух (в которой второе логически противоставляется первому) «Pedro hatztamahati ambaqeni ca no ys Juano» (досл. «Педро превосходит в доброте, а Хаун нет») [Chamoreau 1995]. В-четвертых, для суперлативных конструкций он приводит такие, в которых сравнение производится с одним эталоном, а также и классические, в которых сравнение производится с несколькими эталонами. В-пятых, он приводит полные конструкции, как для пурепеча, так и для испанского языка. При этом для компаративных конструкций автор приводит в основном только конструкции с супплетивной формой прилагательного (mejor), а для суперлативной – интенсифицированную компаративную конструкцию (muy / mucho mejor), не обращаясь к конструкциям с артиклем. Более того, можно предположить, что аналоги на испанском языке (особенно в случае с суперлативами) представляются скорее как глоссы, призванные объяснить конструкции пурепеча, а не как эталонные примеры, служащие в качестве образца для

перевода на пурепеча (169).

Иными словами, в грамматиках неиндоевропейских языков уже более эксплицитно (как и в грамматиках испанского языка) акцент смещается на описание собственно идеи сравнения и особенностей не только единиц, выражающих признак, по которому производится сравнение, но и всей конструкции, при этом компаративы и суперлативы продолжают рассматриваться в качестве синтетических форм. Кроме того, в некоторых случаях авторами предлагаются способы выражения, сильно отличающиеся от тех, которые были представлены в латыни, как например, «прилагательное + объект сравнения с предлогом» (без лексических единиц, содержащих идею интенсивности признака) или конструкции с глаголом. Хотя при этом грамматисты (за исключением Саморы) не выносят описания данного явления за пределы раздела об имени, а также приводят в некоторых случаях неполные конструкции, но близкие по структуре к конструкциям испанского или латинского языков.

4.3.4.4. Грамматика Томаса

Компаративы и суперлативы в грамматике Томаса описываются в отдельной шестнадцатой главе. При их рассмотрении Томас отмечает, что, в отличие от латинского языка, в языке кечуа они передаются не с помощью простых лексем (términos incomplexos), а с помощью описательных конструкций (por circunloquios), подобно тому, как это происходит в испанском языке (170).

Так, в частности, в качестве аналогов компаративам Томас для кечуа предлагает две конструкции: a) имя в положительной форме и наречие «assua» (более, очень), которое, согласно автору, аналогично испанскому «más», и b) глагол «yallin» (превосходить) в спрягаемой форме и остальные члены конструкции в особых падежных формах: прилагательное – в аблативе с показателем -pi, объект сравнения (la persona que excede) – в номинативе с нулевым показателем и эталон сравнения (la que es excedida) – в аккузативе с

показателем -ta. В качестве примера для первого варианта Томас приводит выражения «Pedro yurac, Juanmi assua yurac» и его аналог на испанском языке «Pedro es blanco y Juan es más blanco» (Педро белый, а Хуан белее) и «Juanmi allim, Pedro assua allim» с аналогом «Juan es bueno y Pedro es mejor» (Хуан хороший, а Педро лучше), а для второго варианта – «Juan yuraynimpi Pedrocta yallincme» с аналогом «Juan es más blanco que Pedro» и «ñoca Pedrocta yuraynimpi o yuracpi yallini» с аналогом «yo soy más blanco que Pedro».

В качестве аналогов «суперлативов» Томас также приводит две конструкции: a) словоформа «collananc» (величественный, выдающийся), квантификатор «llapa» (весь) («signo universal», в терминологии автора) и члены конструкции в особых падежа: одно существительное в номинативе (с нулевым маркером), другое существительное (с которым производится сравнение) и прилагательное – в аблативе (в терминологии автора) (с аффиксом -manta и -pi, соответственно), и b) глагол «yallinc», квантификатор «llapa» или «tucui» и члены конструкции в особых падежных формах, упомянутых при описании компаративов. В качестве примера первого варианта Томас приводит предложения «llapa runamanta Pedro yuraynimpi collananc» и его аналог на испанском «Pedro es el más blanco de todos los hombres» (Педро белее всех людей) и «ñoca llapa runamanta allinimpi collananc cani» с аналогом «yo soy el más bueno de todos los hombres» (Я белее всех людей). В качестве примера для второго варианта «ñoca llapa runacta o tucui runacta yuraynimpi yallini» с аналогом «yo soy el más blanco de todos los hombres» и «ñoca llapa runancta yachaynimpi yallini» с аналогом «yo soy el más sabio de todos los hombres» (Я самый умный из людей).

Наконец, Томас особо отмечает, что подобный описательный способ передачи компаративов и суперлативов не является исключительным, характерным только для языка кечуа, поскольку встречается также и в испанском, в котором аналогом компаративов является прилагательное с наречием «más», а суперлативов – прилагательное с выражением «mucho más».

В качестве примера он приводит предложение «Pedro es blanco y Juan es más blanco, y Alonso muy más blanco». Кроме того, Томас указывает на то, что это, по его мнению, единственный возможный вариант выражения идеи сравнения в испанском языке (171).

Положения Томаса можно суммировать следующим образом.

Во-первых, Томас не дает определения самой идеи сравнения, не комментирует значения самих форм компаративов и суперлативов (в широком смысле: словоформ и/или конструкций), то есть общетеоретическая сторона вопроса миссионером не берется во внимание. Из его комментариев относительно латинского языка, а также примеров на испанском и кечуа можно предположить, что компаративы и суперлативы (и их описательные аналоги) он понимал как формы выражения идеи интенсивности, при этом компаративы выражали идею интенсивности качества по отношению к одному эталону с тем же качеством, а суперлативы – ко всем эталонам с тем же качеством (ср. примеры у Томаса на испанском «Juan es más blanco que Pedro» и «Pedro es el más blanco de todos los hombres»).

В-третьих, из комментариев автора следует, что термины суперлативы и компаративы им рассматривались в качестве таких, которые охватывали только синтетический формы имен (в противоположность конструкциям). Аналитические сравнительные конструкции (типа латинских «magis ideoneus», которые упоминались в грамматике латинского языка Небрихи, и испанских «más grande») не рассматриваются как собственно компаративы и суперлативы, а позиционируются как описательный способ (por circunloquios) передачи той же идеи, что и передают простые формы.

В-четвертых, основное внимание Томас уделяет описанию форм, то есть способам передачи компаративов и суперлативов в языке кечуа. При этом Томас использует нечто среднее между методом описания с опорой на поиск максимально краткой аналогии синтетическим формам, поскольку в качестве аналогов для компаративов приводит конструкции с квантификатором «aswa» и

прилагательным, которая передает идею синтетического компаратива, однако не является полным аналогом способа передачи идеи сравнения, и способов представления вариантов выражения сравнительной идеи, поскольку приводит описание целых фраз, в которых выражается идея сравнения.

В-пятых, в качестве аналогов компаративным формам латинского автор эксплицитно рассматривает испанскую конструкцию «más + прилагательное». При этом имплицитно (что ясно из примеров) им также рассматриваются синтетические (супплетивные) формы (mejor). Кроме того, в качестве основного аналога Томас позиционирует неполную конструкцию («Juan es más blanco»), хотя и приводит «нормальную» сравнительную конструкцию («Juan es más blanco que Pedro»), однако не придает ей особого значения.

В качестве аналогов суперлативов на испанском языке автор эксплицитно позиционирует конструкции «mucho más + прилагательное» («Alonso muy más blanco»). В примерах же он также приводит и «стереотипную» суперлативную конструкцию «артикль + сравнительная форма» (Pedro es el más blanco de todos los hombres). При этом ни в теории, ни в примерах автором не упоминаются синтетические формы суперлативов на -ísimo (показателен пример у Томаса «yo soy el más bueno» вместо «yo soy el mejor»).

Что касается описания кечуа, то можно сказать следующее. Томас, видимо, опираясь на теоретические (не интуитивные) представления об испанском языке, приводит не совсем полный с точки зрения современной лингвистики аналог компаративов в языке кечуа: «квантификатор + прилагательное». Так, для «нормальной» компаративной конструкции не хватает второго члена сравнения в аблативе (ср. «punchuykimanta aswan mawk'am punchuy (мое пончо старее твоего)) [Cerrón-Palomino 2008: 188]. Отсутствие этих комментариев связано, вероятно, с давлением той модели, которую Томас указал для испанского языка.

При описании аналогов суперлативов (первого варианта) миссионер также дает несколько специфическое описание, делая акцент на словоформе

«collananc» и его семантике, тесно связанной с идеей превосходства, и мало внимания обращает на саму конструкцию «объект сравнения + признак + llapa + эталон сравнения» с аффиксом -manta, хотя при этом и приводит ее в примере. Подобное обстоятельство, видимо, также связано с тем, что Томас опирался на испанский язык (свои соображения о нем), поскольку в качестве перевода «collananc» автор приводит часть суперлативной конструкции «el más excelente».

Что касается второго варианта форм сравнительной и превосходной степени, то можно отметить, что Томас в основном опирается на языковой материал и приводит особую конструкцию с глаголом yalli- (превосходить), которая, насколько известно, распространена в настоящее время в основном только в Эквадоре [Cole 1985].

При этом автор не обращает внимание на другие возможные виды идеи сравнения (отождествления и недостаток качества) и способы их передачи в кечуа, в частности, на собственно синтетические способы с падежным аффиксом -hina (для выражения идеи сравнения через отождествление) (allquhinam mikhun (ест как собака)) [Cerrón-Palomino 2008: 127].

Стоит, тем не менее, отметить, что аффикс -hina, хотя и описывается в грамматике Томаса, однако представляется в ином ключе, а именно в качестве вспомогательного элемента для образования «релятивов акциденции» и позиционируется в качестве аналога наречия со значением тождества. (172).

Из сравнения описания Томаса с описанием других рассматриваемых авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас сближается с авторами грамматик XVI века, а также автором анонимной грамматики 1555 года и Саморой в том, что выносит описание компаративов и суперлативов из раздела об именной морфологии. Иными словами, Томас следует общей тенденции XVI века в выделении данного явления как особого, отличного от других (рода, числа, падежа). В этом отношении он несколько отличается от авторов грамматик индейских языков, которые включили описание компаративов и суперлативов в раздел об именной

морфологии.

Во-вторых, Томас, подобно большинству авторов испанского и неиндоевропейских языков, исключает из описания рассмотрение теоретических вопросов, связанных с определением сущностных характеристик данных групп, то есть он пользуется уже готовой терминосистемой и останавливается в первую очередь на особенностях ее реализации в описываемом им языке.

В-третьих, подобно большинству авторов, термины суперлативы и компаративы Томас трактует как относящиеся к синтетическим формам. Аналитические же конструкции рассматриваются им в качестве перифрастических способов выражения. При этом грамматист сближается с большинством авторов в том, что при описании компаративов внимание сосредоточивает на описании аналогов синтетических форм, а не собственно идеи сравнения, однако отдаляется от них (и действует в русле описания Жильберти и Тамары) при описании аналогов суперлативов, поскольку внимание обращает на всю конструкцию целиком (в грамматиках латинского языка, как было показано, тоже встречалось упоминание данного аспекта, однако он не рассматривался в качестве центрального). Хотя при описании компаративов, как было показано, Томас представляет нечто среднее между перифрастическим аналогом синтетической формы прилагательного и цельной конструкции.

В-четвертых, как уже было сказано, Томас следует за авторами латинских грамматик в понимании компаративов и суперлативов как синтетических форм латинского языка. Подобно авторам латинских грамматик он также обращает внимание и на специфику объекта сравнения при описании суперлативных конструкций.

В-пятых, его описание сближается с описанием испанского языка Небрихи и дель Корро в том, что касается трактовки испанских форм компаративов в качестве перифрастических (и расходится с описанием автора анонимной

грамматики 1555 года). Более того, подобно авторам грамматик испанского языка, Томас для компаративов приводит неполную конструкцию из «que + прилагательное», опуская упоминание об эталоне сравнения (хотя в примерах встречаются упоминания и полных конструкций). Однако при этом Томас, в отличие от авторов испанских грамматик, не рассматривает синтетические формы прилагательных, а фокусируется на аналитических конструкциях. Отличается он в этом отношении и от описания Ольмоса.

В-шестых, при сравнении описания Томаса с описанием авторов грамматик неиндоевропейских языков, в которых идея сравнения имела специфическое выражение (по сравнению с латинским языком), можно отметить следующее. Томас сближается с авторами грамматик индейских языков в том отношении, что для суперлативов в качестве аналогов допускает особое оформление с помощью глагола. В отношении же способа выражения идеи компаратива он несколько уступает Саморе, поскольку, в отличие от него, не отмечает особенность языка–объекта (в частности, особая падежная форма эталона сравнения и, вероятно, возможность опущения сравнения).

В-седьмых, описание Томаса не выделяется на фоне грамматических описаний других авторов в том отношении, что он фокусируется только на способах передачи идеи большего проявления признака и не обращается к другим возможным вариантам (отождествление, меньшее проявление интенсивности признака).

4.3.5. Диминутивы

4.3.5.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната диминутивы рассматриваются в качестве одной из разновидностей имен. Под диминутивами Донат понимает собственно диминутивные имена. При этом эксплицитно автор не указывает ни особенности форм, ни особенности значения. Из примеров, приводимых грамматистом (например, «monticulus» (небольшая гора)), а также из

комментариев, можно заключить, что в качестве особенностей формы Донат подразумевал наличие особого элемента (аффикса) -ulus (и, возможно, еще и других аффиксов), а в качестве особенностей семантики – наличие компонента значения диминутивность, и, вероятно, аффективность, хотя подробных комментариев автор не дает по этому поводу. Единственный комментарий автора относится к возможности наличия у имени нескольких аффиксов, которые увеличивают степень диминутивности объекта (а также к наличию слов (quasi diminutiua), которые по форме выглядят как диминутивы, но по значению таковыми не являются) (173).

В грамматике Присциана диминутивы описываются среди производных имен. Под термином диминутив Присциан также понимает собственно диминутивное имя. В определении он описывает диминутивы как особое множество имен, которые выражают значение диминутивности некоторого объекта, не входя при этом ни в какие синтаксические конструкции. В качестве примера автор приводит пару «rex – regulus» и словосочетание «paruus rex» (маленький король) (174). Иными словами, Присциан обращает внимание, в первую очередь, на семантический и синтаксический аспекты. При этом в качестве основного значения он приводит дескриптивное (небольшой размер объекта), однако в других местах он описывает и прагматические случаи употребления диминутивов (для выражение вежливости или похвалы) (175). Синтаксический же аспект (отсутствие особых конструкций) используется автором для того, чтобы развести компаративы и диминутивы, поскольку для компаративов автор также допускал выражение диминутивности (176). Особое внимание, в отличие от Доната, Присциан обращает на формальные и морфологические характеристики данных производных имен. Так, большая часть описания посвящена представлению моделей их образования и словообразовательных элементов, а также комментариям относительно морфологических значений производящей основы и ее изменяемость или неизменяемость у производных диминутивов. (177) При этом Присциан

приводит не только диминутивы на -ulus, но и на другие многочисленные аффиксы, допуская, при этом, сочетание слова с несколькими аффиксами (178). Наконец, подобно Донату, Присциан обращает внимание и на омонимы (диминутивы по форме, но не по содержанию), однако в отличие от него, византийский грамматист не фокусируется на способах интенсификации признака диминутивности (прибавление большего количества аффиксов) (179).

В грамматике Небрихи описание диминутивов в общем и целом (хотя и представляется несколько в более сжатом виде) соответствует описанию Присциана. Одним из отличий является расхождение Небрихи в интерпретации элемента -ster, который, по его мнению, является показателем не диминутивности объекта, а схожести с объектом. Кроме того, не заостряет испанский грамматист внимание в основном определении на синтаксическом аспекте (хотя и упоминает его в комментариях), а также не описывает прагматические аспекты (180).

В последующих за работой Небрихи грамматиках латинского языка описание диминутивов присутствует, однако, подобно другим немногочисленным производным именам, диминутивы рассматриваются отдельно от описания именных акциденций. Кроме того, смещаются и некоторые акценты в описании. Так, синтаксический критерий практически полностью исключается. (181) Кроме того, особое внимание обращается (в грамматике Семпере) на критерии идентификации диминутивов. Так, в качестве необходимого условия позиционируется наличие соответствия между грамматическими признаками диминутивов и именами, от которых они происходят. Присутствует также (в грамматике Тамары) упоминание и об аффективном компоненте диминутивов (прагматика). В качестве типового аффикса также рассматривается аффикс -ulus (182).

Иными словами, в грамматиках латинского языка, которые использовались в XVI веке в Испании, в качестве диминутивов рассматриваются собственно диминутивные имена преимущественно с

аффиксом -ulus (хотя отмечаются и другие). Среди основной характеристики выделяется особое «уменьшительное» значение обозначаемого ими объекта действительности, прагматические случаи употребления (типа аффективности), хотя и упоминаются, однако несистемно и достаточно поверхностно. При описании диминутивов только в грамматике Присциана акцент делается, помимо семантических и формальных аспектов, на особом синтаксическом поведении. Кроме того, в качестве аналогов диминутивов некоторые грамматисты приводят перифрастические конструкции с лексемами, выражающими значение диминутивности. Стоит также отметить, что в некоторых работах (например, в грамматике Доната) внимание обращается на рассмотрении способов большей интенсификации признака. Наконец, как видно, диминутивы являются одними из тех производных имен, которые не исключаются из структуры описания, хотя и выносятся в работах XVI века из раздела об именной морфологии.

4.3.5.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка диминутивы описываются в работе анонимного автора грамматики 1555 года, дель Корро и в грамматике Небрихи. В первой работе диминутивы представляются в самом конце вместе с патронимами и компаративами / суперлативами, в грамматике Небрихи – в качестве одной из разновидностей производных имен, а у дель Корро – в отдельном разделе в рамках описания имени. Кроме того, в отличие от всех остальных авторов, Небриха выделяет еще и аугментативы.

Все три автора в качестве диминутивов представляют собственно диминутивные имена испанского языка. В своем описании Небриха обращает внимание на семантику (имена, которые обозначают уменьшение объекта) и на общеформальный аспект (являются производными) (183). В грамматике неизвестного автора 1555 года диминутивы описываются только с точки зрения особых формантов, которые используются для их образования (-ico, -illo, -ito и др.) (184). Кроме того, оба автора подчеркивают, что испанский язык

превосходит другие языки в этом отношении: в разнообразии аффиксов (у автора анонимной грамматики 1555 года) и в их количестве (у Небрихи) (185). В отношении аугментативов Небриха отмечает возможные прагматические цели, которые могут быть связаны с ними (186). Что касается грамматики дель Корро, то в ней диминутивы рассматриваются с семантической стороны, как некоторые языковый единицы со значением диминутивности, а также с формальной, как сложные по форме. При этом автор допускает несколько способов выражения идеи диминутивности: синтетический (аффиксальный) и аналитический (с помощью имен, в семантике которых заложена идея уменьшительности) (187).

Иными словами, в грамматиках испанского языка диминутивы не исключаются из грамматического описания (исключение составляют работы Вильялона и автора грамматики 1559 года). При этом только в работе автора грамматики 1555 года диминутивы, как и в грамматиках латинского языка XVI века, выносятся в отдельный раздел. В работах используется тот же подход к описанию, что и в латинских грамматиках (особое значение, особые формы, прагматические аспекты, наличие аналитических форм), однако отмечаются и некоторые отличия. В частности, у некоторых авторов четче артикулируются аналитические способы передачи идеи диминутивности. Кроме того, авторы обращают внимание на особенность испанской системы, в которой, согласно им, была широко распространена «диминутивная стратегия», вследствие чего отмечалось большое количество разнообразных аффиксов. Наконец, некоторые из грамматистов не останавливаются только на идее диминутивности, но и обращаются к противоположной ей идеи аугментативности.

4.3.5.3. Грамматики неиндоевропейских языков.

Во всех рассматриваемых грамматиках неиндоевропейских языков присутствует описание диминутивов. Кроме того, во всех грамматиках они описываются в отдельном разделе. При этом только в грамматике Саморы и де Алкала они позиционируются как производные имена. В грамматике Ольмоса и Жильберти они рассматриваются как явление особого порядка.

Самора и де Аклала описывают диминутивы по тем же критериям, что и авторы грамматик латинского языка (значение и морфологическая комплексность). При этом сам термин они рассматривают как относящийся к синтетическим формам имен, встречающимся в латинском и испанском языках.

Так, Самора, не найдя таковых в древнееврейском, описывает аналитические конструкции, состоящие из слова «qatan» (маленький) и прилагательного, и в качестве примера приводит словосочетание «'adam qatan» (маленький человек) и его аналог на латинском языке «homo paruus» и «homuncio» (согласно [Waltke & O'Connor 1990: 92], диминутивы в древнееврейском могли образовываться с помощью аффикса -on/-an) (188).

В грамматике де Алкала описание диминутивов сводится к описанию формальных единиц, участвующих в деривации синтетических форм, а также к описанию правил их образования в зависимости от конечного звука производящей основы. При этом грамматист, хотя и обращает внимание на сходство стратегий, используемых при образовании диминутивов в испанском и арабском языках (синтетическая стратегия), не отмечает разницу в способах образования (суффиксация в испанском и инфиксация в арабском [Гранде 2001: 259]) (189). Стоит отметить, что в качестве форм диминутивов в испанском языке он приводит преимущественно имена с суффиксом -ito (хотя встречается также суффикс -cito).

Описание диминутивов, представленное в грамматиках индейских языков, несколько отличается от рассмотренных выше.

В своей работе Ольмос обращает внимание в первую очередь на значение диминутивности и его формальные показатели, в связи с чем фокусируется не на собственно производных именах (диминутивах), а на особых аффиксах, среди которых выделяет такие, которые могут обладать диминутивным значением. Кроме того, Ольмос не останавливается только на данном значении, он также приводит и другие (например, значения вежливости) (190).

Жильберти же в своей работе приводит особые конструкции, которые тем

или иным образом связаны с идей диминутивности (аналогом которых у него является синтетическая форма с -ito или -illo или конструкция «un poco + прилагательное» в испанском языке). В качестве первой формы он приводит редуплицированное прилагательное в позиции предиката (имя и глагол «esse», в терминологии автора), для второй – указательное местоимение и глагол (в терминологии Жильберти): «charah-charahcax eti» и его аналог на испанском «es coloradillo» для первой и «yngate çan huhcamoti» и его аналог «este es majorcillo» для второй (191).

Иными словами, во всех грамматиках неиндоевропейских языков присутствует описание диминутивов. При этом данному явлению авторы посвящают особые разделы. Сам по себе термин диминутивы трактуется авторами по-разному. Самора и де Алкала представляют его в соответствие с греко-латинским каноном как относящийся к синтетическим формам, Ольмос и Жильберти – как обозначающий идею диминутивности. В связи с этим в работах авторов по индейским языкам (а также в работе Саморы, который не обнаружил синтетических форм) намечается смещение фокуса описания с собственно форм диминутивов на способы выражения идеи диминутивности. В грамматике Саморы в качестве примера приводится достаточно не стереотипная форма диминутива. Наконец, Ольмос в своей грамматике также обращает внимание и на прагматические значения, связанные с идеей диминутивности.

4.3.5.4. Грамматика Томаса.

Группа диминутивов описывается Томасом в отдельной, семнадцатой, главе. Грамматист отмечает, что в языке кечуа, в отличие от испанского и латинского языков, диминутивы являются не простыми по составу, то есть образующимися прибавлением особого элемента к основе слова (incomplexos), а сложными (complexos), то есть образующимися прибавлением к словоформе особой лексемы (uchulla), главным компонентом значения которой является значения диминутивности. В качестве примеров имен уменьшительных в испанском и латинском языках Томас приводит слова «homuncio» и

«hombrezillo», для кечуа же доминиканец приводит сочетание словоформы «uchulla» с разными именами, типа «uchulla guamara» (маленький мальчик), «uchulla runa» (маленький человек). В качестве аналогов на испанском языке он приводит сочетания «niño pequeño» и «pequeño hombre» (192). Кроме того, Томас отмечает, что в языке кечуа значение уменьшительности может быть градуировано, причем большая степень уменьшительности значения может быть выражена двумя способами: прибавлением к уже существующему сочетанию наречия–интенсификатора «ancha» (очень) или удлинением одного из гласных в составе лексем (193).

Наблюдения Томаса можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, в грамматике Томаса классу диминутивов (как, собственно, и другим немногим представителям акциденции вид) отводится отдельная глава.

Во-вторых, в качестве диминутивов автор рассматривает синтетические формы имен, которые им отмечаются в испанском и латинском языках. Для кечуа же он приводит перифрастические (аналитические) аналоги.

В-третьих, хотя Томас не приводит определения диминутивам, из его комментариев и примеров из испанского и латинского языков возможно заключить, что они рассматривались как имена с компонентом значения «уменьшение свойств объекта». Аффективных компонентов Томас не описывает. Кроме того, Томас фокусируется на способах интенсификации значения диминутивности, приводя в качестве вариантов лексико-синтаксический и фонетический способы.

В-четвертых, стоит особо отметить его комментарии относительно формы диминутивов в индоевропейских языках и в кечуа. Как уже упоминалось, автор пользуется терминами «incomplexos» и «complexos». При сравнении с компаративам, которые описывались выражением «por circunloquio», и составными именами, которые описывались как «complexos», можно предположить, что приводимые Томасом варианты диминутивов,

интерпретируются им как составные элементы имени (одна лексема, состоящая из нескольких корней).

В-пятых, что касается собственно языка кечуа, то в этом отношении можно сказать следующее. Согласно грамматикам современных вариантов языка [Cerrón-Palomino 2008: 129], существуют синтетические формы диминутивов с аффиксом -cha, чего в грамматике Томаса нет. Сама по себе форма «uchulla», которую Томас приводит как лексему со значением диминутивности, является сложной по форме, состоящей из «uchu» (маленький) и аффикса -lla, использующийся, среди прочего, для выражения уменьшительности [Weber 1996: 477], однако обладающего также и значением аффективности [Cerrón-Palomino 2008: 175], о чем Томас упоминает в двадцать четвертой главе. Так, он отмечает, что, хотя -lla сама по себе ничего не означает, в сочетании с именем или глаголом она характерна для женской речи и, по его мнению, выражает более мягкий, женственный, тон (194).

Из сравнение описания Томаса с описанием других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас, подобно авторам грамматик латинского языка (Небрихи и авторам грамматик XVI века), а также анонимному автору грамматики 1555 года и Саморе, выносит описание диминутивов из описания именной морфологии, тем самым рассматривая данное явление как специфическое, качественно отличное от грамматических категорий, как требующего особого рассмотрения.

Во-вторых, Томас следует за грамматиками латинского языка и рассматривает термин диминутивы как относящийся к синтетическим формам имени, в связи с чем приводимые на языке кечуа аналоги рассматривает как перифрастические. В этом отношении он также сближается с Саморой, автором грамматики иврита.

В-третьих, описание Томаса во многом сходно с описанием Саморы в том

отношении, что в нем приводятся не собственно диминутивные имена описываемого языка, а перифрастические конструкции, идею о которых авторы заимствуют, видимо, из латинских грамматик (Присциана и Небрихи), в которых похожие конструкции упоминались в качестве аналогов синтетических форм, призванных эксплицировать их значение.

В-четвертых, Томас не учитывает идеи Ольмоса и Тамары и не обращает внимание на прагматические компоненты, связанные с диминутивами (хотя при этом обращает на них внимание в связи с описанием аффикса -lla). Более того, обнаруженные Небрихой аугментативы в испанском языке, Томасом не берутся во внимание.

В-пятых, описание Томаса сближается с описанием Доната и дель Корро в том отношении, что в нем также рассматриваются возможные способы большей интенсификации признака. При этом автор обращает внимание как на лексический, так и на фонетический способ, чего не было у других авторов.

Наконец, в-шестых, подобно авторам латинских и испанских грамматик, Томас обращает внимание как на семантику, так и на форму. При этом Томас не расходится в рактовке семантического аспекта с другими грамматистами, однако несколько иначе представляет формальный, поскольку приводит формы латинских и испанских диминутивов с такими аффиксами, которые практически не упоминались авторами латинских и испанских грамматик. В этом отношении он сближается с Саморой.

4.3.6. Отглагольные имена

4.3.6.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната отглагольные имена упоминаются в рамках описаниях разновидностей имен. Автор не дает подробного комментария, отмечая лишь производный характер данных имен и класс производящей основы, то есть класс глаголов. В качестве примеров он приводит агентивные имена типа «doctor» (врач) и «lector» (читатель). Вопросы семантики,

синтаксиса (номинализации) и морфологии он специально не затрагивает (195).

В грамматике Присциана отглагольные описываются в качестве одной из разновидностей производных имен. При этом византийский грамматист рассматривает данный класс в качестве одного из наиболее обширных среди классов производных имен (наравне с деноминативами, отнаречными и отпричастными именами) (196). В то же время автор не выделяет особого раздела для отглагольных имен и рассматривает их вместе с остальными упомянутыми классами (197).

Присциан не поясняет, в отличие от Доната, содержание термина отглагольное имя, однако из его комментариев можно предположить, что он также трактовался исключительно с морфологической стороны: как обозначающий имя, образованное от глаголов (то есть проблема номинализации (лексической и/или синтаксической), если и затрагивается, то рассматривается исключительно с точки зрения морфологических особенностей производных имен). Как и в случае с деноминативами, основное внимание автор сосредоточивает на представлении моделей образования отглагольных имен, отталкиваясь от формантов, характерных для данного класса. Присциан не обращает внимание на семантическую сторону вопроса (вероятно, его обобщения относительно того, что у деноминативов нет определенного характерного для всего класса значения, возможно распространить и на отглагольные имена), за исключением значения имен с аффиксом -bundus (у имен с этим аффиксом автор выделяет значение «схожесть объекта»), а также с аффиксом -(t)or (со значением «профессия» или «агентивность») (198). Другие достаточно прозрачные аффиксы типа -bilis автор, хотя и упоминает, однако, видимо, не рассматривает как связанные с каким-то особым значением (199).

В грамматике Небрихи отглагольные имена получают самостоятельный статус и описываются в отдельном разделе, отведенном под описание производных имен. Кроме того, они упоминаются и в четвертой книге в связи с описанием особых моделей падежного управления. Тем не менее в общем и целом Небриха

следует за Присцианом в том, что он сосредотачивается в первую очередь не на понятии о номинализации и способах ее реализации (пусть и не используя данного термина), а на более конкретных аспектах, связанных с данным представлением, таких как морфологические и синтаксические особенности производных (отглагольных) имен.

В качестве основной характеристики данного класса он указывает производный характер формы, а также класс, к которому принадлежит производящая основа (200). Кроме того, подобно Присциану, он фокусируется на представлении списка отглагольных имен по их конечным элементам, не останавливаясь на семантике, за исключением нескольких типов имен (201). Отличительной чертой грамматики Небрихи в этом аспекте является то, что он, во-первых, выделяет среди имен с особой семантикой, помимо имен на -bundus, имена на -bilis, во-вторых, в качестве значения для имен на -bundus он приводит не «схожесть», а «излишество», в-третьих, агентивные имена на -(t)or описываются в грамматике двояко: в качестве причастных имен (в третьей книге) и в качестве отглагольных (в четвертой), однако также с собственным значением «исполнитель действия» (202). Наконец, как уже было сказано, в четвертой книге Небриха приводит возможные падежные формы управляемых отглагольными именами единиц (203).

Наконец, в других грамматиках латинского языка отглагольным именам практически не уделяется внимание. В тех из них, в которых описание или упоминание присутствует (грамматика Тамары и Жильберти), отглагольные имена представляются с точки зрения их возможной актантной структуры, то есть за счет перечисления падежных форм управляемых ими зависимых имен. Несмотря на то, что в своей грамматике Тамара обращает внимание и на формальный аспект, то есть упоминает некоторые форманты, однако представляет их в ограниченном количестве, и исключительно те, у которых, согласно ему, есть особое значение (-trix, -bilis, -bundus) (выделяет те же значения, что и Небриха) (204). В качестве причины отсутствия внимания

можно отметить слабую разработанность понятия о морфеме, в результате чего описание, основанное на простой классификации имен по окончаниям, с дидактической точки зрения лишается смысла (косвенно об этом упоминается у Тамары).

Иными словами, в грамматиках латинского языка описание отглагольных имен сводилось к представлению разнообразия их форм. При этом представление форм не отличалось систематичностью. Более того, в грамматиках XVI века намечается тенденция вынесения описания отглагольных имен из раздела по именной морфологии.

Тем не менее, в некоторых случаях авторы обращали внимание на семантический компонент. Из семантических характеристик выделялись только «агентивность» (-tor), «потенциальная подверженность действию» (-bilis), «схожесть» / «излишество» (-bundus). Кроме того, активно данным понятием авторы пользовались при описании моделей именного падежного управления. Что касается номинализации (лексической и / или синтаксической) как более общего явления, то оно системно не рассматривалось.

4.3.6.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка только в работе Небрихи встречается описание отглагольных имен. В грамматиках Вильялона и дель Корро упоминание о них также встречается, однако спорадически.

У Небрихи отглагольные имена описываются в качестве разновидности производных имен в третьей и четвертой книгах. Данный класс у автора в грамматике испанского языка рассматривается и определяется так же, как и в грамматике латинского языка (205), то есть основное внимание при описании фокусируется на формальном аспекте, а именно на списке возможных конечных элементов, которые отличают группу отглагольных имен от остальных. Кроме того, для некоторых из них (а точнее, только для агентивных на -dor или -dora) Небриха упоминает особенность значения (206).

Обобщая, можно сказать, что вопрос об отглагольных именах в

грамматиках испанского языка практически не рассматривался. В тех же работах, где он затронут, он получал ту же трактовку, что и в грамматиках латинского языка.

4.3.6.3. Грамматики неиндоевропейских языков.

В грамматиках неиндоевропейских языков также встречается описание отглагольных имен. В грамматиках Саморы и де Алкала они описываются в отдельном разделе вместе с другими производными именами. Кроме того, де Алкала приводит описание отглагольных имен и в разделе, посвященном глаголу. Жильберти не выделяет эксплицитно класс отглагольных как таковой. Тем не менее, в разделе, посвященном описанию рода, автор представляет списки имен по их окончаниям, среди которых отмечаются отглагольные. Наконец, в грамматике Ольмоса отглагольные позиционируются так же, как и отыменные, а именно как один из двух самых крупных классов производных имен, которым посвящаются отдельные главы (целиком девятая глава и часть одиннадцатой). Во всех работах в рамках описания данного класса представляются собственно отглагольные имена.

В своей грамматике Самора ограничивается лишь тем, что отмечает, что отглагольные имена являются производными от глаголов. В качестве примера он приводит лексему «'ahabah» (любовь) (207). Он также отдельно отмечает, что аналогом отглагольных (типа «lector») и отпричастных имен (типа «lectio»(чтение)) в иврите являются формы причастий. Для иллюстрации своего тезиса он указывает причастие «'oheb» (любящий) (208). Судя по примерам, которые приводит автор, можно заключить, что он рассматривает случаи агентивной, процессной и некоторых других типов лексической номинализации. В грамматике де Алкала отглагольные имена описываются с точки зрения способов их образования (формальный критерий). При этом автор описывает только особенности агентивной номинализиции, отмечая, что в арабском языке существует большое количество словообразовательных моделей, однако задать конечное количество правил ему не представляется возможным (209). Также

стоит отметить, что для отглагольных имен де Алкала указывает особое поведение в отношении форм множественного и двойственного числа (210).

В грамматике Жильберти, как уже было сказано, нет отдельного описания отглагольных имен, тем не менее, в списках слов, которые автор приводит, встречается данный класс (примеры на лексическую номинализацию). Отглагольные представляются по формальному и семантическому критериям (например, процессуальные номинализации на -kwa и -ta, агентивные на -ri, локативы на -o [Chamoreau 2003: 82], [Foster 1969: 154]) (211).

Наконец, в грамматике Ольмоса представлено наиболее обширное описание отглагольных имен, при этом, как и в случае с остальными производными, автор представляет не только форманты и способы образования, но и особенность значения. Более того, он приводит отдельно производные от существительных, отдельно – от прилагательных, а также использует представление о делении глаголов на разные типы по количеству актантов (переходные, непереходные), а также по типу диатезы (активная, пассивная, медиальная) при описании разных типов производных имен, приводит разнообразные типы лексической номинализации (объектная, процессная, локативная), в результате чего представляет достаточно полное и близкое к современному описание (212).

Иными словами, в грамматиках семитских языков при описании отглагольных имен языков–объектов описания авторы ограничиваются в основном только лексической номинализацией, более того, в основном только ее агентивным типом (хотя для латинского языка приводятся и другие типы). При этом описание ведется с точки зрения морфологических единиц (отглагольных имен). В грамматиках же индейских языков представляется более широкий спектр номинализаций: процессная, локативная и др. При этом Ольмосом представляется как лексическая, так и синтаксическая (хотя позиционируется как первая).

4.3.6.4. Грамматика Томаса

Описание отглагольных имен представлено в грамматике Томаса как эксплицитно (в седьмой главе, посвященной словообразовательным моделям у глаголов), так и имплицитно, в различных главах.

В седьмой главе, посвященной описанию глагольных дериватов, в особом разделе, «De ciertos nombres verbales», Томас дает описание отглагольных имен. Автор отмечает, что существует особый подкласс производных имен, которые образуются от глаголов. При этом он подчеркивает, что практически у любого глагола существует производная именная пара (не ясно, относится ли это замечание только к кечуа, или к латинскому тоже) (213). В качестве примеров Томас приводит имена из языка кечуа на -paq (грамматист отмечает две формы: «mikuypaq» и «mikunkapaq» (съедобный)), которые соответствуют, в представлении Томаса, латинским отглагольным именам на -bilis (типа «amabilis» (любимый) и «comestibilis» (съедобный)) и обозначают склонность некоторого объекта быть подверженным действию, который выражает глагол, а также имена на -na (типа «mikuna» (блюдо для еды) или «tiyana» (сиденье)), которые обозначают, согласно Томасу, определенный инструмент, с помощью которого возможно осуществить действие, выражаемое глаголом. В качестве переводов первого типа имен автор приводит также испанские прилагательные на -ble («cosa comestible» (съедобный)). В качестве испанских аналогов второго типа имен автор приводит словосочетание с целевым предлогом «para» («vasso para bever» (стакан для питья)) или отглагольное имя («assiento» (сиденье)) (214). Кроме того, Томас описывает алгоритм образования имен на -paq и -na: первые образуются от формы, которую он называл инфинитив настоящего или будущего времени, добавлением -paq, вторые – от формы первого лица единственного числа презенса путем замены конечной гласной i на a (215).

Также грамматист отмечает, что существуют и другие возможные способы образования отглагольных имен, которые, по его словам, пользователи

грамматики смогут сами определить, когда столкнутся с языковым материалом (216).

Во второй главе в разделе, посвященном акциденции вида, Томас, как уже было выше сказано, дает определение данной категории и в качестве примеров приводит отглагольное имя «tiyana» (сиденье) и глагол «tiyani» (форма первого лица единственного числа от глагола «tiyay» (садиться)), от которого оно образовано (217).

Кроме того, в грамматике Томаса присутствует и описание отглагольных имен с аффиксами -na и -sqa, а также с аффиксами -y и -q, которые в кечуа также использовались для лексической номинализации (для образования отглагольных имен) [Cerrón-Palomino 2008: 130–133].

Помимо вышеуказанных отглагольных имен на -na в двадцать пятой главе также встречаются и такие словоформы, как «quillqana» (письмо) и «uixcana» (замочная скважина) и их испанские аналоги «escrivanía» и «cerradura» (218). Номинализированные формы на -q рассматриваются Томасом в качестве причастий, аналогов активных причастий латинского языка на -ans / -ens (219). При этом данный аффикс упоминается не только собственно в главе о причастиях, но и в двадцать четвертой и двадцать пятой главах.

В двадцать четвертой главе номинализации на -q упоминаются в рамках описания такой фигуры речи, как эмфаза. В данной главе причастия на -q (в терминологии Томаса) в рамках особой конструкции (с -sapa) уподобляются отглагольным именам на -(t)or и -trix в латыни и -dor и -dora в испанском. В качестве примера автор приводит фразу «mikuqsapa kanki» и ее аналог на испанском «tú eres comedor» (ты обжора) или upyaqsapa kanki и «tú eres bebedor» (ты пьяница) или «yachaqsapa kani» и «yo soy sabio» (я мудрый) (220).

В двадцать пятой главе формы на -q упоминаются в связи с обобщением относительно ударения в кечуа и передаются на испанский язык с помощью относительного предложения без антецедента (el que X) (221).

Формы на -y в грамматике также встречаются в нескольких разделах. В

двадцать первой главе, посвященной синтаксису языка кечуа, Томас, описывая возможные падежные формы у имен–актантов трехвалентных глаголов, в качестве примера приводит фразы, в которых встречается форма на -у, а именно «mikuy», состоящая из корня miku- и аффикса номинализатора -у, которая, судя по авторским переводам на испанский, трактуется, с одной стороны, в качестве инфинитива, аналога «comer» (ср. «mikuyta apamuni» – «traigo de comer para ti» или «mikuyta kuyqui» – «doyte de comer» (приношу / даю тебе еды)), а, с другой стороны, в качестве имени (ср. «cammanta mikuyta quichupuyqui» – «quitóte la comida» или «camta mikuyta quichuni» – «quitóte la comida» (забираю / отбираю у тебя еду)), которой соответствует испанское производное (отглагольное) имя «comida» (222). В сходном ключе формы с данным аффиксом представляются в главе, посвященной описанию инфинитивов (в терминологии Томаса), в которой автор, описывая формы на -у, отмечает, что они могут использоваться в качестве имен и принимать разнообразные падежные формы (223).

Наконец, формы на -sqa рассматриваются как причастия прошедшего времени. В качестве примера среди прочего автор приводит форму «kuyasqay» и ее аналог на испанском «cosa amada de mi» (любимый мною) (224).

Взгляды Томаса можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, в грамматике Томаса отглагольные имена, в отличие от других производных имен, упоминаются в нескольких разделах. Кроме того, основное описание автором располагается не в разделе, посвященном имени и его акциденциям, а в отдельном разделе в рамках описания производных глаголов. Иными словами, грамматист уделяет значительное внимание данному подклассу слов, а также позиционирует его в качестве особого, связанного не только и не столько с именем, но и даже в большей степени с глаголом. .

Во-вторых, при описании отглагольных имен в основном разделе Томас фокусируется на формальном (производность и частеречная принадлежность основы) и семантическом аспектах (значение потенциального претерпевания, а также инструмента действия). Среди аффиксов латинского языка, аналоги

которых автор искал в языке кечуа, Томас выделил -bilis, а также -(t)or/trix. Для первого, как следует из наблюдений, автор приводит значение «претерпевания». При этом он не комментирует «активные» случаи употребления данного аффикса и не приводит значений имен с -(t)or (хотя из примеров ясно, что аффикс понимался им как агентивный).

В-третьих, в грамматике Томаса присутствуют как эксплицитные характеристики отглагольных имен, так и имплицитные. При этом в первом случае Томас описывает имена на -paq и -na (с некоторой долей – на -q), а во втором – имена на -q, -y и - sqa.

В-четвертых, как следует из приведенных комментариев, Томас рассматривает отглагольные имена в качестве класса, присутствующего во всех знакомых ему языках.

В-пятых, Томас упоминает как случаи лексической, так и синтаксической номинализации. В качестве примеров он приводит формы с аффиксами -y, -q, -sqa. Более того, он различает данные типы на уровне терминологии (явления синтаксической номинализации описывает в качестве аналогов глагольных форм латинского языка (причастия, инфинитив), в то время как явления лексической номинализации он рассматривает как аналоги латинских производных имен). Однако при этом Томас не представляет системного описания данного явления в языке кечуа, поскольку часть аффиксов (-q, -y, -sqa) он представляет эксплицитно только в качестве операторов синтаксической номинализации (хотя в примерах и описаниях, посвященных другим явлениям, но в которых данные форманты упоминаются, он приводит обе функции). Кроме того, в ряде случаев автор вместо собственно аффиксов–номинализаторов (-y) приводит падежные показатели (-paq).

В-шестых, относительно взглядов Томаса на особенность данного подкласса в латинском и испанском языке можно сказать только то, что данный класс выделялся им по тем же критериям, что и в языке кечуа: формально-семантическому (как имена, обладающие специфическими материальными

показателями с особым значением) и синтаксическому (как имена с возможностью выступать как в качестве ядра синтагмы, так и в качестве атрибута). Что касается непосредственно форм имен и их значений, Томас в грамматике приводит формы с выделенными аффиксами -(t)or / -trix и -bilis для латинского языка, -dor / -dora для испанского языка. При этом он приводит значение только для -bilis и для -dor.

Из сравнения взглядов Томаса со взглядами других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, подобно авторам латинских грамматик XVI века, а также некоторым авторам неиндоевропейских грамматик, Томас выносит описание отглагольных имен из раздела об именной морфологии. При этом описание доминиканца Томаса выделяется на фоне большинства грамматистов (кроме описания де Алкала) в том, что в нем отглагольные имена рассматриваются в разделе, посвященном глагольной морфологии, то есть автор делает акцент на классе производящей основы.

Во-вторых, Томас трактует значение класса отглагольных имен в соответствии с тем, как это было представлено в грамматиках латинского языка.

В-третьих, Томас совпадает с авторами неиндоевропейских языков в том, что касается представления моделей образования отглагольных имен, поскольку приводит только те, в которых представляется как формальный, так и семантический аспекты. Автор не приводит отглагольных имен с формантами, значение которых ему неизвестны. При этом Томас несколько выделяется на фоне остальных авторов, поскольку отмечает регулярный характер моделей образования (обусловленно, видимо, особенностями языка кечуа).

В-четвертых, при описании моделей Томас, подобно авторам латинских грамматик, выделяет аналоги отглагольных имен на -bilis, хотя при этом не ищет аналоги отглагольным на -bundus, ни активным значениям аналогов форм на -bilis, как это было в грамматике Небрихи.

В этом отношении он выделяется среди авторов грамматик семитских

языков, оторые приводили аналоги агентивных имен. Хотя при этом трактовка в качестве причастий форм на -q, которые были аналогичны латинским и испанским агентивным именами на -or, схожа с трактовкой Саморы, который также ставит больший акцент на синтаксическом характере номинализации (аналог причастия), а не на лексическом.

В-пятых, отличается Томас от многих авторов и в том, что он обращает внимание на инструментальную номинализацию, хотя при этом не рассматривает в грамматике возможные способы выражения локативной номинализации, как это было у Ольмоса и Жилберти.

В-шестых, Томас сближается с Ольмосом и выделяется на фоне остальных в том, что представляет (хотя и не совсем системно) как случаи лексической, так и случаи синтаксической номинализации.

4.3.7. Отпричастные и отнаречные имена

4.3.7.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната не представлено описания ни отпричастным, ни отнаречным именам. Есть только упоминание субстантивированных причастий («sapiens» (мудрец)), которые описываются Донатом как вид «имен, сходных с причастиями» (participis similia) (225).

В грамматике Присциана имена, образованные от наречий и от причастий, не описываются отдельно и представляются в книге, посвященной деноминативам (226). Грамматист не представляет эксплицитной характеристики данных имен. Более того, как таковых классов отнаречных и отпричастных Присциан не выделят. Он лишь фокусируется на описании словообразовательных моделей, в которых в качестве производящих основ выступают причастия и наречия с предлогами. Способ описания тот же, что и используется им при описании отглагольных и отыменных образований, то есть по окончаниям (227). Стоит отметить, что среди имен, образованных от причастий, Присциан отмечает агентивные имена на -(t)or. Для некоторых элементов автор приводит и связанное с ними значение. Так, отпричастные

имена на -tus / -sus имеют, согласно автору, особый компонент значения «абстрактность», на -dus – «возможность реализации действия по отношению к объекту» («объект достоин действия», в терминологии Присциана) (228). В отличие от Доната, у Присциана субстантивированные причастия на -ns также рассматриваются в качестве производных имен.

В грамматике Небрихи отпричастным и отнаречным отводятся особые разделы. Автор поясняет содержание терминов, обозначающих данные подклассы, отмечая, что данные имена являются производными от соответствующих частей речи (229). Отпричастные описываются по формальному (автором отмечается особые форменные элементы и способы образования) и семантическому (согласно автору, имена на -(t)or и -ius обозначают действие, на -tilis и -cius то же, что и само причастие) критериям (230). Кроме того, автор указывает и особые модели падежного управления, а также представляет ряд дифференциальных признаков и контекстов, которые позволяют отличить отпричастные имена от причастий, а именно управление генитивом, отсутствие значения времени, возможность образовывать степени сравнения, возможность присоединять префиксы, изменения значения. Иными словами, в некотором отношении автор затрагивает проблему лексической и синтаксической номинализации (231). Отнаречные рассматриваются только по формальному критерию.

В последующих грамматиках латинского языка, хотя и упоминаются спорадически отнаречные и отпричастные, тем не менее как такового описания данных имен не представлено (232).

Иными словами, среди грамматик латинского языка только в грамматике Небрихи и, частично, у Присциана рассматривались проблемы производных от наречий / предлогов и от причастий. При этом они трактовались преимущественно с формальной точки зрения, лишь для некоторых выделялись особые компоненты значения.

4.3.7.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка описание отпричастных и отнаречных представлено только в грамматике Небрихи. Автор ограничивается лишь указанием на их производный характер и на характер производящей основы. В качестве примеров для отпричастных имен он приводит агентивные имена на -or и процессные на -ción, для отнаречных имен – имена, образованные от предлогов («sobre» – «soberano») (233).

4.3.7.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Данные подклассы упоминаются в грамматике Ольмоса, де Алкала и Саморы, но достаточно спорадически. В грамматике Саморы отпричастные описываются в рамках представления отглагольных имен, у Ольмоса отмечаются имена, которые могут образовываться от наречий (имена на -yutl), а у де Алкала отпричастные имена упоминаются при описании категории числа как группа имена (наравне с отглагольными), которые имеют регулярный способ образования форм множественного числа (на im) и не имеют форм двойственного числа (234).

4.3.7.4. Грамматика Томаса

Томас не пользуется представлением об отпричастных именах и не пытается обнаружить их аналоги в языке кечуа, что, вероятно, связано с тем, что возможные аналоги (имена на -q и -sqa) уже рассматриваются автором в качестве специальных форм глагола (как уже было сказано, доминиканец Томас делает акцент на синтаксическом аспекте), а идею о возможности включения одних и тех же форм в несколько классов автор для данных имен не рассматривает. Что касается отнаречных имен, то Томас не ищет производные аналоги в языке кечуа, хотя при этом упоминает идею о том, что наречные слова в кечуа могут присоединять к себе падежные аффиксы и переходить в класс имен (235). Однако данное явление он не относит к проблематике, связанной с производностью.

В том, что он не выделяет для данных групп отдельного описания, автор сближается со многими авторами латинских и испанских грамматик XVI века

5. Акциденция род

5.1. Грамматики латинского языка

При описании категории рода Донат в первую очередь фокусируется на описании родовых классов. В качестве основных он позиционирует мужской, женский, средний и общий (для мужского и женского родов – II)); а также добавляет дополнительные два: смешанный и общий (для мужского, женского и среднего – III)) (236). Отнесение имен к мужскому, женскому и среднему родам эксплицитно определяется автором по способности имен тем или иным образом сочетаться с формами указательного местоимения («pronomen vel articulus»): имена мужского рода сочетаются только с формой мужского рода hic, имена женского – с «haec», среднего – с «hoc» (237). Общий (II) эксплицитно характеризуется по семантике (возможности лексемы соотноситься с референтами обоих полов) (238), общий (III) – по семантике и / или синтаксису (имя соотносится как с референтам с биологическим полом, так и без него, а также сочетается с именами среднего рода) (239). В описании смешанного рода отмечаются три стороны: формальная, синтаксическая («sub una significatione») и семантическая: при изменении пола референта имена данной группы сохраняют словоформу и согласовательную модель (240).

Помимо собственно родовых классов, автор отмечает (несистемно) и другие аспекты, связанные с категорией рода. Так, Донат, указывая на то, что мужской и женский род являются основными, а средний и общий – производными от них, некоторым образом затрагивает идею о связи категории рода с понятием о биологическом поле (семантический характер категории), а также об отличии между родовыми значениями и родовыми классами (241). Некоторым образом автор также останавливается и на проблеме морфологического рода. Так, например, он описывает варианты реализации отношения «родовое значение – форма слова», среди которых выделяет один из

возможных, а именно: выражение родовых значений с сопутствующим изменением формы слова («genera mobilia») и без изменения («genera fixa»). Стоит отметить, что в описании формального аспекта также прослеживается идея о разграничении родовых классов и значений, поскольку Донат при рассмотрении разнообразных вариантов оперирует преимущественно терминами мужской, женский и средний (242).

При этом прилагательные и существительные эксплицитно не рассматриваются как подклассы слов, для каждого из которых категория рода реализуется особо. Тем не менее можно ответить имплицитное разграничение, которое обнаруживается в описании морфологических особенностей, связанных с категорией рода. Так, при описании такой разновидности имен, как «genera mobilia», автор приводит только прилагательные трех окончаний.

Присциан в общем и целом останавливается на тех же аспектах, что и римских грамматист, однако несколько иначе расставляет акценты и дает более детальное описание каждого из них.

В отношении описания родовых классов автор выделяет те же шесть родовых групп, что и Донат, а также добавляет к списку еще и сомнительный род. Мужская и женская родовые группы характеризуются в первую очередь с семантической стороны (по связи с биологическим полом) (243). Имена общего рода (II) характеризуются, как и у Доната, с семантической стороны, а также, эксплицитно (в отличие от Доната), еще и с синтаксической (по сочетаемости с hic и haec) (244). Группа среднего и общего рода (III) рассматриваются преимущественно с синтаксической стороны. При характеристике группы смешанного рода Присциан более эксплицитно отмечает синтаксический и формальный аспекты. Что касается группы сомнительного рода, автор в определении не указывает явно критериев, однако из примеров ясно, что в качестве основного выбирается синтаксический (245).

Помимо описания родовых классов, автор также останавливается и на формальной стороне категории. Подобно Донату, грамматист представляет

разнообразные варианты реализации отношения «значение рода – форма слова» (246).

Важной особенностью описания Присциана является то, что он, во-первых, при трактовке термина род больший акцент делает на семантическом аспекте, во-вторых, противопоставляя более эксплицитно мужской и женский род, с одной стороны, и средний и общий (II), с другой, опирается на идею о том, что род может быть как семантической, то есть связанной с фактами реальной действительности, так и синтаксической категорией, то есть имеющей отношение только к особенностям языковых единиц, в-третьих, эксплицитно отмечает, что категория рода по-разному себя проявляет в отношении к прилагательным и к существительным (в описании группы общего рода отмечает, что ее составляют только прилагательные), в-четвертых, при описании формального аспекта категории он несколько углубляет описание. Так, при представлении вариантов реализации отношения «родовое значение – окончание слова», автор прибегает к некоторым параметрам, которые, по его мнению, способствуют классификации (упорядочиванию) имен по родовым классам (247).

Стоит отметить, что в некотором смысле Присциан также разводит (хотя и достаточно имплицитно) понятия о родовых значениях и родовых классах (248). Так, отмечая, что в финикийском всего два рода: мужской и женский, Присциан, вероятно, делает акцент именно на родовых значениях. Более того, как следует из авторского комментария, он не позиционирует латинскую систему родов в качестве универсальной (249).

Небриха к своем сочинении объединяет описание акциденции рода, предложенное в грамматике Доната и Присциана (а также в грамматиках Средних веков и Возрождения), и излагает его более системно. При этом описание, представленное в первой части, несколько отличается от того, что представлено в остальных частях грамматики.

Так, в первой части своей книги в основном тексте Небриха представляет

род как исключительно синтаксическую (внутриязыковую) категорию, которая выделяется на основании особых согласовательных моделей имен (сочетание с указательными местоимениям). Иными словами, Небриха, подобно Донату, фокусируется на описании родовых классов (250).

В остальной части грамматики род рассматривается в первую очередь с точки зрения специфики родовых значений (хотя описание родовых классов также присутствует). Так, подобно Присциану, Небриха представляет род как двоякую категорию: с одной стороны, семантическую, связанную с особым набором значений (биологическим полом), а с другой, как синтаксическую, внутриязыковую (251). Для определения родовых значений Небриха предлагает комплексный критерий: морфологический (особые родовые морфемы и модели словоизменения), синтаксический (особые формы согласуемых прилагательных и местоимений) и семантический (связь с полом или другими значениями) (252). При этом Небриха под описание некоторых аспектов (семантического и формального) выделяет отдельные разделы (вторая книга). Кроме того, он эксплицитно разводит реализацию категории рода у существительных (все три критерия) и прилагательных (преимущественно морфологический (особый набор окончаний)) (253), а также активно пользуется понятием узуса и так называемым правилом рода, которое он понимает как набор правил для определения типа родового класса.

Идея о том, что показателем рода может быть артикль, также присутствует в грамматике, однако, для Небрихи, она применима только для греческого и семитских языков, поскольку в латинском языке, согласно испанскому автору, артикля нет. Формы же hic, haec, hoc, употребляемые при именах в парадигмах словоизменения, позиционируются автором в качестве указательных местоимений, которые не являются единственными родовыми показателями (254).

Что касается родовых классов, то Небриха выделяет то же количество, что и Присциан. Группы мужского, женского, среднего, общего (II) и общего (III)

описываются по семантическому, морфологическому и синтаксическому критериям (255). При описании первых трех родов (отчасти и общего (II)) используется представление об особом наборе формантов и семантике, закрепленных за тем или иным родом (формальный и семантический критерии). Общий (III) преимущественно определяется по синтаксическому критерию (особые согласовательные модели). Идея о наличии трех пар окончаний у прилагательных (имен общего (III) рода), то есть формальный аспект, не особо эксплицируется Небрихой, хотя автор и упоминает при описании каждого вида окончаний (правила рода) данную родовую группу. Сомнительный род описывается, как и у Присциана, по синтаксическому критерию (256), смешанный – по синтаксическому и семантическому (257). При этом формальный критерий отодвигается на задний план.

В качестве опорных родовых классов выделяются мужской и женский, которым противопоставлен средний. Остальные родовые классы интерпретируются как второстепенные, в чем просматривается идея о различении представлений о грамматических значениях и о согласовательных классах (258).

В других грамматиках латинского языка также присутствует описание рода. В общем и целом, в них отмечаются все те же характеристики и свойства родовой категории, что и в сочинениях позднеантичных грамматистов и Небрихи. Отличаются они расстановкой акцентам и полнотой описания. Так, в частности, авторы при описании данной категории фокусируются в первую очередь на представлении «правил рода» (лексико-семантические классы и классификация имен по окончаниями), а также на определении родовых групп (Семпере и Жильберти) (259).

Таким образом, можно утверждать, что в грамматиках латинского языка в описании категории рода на первый план выходила проблема не ее определения с позиции сущностных черт как категории (по умолчанию она интерпретировалась в качестве акциденции, некоторого набора переменных

признаков, присущих тому или иному классу слов), а проблема характеристики некоторого набора родовых классов. В качестве основных выделялись мужской, женский, средний, общий (II) и (III) и смешанный. У большинства авторов также присутствует и сомнительный род. При этом мужская и женская группа рассматривались в качестве основных. Для характеристики использовался некоторый набор критериев: семантический, синтаксический и морфологический.

Наиболее распространенным среди них был критерий сочетаемости с формами указательных местоимений. При этом некоторые авторы (например, Небриха) выступали с критикой его релевантности (хотя и не отказывались от него).

Помимо него использовался лексико-семантический критерий, то есть идея о том, что слова с некоторым значением группируются вокруг определенных родовых значений. Если в своей грамматике Донат ограничивался словами, относящимися к референтам с признаком естественного пола, то начиная с Присциана и, особенно, Небрихи, грамматисты расширяют объем охвата данного критерия и описывают другие лексико-семантические группы имен. Тем не менее идея связи категории рода с естественным полом доминирует во всех грамматиках (например, см. [Vaahtera 2000: 235] для позднеантичных грамматик), что отражается среди прочего на размытости содержания термина род (хотя в некоторых грамматиках предприняты попытки развести семантическую и формально-синтаксическую сторону данной категории).

В грамматиках XVI века идея рода как согласовательной категории, а также различной реализации рода у существительных и прилагательных начинает четче артикулироваться, что отражается на том, что в качестве основного выступает морфологический критерий (набор определенных окончаний у прилагательных) и синтаксический (зависимость формы окончания прилагательного от родового класса существительного). Так, в качестве индикаторов родовых значений у имен существительных приводятся формы

прилагательного, а для прилагательных – формальные элементы (флексия), что особенно отмечается в грамматике Небрихи и Семпере. Присутствует и идея о зависимости между некоторыми морфологическими характеристиками слова (особые морфемы или тип словоизменения) и родовым классом, что проявляется в том, что в описании акциденции рода авторы приводят списки слов по окончаниям.

Наконец, в некоторых грамматиках постепенно начинает формироваться идея об отличии значений родовой категории и родовых классов.

5.2. Грамматики испанского языка

В грамматиках испанского языка категория рода также освещается.

Дель Корро не дает определения данной категории. Он выделяет всего две родовые групп (значения): мужской и женский род (260). При выделении родов грамматист основной акцент ставит на синтаксический аспект, а именно на сочетании с артиклями разных форм, а также (имплицитно) на формальный, поскольку отрицает наличие среднего рода, руководствуясь идей о наличии определенного набора формальных конечных показателей, закрепленного за тем или иным родовым значением (261). Он также противопоставляет прилагательные и существительные по способам выражения родовых значений (при этом формы прилагательных с lo, как уже было сказано, он рассматривает в качестве существительных) (262) и упоминает проблему корреляции грамматического рода и семантики, однако не в связи с тем или иным полом референта, а применительно к некоторым лексико-семантическим группам (263).

В грамматике испанского языка Небрихи род (в определении) характеризуется через связь с понятием о естественном поле. Автор выделяет мужской и женский роды, с одной стороны, и средний род, с другой (264). При этом основное описание сосредоточивается на описании родовых классов, которые выделяются на основании особого синтаксического поведения имен, а

именно на основании их сочетания с различными формами артикля. Кроме того, артикли выделяются Небрихой в качестве основных родовых показателей. Грамматист практически не обращает внимание на внутрисловные форманты (грамматические окончания), а также на группы слов (типа «madre» – «padre»), где противопоставление по роду выражено в том числе и лексически (265). Он также не проводит различия при описании рода прилагательных и существительных, в результате чего, по замечанию [Baldischwieler 2004: 87], не совсем удачно применяет критерий сочетаемости с разными формами артикля. Тем не менее, в его грамматике присутствует идея о разделении родовых значений и родовых классов (автор упоминает в определении и при описании артиклей только мужской, женский и средний род) (266). Наконец, категория рода позиционируется в качестве согласовательной (267).

В грамматике Вильялона определение категории рода в общих чертах схоже с определением, данным в его грамматике испанского языка Небрихи (268), то есть род характеризуется как семантическая категория, связанная с представлением о биологическом поле. В связи с представлением семантической стороны категории автор также приводит классификации слов по лексико-семантическим группам (269). Тем не менее, как кажется, семантический критерий не является ведущим (хотя и позиционируется автором как таковой). Так, в основном описании автор несколько смешивает представление о родовых значениях и родовых классах, поскольку выделяет наравне с мужским и женским общий род (II). Более того, он отмечает, что распределение имен по родовых группам (мужская, женская и общая (II)) можно осуществить, опираясь на синтаксический (сочетание с детерминантами) и формальный (характер конечной гласной) аспекты (270). При этом грамматист не ограничивается только сочетаниями имен с артиклями, а приводит также указательные местоимения (271).

Особо комментирует автор возможность обнаружения в испанском языке группы среднего рода. Так, опираясь на статистический аспект

(малочисленность имен среднего рода), он отказывает ей в статусе родового класса. Кроме того, Вильялон отмечает, что род является согласовательной категорией (272), а также, подобно Небрихе, разводит прилагательные и существительные, отмечая, что у первых, в отличие от вторых, есть особые внутрисловные показатели, которые меняются в зависимости от пола референта (273).

В анонимных грамматиках 1555 и 1559 годов категория рода представлена в достаточно лаконичном виде.

Анонимный автор грамматики 1555 выделяет три родовые значения (мужской, женский и средний род [Ramajo Caño 1987: 98]) и разделяет их реализацию у имен и артиклей, а также у существительных и прилагательных. Родовые классы для существительных он выделяет на основании формального критерия (имена на -o относятся или к мужскому или к среднему), для прилагательных (хотя они и относятся им в разряд имен и описываются вместе с существительным) – на основании синтаксического критерия (класс среднего рода у прилагательных выделяется, видимо, по согласованию с формами артикля среднего рода) (274).

Автор грамматики 1559 года выделяет всего два родовые значения у имен (хотя и допускает возможность выделения среднего рода). В качестве основного критерия при описании рода он выбирает семантический (связь с полом референта), а также, видимо, и формальный (275).

Таким образом, в грамматиках испанского языка описание рода несколько отличается от того, что было представлено в грамматиках латинского языка. Описание с точки зрения особенностей родовых классов встречается только в грамматике Небрихи, в остальных же род рассматривается скорее с точки зрения особенностей реализации родовых значений.

При этом среди грамматистов не наблюдается единодушия в отношении выбора критериев описания. Так, внимание семантическому аспекту (связь рода

с биологическим полом) уделяется у Небрихи, Вильялона и анонимного автора 1559 года, в грамматике дель Корро семантика также рассматривается, однако несколько в ином ключе (с точки зрения деления имен на особые лексико-семантические классы). В грамматике 1555 года внимание семантике практически не уделяется. Что касается формального критерия, то на набор особых родовых окончаний имен обращают внимание автор грамматики 1555 года, Вильялон и отчасти дель Корро. Большинство авторов внимание обращает на проблему сочетания имен с артиклем lo, однако при этом выделение среднего рода на основании сочетаемости с данным артиклем встречается только у Небрихи и у анонимного автора 1555 года (у дель Корро и автора грамматики 1559 года средний род, видимо, выделяется только у артиклей). У Вильялона вместо артикля используется указательное местоимение. Не единодушны авторы и в выделении родовых классов: Небриха выделяет семь, Вильялон и автор грамматики 1555 – три (при этом Вильялон выделяет группу общего рода, а анонимный автор группу среднего), дель Корро и автор грамматики 1559 – два.

Наконец, в грамматиках испанского языка находит отражение представление о различной реализации родовых значений у существительных и прилагательных.

5.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Категория рода описывается также в грамматиках семитских языков.

Педро де Алкала, подобно предыдущим авторам, приводит достаточно краткое описание данной категории. При этом его особенностью (как, впрочем, и особенностью описания второй версии грамматики Саморы) является то, что оно сосредоточивается на способах реализации родовых значений.

Де Алкала выделяет только два родовых значения в арабском языке: мужское и женское, и приводит описание их показателей. При этом в первую очередь он обращает внимание на формальные внутрисловные показатели,

отмечая, что в качестве наиболее частотного показателя значений женского рода является -t (276).

Менее эксплицитно де Алкала описывает род и как согласовательную категорию, обращая внимание на особое поведение глаголов в зависимости от родового класса имени (277). Также описывает он и связь рода с числом: наличие особых показателей дуалиса и множественного числа для одного и другого рода (278).

В грамматике Саморы представляется как описание родовых классов, так и собственно родовых значений (особенно это заметно во второй версии) (279). Кроме того, в его грамматике эксплицируется (даже в большей степени, чем у Небрихи) идея о роде как о категории, связанной с внеязковыми (семантическая сторона) и с внутрилингвистическими факторами (синтаксическая) (280).

При описании родовых классов наряду с группой мужского и женского рода он выделяет еще и другие родовые группы: общий, сомнительный и смешанный, отрицая наличие группы и / или значения среднего рода для древнееврейского (281). При выделении родовых классов грамматист руководствуется несколькими критериями: семантическим (связь с естественным полом), формальным (особые окончания) и синтаксическим (выражение рода на связанных с именем соседних словах). Особый акцент при описании мужского и женского рода он ставит на семантике и форме, общего и смешанного – семантике и, имплицитно, синтаксисе (сочетание с именами определенной родовой группы), при описании сомнительного – на синтаксисе. При этом, судя по анализу общего объема работы, автор делает больший акцент на представлении формального и синтаксического аспекта (он не приводит особых лексико-семантических классификаций в отношении рода, хотя они выделяются в языке [Waltke & O'Connor 1990: 103-106]), то есть на описании внутриязыковых факторов (282).

Самора также противопоставляет прилагательные и существительные (у прилагательных выделяет особые родовые окончания). Стоит отметить, что,

вероятно, автор придавал большее значение прилагательным как носителям категории рода.

Встречается в его грамматике и упоминание о способах выражения рода в греческом и латинском на детерминантах (283).

Категория рода также была представлена и в грамматиках неиндоевропейских языков.

В грамматике Ольмоса категория рода описывается в достаточно ограниченном объеме. Так, автор отмечает, что в науатле отсутствуют специфические внесловные показатели для мужского и женского рода (artículos, в терминологии Ольмоса), что прилагательные не имеют особых родовых окончаний и что родовые группы и родовые значения определяются по значению существительных (284).

Из его описания можно предположить, что грамматист в качестве основных характеристик категории рода выделяет особое синтаксическое поведение (ограниченная дистрибуция и наличие согласования), особую форму (окончания прилагательных) и семантику (связь с полом референта) и выделяет последнюю характеристику как единственную релевантную для языка науатль. При этом он также разделяет отношение категории рода к прилагательным (как согласовательная) и к существительных.

Тем не менее, не вполне ясно, разграничивает ли Ольмос родовые значения и родовые группы и какие родовые значения и группы он выделяет для науатля. Можно лишь утверждать, что в качестве основных он выделяет значения мужского и женского рода, поскольку их упоминает и их комментирует.

В грамматике Жильберти категория рода представлена чрезвычайно диффузно. Не ясно, описывает ли автор только родовые группы или же еще и значения родов (хотя, вероятно, он противопоставляет данные понятия). Так, для существительных он выделяет мужской, женский, средний и общий, а для прилагательных – мужской, женский и средний. Тем не менее, ясно, что автор

описывает род отдельно для прилагательных, отдельно для существительных, то есть отдает себе отчет в том, что род реализуется по-разному у данных классов: в первом случае (при описании существительных) он ориентируется на семантический и формальный аспект (при сравнении общего рода в пурепеча и индоевропейских языках), во втором (при описании прилагательных) – на формальный и / или синтаксический.

Жильберти также приводит список имен в зависимости от их окончаний. Однако, в отличие от авторов грамматик латинского языка, которые в своих работах представляли подобные списки слов в связи с описание категории рода, Жильберти, вероятно, сохраняя общую структуру описания, изменяет при этом саму идею классификации, которая привязывается у него к проблеме производности и значения производных имен и аффиксов (285).

Стоит отметить, что при описании родовых групп / значений Жильберти во многом ориентировался на грамматику латинского языка (в языке пурепеча рода как согласовательной категории не представлено [Chamoreau 2003: 51]). Так, например, такие имена как «axuni» (животное) и «hapingata» (раб) автором в языке пурепеча отнесены к среднему роду, поскольку их аналоги в латинском языке «animal» и «mancipium» среднего рода. К общему роду автор относит такие слова языка пурепеча, которые могли соотноситься с референтами разных полов, не меняя своей формы (как например, «tecari» (плотник)). При этом Жильберти отмечает, что их эквиваленты в латинском языке имели иную родовую дистрибуцию. Автор, видимо, ссылается на тот факт, что слова типа «carpinterius» (аналог лексемы пурепеча «tecari») имели родовые показатели (родовые аффиксы) и в зависимости от формы и пола референта они определялись либо к мужскому («carpinterius»), либо к женскому роду («carpinteria»).

Таким образом, в грамматиках семитских языков категория рода описывается с точки зрения способов реализации родовых значений (хотя в первой версии грамматики Саморы встречается и описание родовых групп).

Основное внимание при этом уделяется формальной стороне (у обоих авторов), а у Саморы еще и семантике (связи с полом референта) и синтаксису. Кроме того, Самора выделяет прилагательные (а также и некоторые другие части речи) как главные носители родовых значений.

Что касается авторов грамматик неиндоевропейских языков, то ни в одной из них не отрицается наличие данной категории, притом что описываемые языки не обладают морфологической и синтаксической категорией рода. Ольмос, отдавая себе отчет в этом, акцент смещает на семантику (на связь с полом референта). Жильберти, видимо, тоже акцент ставит на семантику, однако трактует данный аспект несколько иначе, через поиск аналогов в латинском языке, в связи с чем выделяет не два, а четыре рода. При этом оба автора обращают внимания на зависимый характер прилагательных в отношении выражения категории рода.

5.4. Грамматика Томаса

Основные комментарии относительно категории рода сосредоточены в грамматике Томаса во второй главе, посвященной описанию именной морфологии. Миссионер отмечает, что в языке кечуа отсутствует род. Для пояснения своих слов он обращается к латинскому и испанскому языкам и отмечает, что в кечуа нельзя разделить имена на родовые группы (типа мужской, женской и средней) по каким-либо признакам («differencia» / «distinciones»), подобно тому, как это возможно осуществить в латинском и испанском языках. В качестве примера он приводит варианты словосочетания «хороший мужчина» на латинском и испанском языках с правильным и нарушенным согласованием («bonus vir» / «bona vir» и «buen hombre» / «buena hombre») (286).

Возвращаясь к языку кечуа, доминиканец Томас замечает, что в данном языке нет никаких особых правил в отношении рода для употребления существительного и прилагательного в одной синтагме, и приводит в пример сочетания «alli cari» и «alli guarmi» и их аналоги на испанском язык «buen hombre» и «buena muger» (хороший мужчина и хорошая женщина,

соответственно). Томас поясняет свою мысль, отмечая, что прилагательное «alli», которое на испанском передается как «bueno», в неизменном виде сочетается как с именем «cari», значение которого на испанском передается как «varón», так и с «guarmi» («muger») (287).

В итоге, доминиканец делает вывод об отсутствии необходимости представлять описание и какие-либо правила для определения рода имени или способа согласования прилагательного с существительным, поскольку в языке кечуа, согласно ему, рода нет (288).

Некоторые комментарии относительно рода встречаются также и в других главах грамматики.

Так, Томас в двадцать четвертой главе отмечает в связи с описанием эмфазы и элемента sapa (который он позиционирует как прилагательное и который, согласно автору, участвует в выражении данной фигуры речи), что данный элемент используется одинаково для всех родовых групп, поскольку в кечуа у имен нет явных признаков рода, который, тем не менее, может определяться при добавлении особых имен типа «warmi» и «cari», и в качестве примера приводит сочетания «mikuqsapa warmi» и «upyaqsapa cari» с их аналогами на испанском языке «mujer comedora» и «hombre bebedor» (женщина обжора и мужчина пьяница, соответственно) (289).

В двадцать первой главе Томас отмечает, что существительные и прилагательные согласуются только по числу и падежу, но не по роду, поскольку его нет в языке кечуа (290).

Наконец, в другом месте своей грамматики он отмечает, что различие в поле (роде) референта определяется у того или иного слова по особым словам, типа «warmi» (женщина), которые могут к ним присоединятся и в семантике которых изначально уже заложен пол (291).

Из приведенных выше наблюдений можно сделать следующие выводы.

Во-первых, род рассматривается Томасом с нескольких сторон: в качестве

понятия о биологическом поле, то есть исключительно семантического понятия, связанного с фактами внешней действительности, и в качестве формально-синтаксической категории, связанной с сугубо внутриязыковыми факторами. Из примеров на испанском и латинском языках, а также на языке кечуа можно заключить, что в качестве подобных факторов («differencias» / «distinciones») выступали для Томаса в первую очередь окончания прилагательного, появление которых зависело от пола референта существительного, с которым оно согласуется. Таким образом, род как семантическая категория выделяется Томасом во всех упоминаемых им языках, как формальная и синтаксическая – не выделяется в языке кечуа, но выделяется автором в латинском и испанском языках. При этом миссионер не обращается к местоимениям (ни для кечуа, ни для латинского и испанского языков) как показателям рода.

Во-вторых, Томас при перечислении родовых классов упоминает только три (мужской, женский и средний). Из этого можно сделать вывод о том, что он понимал проблему различия между грамматическими значениями и родовым классами. Более того, вероятно, первые три родовые группы позиционируются как универсальные, типологически релевантные, в отличие от других (смешанный род и прочие). При этом несколько неясно, какой критерий Томас использовал при выделении среднего рода в испанском языка.

В-третьих, Томас пользуется представлением о наличии правил рода.

Отдельно стоит отметить комментарии Томаса, которые не включаются им в раздел, посвященный роду, но, тем не менее, напрямую связаны с проявлением категории рода в языке кечуа и факт присутствия которых характеризуют Томаса как внимательного к языковым фактам исследователя, который отмечает даже те явления, которые могут не находить соответствий в используемой им теории. Так, в данном языке категория рода является исключительно семантической (но не согласовательной) и выражается в зависимости выбора типа лексемы для обозначения родственников от пола локутора (говорящего). Так, например, как отмечает Томас (что соответствует

современным представлениям), мужчина, говорящий о своей сестре, должен употребить лексему «wawqui», женщина же, говоря о сестре, пользуется словом «ñaña» (292).

Из сравнения описания Томаса с описаниями других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в описании рода в первую очередь с точки зрения реализации родовых значений, а не особенностей родовых классов, Томас сближается с большинством авторов грамматик испанского и неиндоевропейских языков (хотя в некоторым смысле идея о родовых классах у него также присутствует) и несколько расходится с некоторыми авторами латинских грамматик (с Донатом, Жильберти, отчасти Присцианом). При этом, подобно авторам грамматик XVI века, при рассмотрении рода Томас опирается на семантический, формальный и синтаксический (расширенный) критерии.

Во-вторых, подобно Ольмосу, Томас отрицает наличие рода в описываемом им языке как синтаксической категории, однако не отрицает ее наличие как семантической, хотя делает это менее эксплицитно, чем автор грамматики науатль.

В-третьих, вероятно, как и автор грамматики 1555 года, Томас для испанских прилагательных выделяет три значения рода, причем мужской и средний, по его мнению, вероятно, могли реализовываться схожим образом. Что касается дистрибутивно-синтаксического критерия, то он, подобно Жильберти, не обращает на него внимания, в чем заметно отходит от традиции.

В-четвертых, как и авторы латинских грамматик XVI века, а также как Самора и Ольмос, в качестве основного носителя категории рода как синтаксического явления Томас рассматривает прилагательные. Кроме того, обращает он внимание, подобно данным авторам, на категорию рода как согласовательную.

6. Акциденция число

6.1. Грамматики латинского языка

В своей грамматике Донат не дает определения категории числа, описывая лишь ее значения, среди которых он выделяет единственное и множественное число. В качестве иллюстрации он приводит формы имен с указательным местоимением («hic sapiens», «hi sapientes») (293). Судя по примерам, можно предположить, что для Доната релевантными были как формальный (особые морфемы), так и синтаксический (особые согласовательные модели) аспекты. Помимо единственного и множественного числа, автор упоминает также значение двойственного числа как существующее в латинском языке, трактуя его в качестве второстепенного (294). Описание данного значения представляется Донатом очень нечетко, однако можно предположить, что автор апеллировал к особому соотношению формы (особой флексии), семантики (соотнесенность с двумя предметами действительности) и синтаксическому поведению имен (сочетание с формами местоимений множественного числа). Отдельно Донат рассматривает группы имен, у которых особым образом сочетается форма и значение числа, среди которых можно отметить имена, которые в номинативе в единственном и множественном числе имеют омонимичную форму, имена, лишенные одного из значений (singularia и pluralia tantum), а также имена, имеющие форму, обычно ассоциируемую с одним значением числа (единственным либо множественным), но при этом соотносящуюся с иным количеством референтов («populus», «Athenae») (295).

В своем описании Присциан останавливается на проблеме определения данной акциденции, решая ее в пользу представления числа с точки зрения соотношения ее формальной реализации в языке с количественным значением. Так, он отмечает, что категория числа проявляется в особых формах имен, которые соотносятся с тем или иным количеством объектов (различают количество, в терминологии Присциана) (296). В качестве значений числа для латинского языка Присциан выделяет только единственное и множественное,

упоминая при этом двойственное, но лишая его статуса грамматического значения (297). Что касается формальной стороны вопроса, то Присциан, как и Донат, не описывает специально показатели числовых значений и ограничивается лишь примерами. Тем не менее, он так или иначе останавливается на формальной стороне вопроса, когда, например, утверждает, что имена единственного числа обозначают конкретное количество референтов (=1), в отличие от имен множественного числа, по форме которых невозможно точно определить количество объектов, с которым они соотносятся (298). Также автор уделяет внимание, подобно Донату, описанию имен, у которых особым образом коррелируют форма и значение (например, singularia и pluralia tantum) (299). Более того, он выделяет особые лексико-семантические группы имен, которые не имеют стереотипно формы одного из значений, а также рассматривает озможные причины подобного явления.

В грамматике Небрихи число представляется, как и у Присциана, как межчастеречная и согласовательная категория, присущая нескольким классам слов (именам, глаголам, местоимениям и причастиям) и организующая слова в предложении (300). Грамматист, подобно позднеантичным авторам, основное внимание уделяет семантическому аспекту (приводит определение числа, опираясь на специфику соотношения данной категории с идеей количества) (301) и комментирует суть значений категории через соотношение с количеством референтов (302). Кроме того, Небриха упоминает существование значения двойственного числа (в греческом языке), могущего относится только к двум объектам, которое в латинском языке представлено, согласно автору, только у имен «ambo» и «duo» (303). Отдельно он останавливается на именах с дефектной парадигмой: singularia и pluralia tantum. Подобно Присциану, Небриха приводит лексико-семантические группы имен, лишенные одного или другого числового значения (304).

В грамматиках латинского языка, которые появились в XVI веке после работы Небрихи, категории числа также уделяется внимание. При этом

описание в принципе соответствует тому, что было представлено в грамматиках латинского языка Присциана и Небрихи (305).

Иными словами, в грамматиках латинского языка категория числа представлялась преимущественно как семантическая, связанная с определенным количеством референтов. На формальном аспекте проблемы (стереотипной форме выражения числовых значений) авторы специально не останавливались. Из примеров ясно, что в качестве формальных показателей выделялись флексии. Формально-морфологические вопросы специально затрагиваются только в связи с описанием имен, лишенных форм того или иного значения числа. Все авторы выделяли два значения категории. Обращали внимание они и на двойственное число, однако в большинстве своем отказывали ему в статусе носителя самостоятельного грамматического значения в латинском языке. Важной чертой грамматик является то, что практически всегда данная категория представляется как межклассовая, общеязыковая, присущая нескольким частям речи, то есть формируется понятие универсальных языковых категорий.

6.2. Грамматики испанского языка

В большинстве грамматиках испанского языка определения категории числа не представлено. Числовые значения описываются в отношении к количеству объектов, к которому относится имя, носитель числовых граммем (306). При этом основное внимание уделяется формальной стороне вопроса: формам числовых морфем (-s и -es), а также описанию условий их возникновения и употребления (307). Кроме того, категория числа в большинстве грамматик испанского языка (грамматика Вильялона, Небрихи и анонимных авторов работ 1555 и 1559 гг.) описывается в привязке к понятию о словоизменении (308). Так, грамматисты отмечают, что наличие формантов множественного числа позволяет говорить о том, что к именам в испанском языке можно применить такое понятие, сложившееся в латинской грамматике, как склонение (declinatio). Небриха также описывает имена pluralia и singularia

tantum (309).

Иными словами, в грамматиках испанского языка основной фокус был смещен на формальную сторону вопроса, значение категории и ее состав практически не обсуждался, авторы, видимо, принимали те теоретические положения, которые были сформированы в практике описания латинского языка. Также некоторые из них не оставляли без внимания и вопрос об именах неполной парадигмы (без какого-либо значения числа). Представление о значении двойственного числа не использовалось авторами.

6.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Категория числа представлена и в грамматиках семитских языков.

В своей грамматике де Алкала приводит описание категории числа с точки зрения формального выражения ее значений. Автор выделяет единственное и два типа множественного (двойственное и собственно множественное число): для двух и большего числа объектов (310).

В первую очередь де Алкала сосредотачивается на представлении форм выражения значения множественного числа. Грамматист отмечает, что в арабском практически нет регулярных способов его передачи (311) (В данном случае автор обращает внимание на так называемое «разбитое» множественное число, моделей выражения которого насчитывается более тридцати единиц [Гранде 2001: 276]). Для сравнения автор приводит испанский язык, в котором, по его мнению, отмечается регулярность в отношении маркировки множественного числа. В качестве регулярных показателей он приводит -s и -es (312). Однако де Алкала указывает и на наличие исключений. В качестве таковых он рассматривает имена из особых лексических групп (птицы, фрукты и т.п.), а также некоторые группы производных имен (отглагольные и отпричастные) и имена женского рода (313).

Описанию двойственного числа он посвящает отдельную главу. В ней он отмечает специфику этого значения, а также способы его выражения как в

описываемом им диалекте, так и в классическом арабском языке (314). При этом он обращает внимание на связь выражения данного значения и родовых значений, а также на отсутствие граммем двойственного числа у некоторых классов имен (причастные и отглагольные) (315).

Стоит отметить, что числовые формы автор не рассматривает в качестве манифестации словоизменения. Иными словами, представление о «declinatio» он не привязывает к категории числа.

В своей грамматике Самора не дает определения категории числа, однако приводит ее состав (три значения) и дает определение ее значениям, опираясь на семантический критерий, то есть на связь формы с количеством объектов (316). При этом автор проводит параллель с греческим языком, в котором состав категории, согласно ему, идентичен.

Основное внимание он обращает на словоизменительные морфемы числа и комментирует возможные морфонологические особенности, которые могут отмечаться у ряда имен (317). Также он подробно останавливается на описании имен, у которых отсутствует одно из значений числа, и имен с формантами значения множественного числа, отличными от стандартных (318).

В понимании Саморы, понятие о словоизменении в иврите включает в себя представление об изменении по числам (319).

Категория числа также нашла отражение и в грамматических описаниях индейских языков.

В своей работе Ольмос основное внимание сосредотачивает на формальном аспекте. При этом ни определения самой категории, ни определения ее значениям автор не приводит. Из его комментариев ясно, что он останавливается на описании единственного и множественного числа (к представлению о двойственном числе он не обращается). Так, он приводит варианты числовых показателей (-ti, -me, -que, -h), а также отмечает, что число может выражаться как внешними по отношению к корню элементами

(аффиксами), так и частями самого корня (частичная редупликация корня), а также описывает морфонологические особенности имен при присоединении числовых аффиксов (320). При этом важно отметить, что форманты числовых значений (множественного числа) описываются отдельно для каждого подкласса имен: существительных и прилагательных, а также для каждой группы производных имен (321).

Кроме того, категория числа у Ольмоса упоминается в связи с описанием словоизменения. Так, грамматист отмечает, что в языке науатль в качестве словоизменительной категории выступает не падеж, а число. Он отмечает также связь между параметром одушевленность / неодушевленность, с одной стороны, и внутрисловным (аффиксальным) выражением категории числа, с другой, указывая на то, что число выражается в виде особой морфемы преимущественно в подклассе одушевленных имен. Что касается неодушевленных, то, согласно автору, категория числа может выражаться с помощью особой лексемы со значением количества (например, «miec» (много)), а также простым частичным удвоением корня (321).

Также, он отмечает наличие групп слов, в которых находит выражение только одно из значений числа, обращает внимание на особую группу прилагательных, у которых нет форм множественного числа (322) и описывает поведение заимствований (из испанского) в языке науатль и исключения из правил (323).

Категория числа в грамматике Жильберти представляется в общем и целом в том же ключе, что и у Ольмоса, то есть в первую очередь автор останавливается на рассмотрении формального аспекта и особенностей связи категории числа с категорией личности (324). При анализе формальной стороны автор описывает морфемы множественного числа и морфонологические процессы, которые могут затрагивать основу. Представляя связь категории числа с категорией личности, Жильберти отмечает, что только имена, обозначающие антропоморфные существа, имеют морфологически

выраженные показатели. Стоит отметить, что автор также указывает на то обстоятельство, что в пурепеча XVI века имена (связанные с категорией личности или нет) могли иметь показатели множественного числа в позиции подлежащего (325). При этом, согласно [Villavicencio Zarza 2006: 77], грамматист не противопоставляет собирательный аффикс -cha и собственно показатель множественного числа -echa. Что касается способа выражения идеи множественности у имен, не обладающих значением категории личности, то значение множественности у них выражается с помощью клитики -nkuaru [Villavicencio Zarza 2006: 78]. Жильберти обращает внимание на этот способ, однако описывает в ином разделе и в связи с другой проблематикой.

Противопоставляет Жильберти, подобно Ольмосу, и описание прилагательных и существительных в отношении способа выражения данной категории (приводит разнообразные показатели множественного числа у прилагательных одной и той же формы, отмечая, что их выбор может зависеть пола референта) (326).

Что касается понятия о словоизменении, то для автора оно не связывается с категорией числа.

Иными словами, в традиции описания семитских языков, в которых маркирование категории числа в некотором смысле было схожим с оформлением той же категории в индоевропейских языках, отмечается подход, сходный с подходом, представленным в грамматиках латинского и испанского языка. При этом с испанскими грамматиками их объединяет внимание к форме (моделям образования форм множественного числа), а также к представлению о связи числа с понятием словоизменения (у Саморы) и о регулярном и нерегулярном образовании (у де Алкала). Важной особенностью данных грамматик является внимание к формам двойственного числа, значение, которое не имело обязательной реализации в латинском и испанском языках.

Что касается грамматик индейских языков, то особенностью описания категории числа в них являлось, помимо внимания к формальному аспекту,

также и внимание к связи категории с такими параметрами, как одушевленность – неодушевленность, антропоморфность – неантропоморфность, что обусловлено спецификой описываемых ими языков. В связи с данной проблематикой авторы рассматривают не только способы выражения категории числа внутри слова (к которым также добавляют (Ольмос) иные варианты выражения, например, редупликация корня), но и приводят возможные варианты «внешнего», лексического, выражения. Наконец, останавливаются они и на вопросе связи данной категории с понятием словоизменения, решая ее по-разному: Ольмос – в пользу ее наличия, Жильберти – в пользу ее отсутствия.

6.4. Грамматика Томаса

Число в грамматике Томаса описывается преимущественно во второй главе, посвященной именной морфологии. Автор констатирует наличие подобной категории в языке кечуа и отмечает, что, как и в латинском и испанском языках, в кечуа есть противопоставление единственного числа, которое соотносится с единичными объектами, и множественное, которое соотносится с большим количеств объектов (327). Для иллюстрации своего положения Томас приводит в пример испанский язык, в котором, согласно ему, в качестве показателя («differencia») множественного числа выступает элемент -s или -es («hombre» – «hombres») (328). Для языка кечуа грамматист приводит аффикс -kuna в качестве показателя множественного числа. Для иллюстрации автор приводит словоформы «yayakuna» (господа), а также «warmikuna» (женщины) (329). При этом Томас отмечает ряд особенностей, отличающих язык кечуа от других известных ему языков в том, что касается выражения числовых значений.

Так, грамматист обращает внимание на то, что показатель (морфема) числа в описываемом им варианте кечуа присоединяется только к именам с признаком одушевленность (330). У других имен в качестве носителя значения множественного числа он выделяет квантификаторы типа «много», «несколько»,

«два» (прилагательные, в его терминологии). В качестве примера он приводит сочетания типа «achica pirca» (много стен), «axlla pirca» (мало стен), «waquin pirca» (некоторые стены), «iskay pirca» (две стены). Он также замечает, что данные имена могут использоваться и с аффиксом -kuna, однако подобное явление, согласно ему, не является узуальным (331).

В конце раздела о числе миссионер отмечает, что аффикс -kuna в сочетании существительного и прилагательного употребляется не при каждом элементе, а только в составе крайне правого члена. В качестве примера он приводит синтагму типа «alli runakuna» (хорошие люди) (332).

Наблюдения Томаса можно обобщить следующим образом.

Во-первых, Томас не приводит определения самой категории числа, а отталкивается непосредственно от описания ее значений. В качестве таковых он рассматривает значения единственного и множественного числа.

Во-вторых, самим значениям автор приводит определение в соответствии с характером отношения значения категории и количества объектов действительности.

В-третьих, основное внимание автор уделяет формально-морфологической стороне вопроса, а именно показателю значения числа, в качестве которого выделяет аффикс -kuna в кечуа и -s или -es в испанском.

В-четвертых, грамматист обращает внимание на неполную грамматикализацию самой категории в описываемом им диалекте кечуа XVI века, отмечая ее связь только с языковыми единицами, соотносящимися с одушевленными референтами. Кроме того, автор, как уже было отмечено, говорит не только об описании собственно категории числа, но и о понятии о количестве (числе), в связи с чем описывает возможные лексико-синтаксические способы ее представления для единиц, не связанных с одушевленными объектами внеязыковой действительности.

В-пятых, автор представляет данную категорию как согласовательную.

В-шестых, Томас приводит некоторые комментарии относительно устройства испанского языка в отношении выражения категории числа, останавливаясь исключительно на формальном моменте: способе выражения (граммем) множественного числа (приводя ее разновидности). К латинскому языку в этом аспекте Томас не обращается (вероятно, в связи с отсутствием в нем морфем, чье единственное грамматическое значение заключается в выражении значений категории числа).

В-седьмых, что касается сравнения описания категории числа в кечуа у Томаса и у современных авторов (например, см. [Weber 1996] или [Adelaar & Muysken 2004], можно отметить, что его описание в общем и целом соотносится с современными теориями. Важным аспектом является акцент Томаса на стратегии маркировки именной синтагмы в кечуа по данной категории, а именно его комментарии относительно того, что аффикс -kuna употребляется только на крайнем правом члене.

Стоит также отметить комментарии грамматиста о дополнительных характеристиках аффикса -kuna. Так, доминиканец Томас отмечает, что данный аффикс может употребляться и для выражения особых целей (обращения, в понимании Томаса). В качестве иллюстрации он приводит случай, когда словоформа «warmikuna» (женщины) используется в функции обращения («ola, mujeres!») (попытка передать идею связи, существующей между референтностью имени и значением категории числа) (333).

Кроме того, обращает внимание он и на акцентную модель слов, которые употребляются с данным аффиксом, отмечая, что ударение при его присоединении смещается собственно на аффикс (334).

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас, подобно авторам латинских грамматик, а также некоторым авторам испанских грамматик и грамматик неиндоевропейских

языков, в первую очередь останавливается не на определении категории и анализе ее сути, а на рассмотрении специфики ее значений (которое он трактует так же, как и остальные) и способах их реализации. Кроме того, подобно им, Томас основное внимание уделяет формальной стороне вопроса. При этом в качестве аналога он использует не латинский язык, а испанский. Кроме того, подобно авторам испанских грамматик, а также авторам грамматик индейских языков, доминиканец Томас не пользуется понятием о двойственном числе. Что касается связи данной категории со словоизменением, то Томас, подобно, например, Жильберти, отмечает отсутствие связи между данным явлениями.

Во-вторых, в отношении трактовки форм образования испанского языка Томас не отходит от общего вектора направления мысли.

В-третьих, Томас сближается с авторами грамматик неиндоевропейских языков в том, что касается упоминания связи категории числа в описываемом им языке с категорией одушевленности. При этом доминиканец несколько более подробно описывает возможные перифрастические способы выражения ее значений. Как возможно предположить, немалую роль в допущения подобного явления могло сыграть разработанное в практике описания латинского языка представление о наличии имен неполной парадигмы в отношении выражения значений категории числа.

7. Акциденция фигура

7.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната словосложение и префиксальное словообразование рассматриваются в качестве одной из акциденций имени и обозначаются термином фигура. На основании данного признака, который при этом не эксплицируется автором, имена делятся на простые («simplex») и составные («conposita»). В качестве примера автор приводит словоформы с префиксом и без («doctus» – «indoctus»). Основное внимание грамматист уделяет описанию моделей словообразования. При этом при их описании он пользуется такими

понятиями, как цельный («integris») и видоизмененный («corruptis») элемент, подразумевая наличие или отсутствие изменения в звуковой оболочке морфемы при соединении с другими. Среди моделей Донат выделяет четыре основные: два цельных корня («suburbanus»), два видоизмененных («efficax»), цельный и видоизмененный (два варианта) («inpetus», «nugigerulus»). Кроме того, Донат отмечает и возможные модели из трех и больше элементов. Особое внимание он обращает на поведение элементов при словоизменении, то есть описывает производные имена с точки зрения наличия или отсутствия словоизменительных формантов у морфем, которые образуют данные слова (335).

Описание словообразования (префиксального и корневого) в грамматике Присциана также представлено с точки зрения деления имен по особому признаку и вынесено в состав акциденции под тем же названием. При этом, в отличие от Доната, Присциан дает комментарий (хотя достаточно неконкретный) по поводу того, что собой представляет данный признак, а именно он указывает на то, что речь идет о некотором количественном аспекте («dictionis in quantitate comprehenditur»), имея в виду количество элементов сложения. Присциан выделяет также две группы имен, которые упоминаются у Доната, однако он добавляет и третью («decompositis»), которая, согласно грамматисту, формируется из составных имен, производных от других составных (336).

При этом он пользуется понятиями, которые условно можно обозначить как значимые (иногда обозначаются у Присциана терминами «voces» или «dictiones») и незначимые единицы. В качестве незначимых единиц автор рассматривает формы имен с единицами (аффиксами), которые не имеют самостоятельного значения («infelice» + «tas»= «infelicitas»), и имена с бывшими энклитиками (частицами или союзами), которые потеряли свой статус и изменили свое значение. В качестве представителей подобных единица Присицан рассматривает -que и -ce, которые входят в состав местоимений типа uterque» и «hisce». Что касается значимых единиц, то к ним автор относит

предлоги, корни и энклитические союзы.

Термин и понятие корневой морфемы у Присциана, как и у Доната, как таковые не упоминаются, автор лишь косвенно о них говорит, когда использует такие слова, как «integra» и «corrupta» при описании моделей словосложения. Префиксы Присциан рассматривает в качестве разновидности предлогов, присоединенных к имени, в связи с чем трактует их как явления одного порядка наряду с корневыми морфемами. Энклитический союз, в понимании Присциана, представляет собой несамостоятельную в просодическом отношении языковую единицу, присоединяющуюся к слову справа, но обладающую при этом собственным значением, которое оно не теряет, когда соединяется со словами. Главным образом речь идет о союзе -que.

Как уже было сказано, автор выделяет три группы составных имен. В первую группу отнесены имена, состоящие из одной значимой единицы или из одной значимой и одной незначимой единицы. Во вторую автор относит имена, составленные из значимых единиц, которые обладают самостоятельным собственным значением, объединены одним ударением и выражают единое понятие. Наконец, третью группу составляют имена, которые представляют из себя объединение имен второй группы с незначимыми единицами (337).

При описании собственно моделей словосложения грамматист приводит те же четыре модели из двух значимых единиц для образования составных имен, что и Донат, а также, подобно ему, упоминает дополнительные модели, в которых значимых единиц больше двух (338). Кроме того, подобно Донату, Присциан описывает особенности словоизменения составных имен (и набор их падежных форм) и выделяет несколько вариантов: имена, у которых обе конститутивные единицы принимают падежные показатели, имена, у которых только одна единица склоняется, и несклоняемые имена (339). При этом Присциан добавляет еще и описание типов классов значимых единиц (корней), которые могут образовывать составные имена (6). Также он несколько расширяет описываемую проблематику, отмечая, что такое явление, как

составные языковые единицы, встречается не только в именном классе, но и во многих других (кроме междометий и некоторых групп причастий), тем самым в некотором смысле делает шаг вперед к выделению словосложения в самостоятельный раздел (подраздел словообразования) (340).

В грамматике Небрихи описание словосложения в принципе соответствует описанию Присциана. Подобно позднеантичным авторам, испанский грамматист выстраивает свое описание с точки зрения представления акциденции фигура, отмечая ее связь с представлением о количестве форменных элементов, выделяет группы имен на основании характера реализации данного признака, описывает основные модели образования, а также останавливается на вопросе о словоизменении (341). Сохраняет Небриха и представление о существовании связанных предлогов (префиксов). Однако, стоит отметить, что в отличие от Присциана, Небриха приводит более внятное определение группы производных имен. Так, согласно автору, простые имена – это такие, которые не могут быть разложены на значимые единицы, в отличие от составных, которые таким свойством обладают. Кроме того, он переосмысливает понятие о «decomposita» и рассматривает представителей данной группы в качестве одной из разновидностей составных имен («composita»). Более того, представление об аффиксах, которое так или иначе спорадически встречалось у Присциана, в грамматике Небрихи в разделе о составных именах отчасти утрачивается (342). Не обращается Небриха и к описанию энклитических союзов, а также не пользуется фонетическим и семантическим критериями.

В последующих грамматиках латинского языка акциденции фигура практически не уделяется внимания. В своей грамматике Семпере, хоть и выделяет ее отдельно, тем не менее ограничивается лишь упоминанием двух групп имен (343). В грамматике Жильберти внимание обращается только на особенности склонения составных имен (и их частей) (344). В грамматике Тамара акциденция фигура в значении «сложность формы» имен не

рассматривается.

Таким образом, особое место в латинских грамматиках занимает вопрос рассмотрения словосложения и префиксальной деривации. Данное явление в большинстве грамматик представляется в первую очередь с формальной стороны. Так, все имена делятся грамматистами на простые и составные по форме на основании особого признака «сложности» формы (figura), который они выделяются в качестве акциденции. Основное описание акциденции фигура представляет собой разбор словообразовательных моделей с участием префиксов и корней в разных комбинациях. Иными словами, фигура – это второй раздел (первый – вид), в котором центральное место занимает описание проблем словообразования. При этом, в отличие от раздела, в котором описывались производные имена, образованные суффиксальным способом, в данном разделе в фокус внимания попадают, помимо собственно морфосинтаксических особенностей производных имен, еще и сами по себе словообразовательные модели и их типы.

В описании данной акциденции авторы пользовались такими понятиями, как простая форма и составная форма имени. Кроме того, грамматисты упоминают префиксы, рассматривая их как предлоги, употребляемые вместе со словом, а также оперируют понятием корня (хотя и достаточно диффузно).

При этом в грамматиках XVI века намечается тенденция к исключению данной акциденции из грамматического описания.

7.2. Грамматики испанского языка

Из всех грамматик испанского языка, которые рассматриваются, описание словосложения встречается только у Небрихи и отчасти упоминается у дель Корро.

Небриха в своей грамматике испанского языка дает практически идентичное тому, что встречалось в его грамматике латинского языка, определение как самого понятия словосложение, так и групп простых и составных (в широком смысле) имен. Кроме того, он приводит факты из

греческого, латинского и испанского языков относительно количества возможных значимых единиц, которые могут образовывать сложные слова. Отдельно он останавливается на словообразовательных моделях, некоторые из которых также упоминаются и в грамматике дель Корро (345).

Иными словами, проблема словосложения выносилась за рамки грамматического описания большинством авторов испанских грамматик. В тех же работах, где она рассматривалась, она представлялась более или менее в том же ключе, что и в грамматиках латинского языка.

7.3. Грамматики неиндоевропейских языков

Практически во всех грамматиках неиндоевропейских языков (кроме сочинения Жильберти, у которого словосложение описывается только применительно к глаголу) встречается описание данного явления.

В грамматике Ольмоса проблема словосложения описывается в отдельной, тринадцатой главе второй части (именная морфология). При этом, хотя основное внимание и фокусируется на сложных именах, некоторые комментарии Ольмоса относятся и к глагольной морфологии, то есть словосложение рассматривается грамматистом как общее языковое явление. В центр описания автор ставит словообразовательные модели. Важно отметить, что Ольмос при описании сложных имен обращает внимание на такое феномен, как инкорпорация ([Téllez Nieto 2015: 107]). Кроме того, подробно он описывает морфонологические процессы, которые охватывают один (преимущественно первый) из членов составного имени при присоединении притяжательных аффиксов. Автор также обращает внимание на особенность таких составных имен в том, что касается количества ударных слогов (346).

Словосложение также описывается кратко в первой версии грамматики Саморы – в первом разделе, посвященном общему обзору акциденций имени. Автор не дает определение словосложению, однако приводит две группы имен (простые и сложные) и характеризует каждую с морфологической и семантической точек зрения. При этом в качестве сложных имен автор

описывает имена собственные, которые образовались из лексикализации предложений. Так, он приводит имя Мелхиседек, которое образовалось от выражения «malki tzedeq», то есть «мой царь – справедливость» (347). Типичные составные имена, то есть лексикализованные изафетные конструкции ([Borer 2011:782]), автор не рассматривает.

Наконец, в грамматике де Алкала описание словосложения представлено в седьмой подглавке в рамках описания именных акциденций, где автор ограничивается лишь иллюстарцией как одной группы имен (простые), так и другой (составные). В качестве примеров он приводит как имена собственные (Abdurrahmen, Geblalfath, Abdilleh или Adbdallah, Guidiix), так и нарицательные (cullixei) (348).

Таким образом, проблема словосложения также рассматривается и в грамматиках неиндоевропейских языков. Данное явление трактуется в том же ключе, что и в грамматиках латинского языка, то есть используются диффузные представления о корне и аффиксах. И хотя в грамматике Ольмоса она представляется достаточно системно и современно (автор обращает внимание на явление инкорпорации), тем не менее понятие о корне и о морфеме еще не формулируется. В грамматиках семитских языков словосложение описывается совсем кратко, в качестве примера берутся лишь те языковые явления (составные имена собственные), которые по структуре были аналогичны составным именам латинского языка, иные модели образования (в частности, изафетные конструкции) авторами не рассматриваются.

7.4. Грамматика Томаса

В грамматике Томаса теоретическому описанию словосложения практически не уделено внимания. Оно дано во второй главе, посвященной имени. Грамматист выделяет акциденцию фигура и отмечает, что по данному признаку все имена разделяются на простые и составные. В качестве примера первой группы имен автор приводит «rumi» и его испанский аналог «piedra» (камень), в качестве примера второй группы – «rumi chaca» и аналог на

испанском языке «puente de piedra» (каменный мост) (349).

Упоминание о простых и составных именах также встречаются и в других разделах грамматики. Так, например, в одиннадцатой, двадцать четвертой и двадцать пятой главах автор рассматривает случаи употребления имен со словообразовательными (например, с аффиксом -yuq) и словоизменительным (падежными) аффиксами (которые он называет предлогами в тех разделах) и позиционирует подобные сочетания в качестве составных имен. Также идея о простых именах встречается в главах, посвященных описанию диминутивов и компаративов с суперлативами, в которых, как уже было отмечено, автор указывает на отсутствие в кечуа простых аналогов (350).

Наблюдения Томаса можно суммировать следующим образом.

Во-первых, Томас включает рассмотрение вопросов словосложения в описание акциденций. Кроме того, он описывает данное явление в разделе, посвященном имени (на пятом месте перед представлением склонения и падежей).

Во-вторых, Томас уделяет мало внимания собственно описанию данной акциденции, ограничиваясь, лишь упоминанием групп имен, выделяемых на основании признака «сложность» формы.

В-третьих, Томас выделяет всего две группы имен: простые и составные и не упоминает о третьей группе. В качестве составных имен Томас рассматривает изафетные конструкции, а также формы имен со словообразовательными и словоизменительными аффиксами.

В-четвертых, в качестве основных критериев автор отмечает эксплицитно формальный и, имплицитно, семантический и фонетический.

В-пятых, Томас не обращается к латинскому языку при описании составных и простых имен. При этом непонятно, почему в качестве перевода составного имени языка кечуа грамматист приводит не соответствующее ему составное имя на испанском, а словосочетание с несогласованным (предложным) определением.

В-шестых, что касается собственно языка кечуа, то Томас очень поверхностно затрагивает проблему того, как представлено явление словосложения в данном языке, выделяя лишь одну из разновидностей – соположение двух имен, при котором сочетание относится к одному явлению (референту) и каждый из членов сохраняет свою самостоятельность (лексическую и фонетическую) (о других типах составных имен см. [Zárate Pérez 2012]). Что касается других моделей, то в грамматике они не представлены.

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас следует за авторами грамматик латинского языка (за Небрихой и,
следовательно, Присцианом и Донатом) и выделяет акциденцию фигура при описании языка кечуа. В этом отношении он сходится с авторами грамматик неиндоевропейских языков и не совпадает с авторами грамматик латинского языка XVI века, а также большинством авторов испанских грамматик, которые исключали проблемы словосложения и префиксального словообразования из грамматического описания.

Во-вторых, Томас, подобно Донату и Небрихе (и в противоположность Присциану), а также другим авторам, выделяет только две разновидности имен: простые и составные.

В-третьих, Томас, подобно Семпере, де Алкала и Саморе, очень кратко и поверхностно представляет данный аспект, останавливаясь лишь на примерах для каждого типа имен.

В-четвертых, в отличие от Саморы и де Алкала, Томас приводит лексикализованную изафетную конструкцию в качестве составного имени.

8. Акциденция падеж / склонение

8.1. Падеж

8.1.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната категория падежа выделяется в качестве одной из акциденций имени. Донат мало место уделяет семантическим и синтаксическим особенностям граммем данной категории, основное внимание он сосредоточивает на особенностях падежных парадигм латинского языка (склонений). Тем не менее из комментариев, относящихся собственно к понятию падеж, можно отметить следующее.

Термин падеж употребляется в качестве обозначения совокупности падежных значений. Среди падежных значений автор выделяет набор из шести элементов: номинатив, генитив, датив, аккузатив, аблатив, вокатив (351). Кроме того, он упоминает о возможности выделения в латинском языке и седьмого падежа, инструментального (аблатива без предлога), однако не включает его в основной список (352). Более того, он высказывает мысль о том, что выделенный в латыни падежный набор не является универсальным и может варьироваться в языках (отмечает, что в греческом языке нет аналога латинскому аблативу) (353). Грамматист не указывает прямо признак или набор признаков, по которым он выделяет такой набор значений. Однако из его комментариев и примеров можно предположить, что основным критерием для Доната являлся морфологический (наличие для каждого значения собственной флексии), поскольку грамматист основное внимание сосредотачивает именно на вариантах и комбинациях падежных показателей. Тем не менее, синтаксические и семантические стороны падежных значений также представлены у Доната, хотя и не совсем системно. Так, грамматист при описании седьмого падежа (формы имени в аблативе без предлога) косвенно указывает на то, что показателем одного из аблативных значений является предлог «ab». Кроме того, Донат касается такого формально-синтаксического аспекта падежных значений, как указание на зависимость именного члена в в синтагме или фразе, приводя

примеры сочетаемости имен с падежными формами (354). Что касается семантической стороны, то из примеров можно заключить, что Донат выделял у форм аблатива среди прочих значение собственно аблатива (отложительный, аблатив удаления) («ab oratore venio» (прихожу от оратора)), а также некоторые другие.

В грамматике Присциана падежная категория также представляется в качестве одной из акциденций имени. При этом автор при ее описании обращает внимание на то, что падеж отмечается и у других частей речи. Возможно допустить, что он понимал падежную категорию как общеязыковую (355). Кроме того, подобно Донату, византийский грамматист описывает падежные значения и формы вместе с типами словоизменения (падежными парадигмами), иными словами, он также еще не разделяет на уровне композиции эти два явления, хотя в структуре самого раздела о падеже прослеживается некоторое обособление: первая часть в основном посвящена падежным значениям, с некоторыми вкраплениями описания типов парадигм, вторая часть, наиболее обширная, – способам образования падежных форм в рамках парадигм.

Собственно Присциановское описание падежа представляет собой следующее. С одной стороны, падеж (в определении) представляется исключительно с формальной стороны и понимается как особое явление, присущее некоторым частям речи и связанное с изменением конечных звуков слова (флексии). Иными словами, термин падеж описывается не как грамматическая категория, обладающая разнообразным набором способов выражения, а в качестве морфологического явления, словоизменения, затрагивающего конец слова. С другой стороны, представление о падеже соответствует представлению о падежной категории как семантико-синтаксического явления. Так, несмотря на то, что основное внимание грамматистом уделяется формальному аспекту, а именно описанию способов образования падежных форм (356), в его грамматике присутствует описание

падежных значений. (Стоит тем не менее отметить, что хотя автор и апеллирует иногда такими выражениями, как «diuersas significationes» в отношении падежей, однако собственно падежи освещаются не собственно с точки зрения общего числа семантических ролей, а с точки зрения конкретных, наиболее типичных значений ([Робинс 2010: 96]) или особой речевой функции (vis).) Так, для номинатива приводится номинативная (назывательная) функция, для вокатива – звательная. Генитив характеризуется как выражающий идею принадлежности и родственной связи (а также эталона сравнения), датив – выражающий идею передачи, аккузатив – воздействия и направления, аблатив – удаления и сравнения (357). Кроме того, автор допускает наличие и других значений, однако эксплицитно их не выделяет (358).

Представлен в работе Присциана и синтаксический аспект. Так, автор отмечает, что падежные значения могут выражаться при помощи особых единиц в предложении или особых конструкций, имея в виду, вероятно, предлоги и порядок слов. Более того, он упоминает о возможности наличия предлога при аблативе и аккузативе, о «предпочтительности» номинативной формы имени при непереходных глаголах, а также приводит конструкцию ablativus absolutus и дает ей краткое описание (359) (хотя на особых моделях падежного управления имени Присциан не останавливается). Также в его грамматике можно увидеть, как формируется представление о порядке слов («structurae rationem seruamus») как одном из способов маркировки семантических ролей (360).

При этом между критериями наблюдается иерархия. Так, при решении вопроса о том, выделять или нет седьмой падеж (инструментальное значение аблатива без предлога), основным оказывается морфологический, а семантический и синтаксический устраняются, в связи с чем автор отказывает в особом статусе данному падежу, однако в вопросе о падежной принадлежности несклоняемых имен «пальму первенства» получают синтаксический и семантический (наличие особого значения или вхождение в ту или иную

конструкцию).

В грамматике Небрихи описание падежной категории модифицируется. Во-первых, Небриха разделяет описание словоизменительных падежных парадигм и собственно падежей (падежных значений). Во-вторых, падеж представляется эксплицитно (более явно, чем это было у Присциан) в качестве общеязыковой категории, присущей нескольким частям речи. Кроме того, автор проводит сравнение падежа с категорией числа с целью показать широту охвата описываемой категорией разных классов слов (361). В-третьих, хотя термин падеж и представляется у Небрихи, как и у Присциана, неоднозначно, тем не менее испанский грамматист несколько иначе расставляет акценты, позиционируя падеж в качестве не просто формальной манифестации такого явления, как словоизменение, но и как абстрактный представитель словоизменительной парадигмы. Иными словами, с самого явления о словоизменении фокус перемещается на словоизменительную парадигму и входящие в нее грамматические понятия. Кроме того, хотя Небриха, как и его предшественники, также рассматривает падеж как совокупность морфологических форм, он в то же время критикует Присциановское описание (определение) в том, что касается места падежного изменения в слове, отмечая, что подобное изменение может происходить и в разных местах (Присциан отмечал, что оно происходит в конце слова) (362).

Что касается собственно падежной категории, то, как и античные авторы, Небриха основное внимание обращает на падежи (падежные значения). При этом грамматист выделяет не шесть падежей, а семь, добавляя еще и эффектив (аблатив без предлога со значением инструмента, эталона сравнения и так далее), различая аблатив и эффектив на основании наличия или отсутствия предлога «ab» (363).

Подобно Присциану, он описывает не только морфологический, но и семантический и синтаксический аспекты. Само описание, как и у античных авторов, строится на основании описания поведения морфологических

падежных форм, которые обозначаются как «Nominatiuus», «Genitius» и так далее (в связи с чем автор отмечает, что в древнееврейском (который он также упоминает) имена «не изменяются по падежам и склонениям»). Подобно Присциану и Донату, Небриха уделяет большое внимание (значительная часть второй книги) представлению способов и вариантов образования падежных форм (364).

Однако не меньшее внимание уделяется семантическим и синтаксическим характеристикам. При этом синтаксический аспект даже освещается более подробно (наследие средневековых грамматик плюс влияние итальянских гуманистов). Так, в первой и четвертой книге автор представляет синтаксические конструкции, в которых встречается та или иная падежная форма. Небриха пользуется при описании таким понятием, как синтаксическое управление (rectio), а также идеей о существовании двух типов падежных значений: семантических, привязанных к каким-либо значениям (ролям), и формальных, синтаксических, оформляющих синтаксическую зависимость одной единицы от другой. Так, для номинатива в качестве управляющей единицы определяется конструкция с глаголом (выраженным или невыраженным), для генитива – имя, при котором может реализовываться значение «притяжательности», или имя или глагол с особым значением, для датива – глагол, при котором реализуется идея «приобретения» или «выгодной / невыгодной передачи», или имя с «особым значением», для аккузатива – переходный глагол, инфинитив, предлог, прилагательное, для вокатива – глагол во втором лице, для аблатива – глагол с предлогом или имя или глагол с особым значением, наконец, для эффектива – глагол или причастие, при которых реализуется значение инструмента, или сравнительная конструкция (365). Кроме того, в его грамматике присутствует идея о наличии дополнительных падежных маркеров, таких как предлоги. При этом о предлогах говорится не только в связи с аблативом, но также и в связи с аккузативом (у Присциана это упоминалось, скорее, как комментарий, но не тезис). Кроме того, Небриха

указывает и на иные способы передачи падежных значений, а именно выражение значений с помощью артиклей и предлогов, которые им отмечаются в древнееврейском (хотя при этом терминологически разводится понятие «inflectere per praepositiones & articulos» (выражение падежных значений аналитическим способом) и «declinare per casus & declinationes» (выражение падежных значений синтетическим способом) (366). Стоит также отметить, что отдельно в четвертой главе автор указывает возможные модели падежного управления у разных групп слов, а также разбирает представление о лексической и синтаксической номинализации (367).

Что касается семантического аспекта, то Небриха несколько расширяет набор падежных значений. Более того, описание некоторых падежных форм представлено с точки зрения семантических ролей. Так, номинатив снабжается значением агенса и пациенса, датив получает значение бенефактива, аккузатив – цели (об этом сказано более эксплицитно, чем у Присциана), аблатив – значение инструмента, а также подчеркивается его значение отдаления от объекта и, по всей видимости, локативное значение. Кроме того, генитив описывается как падеж, который, помимо значения посессора, выражает значение эталона сравнения (368).

В иерархии критериев Небриха смещает акцент на семантику и синтаксис, отмечая, что падежные синтаксические значения (т.е. тип конструкции) превалируют над морфологией, вследствие чего он выделяет эффектив как отдельный падеж. Кроме того, грамматист упоминает о возможности выделения восьмого падежа (локативного значения аблатива без предлога) (369). При этом Небриха, подобно Прицисиану, но более эксплицитно, указывает на специфику вокатива как относящегося к участникам речевого акта, а не ситуации, задаваемой предикатом.

Наконец, присутствует у Небрихи и идея о базовых (ядерных) значениях и периферических, а также о прямых и косвенных падежах.

В последующих грамматиках латинского языка описание падежной

категории в общем и целом не изменяется в содержательном плане. Грамматики латинского языка XVI века отличаются лишь тем, что в них представляются не все аспекты, описанные выше. Основное внимание уделяется синтаксическим конструкциям с падежными формами (370). Кроме того, Семпере выделяет только шесть падежей. В грамматике Жильберти и Тамары также присутствует описание некоторых падежных значений (аблатив цены, причины, агентивный и пациентивный генитив, партитивность и так далее).

Иными словами, уже к середине XVI века в грамматиках латинского языка падежная категория представлялась в трех аспектах: морфологическом, синтаксическом и семантическом. Сами по себе термины – номинатив, генитив и др. – обозначали падежные формы имен. При этом термин падеж трактовался по-разному: как явление словоизменения у Присциана, как надежная форма имени у Небрихи. Основное внимание в позднеантичных грамматиках, а также в сочинении Небрихи уделялось описанию именно этой, морфологической, стороны. Тем не менее существовали представления и о семантических ролях, которых уже в грамматике Небрихи выделяется около десятка (посессор, агенс, пациенс, бенефактив, инструмент, локатив, направление, аблатив). Кроме того, внимание (особенно в грамматиках XVI века) уделялось синтаксической стороне. Так, авторы пользовались такими представлениями, как внесловные маркеры и порядок слов как способы выражения значений, а также имелось представление падежного управления.

Что касается падежей, то начиная с Небрихи, авторы стали выделять семь падежей, прибавляя к классическим шести еще и эффектив с ядерным инструментальным значением. В некоторых грамматиках появляется идея о том, что вокатив маркирует не участников ситуации, а участников речевого акта. Кроме того, существовала уже идея о том, что количество падежей в языках может варьироваться, могут иметься и различные способы их кодирования.

8.1.2. Грамматики испанского языка

В грамматиках испанского языка описание падежной категории также

представлено. В отдельную акциденцию она вынесена только в грамматике Небрихи (371). Основное описание у авторов строится на представлении собственно падежных значений. При этом категория падежа рассматривается (у одних авторов более эксплицитно, у других менее) преимущественно с семантико-синтаксической стороны [Колутнова 2012: 7]: как набор некоторых конкретных / обобщенных значений (ролей), которые выражаются в испанском языке особым способом. Тем не менее способ описания еще отличается от современного, поскольку строится на поиске и представлении способов выражения в испанском языке латинский падежей, то есть на поиске аналогов латинского номинатива, генитива и так далее, о чем эксплицитно говорит автор грамматики 1559 года (372), в результате чего какие-то семантические роли (и их формальный вариант) объединяются в одну группу. Довольно диффузно употребляется и сам термин падеж, который, строго говоря, используется грамматистами для обозначения падежной формы применительно к латинскому языку и в качестве некоторого составного явления (имени с особыми предлогами и артиклями в особой синтаксической позиции или в конструкции с особым значением) для испанского языка.

Семантический аспект (описание падежных значений) представляется эксплицитно только у Небрихи и Вильялона (а также отчасти у дель Корро). В обеих грамматиках выделяются типовые функции: номинатив – для обозначения предметов действительности, генитив – для выражения идеи принадлежности, датив – для выражения идеи адресности, аккузатив – для выражения идеи претерпевания, вокатив – для обозначения участников речевой ситуации. Кроме того, Небриха отмечает возможность связи агентивного и пациентивного значений у номинатива, наличие еще ряда значений у генитива (материал), бенефактивности / малефактивности у датива, а Вильялон – наличие значения сепаративности у аблатива. У дель Корро встречается упоминание партитивного и инструментального значений. У других упоминаются лишь названия падежей и способы их представленности в языке

(373).

Что касается трактовки формальной реализации данной категории в испанском языке (формального аспекта), то в общем и целом авторы отмечают наличие в испанском отличия ее выражения от выражения этой же категории в латинском. Эксплицитно на это указывает Вильялон, который отмечает, что в латыни падежные значения выражались в виде особых форм имен с особыми окончаниями, что не отмечается в испанском языке (374). Большинство же авторов ограничиваются тем, что указывают на отсутствие словоизменения в отношении падежной категории (375).

Все авторы приводят пять падежей (номинатив, датив, генитив, вокатив и аккузатив), а также аблатив (у всех, кроме Небрихи). Однако у некоторых (у дель Корро, в частности) встречается идея о возможности вариации в отношении состава падежей. Грамматист отмечает, что во французском их всего три, опираясь на количество предлогов (376), то есть намечается, хотя и очень неявно, идея об отказе от аналогистского подхода, заключавшегося в ориентации на латинскую грамматическую систему (согласно [Колтунова 2012: 78], в грамматике анонимного автора 1559 также представлен редуцированный список падежей).

Что касается собственно падежных маркеров, то все авторы отмечают, что падежные значения имеют косвенные показатели (эксплицитно об этом говорят Небриха, Вильялон и, отчасти, дель Корро). Такими показателями являются артикли и / или предлоги у Небрихи, у автора грамматики 1555 (который под термином «artículo» понимает сочетание артикля с предлогом ([Ramajo Caño 1987: 109]) и у дель Корро (см. [Baldischwieler 2004: 87] о некоторой несостоятельности подобного подхода). Только предлоги как показатели падежных значений отмечаются у Вильялона и в грамматике 1559. В качестве показателя вокатива авторы приводили разные виды междометий. В качестве показателей номинатива большинство авторов выделяют артикль «el» (кроме тех, кто признавал в качестве падежных показателей только предлоги), для

генитива – «de», для датива – «a» (авторы грамматик 1555 и 1559 годов и Небриха) и «para» (Вильялон и дель Корро), для аккузатива – «a» (автор грамматики 1555, дель Корро, Вильялон и Небриха) и отсутствие показателя (Небриха и автор грамматики 1559), для вокатива – «o» (все, кроме автора грамматики 1559), «a» (Вильялон и автор грамматики 1555 года) и отсутствие показателя (автора грамматики 1559), для аблатива – «de» (все, кроме Небрихи) (377).

Кроме того, затрагиваются вопросы синтаксиса: модели падежного управления (Небриха), порядок слов в предложении (Вильялон и дель Корро) (378). У некоторых авторов категория падежа представлена также и как согласовательная (379).

Таким образом, в грамматиках испанского языка несколько переосмысливается содержание термина падеж, смещаются акценты с морфологии на семантику и с синтетических форм на аналитические способы выражения падежных значений. В качестве основных встают проблемы определения внесловных показателей значений (предлогов и / или артиклей). При этом, с одной стороны, еще не наблюдается заметного отхода от латинского канона в отношении состава падежных значений, поскольку используется еще аналогисткий метод (сопоставление падежей латыни с формами в испанском), однако с другой стороны, в некоторых грамматиках расширяется набор семантических ролей, а также допускается наличие редуцированного состава падежей.

8.1.3. Грамматики неиндоевропейских языков

В грамматиках семитских языков (иврита и диалекта арабского языка, в которых, подобно романским языкам, отпали морфологические падежные показатели и на их место встали синтаксические (предлоги и прочие показатели) [Waltke & O'Connor 1990] и [Corriente 1977]) описание падежной категории представлено следующим образом.

В грамматике Саморы категория падежа рассматривается с нескольких точек зрения: с одной стороны, как морфологическая, чьи значения выражаются в особых формах слов, с другой стороны, семантико-синтаксическая, чьи значения выражаются либо порядком слов, либо с помощью особых внесловных показателей – предлогов и артиклей. Оба аспекта отмечаются, согласно автору, в греческом и латинском, в древнееврейском же реализуется только второй вариант. Кроме того, падеж позиционируется грамматистом как общеязыковая категория, присущая нескольким частям речи. При этом собственно описание падежных значений ведется через аналоги латинских падежей (автор выделяет, подобно Небрихи, семь падежей) (380). Как и авторы грамматик испанского языка, Самора разводит словоизменение и падежную категорию (381).

В качестве синтаксических способов выражения падежных значений (хотя он и упоминает слово «significatio», тем не менее, не приводит комментариев относительно семантических ролей) Самора выделяет особые синтаксические позиции: позиция подлежащего (suppositum) для номинатива, позиция дополнения (appositum) для аккузатива, позиция атрибута (приименного модификатора) – для генитива. Кроме того, пользуется автор и представлениями о падежном управлении (382).

Что касается особых падежных внесловных показателей, то среди них Самора выделяет неотделяемые (присловные) показатели: артикль hə-, который может быть, согласно автору, как показателем номинатива в отсутствие других единиц, так и употребляться с другими падежными показателями, и предлоги lə- для датива, mə- для аблатива и bə- для эффектива, а также отделяемые (собственно предлоги): «sel» для генитива, «'el» для датива, «'et» для аккузатива, «min» для аблатива и «him» для эффектива. Для вокатива указывается регулярное отсутствие каких-либо показателей (383). При этом в качестве показателей латинского аблатива, как и в других грамматиках XVI века (особенно у Небрихи), выбирается форма аблатива с предлогом «ab», а в

качестве показателей эффектива – собственно форма аблатива. Кроме того, отмечается терминологическое разделение артиклей (с предлогами) в греческом и в испанском, которые являлись также показателями рода (articuli), и артиклей (с предлогами) в древнееврейском, которые выражали падежные значения (proarticuli).

Что касается семантической стороны, то Самора эксплицитно указывает на связь генитива с ролью посессора, аккузатива с ролью пациенса (384). Об остальных значениях можно лишь догадаться по примерам на древнееврейском и латинском языках: реципиент для датива, удаление для аблатива и инструмент для эффектива.

В грамматике де Алкала категория падежа также представляется, с одной стороны, как морфологическая (в отношении латинского языка), с другой, как семантико-синтаксическая (в отношении описываемого диалекта арабского языка). Так, де Алкала выделяет шесть падежей: «mubtede», «mudaf», «maxror», «mafuul», «munede» и «darf», которые, по его словам, соответствуют шести падежам латинского языка. При этом, он отмечает, что в описываемом им диалекте отсутствует именное словоизменение по падежам, в связи с чем падежные значения, согласно ему, выражаются особыми внесловными показателями (conocimientos / abitudines) (385) (про употребление терминов см. подробнее [Zwartjes 1993:279] и [Zwartjes 2005:215]). Согласно [Cowen 1983:123], в том, что де Алкала, с одной стороны, выделяет в диалекте арабского языка шесть аналогов латинских падежей, усматривается стремление описать арабский язык в привычных для европейского сознания понятиях и категориях грамматики латинского языка, а с другой стороны, в том, что он использовал для обозначения падежных значений арабские термины, усматривается стремление автора отметить качественную разницу между формой выражения падежных значений в латинском и арабском языках.

В качестве падежных показателей де Алкала приводит артикли, предлоги и формы предлогов с артиклями. Так, например, в качестве показателей

номинатива он выделяет две формы артикля «al» и «a», в качестве показателей генитива – те же две формы артикля, а также «mita» и «mital» (при описании генитива он также приводит и особенности употребления артикля в арабской конструкции, состоящей из двух имен), в качестве показателей датива – «la», «lal», «li» и «lil», те же формы артикля, что и для аккузатива, «a» и «ya» для вокатива и «ba» и «bal», «bi» и «bil», «fa» и «fal», «fi» и «fil», «ma» и «mal», «mi» и «minal» – в качестве показателей аблатива (386).

Для обозначения падежных показателей автор использует разнообразные термины: «notas», «conocimientos», «artículos», «abitudines». Некоторые из них (показатели аккузатива и аблатива) он также относит к разряду предлогов. Кроме того, де Алкала указывает на связь некоторых падежных показателей с признаком одушевленность / неодушевленность и категорией определенности / неопределенности (387).

Что касается собственно семантических ролей, то он выделяет значение посессора, реципиента, бенефактива, локатива, инструменталиса, комитатива и собственно аблатива (388). При этом часть из них он обозначает собственным термином «poseedor», а часть описывает через перевод на испанский язык с помощью конструкций с предлогами.

При описании падежной категории Ольмос в своей грамматике опирается на морфологический аспект, а именно на наличие особых внутрисловных показателей падежных значений, и констатирует отсутствие подобных формантов. И хотя он не отрицает наличия падежных значений (падежей, в его терминологии) в языке (и даже активно пользуется терминами аккузатив, датив и аблатив при описании герундия (в его терминологии), глаголов, предлогов (упоминает некоторые семантически роли типа посессора, агенса и пациенса)), тем не менее не останавливается на описании способов их выражения. Исключение составляет вокатив, описание которого он приводит (форманты и способы образования). С точки зрения современных исследователей [Téllez Nieto 2015: 94–95], автор, столкнувшись с таким новым для него явлением, как

категория вежливости, не имея для него специального термина, прибегает к грамматике латинского языка и находит в ней похожее явление, обозначение которого и использует при описании индейского языка. Описываемые автором аффиксы использовались среди прочего в звательной функции, подобно вокативным формам в латыни (389). Для испанского языка он приводит следующие показатели: датив – «а», аблатив – «а», аккузатив – нулевой показатель.

Таким образом, в грамматиках семитских языков, а также в грамматике науатль, подобно грамматикам испанских языков, содержание термина падеж несколько изменяется. Авторы обращают внимание как на морфологическую сторону, которую они рассматривают как значимую для латинского языка и как не находящую выражения в описываемых ими языках, и семантико-синтаксическую, которая оказывается актуальной для описываемых ими языков. В качестве синтаксических характеристик Самора и де Алкала указывают наличие особых единиц (предлогов, префиксов), употребляемых вместе со словом. Также в грамматике Саморы внимание уделяется порядку слов как форме выражения падежных значений. Семантическая сторона вопроса несколько отодвигается в сторону в грамматиках этих авторов, хотя из примеров и комментариев авторов ясно, что все те роли, которые были представлены в грамматиках латинского языка, они используют. Наконец, авторы выделяют шесть падежей, а Самара еще включает и седьмой.

В грамматике Жильберти падежная категория описывается с трех сторон: семантической, то есть в отношении к способам выражения падежных значений с помощью определения в языке пурепеча аналогов латинских падежей ([Monzón 1991:52]) и испанских предлогов и связанных с ними значений; морфологической и синтаксической, поскольку грамматист различает морфологические способы выражения значений – собственно падежные формы (падеж, в терминологии автора), то есть имена с внутрисловными показателями, с одной стороны, и синтаксические способы (особые частицы, конструкции и

так далее), с другой, выделяя эксплицитно всего три падежа: номинатив, аккузатив (+датив) и вокатив, но при этом описывая аналоги всех семи падежей латинской грамматики, добавляя вокатив, аблатив, генитив и эффектив в парадигмы имен. Собственно термины генитив, датив и другие автор использует для передачи падежных значений, а также форм их выражения (390).

Сами падежи в грамматике францисканца Жильберти представлены следующим образом.

Автор не приводит описание номинатива, не останавливается на его показателях (их отсутствии). Имплицитно (из комментариев о других падежах) ясно, что в качестве показателя номинатива он выделял основу слова без словоизменительных формантов.

При описании генитива автор отмечает, что его показателем является элемент eueri. Из авторских примеров и комментариев ясно, что данный показатель является не аффиксом в языка пурепеча XVI века, а особым элементом, постпозитивной клитикой [Villavicencio Zarza 2006: 243]. При этом в описании генитива Жильберти обращает внимание не только на именной класс, но и на все классы, которые могут принимать падежные показатели (местоимения и причастия). Кроме того, Жильберти дает описание, отталкиваясь не только от формальной, но и семантической стороны. Он отмечает связь между наличием данной клитики и категорией личности, при этом в качестве иллюстрации случаев ее отсутствия он приводит особые изафетные конструкции, типа «cauallo cheti», с аналогом на испанском «la cola del cavallo» (хвост лошади), в которых так или иначе выражается идея принадлежности (391).

Помимо этого Жильберти останавливается и на другом значении, которое было характерно для латинского генитива и которое отмечалось в грамматиках латинского языка, а именно идея «характерности, соответствия», воплощаемая в конструкциях с глаголами «interest», «refert». Автор отмечает, что для выражения подобной идеи в пурепеча используются иные маркеры (не eueri как

аналог латинских окончаний генитива), а именно клитика «himbo» или конструкции с глаголами типа «hapinani» (обладать) (например, «tata echax himbo esti missa arini» / «Tata echax hapinasti missa arini» (отцам церкви следует слушать мессу)) (392).

Кроме того, автор описывает еще одно значение генитива латинского языка, а именно значение агенса при номинализированном глаголе. В качестве аналога в пурепеча он выделяет особый тип конструкции: соположение двух имен (изафет), где первое обозначает исполнителя действия, задаваемого номинализированным глаголом, а второе – собственно действие (например, см. «tata echa ariqua» (деятельность отцов церкви) в предложении «Tata echax ariqua eti missa») (393).

При описании датива Жильберти отталкивается в большей степени от семантики (значений, ассоциированных с падежными формами латинского языка). Столкнувшись с таким явлением в языке, как одинаковое маркирование пациенса и реципиента, а также с наличием категории личности и ее связи с падежной категорией, автор отмечает, что специального показателя у датива (а точнее, семантической роли реципиента, значение, которое выражалось формами датива в латинском языке), нет и что в качестве такового используется аффикс -ni, который также обслуживает и аккузатива. В качестве примера он приводит фразу, в которой при битранзитивном глаголе «inscu» (давать) в качестве реципиента выступает личное имя Pedro, маркированное -ni, а в качестве темы неодушевленное имя «siranda» (книга), без соответствующего маркера («Ynscu Pedroni y siranda») (394).

Тем не менее, автор обращает внимание еще и на другое значение (семантическую роль), ассоциированную с латинским дативом и описываемую авторами латинских грамматик, а именно роль бенефактива, и приводит конструкции с глаголами и аффиксами -che и -ku (например, «uchereni thirequa» (приготовь мне еды)), которые в пурепеча выступали в качестве показателей, повышающих актантную деривацию ([Villavicencio Zarza 2006: 115] (395).

Аккузатив Жильберти описывает с формальной и синтаксической точек зрения: автор приводит падежные показатели (-ni) и виды имен (выражающие категорию личности), с которыми он встречается. Для других имен автор констатирует отсутствие особого показателя (396).

Вокатив описывается также с двух сторон: формальной и семантической. В качестве показателя приводится -e (397).

При описании аблатива Жильберти представляет аналоги языка пурепеча латинским предложным конструкциям. В качестве аналога предлога «pro» (por/para в испанском) (семантической роли бенефактива, например, в таком сочетании, как «para el padre» (для отца)) автор приводит «himbo», а также аффиксы -che и -ku. Аналогом латинского предлога «in» в том варианте употребления (значения), которое соответствует испанским предложным группам «en mí», «en ti», «en aquel», приводит «hingun» в пурепеча. Наконец, в качестве аналога «de» (собственно аблативное значение) в таких примерах, как «de mí», «de ti», «de aquel», автор приводит «himbo» (398).

Наконец, эффектив, а точнее, инструментальное значение, согласно Жильберти, выражается с помощью «himbo». Иными словами, оно также представляется с двух сторон: с формальной (особые показатели) и с семантической (значение инструмента) (399).

Кроме того, отдельно от описания падежей автор приводит и описания аналогов испанских предложных конструкций, в которых обнаруживаются упоминания следующих семантических ролей: локатив (himbo / -(r)o), цель (-ni или -(r)o в зависимости от одушевленности объекта [Villavicencio Zarza 2006: 133]), причины (himbo), более четко комитативное значение (hingun). Также в качестве значений у аффикса -(r)o автор выделяет и локативное и аблативное значения, а также представляет его как деривативный и как словоизменительный аффикс (400).

Наконец, что касается испанских эквивалентов форм пурепеча, то они

следующие: номинатив – отсутствие показателя, генитив – «de» (+артикль), датив – «a» (+артикль), аккузатив – «a» (+артикль), вокатив – отсутствие показателя, аблатив – «de» или «en» (+артикль), эффектив – «con», а также другие предлоги.

Таким образом, Жильберти также рассматривает падеж как двоякую сущность: морфологическую, с одной стороны, и семантико-синтаксическую, с другой [Monzón 1991: 53-54]. При этом предпочтение он отдает первой характеристике, эксплицитно выделяя всего три падежа, однако имплицитно описывает и такие аналоги латинских падежей, которые в пурепеча выражаются синтаксически (в итоге, приводит шесть классических падежей и эффектив). При этом при описании падежей он отталкивается не столько от формы (то есть не ищет какого-то одного аналога каждому латинскому падежу), а от семантики, приводя аналоги для каждой семантической роли, ассоциируемой с той или иной морфологической формой или конструкции с предлогом. Пользуется он также представлением о связи категории падежа с параметром одушевленности / неодушевленности и категорией личности.

8.1.4. Грамматика Томаса

Основное описание падежной категории сосредоточено в грамматике Томаса в нескольких главах. Прежде всего, она представляется в составе акциденции склонение во второй главе, посвященной именной морфологии. Описывая особенности языка кечуа в отношении к словоизменению, Томас отмечает, что в кечуа, как и в испанском, имена не имеют словоизменения. Используя испанский язык в качестве аналога, он отмечает, что в нем все имена имеют одну и ту же форму (произносятся одинаково) для выражения разных падежных значений. В качестве примера он приводит сочетания имени «hombre» (мужчина) с артиклем и различными предлогами, которые он интерпретирует как разнообразные падежи: «el hombre» – номинатив, «del hombre» – генитив, «para el hombre» – датив и так далее. Томас добавляет, что значение каждого падежа выражается так называемыми «artículos»

(артикли+предлоги), которые присоединяются к самим падежам. В качестве примера он приводит сочетание «el hombre» и отмечает, что показателем (señal) номинатива является элемент (partícula) «el». Также он приводит сочетание «del hombre», «al / para el hombre» и отмечает, что «del» в конструкции со значением обладания («del con possessión») является показателем генитива, а «al» или «para» – показателем датива. Наконец, он отмечает, что в языке кечуа также наблюдается подобная ситуация: что имена сами по себе являются неизменяемыми и что падежные значения (у Томаса это передается названиями «nominativo», «genitivo») выражаются с помощью особых единиц («partículas o artículos») (401).

Томас также приводит некоторый свод правил, в которых описывает падежные показатели кечуа.

Так, в первом правиле он отмечает, что показателем номинатива является отсутствие показателя (значимое отсутствие знака), и в качестве примера приводит форму имени «yaya» (господин / Господь) без каких-либо аффиксов (402).

Во втором правиле Томас указывает, что показателем генитива является -pa, в качестве аналога которого выступает испанский предлог «de con posessión». В качестве примера он приводит словоформу «yayancpa» и ее испанский аналог «del señor» (господина / Господа). Кроме того, он отмечает, что у показателя генитива есть несколько вариантов форм, выбор которых зависит от конечного звука имени (основы): после гласных употребляется усеченная форма -p, а после согласных -pa. В качестве примера он приводит существительное «pirca» (стена) и местоимение «ñoca» (я) и их генитивные формы «pircap» и «ñocap» в качестве иллюстрации случаев употребления формы на -p (403).

В качестве показателя датива (третье правило) автор выделяет -pac, а также приводит его аналог на испанском языке «para» и пример «yayancpac» с аналогом «para el señor» (для господина / для Господа) (404).

Для аккузатива автор приводит два разных показателя: -ta и -man и отмечает, что появление одного или другого элемента (аффикса) зависит от значения глагола, а именно при стативных глаголах (в терминологии Томаса, «verbos de quietud») употребляется первый показатель, при динамических (verbos de movimiento, глаголы движения) – второй. В качестве примера он приводит фразы типа «yayancta ricuni» и испанский аналог «yo veo al señor» (вижу господина / Господа) и «yayancman rini» с «voy al señor» (иду к господину / к Господу). Кроме того, как и в случае с генитивом, Томас отмечает возможные варианты для показателя -ta: -cta при конечном гласном основы и -ta при конечном согласном (405).

В качестве показателя вокатива (пятое правило) Томас приводит «хе» и «хау» (междометия) и их аналоги на испанском язык (ola) и на латинском (o). В качестве примера он приводит «хеу о хау yayanc» (о, господин / Господь) (406).

В качестве показателя аблатива он так же, как и в случае аккузатива, выделяет два показателя: -pi и его испанский аналог «en» и -manta и его испанский аналог «de con movimiento» (аналоги латинских «ex» или «abs») и также отмечает, что их появление зависит от типа глагола: при стативных -pi, при динамических -manta. В качестве примеров он приводит предложения типа «yayancpi» и аналог «en el señor se hizo» (свершилось в Господе) и «yayancmánta xamurca» с аналогом «vino del señor» (пришел от господина / Господа) (407).

В качестве показателя эффектива Томас указывает аффикс -guan и аналог «con» и «cum» на испанском и латыни, соответственно. В качестве примера он приводит фразу «yayncguan atini» и ее аналог «vençо con el señor» (побеждаю Господом). Кроме того, он указывает на то, что у данного аффикса есть еще одно значение (помимо инструментального), а именно значение сопровождения (compañía): «canguan rini», аналогом которого является, согласно автору, «voy contigo» (иду с тобой) (408).

В конце второй главы он также отмечает, что в сочетании существительного с прилагательным маркируется только крайний правый член

словосочетания. В качестве примера он приводит сочетание прилагательного «alli» (хороший) и существительного «runa» (человек) в дативе «alli runapac» (для хорошего человека), в котором показатель -pac употребляется только при существительном, занимающем крайнюю правую позицию (409). Также он отмечает, что показатели падежей являются исключительно постпозитивными, в отличие от испанского языка, в котором они употребляются перед именами (ср. «runapac» и «del hombre») (410).

Падежная категория, а точнее падежные маркеры, упоминаются также в одиннадцатой главе, посвященной описанию предлогов (аффиксов). Томас отмечает, что те показатели падежных значений (автор пользуется несколько размытыми терминами «artículos» или «partículas de los casos»), которые он описывал во второй главе, являются одновременно и предлогами, которые в языке кечуа употребляются только при именах в постпозиции (в отличие от латинских, которые могут употребляться и с другими частями речи, образуя с ними составной комплекс (имеет в виду префиксы)), обладают особым значением и функцией (управлять падежами). Грамматист приводит в пример еще несколько аффиксов (предлогов, в терминологии Томаса): -naq и -kama. Относительно -naq он отмечает, что данный элемент не управляет каким-то определенным падежом, а обозначает то же, что и испанский «sin», а также что он обладает специфическим свойством: образовывать единый комплекс (основу) с именами и вместе с ними принимать падежные показатели. Относительно -kama доминиканец Томас отмечает, что он обозначает то же, что латинский «usque» и испанский «hasta», по значению является предлогом, но при этом сочетается с номинативом. В качестве примера он приводит такие формы, как «kaykama» с аналогом «hasta aquí» (до этого места) и «kamkama» с аналогом «hasta ti» (до тебя). Кроме того, он добавляет, что данная единица может сочетаться и с глаголами: mikunkaykama (пока ты не поешь) (411).

Кроме того, в двадцать четвертой главе грамматист описывает и другой аффикс, -yuq, который относится, согласно ему, к эффективу и ведет себе

аналогично -naq, выражая в комплексе с именем идею «обладания объектом, обозначаемым именем». Отдельно он указывает на то, что в кечуа существует такое явление, при котором некоторые части речи (типа наречий или предлогов, в терминологии Томаса) могут употребляться в качестве имен и принимать падежные показатели (412).

Падежи также описываются в двадцать первой главе, посвященной синтаксису кечуа. Томас отмечает, что для построения на языке кечуа корректного высказывания необходимо соблюдать те же правила, что и в латинском языке, а именно ставить имя, относящееся к лицу, к которому обращена речь, в вокативе, имя, обозначающее исполнителя действия, номинативе, в генитиве – обладателя, в дативе – получателя, в аккузативе – то, что испытывает на себе действие, или тот, на кого оно непосредственно направлено («lo que tomamos o a quien accusamos»), в аблативе – объект, от которого происходит удаление, в эффективе – инструмент. Кроме того, он отмечает, что существительные и прилагательные должны согласовываться в числе и падеже. Кроме того, автор приводит описание вариантов значений глаголов и падежей, которые управляются этими типами (413). Помимо упоминавшихся во второй главе глаголов со значением стативности и движения, которые управляют именами с -ta / -pi и -man / -manta, соответственно, Томас приводит глаголы со значением «отбирания», которые управляют именами в аблативе с -manta, глаголы «давания» – именами в дативе с -paq. Кроме того, он отмечает, что имена при этих двух типах глаголов могут употребляться и в аккузативе с -ta (помимо тех имен, на которых собственно направлено действие и которые и так стоят в аккузативе с -ta). В качестве примера он приводит фразы типа «campac micuita apamuni» с аналогом «traigo de comer para ti» (приношу тебе еды) и «camta micuita cuiqui» с аналогом «doyte de comer» (даю тебе еды), «cammanta micuita quichupuiqui» с аналогом «quítote la comida» (отбираю у тебя еду) и «camta micuita quichuni» с аналогом «quítote la comida».

Падежи также упоминаются и в других главах грамматики, однако более

спорадически и несистемно. Так, в восьмой главе, посвященной описанию причастия, Томас отмечает, что в некоторых конструкциях с причастием прошедшего времени (номинализированной формой на -sqa) возможна альтернация показателей аблатива и генитива: «qamkunap / qamkunamanta rikusqayquichic pirca» (построенные вами стены) (414). В десятой главе при описании герундия (в терминологии автора) Томас отмечает, что аналогом конструкции ablativus absolutus латинского языка в кечуа является конструкция с герундием в аблативе (415). В девятнадцатой главе, посвященной наречиям места, Томас упоминает падежи и падежные показатели в связи с описанием представителей данной группы. Так, он отмечает, что наречия, которые обозначают место отправления и нахождения, ставятся в аблатив и употребляются с -manta и -pi, соответственно, траектория и место назначения – в аккузатив с -ta (416). Стоит отметить, что в двадцать четвертой главе он отдельно отмечает, что наречия в сочетании с падежными показателями могут переходить в разряд имен (417). Наконец, падежные показатели упоминаются в двадцатой главе (при описании образования числительных Томас упоминает -wan, который характеризует еще и как союз) и двадцать четвертой (при описании заимствований и их функционирования в языке) (418).

Таким образом, из приведенных выше наблюдений можно сделать следующие выводы относительно понимания падежа и его места в лингвистической концепции Доминго де Санто Томаса.

Во-первых, Томас описывает падежную категорию и падежные показатели в одном разделе с описанием словоизменения. Тем не менее, в его грамматике наблюдается некоторое разделение этих понятий, поскольку он не рассматривает падеж в качестве разновидности акциденции склонения, а также обособляет в некотором отношении описание собственно явления словоизменения и падежной категории.

Во-вторых, термин падеж не определяется Томасом. Тем не менее из комментариев ясно, что он обозначает преимущественно основу слова (корень +

аффиксы), которая находится в особой синтактико-семантической позиции, аналогичной тем, которые занимают в латинском языке морфологические падежные формы имен. При этом собственно названия падежных значений номинатив, генитив и т.п. соотносятся не со словоформами (основа + падежный показатель), а собственно с основной в особой позиции. Что касается аффиксов, которые в современной лингвистике трактуются в качестве словоизменительных падежных аффиксов (например, см. [Weber 1996: 243-312]), то доминиканец их рассматривает в качестве падежных показателей, которые он приравнивает (по функции) к испанским предлогам с артиклями. При этом аффиксы исключаются из сферы охвата названий падежей (номинатив, генитив). В данном случае Томас опирается не на латинскую грамматику (поскольку название падежей и собственно термин падеж в основном были приравнены к обозначению падежных форм), а на испанскую, поскольку аффиксы трактуются в качестве обособленных от основы слова единиц, которые выступают в качестве некоторых индикаторов собственно падежей, подобно испанским предлогам с артиклями, которые также не входят в состав слова. Что касается особой семантико-синтаксической позиции, то она представляет собой некоторые особые семантические и синтаксические характеристики имени, которые возникают в результате сочетания с глаголами, о чем Томас пишет в двадцать первой главе, где описывает правила построения корректных высказываний.

В-третьих, Томас при описании падежной категории и падежных значений останавливается на морфологическом, семантическом и синтаксическом аспектах. Так, он описывает собственно форму (и возможные ее вариации) падежных показателей, синтаксические конструкции (когда пользуется представлением об управлении, а также о зависимости падежного маркера от значения глагола) и значения, которые связаны с тем или иным падежным показателем или синтаксической позицией.

В-четвертых, Томас выделяет семь падежей. При этом вокатив не

отмечается как особый, отличный от других, падеж, хотя и приводится мысль о том, что он обозначает участника речевого акта.

В-пятых, что касается семантического аспекта, то Томас, как следует из наблюдений, фокусируется на собственно семантических ролях. Он приводит роль посессора для генитива, агенса для номинатива, реципиента для датива, источника для аблатива, инструмента и компании для эффектива. Роль пациенса / темы для аккузатива представлена несколько иначе, через более конкретные значения. Кроме того, для аблатива еще косвенно указывается значение локатива и эталона сравнения, для аккузатива – цель и эталон сравнения. При этом Томас допускает выражение одной и той же роли несколькими аффиксами (показатели аккузатива для маркирования пациенса / темы и реципиента).

В-шестых, что касается собственно формального аспекта, то Томас заметное внимание уделяет описанию способов образования падежных форм.

В-седьмых, что касается синтаксического аспекта, то автор пользуется представлением о падежном управлении и зависимости падежной формы от значения глагола (что он использует при описании аффиксов аккузатива и аблатива). Кроме того, упоминает он и конструкцию ablativus absolutus и, косвенно, ее особенности – отсутствие у глагола маркеров лица, хотя при этом не говорит о выражении падежных значений самой конструкцией, хотя упоминает о наличии особых правил расположения элементов во фразе.

В-восьмых, в качестве основных падежных показателей Томас выделяет следующие аффиксы: отсутствие показателя для номинатива, -pa для генитива, -paq для датива, -ta и -man для аккузатива, -pi и -manta для аблатива и -wan для эффектива. В качестве аналога он приводит ряд испанских единиц. Для номинатива кечуа (отсутствие падежного показателя) он приводит испанский определенный артикль. Для генитива кечуа – испанский предлог «de» в конструкции, в которой выражается притяжательное значение, для дательного – «para» (в подавляющем большинстве примеров) и «a + артикль», для аккузатива – «a» + артикль, для аблатива – «de» и «en + артикль», для эффектива кечуа –

«con».

Из сравнения взглядов Томаса на падежную систему с современными теориями можно заключить следующее.

В качестве аналога латинского генитива, который объединил в себе значения посессора, агенса и пациенса, среди прочих, Томас выделяет аффикс -ра, имеющий те же функции. При этом автор выделяет эксплицитно только первую, на агентивных и пациентивных значениях он не останавливается.

В качестве аналога латинского датива, который объединял в себе значения реципиента и бенефактива, Томас выделяет в кечуа -paq и в испанском «para», оба – показатели бенефактива. Иными словами, он покрывают одну часть значений латинского датива. В отношении второго значения (реципиента) описание Томаса представляется достаточно несистемным. С одной стороны, в отношении испанского языка он допускает наличие второго маркера датива, а именно «a» (маркирует реципиента), а также указывает для кечуа конструкцию с трехместных глаголом с одним из участников в роли реципиента и показателем -ta, с другой стороны, испанский предлог «a» упоминается лишь спорадически, а показатель -ta при реципиенте позиционируется как маркер аккузатива. Подобное противоречие, вероятно, объясняется тем, что автор опирается на факт «занятости» -ta другими значениями (аккузативными) и выделяет только аффикс -paq для датива. При этом, Томас дает более или менее адекватное описание аффиксу -paq как показателю бенефактива. Более того, он приводит случай употребления -ta для маркировки реципиента (то есть указывает на факт единого маркирования пациенса и реципиента в кечуа).

В качестве аналога латинского аккузатива, который объединял среди прочего значения цель движения и пациенса / темы (аккузатив), автор выделяет два аффикса: -ta (показатель синтаксического аккузатива, а также реципиента и конечной цели движения для неодушевленных существительных [Schmidt-Riese 2005: 86]) и -man (показатель направления движения (в других диалектах он используется и в качестве маркера реципиента [Cerrón-Palomino 1995: XXVII])).

Иными словами, автор, пользуясь диверсификацией кечуа в отношении маркировки направления и пациенса / темы, и опираясь, видимо, на интуитивные представления о нескольких семантических ролях, кодируемых формой аккузатива в латыни, выделяет в кечуа два показателя. Кроме того, как уже было отмечено, автор прибегает к особым понятиям о стативных и динамических глаголах. Что касается значения реципиента у -ta, то о нем уже было сказано (Томас отмечает его), не отмечает он значение цели при неодушевленных. Что касается -man, то, как кажется, Томас дает ему исчерпывающее представление.

В качестве аналога латинского аблатива, который объединял в себе значения собственно аблатива, инструмента, эталона сравнения и локатива, среди прочего, Томас выделяет два аффикса: -pi, локатив, и -manta, аблатив и эталон сравнения. Иными словами, он дает практически исчерпывающее описание данных значений в кечуа с той лишь особенностью, что для комитативного и инструментального значения он выделяет особый падеж – эффектив и приводит аффикс -wan.

Что касается вокатива, то Томас, скорее всего, опирается на испанский язык, поскольку выделяет отдельный от слова показатель (подобно испанскому междометию «о), поскольку в латыни вокатив маркировался внутрисловно. Другие падежные аффиксы кечуа Томас не позиционирует как таковые.

В девятых, Томас дает достаточно «неудачное» название самим аффиксам кечуа, считая их аффиксами и одновременно аналогами латинских предлогов. Данное обстоятельство связано, видимо, с отсутствием разработанности понятий морфологии.

В-десятых, Томас допускает в языке кечуа возможность взаимозаменяемости падежных форм. Судя по примера, речь идет об оформлении актантно-предикативной структуры при номинализированных формах.

В-одиннадцатых, для испанского язык автор выделяет в качестве падежных показателей предлоги (для некоторых – предлоги с артиклями): для номинатива – «el», для генитива – «de» в особой конструкции, для датива – «para» или «al», для аккузатива – «a», для вокатива – «o», для аблатива – «de», для эффектива – «con» (для последних четырех не ясно, включался ли артикль).

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Томас, подобно авторам испанского языка и неиндоевропейских языков (преимущественно семитских) рассматривает падеж (вследствие несколько неточного определения характера падежных показателей в языке кечуа) в первую очередь с семантико-синтаксической стороны, то есть как категорию, связанную с определенным набор значений и реализующуюся с помощью особого типа конструкций. В этом отношении он несколько расходится с Жильберти, который идентифицировал внутрисловные показатели падежных значений как собственно словоизменительные элементы и сделал акцент на морфологическом аспекте.

Во-вторых, Томас следует за Небрихой в выделении семи падежей и в этом сближается с грамматикой испанского языка 1555, грамматикой Саморы и, отчасти, Жильберти.

В-третьих, среди семантический ролей автор выделяет эксплицитно, с одной стороны, наиболее базовые, подобно Присциану и Небрихе (в испанской грамматик)е, а с другой стороны, при описании способов выражения падежных значений пользуется расширенным набором значений (бенефактив, цель движения, локатив, комитатив), подобно Небрихе в латинской грамматике, Жильберти в грамматике пурепеча и де Алкала в грамматике диалекта арабского языка, среди прочих.

В-четвертых, в отношении формального аспекта, Томас действует в соответствии с общим направлением мысли и отталкивается при описании

падежей от непосредственно показателей (формы).

В-пятых, в отношении синтаксического аспекта, Томас, подобно авторам грамматик испанского и неиндоевропейских языков, допускает возможность выражения падежных значений с помощью внесловных показателей.

В-шестых, описание падежных показателей для испанского языка у Томаса сближается в большей степени с описанием дель Корро, который также выделял в качестве показателя датива «para» и вокатива «o» (другие выделяемые Томасом падежные показатели практически совпадают с выделяемыми показателями авторов других грамматик).

В-седьмых, Томас, подобно Жильберти, допускает возможность выражения нескольких падежных значений одним показателем (например, см. комментарии Томас и Жильберти относительно возможности маркирования пациенса и реципиента одной морфемой). Отличается он от Жильберти в том, что допускает наличие нулевого маркера номинатива, не приводит синтаксического способа (соположение) выражения идеи «отношения / принадлежности» (генитива), при описании датива акцент ставит на роль бенефактива, а не реципиента, в описание аккузатива включает также описание семантической роли цели, при описании аблатива ограничивается только локативным и аблативным значениями, при описании эффектива указывает не одно, а два значения (хотя у Жильберти, как было отмечено, также встречается описание других значений, которые опущены в основном тексте).

8.2. Склонение

8.2.1. Грамматики латинского языка

В грамматике Доната, помимо описания падежа, представлено и описание словоизменения, а также словоизменительных парадигм (склонений). При описании словоизменения автор пользуется как термином «declinare», так и «mobilia» / «fixa», однако последние два автор использует только для описания словоизменения в отношении выражения категории рода (для падежных значений при описании имени он ими не пользуется) (420). При этом declinare в

большинстве случаев употребляется для передачи идеи не о возможности иметь формальное изменение, а о способности слов реализовывать падежно-числовую парадигму, то есть быть связанным с падежными и числовыми значениями (421), что скорее говорит о связи с понятием парадигмы, нежели просто о формальном изменении слова.

Что касается словоизменительных парадигм, то Донат, помимо собственно использования данной идеи, внимание обращает на типы парадигм в отношении языка–источника (греческая модель, латинская), в отношении диахронии, количества форм в парадигме для всех значений (monoptota – одна форма для всех падежных значений, diptota – две формы (при этом он пользуется термином formae casuales)), дефектности (нет определенных падежных форм или форм того или иного числа), в отношении форм того или иного падежа (генитив на -i, -ae и так далее) (422). Он также пользуется представлением о неизменяемых именах, которые тем не менее имеют весь набор падежно-числовых значений (monoptota (не комментирует, каким образом они выражаются), и неизменяемых именах, стереотипно встречающиеся только с одним набором падежно-числовых значений (aptota) (в терминологии Доната – не склоняющиеся по падежам и числам) (423).

В грамматике латинского языка Присциана в общем и целом логика описания, обнаруживаемая в работе Доната, сохраняется. Подобно ему, Присциан для описания словоизменения использует термины «mobilia», «declinatio», «flectio» (термин «mobilia» у Присциан, хотя и связан со словоизменением, используется также преимущественно при описании только категории рода) (424). Также активно он пользуется терминами «indeclinabilis» и «declinare» (реже «flectare»), которые, как и в случае с Донатом, больше связываются с представлением об изменении слова по особым категориям, нежели просто с понятием об изменении (425).

При этом в его грамматике понятие о словоизменении представляется более эксплицитно. Так, как уже было сказано в разделе, посвященном

описанию падежной категории, он определяет падеж как некоторый подтип словоизменения (declinatio), которое преимущественно реализуется в конце слова. Кроме того, представление о словоизменении он использует при описании составных имен (426).

Что касается словоизменительных парадигм имени, то подобно Донату, Присицан описывает разнообразные типы: дефектные, латинские / иностранные (добавляет иврит и пунический язык (диалект финикийского), старые / новые, парадигмы из одной, двух и так далее (до шести) форм. Кроме того, основную часть раздела о падеже Присциан посвящает собственно описанию различных способов образования падежных и числовых форм у имен в рамках той или иной словоизменительной парадигмы (427).

Одним из отличий грамматик Доната и Присциана в данном аспекте является толкование терминов «aptota» и «monoptota» (вернее, их эксплицитная интерпретация, понимали они, вероятно, их одинаково). Так, Присциан явно указывает на то, что «aptota» – неизменяемые имена, у которых есть только один набор падежных значений (только вокатив и номинатив / только вокатив и аккузатив для имен среднего рода), а monoptota – неизменяемые имена с полным набором падежных значений (428).

В грамматике Небрихи в некотором отношении понятия о словоизменении и о словоизменительных парадигмах несколько яснее эксплицируются и разводятся, поскольку в отдельный раздел выносится описание словоизменения, в отдельный раздел – описание падежей и в отдельный – описание вариантов парадигм в отношении разнообразия форм (первое, второе и так далее склонения, с одной стороны, и парадигма из одной формы, двух и так далее, с другой), а также для каждого явления представляются свои собственные термины («gradus declinationis» для первого и «inflexio» для второго) (429). Кроме того, как уже было сказано, несколько модифицируются сами характеристики словоизменения. Так, Небриха отмечает, что локусом изменения может быть как конец слова, так и другие его части

(430).

Для передачи понятия о словоизменении (без привязки к категории числа и падежа) Небриха пользуется в основном терминами «declinare», «declinatio», «indeclinabilia», «flectare» (и его однокоренные), «variatio» (термин «mobilia» им уже не используется), при этом первые четыре термина обозначают как чистое словоизменение, так и привязанное к каким-либо категориям (то есть определенная диффузность в терминах еще наблюдается) (431).

Что касается собственно словоизменительных парадигм, то Небриха, при сохранении того же набора аспектов в описании, несколько модифицирует их представление. Во-первых, при описании типа словоизменения в отношении языка–источника он чаще обращается к отличным от греческого и латинского языкам (к еврейскому). Более того, в первой книге он в отдельный раздел помещает представление типов склонений греческих и еврейских имен (432). Во-вторых, подобно античным грамматистам, он пользуется представлением о парадигмах, у которых некоторое количество падежных значений (от одного до шести / семи) выражаются одной формой, однако при этом для обозначения подобного явления он пользуется специальным термином «inflexio» (433). В-третьих, Небриха выделяет особые типы парадигм в отношении разряда имен: отдельно парадигмы существительных, отдельно прилагательных (434). В-четвертых, в его грамматике присутствует в некоторых комментариях идея (дань средневековым грамматикам) об изменении имени вместе с указательным местоимением (435). В-пятых, в его грамматике в большей степени противопоставляется именная словоизменительная парадигма (declinatio) и глагольная (coniugatio). В-шестых, описание имен с дефектными парадигмами (без каких-то падежно-числовых значений, pluralia и singularia tantum) Небриха выносит в особый раздел (436). В-седьмых, Небриха, хотя и выделяет пять базовых типов склонения, упоминает также и о дополнительных двух (437).

В грамматиках латинского языка XVI века понятие о словоизменении трактуется преимущественно в рамках описания парадигм. При этом в общем и

целом подход к трактовке проблем сохраняется, сокращается лишь число аспектов, затрагиваемых авторами (только у Жильберти встречается еще и представление о словоизменении) (438).

Таким образом, в грамматиках латинского уже в том или ином виде присутствовало представление о словоизменении и о словоизменительных парадигмах: менее эксплицитно в позднеантичных грамматиках и в более оформленном виде в грамматиках латинского языка XVI века. Словоизменение трактовалось преимущественно в отношении выражения падежных значений, хотя другие значения тоже рассматривались. При этом в качестве места изменения допускался не только конец слова, но и другие его части. Для словоизменительных парадигм (в особенности у грамматистов XVI века) использовался разнообразный набор параметров классификации: по языку–источнику, по полноте и пр. Кроме того, глагольные и именные / местоименные типы начинают разводится на уровне терминологии.

8.2.2. Грамматики испанского языка

В грамматиках испанского языка проблема словоизменения и словообразовательных парадигм особенно акцентирована. Словоизменение, ввиду отсутствия падежных внутрисловных показателей у испанских имен, привязывается к другим категориям, в том числе и к категории числа. Кроме того, авторы выделяют отдельное склонение для артикля. Во всех работах описывается и тот и другой аспекты, однако сильно варьируются подходы к описанию, акценты и терминология.

В грамматике Небрихи понятия о словоизменении и парадигме смешиваются и выражаются одним термином «declinación». Более того, под «declinación» автор понимает как парадигмы из синтетических (числовых), так и аналитических (падежных форм из имен с артиклями и предлогами) форм. Так, автор, с одной стороны, отмечает, что в испанском языке существует только изменение имен (declinación) по числам (а по падежам отсутствует) и выделяет три типа таких изменений («tres formas de declinación») (439), а с другой

стороны, приводит падежную парадигму имен с артиклями и предлогами («declinación del nombre») и в определении имени отмечает, что имена «изменяются» (se declinan) по падежам (440). Кроме того, Небриха обращает внимание на дефектные парадигмы (pluralia и singularia tantum) (441), а также различает именные и глагольные (вторые называет термином «conjugación») (442).

В грамматике Вильялона несколько четче противопоставлены представления о числовом и падежном словоизменении. Так, автор отмечает, что в испанском языке, в отличие от латинского языка, нет изменения конечных звуков при изменении падежных значений, ни разнообразных типов такого изменения, в связи с чем отмечает невозможность описания словоизменительной парадигмы для испанского (443). Что касается категории числа, то он отмечает, что она связана со словоизменением, однако представляет собой явление иного порядка (444). Подобно Небрихе, автор различает терминологически глагольное и именное словоизменение (445).

В грамматике 1555 года описание ведется в основном с точки зрения способов выражения падежных значений, в связи с чем многие термины, которые использовались в грамматике латинского языка для описания изменения слова, автором используются для описания способа выражения падежных значений. Хотя идея о словоизменении и присутствует в его работе (когда он отмечает, что падежные значение внутри слова не выражаются), тем не менее трудно сказать, насколько он различает понятия о словоизменении и парадигме, а также понятия о числовом и падежном словоизменении (446).

В грамматике 1559 года акцент делается на представлении о склонении (declinación) как о формальном изменении конца слова в отношении разных категорий (среди которых автор перечисляет такие именные категории, как род и число), и терминологически разводится понятие о словоизменении и парадигме (автор, хотя и приводит «падежную парадигму» испанских имен и артиклей, однако не называет ее термином «declinación»; в случае с глаголом он

пользуется термином «conjugación», а термин «variarse» используется в отношении синтетических падежных форм) (447). Что касается числа, то автор описывает его отдельно от данной проблематики.

Наконец, в грамматике дель Корро также данные понятия различаются. Так, автор при описании имени делает акцент на словоизменении, отмечая его отсутствие (для чего использует термин «declinación» и «indeclinable»), а при описании артикля – на парадигме (совокупности «падежных» форм), отмечая способность артикля образовывать ее. Кроме того, грамматист категорию числа описывает отдельно (448).

8.2.3. Грамматики неиндоевропейских языков

В грамматиках неиндоевропейских языков таже присутствует два представления. При этом трактовка авторов каждого из них (в отношении терминологии и объема содержания) достаточно сильно варьируется.

В грамматике Ольмоса данные явления разводятся терминологически. Так, для описания словоизменительных парадигм автором используется термин «declinatión» в форме множественного числа (declinationes). Более того, данный термин применяется только для обозначения некоторого множества парадигм (склонений) падежных значений, причем категория числа (с ее формальными показателями) не включается в объем данного понятия. Кроме того, он относится только к именному типу словоизменения, для глагольных парадигм автор пользуется термином «conjugaciones». Употребление «declinatión» в значении словоизменение (как это было у Небрихи) в грамматике Ольмоса не встречается (449).

Что касается словоизменения, то для выражения данной идеи автор пользуется, например, термином «variación», который тесно связывается с представлением о том, что существует разнообразие форм слова, обусловленное наличием формальных маркеров (морфем). При этом данный термин связывается не только с категорией падежа. В качестве морфем, создающих

многообразие форм, могут выступать, по Ольмосу, и морфемы числа, и лица (хотя явно автор об этом не говорит, а лишь приводит местоимения в предикативной позиции с личными аффиксами), а также показатели глагольных категорий (времени, наклонения и так далее) (450).

В грамматике де Алкала для обозначения парадигмы падежных форм также используется термин «declinación» (правда в единственном числе). Грамматист допускает наличие только одной парадигмы в описываемом им языке. В поисках аналогии он ссылается на испанский язык, в котором обнаруживается похожее явление. При этом, категория числа выносится на периферию и не охватывается данным термином. Кроме того, автор пользуется термином monoptota для указания на то, что форма имен во всех падежах одна и та же. Подобно Ольмосу, де Алкала противопоставляет словоизменительные парадигмы имени (declinación) и глагола (conjugación). Что касается собственно словоизменения, то оно также упоминается, и для передачи данной идеи автор употребляет термины «invariables» и «monoptotas» (451).

В грамматике Саморы основное внимание уделяется описанию парадигмы. При этом автор разводит словоизменение в отношении категории числа, которое он называет «declinationes», и падежа, для чего не приводит термина. Также он упоминает наличие аномальных склонений и дефектных парадигм (452). Что касается понятия словоизменения, то для его обозначения автор не использует специального термина, пользуется терминами «declinare» и остальными («variare», «declinabiles», «inflecare») (453).

Наконец, в грамматике Жильберти также акцент сделан в первую очередь на понятии о парадигме. При этом автор пользуется ограниченным набором терминов, а именно «declinarse» и его производным. Жильберти выделяет склонение (declinación) отдельно у существительных, отдельно у прилагательных. Также термин «declinarse» привязывается ко всем трем категориям (род, число и падеж) и несколько модифицируется, обозначая способность слова быть связанным с тем или иным значением категории. Что

же касается словоизменения, то для него не используется особого термина, ни отводится особого места (454).

8.2.4. Грамматика Томаса

Основное описание словоизменения и словоизменительных парадигм сосредоточено во второй главе, посвященной имени и его категориям, в особом разделе «declinación y casos». Так, в частности, Томас приводит положение о том, что в языке кечуа в классе имен нет словоизменения и все имена по форме являются неизменяемыми (indeclinables). В качестве свидетельства того, что данное явление не является исключительным, Томас ссылается на устройство испанского языка, в котором, согласно ему, наблюдается похожая ситуация, а именно форма имен сохраняется неизменной при изменении падежных значений. На примере слова «hombre с определенным артиклем и с разными предлогами автором демонстрируется отсутствие изменения формы слова в соседстве с падежными показателями (в терминологии Томаса): «el hombre», «del hombre», «para el hombre». Данные примеры свидетельствуют, согласно Томасу, в пользу того, что «падежные формы» в испанском языке являются неизменными. Приведя данные из испанского языка, Томас возвращается к языку кечуа и отмечает, что в данном языке имена являются неизменяемыми сами по себе и что падежные значения выражаются не в особых формах слова, а особыми языковыми единицами. Также он отмечает, что ввиду того, что падежные показатели особым образом сочетаются с именами (образуют морфологически единое слово) и образуют, тем самым, некоторое разнообразие форм одного слова, в языке кечуа может быть выделено склонение, то есть парадигма форм, и приводит парадигму форм имени «уауа» во всех выделенных им падежах и числах (455).

В грамматике упоминания о словоизменении и словообразовательных парадигмах также встречаются в других главах (456).

Во-первых, Томас выносит в отдельную акциденцию склонение, при этом включает в ее описание как понятие словоизменения / склонения, так и

падежную категорию, хотя и, как кажется, разделяет их описание композиционно.

Во-вторых, понятие о словоизменении и парадигме, с одной стороны, передаются одним и тем же термином «declinación», «declinarse», с другой стороны, передаются особыми словами (противопоставляются). Так, термины «se dize,» «de una manera se haze», «se profieren», «variable», «invariable», «indeclinable», «inflexible», «variación», «variar(se)» используются для выражения идеи о способности к словоизменению, а термины «declinación» и «declinarse», в свою очередь, используются преимущественно для передачи представления о словоизменительной парадигме.

В-третьих, Томас не выделяет и не описывает словоизменительных формантов, поскольку не трактует числовые и падежные аффиксы в качестве таковых, а корень слова он трактует преимущественно в качестве собственно полной словоформы.

При описании словоизменительных парадигм Томас пользуется расширенным представлением парадигмы как набора неизменяемых (в понимании Томаса) лексем с падежными показателями. Кроме того, автор допускает наличие разнообразных парадигм склонения в разных языках (типов склонения в зависимости от языка–источника). Важной особенностью является то, что он максимально противопоставляет на терминологическом уровне понятия о словоизменительных типах имен и глаголов, для первого он пользуется термином «declinación,» для второго – «conjugación». Кроме того, в понятие о словоизменительной парадигме Томас не включает категорию числа. Подобный вывод можно сделать из того, что он во всех случаях употребления «declinación» добавляет «en singular y en plural», чтобы подчеркнуть связь с категорией числа. Иными словами, «declinación» у Томас – это исключительно падежная парадигма, хотя как таковое понятие склонения он рассматривает в качестве совокупности падежно-числовых форм.

Из сравнения описания Томаса с описанием других авторов можно сделать

следующие заключения.

Во-первых, Томас, подобно авторам латинских грамматик (в особенности Небрихе), выносит в отдельный подраздел описание акциденцию склонения, обращая внимания как на словоизменение, так и на словоизменительные типы.

Во-вторых, Томас, подобно авторам испанских грамматик (кроме Небрихи) и авторам индейских языков, трактует термин склонение в качестве падежного словоизменения, не включая категорию числа в его содержание. Подобно им, он отмечает отсутсвие склонения в описываемом языке. При этом, в отличие, например, от Ольмоса или Небрихи, он не рассматривает показатели числа в качестве словоизменительных. В отношении представления о словоизменительных типах Томас, подобно, например, авторам неиндоевропейских языков (особенно де Алкала), допускает наличие одной парадигмы, несмотря на отсутствие (по его мнению) внутрисловных падежных показателей.

В-третьих, Томас не пользуется такими представлениями, разработанным в практике описания латинского языка, как дефектные парадигмы, «monoptota» и «aptota» (хотя первое могло бы хорошо подойти для описания кечуа), не «ищет» Томас в кечуа и некоторого множества разных парадигм в отношении особенности формы генитива.

9. Выводы по второй главе

При описании именного класса Томас использует грамматическую модель, применявшуюся для латинского языка, выделяя имя и рассматривая его акциденции. Кроме того, подобно авторам латинских грамматик, Томас рассматривает имя в первую очередь, позиционируя его в качестве основной части речи. В этом отношении он сближается со всеми остальными грамматистами, кроме Ольмоса.

Томас, подобно большинству авторов грамматик испанского и неиндоевропейских языков (кроме Саморы), не фокусируется на теоретическом

осмыслении сущности именного класса, однако в отличие от них, он приводит определение. В определении он делает акцент только на семантический аспект, подобно Присциану, Небрихе, Тамаре и Саморе, однако по содержанию его определение отличается от определений остальных авторов.

Для описания именного класса Томас пользуется представлением об акциденциях, вслед за авторами латинских грамматик. В этом отношении он полностью копирует модель, по которой построена латинская грамматика Небрихи и которая восходит к модели, предложенной Донатом и Присцианом, которой также придерживается и Семпере, и сближается с Саморой, из-за чего несколько выделяется на фоне других миссионеров и авторов испанских грамматик, а также Жильберти и Тамары, которые, хотя также пользовались данным представлением и моделью, однако несколько модифицировали ее структуру. Томас, подобно Небрихи, выделяет шесть акциденций (качество, вид, род, число, фигура, падеж со склонением), что также отмечается в грамматиках Семпере (хотя порядок представления у него другой) и первой версии грамматики Саморы. В остальных грамматиках количество описываемых акциденция отличается. Выделяется Томас на фоне всех авторов в том, что использует в качестве обозначения акциденций слово propriedades. Сближается Томас с Небрихой, автором анонимной грамматики 55 года, Самарой и де Алкала (а также в какой-то степени и с Семпере) в том, что выносит описание некоторых производных имен из раздела об имени. При этом, подобно Небрихе и автору анонимной грамматики 55, Томас приводит в отдельном разделе описание патронимов, диминутивов и компаративов с суперлативами. Тамара тоже отдельно описывает данные производные, однако в композиционном плане его грамматика несколько отличается от вышеуказанных. Кроме того, в разделе об именной морфологии Томас, как и Семпере, ограничивается лишь кратким представлением акциденции вида. Несколько выделяется доминиканец на фоне других авторов в том, что отглагольные имена рассматривает в разделе, посвященном глаголу, а не имени.

В отношении производных групп слов позиция Томаса следующая.

Томас, подобно другим авторам, которые описывали патронимы, обращает внимание на формальную сложность данной подгруппы в испанском и латинском языке, а также, подобно Донату, Присциану, Тамаре, Небрихи и Саморе, и в противоположность автору анонимной грамматике 55 и Семпере, представляет еще и семантический аспект (в определении), в трактовку которого он в общем и целом также совпадает с данными авторами. Несколько отличается его трактовка содержания данного термина, поскольку включает в него еще и топонимы. Кроме того, он приводит родовые наименования во множественном числе, в чем сближается с работой Присциана. При этом при описании патронимов в кечуа автор фокусируется в первую очередь на социокультурных, а не языковых аспектах, а также несколько «неудачно» накладывает европейскую систему наименования на систему кечуа.

В трактовке диминутивов автор совпадает с другими грамматистами, рассматривая их в качестве синтетических форм. Подобно авторам латинских грамматик, он пользуется представлением о перифрастическом способе выражения идеи и, подобно Саморе, использует ее при описании кечуа. Кроме того, подобно дель Корро и Донату, Томас несколько выделяется на фоне других авторов в том, что обращает внимание на разные способы интенсификации признака. Выделяется он на фоне остальных и в том, что обращает внимание на фонетические средства интенсификации, а также в качестве примеров латинских и испанских диминутивов приводит слова с «неканоничными» аффиксами.

Трактовка компаративов и суперлативов как синтетических форм также совпадает с трактовкой большинства авторов. При этом, подобно авторам испанского и неиндоевропейских языков, Томас приводит перифрастические аналоги латинским единицам (не совпадает с анонимом 55 года). В трактовке испанских компаративов Томас совпадает с большинством авторов, а суперлативов - только с Небритой (оба приводят muy más), хотя в примерах, как

и многие, он приводит конструкцию «артикль и сравнительная форма», не выделяя ее как собственно суперлативную. При этом, в отличие от многих авторов, Томас не рассматривает синтетические формы испанского языка (однако, подобно авторам испанских грамматик, при описании компаративов обращает внимание только на часть целой конструкции). Описание способов выражения идеи сравнения в кечуа у Томаса сближается с описанием у Ольмоса и Жильберти в том отношении, что он также приводит иные формальные способы ее выражения (глагол).

Подобно авторам латинских грамматик XVI века и Присциану, Томас при описании рода отмечает как формально-синтаксический, так и семантический аспекты. При этом, подобно авторам испанских грамматик и миссионерам, он делает акцент на первом (в связи с чем констатирует отсутствие рода в кечуа). Кроме того, подобно Небрихе, Семпере, Ольмосу и Саморе (и отчасти и Жильберти), автор разводит реализацию категории для существительных и прилагательных и, подобно Ольмосу, фокусируется на прилагательных (на отсутствии у них показателей рода).

В описании числа Томас, подобно остальным авторам, фокусируется на формальном аспекте, хотя при этом и приводит, как и многие авторы, определение данной категории с точки зрения количества референтов. При этом Томас при описании формантов кечуа обращается за аналогией к испанскому языку. Сближается также Томас с миссионерами в том, что он допускает отсутствие внутрисловного показателя числа и «привязывает» данное обстоятельство к категории одушевленности. Кроме того, как и авторы грамматик испанского и индейских языков (а также грамматик латинского языка XVI века), не обращается он к существовавшему представлению о двойственном числе. Важной особенностью описания числа является то, что Томас отмечает наличие его связи с референтностью / нереферентностью именной группы, хотя и описывает это явления в специфичных терминах.

При описании словосложения (фигуры) Томас следует латинским

грамматикам Доната и Небрихи и сближается в трактовке (в выделении двух групп и краткости изложения) также с Семпере, Саморой, де Алкала и Ольмосом, среди прочих. При этом в отличие от авторов грамматик индейских языков Томас обращается к «типичным» представителям составных именам. Особенностью передачи на испанский язык является то, что он в качестве аналога составного имени кечуа не приводит собственно составное имя испанского языка, а также достаточно поверхностно описывает данное явление.

В описании категории падежа Томас сближается с авторами испанского и неиндоевропейских языков и представляет данную категорию в первую очередь как семантико-синтаксическую, хотя основное внимание уделяется, как и у всех авторов, формальной стороне (описанию падежных показателей). Подобно авторам латинского языка, Томас при трактовке семантической стороны пользуется лишь базовыми, стереотипными значениями, ассоциируемые с той или иной падежной формой, хотя имплицитно приводит и другие семантические роли. В отношении количества падежей Томас следует за Небрихой (7 единиц), в чем также сближается с автором анонимной грамматики 55 года, Саморой и Жильберти. В трактовке формального аспекта обнаруживается ряд общих черт с грамматикой языка пурепеча (ввиду схожести в некоторых аспектах языковых систем). В отношении синтаксического аспекта автор, подобно авторам грамматик латинского языка XVI века, пользуется представлением об управлении и особых значениях, возникающих в конструкциях.

Наконец, в трактовке declinatio Томас следует за работами латинских авторов (и в первую очередь, за Небрихой) и включает в него как представление о словоизменении, так и о словообразовании. При этом подобно авторам испанского и неиндоевропейских языков, он отмечает отсутствие словоизменения в описываемом им языке. В отличие от Ольмоса и Небрихи и подобно остальным авторам данной группы, Томас не связывает данное понятие с категорией числа, а только с падежом. Кроме того, подобно, например,

Ольмосу и Саморе и, отчасти, Небрихе, Томас использует как одинаковые, так разные термины для описания двух явлений. Подобно де Алкала, Томас допускает наличие одной единственной парадигмы для всего именного класса. Не пользуется он, как и остальные авторы нелатинских грамматик (и авторам латинских грамматик XVI века) представлениями «monoptota» и «aptota».

Помимо проблем словообразования и словоизменения, в грамматике Томаса, как и в большинстве анализируемых сочинениях, встречается проблематика, связанная с представлением прилагательных и имен собственных. Так, подобно авторам латинских грамматик, а также Саморе и де Алкала, Томас упоминает деление имен на собственные и нарицательные (как и Донат, Небриха и Самора, Томас выносит данное деление в состав акциденций). Подобно Донату и Саморе, Томас делает акцент не только на антропонимах, но и на топонимах тоже. Однако, в отличие от авторов латинских грамматик, Томас не представляет критериев разграничения имен собственных и нарицательных. Кроме того, подобно авторам грамматика XVI века (включая Небриху), а также другим авторам, Томас пользуется представлением о выделении прилагательных в отдельный самостоятельный подкласс с особыми семантическими и формально-синтаксическими характеристиками. Семантический аспект отмечается также у Небрихи, Присциана, Вильялона и авторов индейских языков, при этом суть его у Томаса несколько отличается, поскольку соотносится скорее со средневековыми представлениями о способах обозначения. Что касается остальных аспектов, то, подобно авторам испанских грамматик (а также Саморе), Томас отмечает особое фиксированное положение прилагательных в описываемом языке, а также подобно авторам латинских грамматик XVI века, - особый набор родовых окончаний у прилагательных латинского языка. Подобно авторам неиндевропйеских языков, не обращает внимание автор на пересечение класса прилагательных с другими класса.

С позиции современных описаний следующие черты описания Томаса представляют ценность: не выделение прилагательного в отдельную часть речи,

замечание о факультативности множественного числа и его неполная грамматикализация, его связь с категорией одушевленности и с особыми значениями при одушевленных именах, отсутствие рода как согласовательной категории, наличие лексикализованных синтагм в качестве составных имен, единичное маркирование числа и падежа на синтагме, препозиция прилагательного, особый характер аффиксов кечуа (зарождение теории агглютинации), формальное совпадение пациенса и адресата, наличие комитативного значения, различие словоизменительных и словообразовательных аффиксов (при описании аффикса yuq и naq), возможность наличия нулевой морфемы, наличие разных аффиксов для датива и способов выражения идеи сравнения в разных диалектах, выражение идеи сравнения с помощью конструкции с глаголом, возможности интенсификации признака с помощью фонетический средств, регулярность морфологии, тесная связь словообразовательного форманта с определенным типом значения, семантик-синтаксическая природа падежа, зависимость выбора лексемы (термина родства) от пола локутора.

Среди недостатков описания Томаса можно выделить следующие: поверхностный анализ проблемы именного класса (отсутствие границ между именами, наречиями, прилагательными и т.п.), отсутствие внимания к проблеме прилагательных, слабая представленность проблем словообразования (отсутствия системного описание, отсутствие понятие о морфеме, границах основы и т.п.), специфическая трактовка проблемы синтаксической / лексической номинализация (часть аффиксов попадают в одну группу, другая часть в другую), специфическая трактовка употребления kuna при одушевленный именах, смешение языкового рода и биологического пола, рассмотрение падежных аффиксов в качестве единиц, отдельных от слова, описание падежей с точки зрения латинской системы, в результате чего часть падежных аффиксов не рассматривается вовсе, специфическое представление некоторых аналогов латинских падежей (для датива эксплицитно только аффикс

бенефакатива), отсутствие синтетических форм диминутивов, лишние элементы в компаративных конструкциях, смешение систем наименования европейского и индейского типа.

Заключение

В период, когда создавалась грамматика Доминго де Санто Томаса, в качестве теоретического аппарата описания языков использовалась модель, сложившаяся в период Поздней Античности и Средневековья и широко применявшаяся в практике описания, прежде всего, латинского языка. Такая модель представляла собой канон грамматического описания. В эпоху Возрождения вследствие географической и культурной экспансии Европы, и в первую очередь Испании, круг языков, составлявших объект грамматического описания, существенно расширился, в том числе и за счет включения неиндоевропейских языков. Таким образом, традиция грамматического описания столкнулась с новым неосвоенным языковым материалом. Возникла необходимость адаптации существовавшей грамматикографической практики к различным языковым системам, обладавшим многими характерными отличиями, вследствие чего сложившийся грамматический канон модифицировался. Степень модификации канона зависела от того, обладал или не обладал описываемый язык собственной грамматической традицией, какой обладали, например, латынь или греческий.

В грамматиках латинского языка, созданных на территории Испании в первой половине XVI века, существовавший грамматический канон и опиравшийся на него теоретический аппарат в целом не претерпевают никаких существенных изменений, основное внимание авторов уделяется дидактическим аспектам: организации и подаче материала, ясности и лаконичности изложения, а также вопросам узуса и выбора авторитетного корпуса текстов для чтения и комментирования. Исключение составляет синтаксический раздел, содержащий ряд инноваций, возникших благодаря трудам средневековых модистов, а также под влиянием некоторых идей гуманизма, однако изменения, которые в него вносятся, на тот момент еще не являются общепризнанными и не приняты всеми авторами латинских грамматик как обязательные. Не вызывает сомнений то, что трактаты о языке,

объектами описания которых была не латынь, а другие языки, включая и неиндоевропейские (в том числе, и грамматику Доминго де Санто Томаса), так или иначе необходимо рассматривать в соотношении с существовавшим грамматическим каноном, что и было осуществлено в данной работе.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1.Грамматика Доминго де Санто Томаса создается в период активной работы над созданием грамматических описаний разнообразных языков: помимо многочисленных ренессансных грамматик латинского языка, в этот период возникают грамматические сочинения, в которых в качестве объекта описания выбираются языки, в большей или меньшей степени, отличающиеся от латинского: грамматики испанского языка, грамматики иврита, арабского, индейских языков (кечуа, науатль, пурепеча).

2.В грамматике Томаса грамматический канон получает неоднозначную трактовку. С одной стороны, автор активно использует существующую модель грамматического описания, учитывающую традиционную четырехчастную композицию при описании языковых явлений и основанную на выделении частей речи и на вычленяемых у них семантико–грамматических свойствах (акциденциях). С другой стороны, в грамматике Томаса обнаруживаются специфические четы, которые не имеют аналогов в рассматриваемых грамматиках латинского языка, что свидетельствует об определенном изменении канона.

3.Грамматика Томаса совмещает в себе ряд черт, сближающих ее с различными грамматическими описаниями латыни, созданными в позднеантичный период, в Средние века и в эпоху Ренессанса, а также с грамматиками испанского языка, что свидетельствует в пользу выдвинутого в работе предположения, что миссионерские грамматики, в частности грамматика Томаса, создавались не в «вакууме», а в определенном научном континууме, предполагавшем так называемую филиацию идей.

4.С грамматиками латинского языка XVI века грамматику Томаса сближает, например, выделение семи падежей, выделение прилагательных в самостоятельный подкласс и общее представление о склонении, как об одной из составных частей акциденций. Иными словами, из грамматик латинского языка Томас заимствовал представление о «константных» грамматических величинах, которые были им обнаружены и в языке кечуа.

5.С грамматиками испанского языка грамматику Томаса, например, сближает то, что падежная категория представляется как семантико-синтаксическая, высказывается идея о возможности указания внесловных элементов в качестве падежных показателей, о фиксированной позиции прилагательного и аналитическом способе выражения идеи сравнения.

6.С грамматиками семитских языков работу Томаса, среди прочего, объединяет выделение падежной парадигмы несмотря на трактовку падежных показателей в качестве отдельных от слова единиц, что говорит о семантико-синтаксическом понимании падежа как универсальной грамматической категории, могущей иметь разнообразные в структурном отношении морфологические показатели.

7.С грамматиками индейских языков (науатль и пурепича) грамматику Томаса объединяет невнимание к пересечению класса прилагательных с другими классами (что является характерной особенностью грамматического строя этих языков), внимание к категории одушевленности в связи с описанием категории числа и внимание к семантическим ролям (которые, разумеется, названы более традиционно) при описании падежной категории. С грамматикой языка пурепеча описание Томаса сближает наличие в их работах упоминания о возможности одинакового маркирования реципиента и пациенса / темы, невнимание к регулярному словообразованию. С грамматикой Ольмоса сочинение Доминго де Санто Томаса сближает акцент на отсутствии морфологического рода и внимание к прагматике. Таким образом, филиация грамматических идей, с одной стороны, и модификация канона, с другой,

являются характерными чертами миссионерских грамматик, в том числе и грамматики Доминго де Санто Томаса.

8. В грамматике Доминго де Санто Томаса обнаруживается описание, хотя и достаточно несистемное, некоторых языковых явлений, которые не были еще разработаны в практике описания латинского языка, то есть фактически имеет место отход от грамматического канона. Среди подобных явлений можно отметить, например, факультативность, то есть неполную грамматикализацию, граммемы (на примере описания показателя множественного числа), возможность отсутствия рода как согласовательной категории, наличие лексикализованных синтагм в качестве составных имен, возможность единичного маркирования числа и падежа в пределах одной синтагмы, возможность формального совпадения пациенса и реципиента, традиционно выражавшихся в латыни разными падежами. Подобное обстоятельство интерпретируется следующим образом. При описании кечуа Санто Томас, обычно придерживающийся латинской грамматической модели, в ряде случаев, когда языковые факты не укладываются в нее, обращается либо к системе испанского языка, в котором обнаруживаются аналогичные явления, либо к собственному языковому опыту и модифицирует, а порой и дополняет грамматический канон.

9. Сравнительный анализ грамматики Доминго де Санто Томаса с другими грамматическими сочинениями показывает, что грамматика языка кечуа не выделяется на фоне других грамматический сочинений, подобно, например, новаторской грамматике Бросенсе. Напротив, она гармонично вписывается в общую тенденцию и общий вектор развития грамматической мысли первой половины XVI века. Подобно другим миссионерским работам, она сочетает в себе черты традиционного описания и ряд новаторских для того времени идей. С одной стороны, многие особенности трактовки того или иного явления, представленные в работе Томаса, можно встретить в других грамматических работах, ярким примером чего является описание именного

класса: Санто Томас использует теоретический аппарат, разработанный в традиции грамматического описания латинского языка и встречавшийся в грамматиках латинского языка той эпохи; с другой стороны, подобно авторам грамматических описаний испанского языка, семитских и индейских языков, Томас расширяет трактовку и понимание идеи падежа, рода, словоизменения.

10.Существовавший канон грамматического описания для Доминго де Санто Томаса не выступал в качестве застывшей модели, носившей догматический характер, а отличался гибкостью и служил скорее инструментом, а не образцом описания.

11.Контрастивный анализ различных типов грамматических описаний позволил вычленить ряд универсальных языковых значений, которые отмечаются фактически всеми грамматистами независимо от особенностей языка, являющегося предметом описания. В последующую эпоху (XVII-XVIII вв.) интерпретация этих значений станет частью концепции универсальных грамматик.

Список использованной литературы

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественскиĭ Ю.В. История языкознания / Под ред. С.Ф. Гончаренко. – М.: Издательскиĭ центр «Академия», 2003. – 672 с.

2. Алпатов В. М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. – 4-е издание., испр. доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.

3. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времен до начала XX в.). – М.: Высшая школа, 1991. – 286 с.

4. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 592 с.

5. Гринина Е.А. Грамматические и риторические понятия в средневековых трактатах Прованса и Каталонии: дис. … канд. филол. наук. – М., 1986. – 216 с.

6. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений Древний мир. – Л.: Наука, 1980. – 260 с.

7. Десницкая А.В., Кацнельсон С.Д. История лингвистических учений Средневековая Европа. – Л.: Наука, 1985. – 288 с.

8. Десницкая А.В. История лингвистических учений Позднее Средневековье. – С.-П.: Наука, 1991. – 265 с.

9. Зеликова М. В. Функционирование и происхождние эллиптических моделей: на материале взаимодействия баскского и иберороманского языков: дис. … докт. филол. наук. – С.-П., 1998. – 528 с.

10. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. – С.-П.: Алетейя, 2005. – 720 с.

11. Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М.: Наука, 2009. – 320 с.

12. Коган Л.Е., Лезов С.В. Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. – М.: Academia, 2009. – 296-375 с.

13. Кистерева М.Э. Западноевропеиские грамматики XV-XVI вв. Роль грамматического примера в становлении новоĭ науки о языке: автореф.

дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.– 23 с.

14. Кистерева Е. Э. Лингвистическое учение Хуана де Вальедса 1535/36 г.: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 21 с.

15. Косарик М. А. Теория и практика описания языка (на материале лингвистических сочинений Португалии XVI-XVII вв.): дисс. … докт. филол. Наук. – М., 1998 – 764 с.

16. Косарик М.В. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии: В рамках проекта «Лингвистическая доктрина Португалии XVI–XVII веков: Теория и практика описания языка»: Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи: Монография. – М.: Макс Пресс, 2013. – 228 с.

17. Колтунова С. В. Категория падежа в испанских грамматиках золотого века: дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2012. – 204 с.

18. Куранян А. А. Тюркские личные имена в удинской антропонимической системе : дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1984. – 141 с.

19. Левинтова Э. С. Хуан де Вальдес и его «Диалог о языках»: из истории лингвистическиз воззрений Испании XVI: дисс. … канд. филол. наук. – М., 1947. – 279 с.

20. Малявина Л.А. У истоков языкознания Нового времени (Универсальная грамматика Ф. Санчеса «Минерва» 1587 г.). – М.: Наука, 1985. - 110 с.

21. Мечковская Н.Б. Концепции и методы грамматик XVI-XVII вв. как элемента книжно-письменноǐ культуры восточного славянства: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, 1986. -37 с.

22. Михайлова Е.Н. Грамматическая традиция французского Возрождения (класс имен): дис. ... докт. филол. наук. – С.-П., 2000. - 298 с.

23. Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. – М.: Наука, 1985. - 279 с.

24. Пескова Т. Н. Испанская грамматическая мысль от Небрихи до Бельо // Учен. Зап. МГПИИЯ. – 1976. – Вып. 94. – 301-320 с.

25. Петрова М. С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. – 2001. – № 6. – 97-100 с.

26. Петрова М. С. Грамматическая наука в поздней античности и в средние века // Диалог со временем. – 1999. – №1. – 295-305 с.

27. Петрова М. С. Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором // Диалог со временем. – 2009. – № 28. – 196-207 с.

28. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: РГГУ, 2007. - 384 с.

29. Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения) – С.-П.: РХГИ, 2000. - 504 с.

30. Раевская М.М. Испанский язык XVI-XVII вв. и испанское языковое сознание: взаимосвязь и взаимодействие: дисс. …док. филол. наук. – М., 2007. – 484 с.

31. Робинс Р. Х. Краткая история языкознания. – М.: Высшая школа, 2010. – 352 с.

32. Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV-XIX вв.): материалы к курсу лекций. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 332 с.

33. Сулимова Н.Г. Теоретические вопросы грамматики в испанской лингвистике XV-XVII веков (на материале первых описаний индейских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. - 23 с.

34. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – 798 с.

35. Торпусман А.Н. Антропонимия и этнические контакты народов Восточной Европы в средние века // Имя – этнос – история. – М.:АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1989. – 48-53 с.

36. Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля / И.М. Тронский. – С.-П..: Алетейя, 1996. – 9-32 с.

37. Фрейденберг О.М. Античные теории языка и стиля (антология текстов). – Спб.: Алетейя, 1996. – 363 с.

38. Федосов Д.Г. Андские страны в колониальную эпоху Религиозная и художественная картина мира. – М.: КомКнига, 2006. – 248 с.

39. Царенко Е.И. К проблеме структуры слова в агглютинативных языках (на материале кечуа): дисс. …канд. филол. наук. – М., 1974. – 246 с.

40. Adelaar W. F. H. and Muysken P.C. The Languages of the Andes. – Cambridge University Press, 2004. – 719 pp.

41. Alvar López M. Nebrija y tres gramáticas de lenguas americanas (náhuatl, quechua y chibcha). – Madrid: Estudios Nebrisenses, 1992. – 315-316 pp.

42. Amado A. Identificación de gramáticos españoles clásicos // Revista de Filologна Española XXXV. – 1951. – 221-236 p.

43. Amate Blanco J.J. La filología indigenista en los misioneros del siglo XVI // Cuadernos hispanoamericanos. –1992. – № 500. – 53-70 pp.

44. Auroux S. Histoire des idées linguistiques, Tome 1: La naissance des Métalangages en Orient et en Occident. – Liège Bruxelles: Pierre Mardaga Éditeur, 1989. – 512 p.

45. Auroux S. Histoire des idées linguistiques, Tome 2: Le développement de la grammaire occidentale.– Liège Bruxelles: Pierre Mardaga Éditeur, 1992 – 683 p.

46. Bagola B. La lingüística española en la época de los descubrimientos. – Hamburg.: Helmut Buske Verlag, 2000. – 198 p.

47. Baldischwieler T. Antonio de Nebrija Las introducciones latinas contrapuesto el romance al latín (1486). Teil. Wege zur gramática de la lengua castellana (1492), Teil II Las introducciones latinas contrapuesto el romance al latín. Kritische edition des textes. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Heinrich - Heine - Universität Düsseldorf, 2004 – 307 p.

48. Baños Baños J. M. y Téllez Nieto H. El modelo nebrisense del Arte de la lengua mexicana (1547) de fray Andrés de Olmos // Missionary Linguistics world-wide: Theory, practice and politics [Historiographia Linguistica42:2/3]. – 2015. – 233–260 p.

49. Baratin M., Colombat B., Holtz L. (ed.) Priscien : transmission et refondation de la grammaire : de l'antiquité aux modernes : (état des recherches à la suite du colloque international de Lyon, ENS Lettres et Sciences Humanines, 10-14 octobre 2006). – Studia Artistarum, 21. – Turnhout (Belgium): Brepols, 2009. – 770 p.

50. Barros Ochoa M. I nombre propio en la Antigüedad clásica // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 2000. – Tomo 51, № 155. – 333-351p.

51. Bonmatí S. V. Tradición e innovación en las ediciones de las Introductiones

Latinae de Antonio de Nebrija // Estudios Clásicos. 1988. – XXX, 93. – 13-79 p.

52. Borer H. Afro-Asiatic, Semitic: Hebrew // The Oxford Handbook of compounding. – 2011. – 782-839 p.

53. Borrero Barrera M.J. y Cala Carvajal R. De la descripción gramatical de las lenguas indégenas americanas (siglos XVI — XVII) // Revista de filología de la Universidad de La Laguna. – 2003.– 21.– 29-36 p.

54. Bueno García A. Las grammáticas y diccionarios de lengua árabe de los franciscanos españoles // Los franciscanos y el contacto de lenguas y culturas / Antonio Bueno García (ed. lit). – 2013. – 91-106 p.

55. Bursill-Hall G. L. Toward a History of Linguistics in the Middle Ages (1100-1450) // Studies in the History of Linguistics. Traditions and paradigms, ed. Dell H. Hymes. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1974. – 72-92 p.

56. Bursill-Hall G. L. Speculative Grammars of the Middle Ages. – Mouton, 1972. – 424 p.

57. Cabrera López-Ocón L. Andinologá, lascasismo y humanismo cristiano. La defensa de las sociedades andinas del quechuista fray Domingo de Santo Tomás (1499 — 1570). Tesis de maestría. – Madrid, 1987. – 384 p.

58. Calvo Fernández V. Grammatica proverbiandi: la enseñanza del latín en la baja edad media española : estudio y edición del texto contenido en el ms. 8950 de la Biblioteca Nacional de Madrid, Tesis doctoral dirigida por Tomás González Rolán – Madrid, 1995. – 439 p.

59. Calvo Pérez J. y Urbano H. Lexicón o Vocabulario de la Lengua General del Perú. Compuesto por el Maestro Domingo de Santo Thomas de la orden de Santo Domingo. Edición crítica. Volumen I. – Lima: Universidad de San Martín de Porres, 2013. – 433 p.

60. Calvo Pérez J. La gramática de Nebrija y las primeras gramáticas del quechua // Nebrija V centenario : actas del Congreso Internacional de Historiografía Linguística. – 1994. – 2. – 63-80 p.

61. Calvo Pérez J. La oración de relativo en Quechua: la aportación de los misioneros lingüistas // Verba hispanica: anuario del Departamento de la Lengua y Literatura Españolas de la Facultad de Filosofía y Letras de la Universidad de Ljubljana. –2006. – 14. – 155-172 p.

62. Calvo Pérez J.El plural en las lenguas quechuas // Estudios de lingüística

amerindia: (Actas de las 1ª Jornadas de Lingüistica Amerindia Valencia, 6 y 7 de mayo de 1991) / por Francisco Raga Gimeno. – 1992. – 29-52 p.

63. Calvo Pérez J. Transitividad, aglutinación y subordinación en lengua quechua // Lexis: Revista de lingüística y literatura. – 2005. – Vol. 29, Nº 1. – 79-96 p.

64. Calvo Pérez J. Las gramáticas del Siglo de Oro quechua: originalidad y diversidad // Zwartjes, Otto (ed.): Las gramáicas misioneras de tradición hispánica (siglos XVI y XVII). – Amsterdam/Atlanta: Rodopi, 2000. – 125-204 p.

65. Calvo Pérez J. Las gramáticas de Nebrija y las primeras gramáticas del Quechua // Nebrija V centenario : actas del Congreso Internacional de Historiografía Linguística. – 1994. – 2. – 63-80 p.

66. Calvo Pérez J. Domingo de Santo Tomás o el extrañamiento de un precursor // Escrituras silenciadas: paisaje como historiografía / José Francisco Forniés Casals (ed.), Paulina Numhauser (ed.). – 2013. – 225-235 p.

67. Cerrón-Palomino R. Lingüística quechua. – Cuzco, 1987. – 426 p.

68. Cerrón-Palomino R. El Nebrija indiano. Prólogo a la edición de la Grammática de Fray Domingo de Santo Tomás. – Cuzco, 1995. - 185 p.

69. Cerrón-Palomino R. Quechumara: Estructuras paralelas del Quechua y del Aimara. – UMSS/PROEIB ANDES/ Plural Ed.– La Paz, 2008. – 254 p.

70. Chamoreau C. Grammatical borrowing in Purepecha // Yaron Matras & Jeanette Sakel (eds.), Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. – 465-480 p.

71. Chamoreau C. La comparaison en phurhépecha. Un exemple d'evolution syntaxique // Faits de langues. – 1995. – 5. – 140-143 p.

72. Chamoreau C. Dinámica sintáctica en purépecha // Contextos. – 2013. – 49-52. – 283-303 p.

73. Chamoreau C. Parlons purepecha. Une langue du Mexique. – París, 2003. – 277 p.

74. Charlo Brea L. La sintaxis del Bachiller Thámara // El brocense y las humanidades en el siglo XVI/ por Carmen Codoñer Merino, Jesús Ureña Bracero, Santiago López Moreda. – 2003. – 125-136 p.

75. Cisneros L. J. La primera gramática de la lengua general del Perú // Boletín del Instituto Riva Agüero. –1951. – 1,1. – 197-264 p.

76. Closa Farrés J. La difusión hispana de la Ars Minor de E. Donato en los siglos XVI y XVII // Anuario de Filología. – 1978. – 3. – 47-80 p.

77. Closa Farrés J., Breyel L. Notas sobre la difusión medieval hispana del Arte menor de Elio Donato // Anuario de Filología. – 1976. – 2. – 37-67 p.

78. Codoñer C. Gramáticas Latinas de transición. Juan de Pastrana y Fernando Nepote. – Salamanca: Ediciones Universidad, 2000. – 151 p.

79. Cole P. Imbabura Quechua. – London: Croom Helm, 1985. – 233 p.

80. Coroleu A. Humanismo en España // Introducción al Humanismo del Renacimiento, edited by J. Kraye. – 1998. – 295-330 p.

81. Corriente F. Notas de lexicología hispano-árabe: I. Los romancismos del Vocabulista (de P. de Alcalá) // Awråq. – 1981. – 4. – 5-27 p.

82. Corriente F. El léxico árabe andalusí según P. de Alcalá (Ordenado por raíces. Corregido, anotado y fonémicamente interpretado). – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1988. – 173 p.

83. Corriente F. Grammatical sketch of the Spanish Arabic dialect bundle, Instituto Hispano-Árabe de Cultura. Dirección general de relaciones culturales. – Madrid, 1977. – 196

84. Cowan W. Arabic grammatical terminology in Pedro de Alcalá // K. Versteegh,K. Koerner, and H.-J. Niederehe (eds.) The History of Linguistics in the Middle East. – 1983. – 121−128 p.

85. Cruz M. y Sutil A. Andrés de Olmos y Alonso de Molina, precursores de la lingüística indígena // El escrito(r) misionero como tema de investigación humanística / por Pilar Martino Alba, Miguel Angel Vega Cernuda. – 2015. – 77-87 p.

86. Dietrich W. La sintaxis en las primeras gramaticas del quechua y del guaraní // La lingüística española en la época de los descubrimientos. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2000. – 33-42 p.

87. Diez Merino L. Terminología gramatical hebrea de Alfonso de Zamora // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. Sección Hebreo. – 1989. – Vol 38. – 183-221 p.

88. Esparza Torres M. Á. Nebrija y los modelos de los misioneros lingüistas del náhuatl // Zwartjes, Otto/Gregory, James/Ridruejo, Emilio (eds.)Missionary Linguistics III / Lingüística misionera III. Morphology and Syntax. Selected papers from the Third and Fourth International Conferences on Missionary Linguistics,Hong Kongl Macau, 12-15 March 2005, Valladolid, 8-11 March 2006. – 2007. – 3-40 p.

89. Esparza Torres M. A., Calvo Fernández V. La «Grammatica proverbiandi" y la "Nova ratio Nebrissensis"// History of Linguistics in Spain: Historia de la lingüística en España / E. F. Konrad Koerner, Hans-Josef Niederehe. – 2001. – 35-56 p.

90. Esteba Ramos D. La gramática hispanoflamenca en el siglo de oro: a proposito del verbo // Interlingüística. – 2003. – Nº. 14. – 341-352 p.

91. Folgado García J.R. Las lenguas romances y la evangelización granadina. La aportación de Hernando de Talavera y la liturgia en arábigo de Pedro de Alcalá,// Espacio, tiempo y forma. Serie III, Historia medieval. – 2014. – Nº 27. – 229-238 p.

92. Fontela Carlos A. Anotaciones de Alfonso de Zamora en un comentario a los Profetas Posteriores de Don Isaac ABRAVANEL // Sefarad. – 1987. – 47. – 227-244 p.

93. Foster M. L. The Tarascan Language. – University of California Publications in Linguistics, 56. – Berkeley: University of California, 1969 – 293 p.

94. Framiñán de Miguel M. J. Manuales para el adoctrinamiento de neoconversos en el siglo XVI // Criticón. – 2005. – Nº 93. – 25-37 p.

95. Galeote López M. Originalidad y tradición gramatical en las artes de las lenguas indígenas americanas (siglo XVI) // Actas del V Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española, Valencia 31 de enero - 4 de febrero 2000 / por María Teresa Echenique,Juan Pedro Sánchez Méndez. – 2002. – 1719-1728 p.

96. García-Jalón de la Lama S. La gramática hebrea de Francisco de Tavora // Humanitas. – 1997. – Nº 49. – 197-214 p.

97. García-Jalón de la Lama S. La gramática hebrea en Europa en el siglo XVI: guía de lectura de las obras impresas. – Universidad Pontificia de Salamanca, 1998. – 206 p.

98. García-Jalón de la Lama S. Gramáticas hebreas del siglo XVI en la Biblioteca del Antiguo Colegio Trilingüe Salmantino // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 1998. – Tomo 49, Número 150 – 455-467 p.

99. García-Jalón de la Lama S. Repertorio de gramáticas hebreas impresas en Europa en el siglo XVI // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 2000. – Tomo 51, Nº 156. – 535-742 p.

100. García-Jalón de la Lama S. De sintaxi hebrorum. Un apéndice del ms. G-16-II de la Biblioteca de El Escorial // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 2004. – Tomo 55, Nº 166. – 7-20 p.

101. García-Jalón de la Lama S. Imitación e innovación en la copia del (...) de Moseh Qimhi por Alonso de Zamora según el ms. 6 de la Biblioteca General de la Universidad de Salamanca // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 2003. – Tomo 54, Nº 163. – 167-175 p.

102. García-Jalón de la Lama S. La gramática hebrea de la Regiomontana // Revista agustiniana. – 1998. – Vol. 39, Nº 120. – 973-996 p.

103. Gil L.Nebrija y la gramatica latina // Calamys Renascens. –2002. – III. –101 — 113 p.

104. Gómez Asencio J. J. Lo latino de las gramáticas del español //Actas del II Congreso Internacional de la Sociedad Española de Historiografía Lingüística, León, 2-5 de marzo de 1999 / por Marina A. Maquieira Rodríguez, María Dolores Martínez Gavilán, Milka Villayandre Llamazares. – 2001. – 35-54 p.

105. Gómez Asencio J. J. Los anónimos de Lovaina del siglo XVI juntos y en contraste // Estudios en honor del profesor Josse de Kock / por Christian de Paepe, Nicole Delbecque. – 1998. – 855-869 p.

106. Gordillo A. S. Contribución a la linguística misionera americana: la obra gramatical de Diego González Holguín. Tesis. – Universidad de Valladolid, 2012. – 728 p.

107. Guillén C.L Juan de Pastrana y su singular clasificación de la dictio dentro de la gramática del s. XV // Minerva: Revista de Filología Clásica. – 1995. – 9. – 187-196 p.

108. Gutiérrez Galindo M. A. Alejandro de Villa Dei, El Doctrinal: una gramática latina del renacimiento del siglo XII, introducción, traducción y notas de Marco A. Gutiérrez Galindo. – Torrejón de Ardoz, 1993. – 233 p.

109. Hernández de Léon-Portilla A. De la palabra hablada a la palabra escrita. Las primeras gramáticas del náhuatl // Estudios de Cultura Náhuatl. – 1997. – 27. – 209-225 p.

110. Hernández de Léon-Portilla A. Las primeras gramáticas del nuevo mundo. – Frida Villavicencio. Fondo de Cultura Económica. – México, 2009. – 164 p.

111. Hernández de Léon-Portilla A. El proyecto lingüístico y filológica de fray Matutino Gilberto en Michoacán // Dimensión Antropológica. – 1996. – vol. 8. – 29-54 p.

112. Hernández Suárez I. El horizonte de enunciación novohispano de fray Andrés de Olmos. – CONACULTA/UAM/INAH. – México, 2008. – 210 p.

113. Herrera Aguilar M. "El Arte de la lengua mexicana de Fray Andrés de Olmos (1547) // El mérito humanístico de hacer converger dos mundos. Memorias de las primeras jornadas de lenguas en contacto. – Tepic: Universidad Autónoma de Nayarit, 2011. – 59-63 p.

114. Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle). – P.: Centre national de la recherche scientifique, 1981. – 750 p.

115. Hoyos Hoyos C. Análisis del "Arte de la lengua quechua" de F. Domingo de Santo Tomás // Nebrija V centenario : actas del Congreso Internacional de Historiografía Linguística. – 1994. – 2. – 137-152 p.

116. Kneepkens C.H. On mediaeval syntactic thought with special reference to the notion of construction // Histoire Epistémologie Langage. 1990. – 12:2. – 139-176 p.

117. Koerner E. F. K. , Niederehe H.-J. History of Linguistics in Spain / Historia de la Lingüística en España. Volume II. – University of Ottawa / Universität Trier, 2001. – 463 p.

118. Kukenheim L. Contributions a l 'histoire de la grammaire grecque, latine et hébraique a l 'époque de la Renaissance. – Leiden: E. J. Brill, 1951. – 145 p.

119. Kukenheim L. Contributions a l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française a l'époque de la Renaissance. – Amsterdam: Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappii, 1974. – 229 p.

120. Labarta A. & Barceló C. Patronímicos árabes en el Vocabulista de Pedro de Alcalá // Revista de filología de la Universidad de La Laguna. – 1999. – 17. –

103-114 p.

121. Labarta A. y Barceló C.La toponimia en el Vocabulista de Pedro de Alcalá // Homenaje al profesor José María Fórneas Besteiro. – 1995. – vol. I. – 337- 355 p.

122. Labarta A. y Barceló C. La antroponimia en el Vocabulista de P. de Alcalá // Estudios dedicados al profesor Juan Martínez Ruiz. – 1991. – 105-111 p.

123. Launey M. Introducción a la lengua y a la literatura náhuatl. – México: Instituto de Investigaciones Antropológicas, UNAM, 1992. – 339 p.

124. Law V. The History of Linguistics in Europe. From Plato to 1600. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 311 p.

125. Lazar M. Alfonso de Zamora, copiste: notes pouvant servir a compléter sa biographie // Sefarad. – 1958. – 18. – 322-324 p.

126. Lliteras Poncel M. y García-Jalón de la Lama S. Alcance del hebraísmo renacentista en la demostración contrastiva de propiedades gramaticale // Ma Luisa Calero Vaquera, Francisco Osuna García y Alfonso Zamorano Aguilar (eds.), con la colaboración de F. Rivera Cárdenas, Studia Linguistica et Philologica in memoriam Feliciano Delgado (1926–2004). – 2006. – 35-54 p.

127. Lliteras Poncel M. y García-Jalón de la Lama S. El foco vallisoletano: El caso Villalón y la recepción de las artes hebreas // José J. Gómez Asencio (dir.) El Castellano y su codificación gramatical, vol. I: De 1492 (A. de Nebrija) a 1611 (John Sanford). – Burgos: Fundación Instituto Castellano y Leonés de la Lengua, 2006. – 215-238 p.

128. Lliteras Poncel M. y García-Jalón de la Lama S. Aplicación de teorías hebreas a la gramática española del siglo XVII // José J. Gómez Asencio (dir.), El castellano y su codificación gramatical. Volumen II: De 1614 (B. Jiménez Patón) a 1697 (F. Sobrino). – Burgos: Instituto Castellano y Leonés de la Lengua, 2006. – 103-129 p.

129. Lope Blanch J.M. Estudios de historia de lingüística hispánica. – Madrid: Arco Libros, 1990. - 228 p.

130. Lope Blanch J.M. La lingüística espanola del Siglo de Oro // Actas del VIII Congreso de la Asociacion Intemacional de Hispanistas. – 1986. – Vol. 1. – 37-58 p.

131. Lope Blanch J.M. Nebrija cinco siglos despues. – Mexico: Publicaciones del

centro de Lingiiistica Hispanica, 1994. – 118 p.

132. López Fernández A. The Renaissance Environement of the First Spanish Grammar Published in Sixteenth Century England // Sederi. – 1996. – VII. – 109-115 p.

133. Lopez Garcia A. Nebrija y la naciente tipologia linguistic. Lo antiguo y lo nuevo en las primeras gramaticas amerindias // Amerindia. Révue d'éthnolinguistique amérindienne. – 1995. – 19/20. – 245-251 p.

134. Lozano C. La métrica latina desde Pastrana a Nebrija // Revista de poética medieval. – 2006. – 17. – 215-248 p.

135. Luhtala A. Grammar and Philosophy in Late Antiquity. A study of Priscian's sources.– Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins publishing company, 2005. – 171 p.

136. Manrique Castañeda L. Fray Andrés de Olmos: Notas críticas sobre su obra lingüística // Estudios de Cultura Náhuatl. 1982. – v. 15. – 27-35 p.

137. Manuel A. R. Lopes de Almeida M. O estudo do Hebraico em Portugal no século XVI // O Instituto. – 1973. – vol. 136. – 1-46 p.

138. Martinez Gavilán M.D. Las ideas lingiiisticas en Espana en el siglo XVII: los tratados gramaticales: tesis doctoral, defendida 26.06.1989 / M.D. Martinez Gavilan. – León, 1989. – 664 p.

139. Maquieira Rodríguez A. M. Las ideas lingüísticas en España en el siglo XVI: fonética y gramática. Tesis. – Universidad de León, 1989. – 664 p.

140. Maquieira Rodríguez A. M. Las gramáticas castellanas para extranjeros a lo largo del siglo XVI // Contextos. – 1993. – Nº 21-22. – 265-290 p.

141. Martí Sánchez M. El complemento en la tradición gramatical hispánica (1492-1860): tesis doctoral / M. Martí Sánchez. – Madrid: Edit. Univ. Complutense de Madrid, 1988. – 637 p.

142. Martínez González A. Historia de las ideas lingüísticas: gramáticos de la España meridional. – Peter Lang, 2009. – 200 p.

143. Merma Molina G. Contacto lingüístico entre el español y el quechuaun enfoque cognitivo-pragmático de las transferencias morfosintácticas en el español andino peruano. Tesis. En laUniversitat d'Alacant. – Universidad de Alicante (España), 2006. – 436 p.

144. Monzón García C. La morfología en las primeras Artes de las lenguas amerindias // Amerindia: Revue d'Ethnolinguistique Amérindienne 19-20. – Paris: AEA & CNRS, 1995. – 253-261.

145. Monzón García C. Morphology in the 16th century artes of tarascan. The case of the suffix -tsi or -ts, Missionary Linguistics III / Lingüística misionera III, Morphology and Syntax, Selected papers from the Third and Fourth International Conferences on Missionary Linguistics, Hong Kong/Macau, 12–15 March 2005, Valladolid, 8–11 March 2006. – 2007. – 75-91 p.

146. Monzón García C. Declinación purhépecha en las gramáticas de Gilberti y Lagunas: marco y metalenguaje gramatical // Relaciones. Estudios de historia y sociedad. – 1991. – vol. 48. – 40-60 p.

147. Monzón García C. La influencia de Nebrija en la gramática phurhépecha de Gilberti // La Obra de Antonio de Nebrija y su recepción en la Nueva España, quince estudios nebrisenses (1492-1992) / por Ignacio Guzmán Betancourt, Eréndira Nansen Díaz. – 1997. – 107-120 p.

148. Monzón García C. Tradition and Innovations in Sixteenth Century Grammars of New Spain // Nowak (ed.). – 1999. – 31–51 p.

149. Monzón García C. Innovations in a Vernacular Grammar: a Comparison of Fray Maturino Gilberti's Latin and Tarascan grammars // David Cram,Andrew Robert Linn,Elke Nowak History of Linguistics, Traditions in linguistics worldwide. – 1996. – 147- 154 p.

150. Monzón García C. Términos de parentesco p'urhépecha en tres documentos del siglo XVI: resultados iniciales, Amerindia: revue d'ethnolinguistique amérindienne. – 1996. – 21. – 101-114 p.

151. Monzón C. y Lucas R. Las gramáticas de Nebrija y las artes del Nuevo Mundo: afinidades y diferencias // Óscar Mazín (ed.), México en el mundo hispánico. – 2000. – 331-339 p.

152. Moreno García A. La grammática o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú (1560), o los inicios de la tipología lingüística. – 2003. – 117-125 p.

153. Moreno Moreno M. A. La información gramatical en el Diccionario de arabismos de Diego de Guadix (1593) // Revista de Lexicografía, 15. – 2009. – 59-78 p.

154.Niederehe, H.-J. Bibliografía cronológica de la lingüística, la gramática y la lexicografía del español (BICRES I). Desde los principios hasta el año 1600. – Amsterdam: John Benjamins, 2005. – 457 p.

155.Padley G. A. Grammatical Theory in Western Europe 1500-1700. The Latin Tradition. – Cambridge University Press, 1976. – 290 p.

156.Padley G. A. Grammatical Theory in Western Europe 1500-1700, Trends in Vernacular Grammar. – Cambridge University Press, 1985. – 413 p.

157.Padley G. A. Grammatical theory in western Europe 1500—1700. Trends in Vernacular Grammar II. – Cambridge University Press, 1988. – 534 p.

158.Peñalver Castillo, M. y González Arana Y. Pedro de Alcalá, seguidor de Nebrija // Revista de la Facultad de Humanidades de Jaén. – 1995-1996. – IV-V. – 55-78 p.

159.Penalver Castillo M. El nacimiento de la linguistica espanola // CAUCE: Revista de Filologia y su Didactica. – 1990. – 13. – 59-70 p.

160.Percival K.W. Studies in Renaissance Grammar. – Aldershot: Ashgate, 2004. – 342 p.

161.Pérez Castro F. P. El manuscrito apologético de Alfonso de Zamora. Traducción y estudio del Séfer Hokmat Elohim. – Madrid, 1950. – 478 p.

162.Perea Siller F. J. Especulaciones linguisticas sobre el hebreo en la España del siglo XVI y principios del XVII. Tesis doctoral. – Universidad de Córdoba, 2003. – 622 p.

163.Porras Barrenechea R.Gramática o arte de la lengua general de los Indios de los Reynos del Perú, 1560, edición facsimilar con Prólogo. – Perú, 1951. – I-XXVIII p.

164.Ramajo Caño A. Las gramáticas de la lengua castellana desde Nebrija a Correas. – Salamanca: Universidad de Salamanca, 1987. – 269 p.

165.Ridruejo E. Las primeras gramáticas del náhuatl y el proceso de gramatización de las lenguas filipinas // Emilio Ridruejo, Mara Fuertes, eds., I Simposio Antonio Tovar sobre lenguas amerindias. – 2003. – 117-139 p.

166.Roldán Pérez A. Estudio introductorio a la Gramática de la lengua vulgar de España / A. Roldán, R. Balbín. – Madrid, CSIC (Clásicos Hispánicos), 1966. – CXXXVI p.

167. Roldán Pérez A. Estudio introductorio a Vtil y breue institvtion para aprender los principios y fundamentos de la lengua Hespañola / A. Roldán. – Madrid, CSIC (Clásicos Hispánicos), 1977. – XXII p.

168. Roldán Pérez A. Motivaciones para el estudio del español en las gramáticas del siglo XVI // Revista de Filología Española. – 1976. – Vol 58, 1/4. – 201-230 p.

169. Sáenz-Badillos Pérez A. Tres gramáticas hebreas españolas de la primera mitad del siglo XVI // Miscelánea de Estudios Árabes y Hebraicos. – 1975. – 24. – 13-36 p.

170. Sánchez Pérez A. Historia de la enseñanza del español como Lengua Extranjera. – Madrid: S. G. L. E., 1992. – 429 p.

171. Sánchenz de Zaitegui A. La presencia del hebraísmo en la gramaticografía española de los siglos XVI y XVII. Nota sobre una investigación // Helmantica: Revista de filología clásica y hebrea. – 2010. – I, Tomo 61, Nº 186. – 347-250 p.

172. Schmidt-Riese R. El caso nominal en purépecha según Gylberti (1558) y Lagunas (1574). // Acosta Félix, Andrés ; Estrada Fernández, Zarina ; Grageda Bustamante, Aarón (Hrsg.): Artes, vocabularios, doctrinas y confesionarios en lenguas de México. – 2013. – 15-45 p.

173. Schmidt-Riese R. Colonial grammars on nominal case : the Quechua series // Philologie im Netz. – 2005. – PhiN: Bd. 33. – 84-116 p.

174. Smith-Stark T. C. Lexicography in New Spain (1492-1611) // Missionary Linguistics IV / Lingüística misionera IV. Lexicography. Selected Papers from the Fifth International Con- ference on Missionary Linguistics, Mérida, Yucatán, 14-17 March 2007. Ed. por Otto Zwartjes, Ramón Arzápalo Marín y Thomas C. Smith-Stark. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2009. – 3-82 p.

175. Swiggers P. Les premieres grammaires vernaculaires de l'italien, de l'espagnol et du portugais // Histoire. Epistemologie. Langage. – 1987. – IX-1. – 157-181 p.

176. Suárez Roca J. L. Linguistica misionera espanola. – Oviedo: Pentalfa, 1992. – 326 p.

177. Taylor D. J. Priscian's pedagogy. A Critique of the Institutio de nomine et pronomine et verbo // History of Linguistics 2005: Selected papers from the Tenth International Conference on the History of the Language Sciences (ICHOLS X), 1–5 September 2005, Urbana-Champaign, IllinoisEdited by Douglas A. Kibbee [Studies in the History of the Language Sciences112]. –

2007 SEP. – 80–88 p.

178. Taylor G. La platica de Fray Domingo de Santo Tomas(1560) // Bull. Inst. fr. études andines. – 2001. – vol. 30, núm. 3. – 427-453 p.

179. Téllez Nieto H. La tradición gramatical clásica en la Nueva España: estudio y edición crítica del "Arte de la lengua mexicana" de Fray Andrés de Olmos. [Thesis]. – Universidad Complutense de Madrid, Facultad de Filología, Departamento de Filología Latina, 2015. – 524 p.

180. Thurot C. Extraits de divers manuscrits latins pour servir à l'histoire des doctrines grammaticales au moyen âge. – Paris: Imprimerie Impériale, 1964. – 610 p.

181. Torero A. F. de C. Acerca de la lengua chinchaysuyo. // Itier, César (ed.): Del Siglo de Oro al Siglo de las Luces: Lenguaje y Sociedad en los Andes del siglo XVIII. – Cuzco, 1995. – 13-32.

182. Torero, A. F. de C. Entre Roma y Lima: El Lexicón quichua de Fray Domingo de Santo Tomás[1560] // Klaus Zimmermann (ed.), La descripción de las lenguas Amerindias en la épocacolonial, ed. del Ibero-Amerikanisches Institut. – Berlín, Vervuert-Iberoamericana, 1997. – 272-290 p.

183. Torres M.P. La ictonimia en el 'Vocabulista' de Alcalá // Ciencias de la naturaleza en al-Andalus. Textos y estudios. Editado por E. García Sánchez. – Granada: C.S.I.C., 1990. – 43-56 p.

184. Triviño H. Las primeras gramáticas mesoamericanas: algunos rasgos lingüísticos // Revista: Historiographia Linguistica. – 2003. – 30 (1-2). – 1-44 p.

185. Vaahtera J. Observations on genus nominum in the Roman Grammarians // Actos : acta philologica fennica. – 2000. – Nº 34. – 233-252 p.

186. Valero Cuadra P. La "terminología" cristiana en el "Vocabulario" y el "Arte de la lengua" del fraile franciscano Maturino Gilberti // Mutatis Mutandis: Revista Latinoamericana de Traducción. – 2015. – Vol. 8, Nº. 1. – 215-238 p.

187. Vargas J. M. La primera gramática quichua. – Instituto Histórico Dominicano, 1947. – 159 p.

188. Vidal Castro F. Los diccionarios español–árabe: más de cinco siglos de lexicografía bilingue // Cinco siglos de lexicografía del español : IV Seminario de Lexicografía HIspánica Jaén, 17 al 19 de noviembre de 1999 / por Ignacio Ahumada. – 2001. – 239-268 p.

189. Valle Rodríguez C. de. Historia de la Gramática Hebrea en España. Volumen I: los Orígenes (Menahem, Dunas Y Los Discipulos). – Aben Ezra ediciones, 2002. – 665 p.

190. Valle Rodríguez C. de. Gramáticos hebreos españoles // Repertorio de historia de las Ciencias Eclesiásticas en España. – 1976. – vol. 5. – 243-298 p.

191. Valle Rodríguez C. de. Notas sobre Alfonso de Zamora // Sefarad: Revista de Estudios Hebraicos y Sefardíes. – 1987. – Año 47, Nº. 1. 173-180 p.

192. Veiga Díaz M. El verbo en la gramática hebrea de la Biblia Complutense // Actas del II Congreso Internacional de la Sociedad Española de Historiografía Lingüística, León, 2-5 de marzo de 1999 / por Marina A. Maquieira Rodríguez, María Dolores Martínez Gavilán, Milka Villayandre Llamazares. – 2001. – 955-963 p.

193. Veiga Díaz M. La traducción de términos gramaticales hebreos al latín en el siglo XVI. – Res Diachronicae. – 2005. – 4. – 217-225 p.

194. Viciano A. El articulus en los gramáticos latinos // Minerva: Revista de filología clásica. – 1996. – Nº 10. – 87-104 p.

195. Villavicencio Zarza F. P'orhepecha kaso sirátahenkwa: desarrollo de sistemas de casos del purépecha. – México: Ciesas, El Colegio de México, 2006. – 482 p.

196. Waltke B. K. & O'Connor M. An Introduction to Biblical Hebrew Syntax. – Eisenbrauns. – Winona Lake, Indiana, 1990. – 773 p.

197. Weber D. J. Una gramática del quechua del Huallaga (Huánuco). – Perú, 1996. – 641 p.

198. Zárate Pérez A. Los compuestos N+N en quechua. Estructura y clasificación. – Universos (Universidad de Valencia). – 2012. – N° 9. – 177-202 p.

199. Zimmermann K. (Hg.) La descripción de las lenguas amerindias en la época colonial. – Colloquium Verlag, 1997. – 450 p.

200. Zwartjes O. Inflection and government in Arabic according to Spanish Missionary Grammarians from Damascus (XVIIIth century) // Grammars at the crossroads of two systems. Approaches to Arabic Linguistics Presented to Kees Versteegh on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Ed. por Harald Motzki y Everhard Ditters. – Leiden & Boston: Brill, 2007. – 209-244 p.

201. Zwartjes O. Algunas observaciones sobre el Vocabulista arauigo en letra castellana (1505) de Pedro de Alcalá y el Vocabulario español-latino (c. 1495) de Antonio de Nebrija // María Luisa Calero et al. (eds.): Métodos y resultados actuales en Historiografía de la Lingüística. – Münster: Nodus Publikationen, 2014. – 753–762 p.

202. Zwartjes O. El artículo en las gramáticas pioneras de Nebrija y Alcalá y las gramáticas grecolatinas // Kerkhof, Maxim, Hugo de Schepper, Otto Zwartjes, eds. España: ¿Ruptura 1492?. – Amsterdam: Rodopi, 1993. – 261–286 p.

203. Zwartjes O. Tradición e innovación en las gramáticas pioneras de Antonio de Nebrija y Pedro de Alcalá: la categoría gramatical del pronombre // Escavy, R., M. Hernández Terrés, A. Roldán, eds. 1994. Actas del Congreso Internacional de Historiografía Lingüística. Nebrija V-Centenario 1492–1992. Murcia, 1–4 abril 1992. – 1993. – 651–665 p.

204. Zwartjes O. Incorporación de términos metalinguisticos no occidentales en las gramamticas misioneras españolas y portuguesas (siglis XVI-XVIII) // Lingüística e hispanismo/ por Joaquín Sueiro Justel, Miguel Cuevas Alonso, Vanessa Dacosta Cea, María Rosa Pérez. – 2010. – 67-92 p.

205. Zwartjes O. Las gramáicas misioneras de tradición hispánica (siglos XVI y XVII). – Amsterdam/Atlanta: Rodopi, 2000. – 309 p.

206. Zwartjes O. More on “Arabic Linguistic Terminology in Pedro de Alcalá” (c.1455–1505) // Historiographia Linguistica. – 2014. – Vol. 41:2/3. – 247-297 p.

Источники

207. Alcalá P. de Arte para ligera mente saber la lengua arauiga emendada y añadida y Segunda mente imprimida. – Salamanca: Juan Varela, 1506 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bibliotecavirtualdeandalucia.es

208. Anónimo de 1555 Vtil y breve institvtion para aprender los principios y fundamentos de la lengua hespañola. – Lovaina: Bartholomaeus Gravius, 1555 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

209. Anónimo de 1559 Gramática de la Lengua Vulgar de España. – Lovaina: Bartholomaeus Gravius, 1559 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

210. Del Corro A. Reglas gramaticales para aprender la lengua española y francesa,

confiriendo la vna con la otra, segun el orden de las partes de la oration latinas. – Oxford: Ioseph Barnes, 1586 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

211. Donat E. Ars maior [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp

212. Gilberti M. Arte de la lengua Michuacan compilada por el muy Reverendo Padre Fray Maturino Gilberti / Transcripción, edición y notas Cristina Monzón. – Zamora: El colegio de Michoacán, 2004 [1558]. – 367 p.

213. Gilberti M. Gramatica Maturini. Tractatus omnium fere que grammatices studiosis tradi solent a fratre Maturino Gilberto Minorita ex doctissimis collectus autoribus / Introducción, edición, traducción y notas Rosa Lucas González. – Zamora: El Colegio de Michoacán. 2003 [1559]. – 720 p.

214. Nebrija E. A. de La gramática de la lengua castellana. – Salamanca: Juan de Porras, 1492 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.filos.unam.mx

215. Nebrija E. A. de Introductiones latinae, cum commento. – Salamanca: Juan de Porras, 1495 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

216. Olmos fr. A. Arte de la lengua mexicana / La tradición gramatical clásica en la Nueva España. Estudio y edición crítica de Heréndira Téllez Nieto. Tesis. – Madrid, 2015. – 534 p.

217. Priscianus C. Institutiones grammaticae [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kaali.linguist.jussieu.fr/CGL/text.jsp

218. Santo Thomás fr. D. de Grammática o arte de la lengua general de los indios de los reynos del Perú por el Maestro Fray Domingo de Santo Thomas / Edición fascimilar. Estudio y transliteración de Rodolfo Cerrón-Palomino. – Cuzco: Centro de Estudios Regionales Andinos Bartolomé de las Casas, 1995[1560] . – LXVI + 186 p.

219. Sempere A. V. Prima grammaticae latinae institutio. Tribus libris explicata. – Mallorca: Imprenta de Melchor Guasp., 1808 [1559] [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

220. Thámara F. de De gramática en metro castellano por el Bachiller Thamara. Impresa en Amberes, por Martín Nucio, año de 1550. Publicada de nuevo. El excmo. Señor conde de la Viñaza. – Madrid: Ricardo Fé, 1892 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bvfe.es

221. Villalón C. de Gramática Castellana. – Amberes: Guillermo Simón, 1558 [электронный ресурс]. – Режим доступа: https://books.google.ru

222. Zamora A. de Introductiones Artis grammatice Hebraice nunc recenter edite. – Alcalá de Henares: Academia Complitensi, 1526 [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bvpb.mcu.es/es

Том 2

Приложение к диссертации
«Лингвистическая доктрина Доминго де Санто Томаса в контексте грамматической традиции Испании XVI века»

(1)

Todos cuantos hazen cuenta de las lenguas y de su auctoridad dizen, que la perfeçion y valor dela lengua se deue tomar y deduçir de poder ser reduçida a arte.

por lo qual queda nuestra lengua segun comun opinion en su pristina barbaridad pues con el arte se considera la muestra de su perfeçion.

[Villalón 1558: 10]

acordé ante todas las otras cosas reduzir en artificio este nuestro lenguaje castellano, para que lo que agora et de aquí adelante en él se escriviere pueda quedar en un tenor, et estender se en toda la duración de los tiempos que están por venir, como vemos que se ha hecho en la lengua griega et latina, las cuales por aver estado debaxo de arte, aun que sobre ellas an pasado muchos siglos, toda vía quedan en una uniformidad

[Nebrija 1492: 2 - 3]

(2)

Verdad es que ay algunos nombres arauigos que son masculinos por esta regla y segun la comun habla dela gente los quales dizen los alfaquis que pueden ser femininos y dizen que pueden dezir Subio el sol talaat a xemz que es aqui feminino o talaa a xemz que aq es masculino. Pero destos y de otros primores yo no curo porque mi intencion principal es hablar y enseñar la lengua dela gente comun y no los primores dela gramatica arauiga
[de Alcalá 1505: 23]

Ca enel arauigo q es entre los arauigos casi como entre nos el latin
[de Alcalá 1505: 24]

(3)

para que qualquiera que tenga avn mediano entendimiento co alguna noticia avn que sea muy poca dela lengua latina ligera y mas q ligeramente pueda alcançar noticia della.
[de Alcalá 1505: 12]

para q pussiesse esta lengua enel estilo y forma siguiente para que qualquiera que tenga aun mediano entendimiento con alguna noticia aun que sea muy poca dela lengua latina ligera y unas q ligeramente pueda alcançar noticia della. Pues queriendo reuerendissimo señor proseguir esta materia non cure poner aqui muchos principios y doctrinas dla lengua latina assi como dezir q cosa es nombre y q verbo y q es nombre substantiuo y q adgetiuo que pprio y q apelatiuo y ct. Porque presupongo que esta breue doctrina mayormente es acomodada a aquellos q tienen algun conocimiento dela lengua latina au q sea como ya dixe no muy crecido y estas doctrinas o diuisiones ya en ella las tienen complidamente escritas por los autores dela lengua latina mas

solamente demostrare lo mas sucintamente que yo pudiere la manera dela lengua compuesta delos terminos della.
[de Alcalá 1505: 12-13]

(4)

Pero porque algunos no piensen que assi como la lengua arauiga es defectuosa de tiempos y modos enla materia del verbo assi lo sea en defeto de todas las partes dela oracion. Porne de cada una dellas algo porque es verdad que las ay todas complidamente en especie aunque no assi en numero como en la lengua latina.
[de Alcalá 1505: 13]

(5)

Sé, y lo sé de cierto, que mucho de lo que voy a escribir es conocido y merecedor de crítica, pues no he bebido esta lengua con la leche materna ni la he aprendido desde la cuna, sino que lo que pude lo saqué de la escuela y de boca de los indianos con mucho trabajo y esfuerzo.
[Olmos 1547: 258]

En el arte de la lengua latina creo que la mejor manera y orden que se ha tenido es la que Antonio de Lebrixa sigue en la suya.
[Olmos 1547:269]

En esta lengua se hallan todas las partes de la oración, como en la lengua latina conviene; a saber: nombre, pronombre, verbo, participio, preposición, adverbio, ynterjectión y conjunctión, como se verá en el discurso de la arte quando de cada una dellas se tratare
[Olmos 1547:269]

(6)

Divídese, pues, esta arte en tres partes: la primera trata de los nombres y pronombres y de lo que a ellos pertenezce; la segunda contiene la conjugación, formación y pretéritos y diversidad de los verbos; en la tercera se ponen las partes indeclinábiles y algo de orthographía
[Olmos 1547:264]

Pero porque en esta lengua no quadrará la orden que él lleva porque faltan muchas cosas de las quales en el arte de gramática se haze gran caudal, como son declinationes, supinos y las especies de los verbos, para denotar la diversidad dellos, y lo que en el quinto libro se trata de accentos y otras materias que en esta lengua no se tocan, no seré, por tanto, reprehendido si en todo no siguiere la orden de la Arte de Antonio.
[Olmos 1547:269]

No se pone al principio de la arte la conjugación, por no desmembrarla de la aviso materia de los verbos y por otras razones que para ello me movieron; mas, aunque se

pone en la segunda parte, no por eso dexen los nuevos en la lengua de la saber al principio, para mejor sentir y entender la materia de los nombres verbales y otras cosas que en la primera parte se tratan.
[Olmos 1547:269]

(7)

Y porque me parece que si hasta agora los nauatlatos no han salido con la lengua en tanta perfection como seria menester, y que lo han alcançado della ha sido con muy gran afan, todo ha sido por falta de no aver arte por donde pudiessen aprender la dicha lengua. He acordado de hazer y ordenar lo mejor que me ha sido possible esta artezica en la qual va reformado y emendado en los vocablos y orthographia lo que hasta agora ha sido mal puesto en las escripturas de mis antecessores....
[Gilberti 1558: 63]

(8)

nomen est pars orationis, quae unicuique subiectorum corporum seu rerum communem uel propriam qualitatem distribuit .
[GL – 2,57]

nomen est pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterue significans, proprie ut Roma, Tiberis, communiter ut urbs, flumen.
[GL – 4, 615]

(9)

Quid est nomen? Pars orationis declinabilis corpus aut rem proprie communiterue significans.
[Nebrija 1495: 154]

Nomen est quod declinatur per casus & non significat cum tempore ut haec musa, musae
[Nebrija 1495: 48]

(10)

El Nombre es que nombra la cosa llamada
sustancia accidente propria communal
[Thámara 1550: 11]

(11)

El nombre es que nombra
[Thámara 1550: 41]

(12)

Nomen pars orationis cum casu corpus aut rem proprie communiterue significans.
[Gilberti 1559: 91]

(13)

Nomen est pars orationis quae casibus flectitur, sine ulla certi temporis significatione, ut musa, musae
[Sempere 1546: 4 - 5]

(14)

Nombre es una voz o vocablo que sinifica las cosas propria o communmente y no sinifica hazer ni padezer en tiempo
[Villalón 1558: 9]

(15)

Nombre es una de las diez partes de la oración, que se declina por casos, sin tiempos, et significa cuerpo o cosa
[Nebrija 1492: 24]

(16)

Nomen est quod significat substantiam siue accidens sine tempore & habet casus licet apud hebreos non declinetur.
[Zamora 1515: 22]

(17)

porque en ella ay nombres que significan las cosas
[Tomás 1560: 19]

(18)

También assí mismo es de notar que en esta lengua como en la latina y en las demás, ay todas las ocho partes de la oración o habla
[Tomás 1560: 19]

(19)

sunt alia mediae significationis et adiecta nominibus, ut magnus, fortis: dicimus enim *magnus* uir, fortis exercitus; haec etiam epitheta dicuntur.
[GL – 4, 616]

(20)

est etiam trium generum commune, quod omne dicitur, ut hic et haec et hoc felix
[GL – 4, 619]

(21)

sunt alia qualitatis, ut bonus, malus;
alia quantitatis, ut magnus, paruus;

[GL – 4, 616]

(22)

mobilia autem aut propria sunt et duo |genera faciunt, ut Gaius Gaia, Marcius Marcia, aut appellatiua sunt et tria faciunt, ut|bonus bona bonum, malus mala malum.
quod |omne dicitur, ut hic et haec et hoc felix
[GL – 4, 621]

(23)

conparantur autem nomina, quae aut qualitatem significant aut quantitatem.
[GL – 4, 617]

(24)

haec enim quoque, quae a qualitate uel quantitate sumuntur speciali, id est adiectiua, naturaliter communia sunt multorum: adiectiua autem ideo uocantur, quod aliis appellatiuis, quae substantiam significant, uel etiam propriis adici solent ad manifestandam eorum qualitatem uel quantitatem, quae augeri uel minui sine substantiae consumptione possunt, ut bonum animal, magnus homo, sapiens grammaticus, magnus Homerus.
[GL – 2,58, 18- 23]

(25)

|adiectiuum est, quod adicitur propriis uel appellatiuis et significat laudem uel uituperationem uel medium uel accidens unicuique:

laudem, ut iustus;

uituperationem, ut iniustus;

medium, ut magnus (dicimus enim magnus imperator laudantes et magnus latro uel fur uituperantes);

accidens uero, id est suum uniuscuiusque, ut niger coruus et altum mare.
[GL – 2,60, 4 - 8]

|sed haec, quia propriorum loco accipiuntur, comparari non possunt, quod |est proprium adiectiuorum, nec egent adiectione aliorum nominum, |quomodo communia adiectiua. sumuntur autem haec a qualitate uel |quantitate animi uel corporis uel extrinsecus accidentium:

animi, ut prudens, |magnanimus;

corporis, ut albus, longus;

extrinsecus accidentium, ut|diues, felix.
[GL – 2,60, 13-15]

(26)

|deriuantur igitur comparatiua a nominibus adiectiuis, quae sumuntur |ex accidentibus substantiae nominum. accidentia autem sunt, quae ex |qualitate uel quantitate animi uel corporis uel extrinsecus forte euenientium |trahuntur, quae possunt incrementa uel diminutiones accipere, per quae |comparatio nascitur, sine quibus substantia intellegi potest: ea uero nisi prior |illa intellegatur, esse non possunt. si enim dicam homo uel lapis, |substantiam demonstraui, cuius significatio nec augeri potest nec minui, |0084| sin aliquid accidens [homini uel lapidi] proferam, tunc habet locum |comparatio, ut homo prudens et prudentior, lapis niger et nigrior. |quamuis enim non sit prudens, potest homo intellegi, et lapis quamuis |non sit niger, intellegitur lapis. itaque adiectiua iure sunt appellata, quae |illis nominibus, quae substantiam demonstrant, adiciuntur, quamuis |antiqui etiam in quibusdam gentilibus comparatiuis usi sunt, ut Punus |Punior
[GL – 2,83,15 - 84,4]

|inueniuntur quaedam, quae quamuis sint accidentia [id est adiectiua] |et eorum significatio exigat, ut faciant comparatiua, tamen non habentur |in usu frequenti.
[GL – 2,86,17]

in er igitur desinentia positiua cum sint adiectiua siue secundae seu |tertiae declinationis, accepta rimus faciunt superlatiuum, ut pulcher |pulcherrimus, miser miserrimus, pauper pauperrimus, acer acerrimus.
[GL – 2,95,1 -2]

(27)

sunt alia communia non solum masculini et |feminini, sed etiam neutri, et sunt adiectiua, ut hic et haec et hoc |felix, sapiens.
[GL – 2,141, 19]

|et adiectiuis, quae si non in is facient feminina, necessario communia |0152| sunt
[GL – 2,151,23]

(28)

sunt autem alia, quae cum |sint in aliis patronymica, in aliis accipiuntur propria, ut Timarchides |Timarchi filius et Timarchides proprium. et in omnibus fere speciebus |nominum inuenimus eiusdem formae etiam propria, quae tamen amittunt |appellatiuorum significationem, ut magnus adiectiuum et proprium, Iulianus |possessiuum et proprium, Heraclides patronymicum et proprium.
[GL – 2,63, 2 - 7]

(29)

sunt alia uoce, non etiam naturae significatione mobilia, ut lucifer |lucifera, frugifer frugifera: siue enim de sole siue de luna siue de agro |siue de terra loquar, nulla est

discretio generis naturalis in rebus ipsis, |sed in uoce sola
[GL – 2,142, 2 - 5]

(30)

Quotuplex est nomen? Duplex: substanituum & adiectiuum
[Nebrija 1495:154]

(31)

Quod est nomen substantiuum? Quod substantiam vel quasi substantiam significat ut homo, albedo.
Quod est nomen adiectiuum? Quod adiectum substantiuo significat in eo aliquod accidens ut homo bonus.
[Nebrija 1495: 154]

Quotuplex est nomen. Inquirit de quadam differentia quae ad nominis distinctam cognitionem est necessaria. Respondetq esse duplex nomen substantiuum & adiectiuum & subiungit substantiuum esse quod substantiam vel quasi substantiam significat. Ut homo, albedo.

Adiectiuum vero eam quod adiectum substantiuo significat in eo aliquod accidens atq ideo adiectiuum dicitur quod adiici solet nominibus propriis aut appellatiuis substantiam significantibus ad manifestandam eorum qualitatem vel quantitatem quae augeri vel minui une substantiae consumptione possunt, ut bonus homo, arbor procerior
[Nebrija 1495: 155]

(32)

Hoc loco de constructione nominis cum alio casu disputabimus & primo cum genitiuo non de illa constructione quae notissima est: cum genetiuus construitur cum nomine substantiuo ex vi possessionis vel quasi possessionis ut liber vergilii: vergilius decem argenteorum. Sed cum nomen adiectiuum vel participium in vim nominis transiens aut nomen verbale quod in or vel in ix desinit construuntur cum genitiuo ex idiomate hoc est proprietate sermonis latini, quo in loco imitati sumus praecipue diomedem grammaticum ne quis existimet haec a nobis tumultuarie fuisse praecepta.

Dicit igitur in primis q nomina adiectiua certe cuiusdam significationis ex ratione idiomatis latini genitiuo iunguntur. Sunt autem illa potissimu quae habitum siue priuationem alicuius reo significant ut integer vitae.
[Nebrija 1495: 248]

(33)

Nomen substantiuum est quod declinatur per unum articulum vel per duos tantum ut hic dominus, hic & haec homo.

Adiectiuum quod declinatur per tres articulos vel per tres diuersas terminationes ut hic & haec hoc felix, bonus, a, um.
[Nebrija 1495: 50]

Neq enim propterea est nomen vel adiectiuum quia illo vel illo modo declinatur sed declinatur sic vel sic quia est substantiuum aut adiectiuum. Nam quia adiectiuum potest iungi nominibus substantiuum quae sunt aut masculina aut foeminina aut neutra ideo est commune trium generum declinaturq vel per tres articulos vel per tres diuersas terminationes.
[Nebrija 1495: 155]

(34)

Adiectiuum & substantiuum in tribus conueniuntur: in genere, numero & casu, ut vir bonus
[Nebrija 1495: 50]

(35)

Comparatiua unde formantur: Respondetq non passim ab omnibus partibus orationis formari sed tantum a nominibus adiectiuis quae possunt incrementum diminutionemq suscipe aut quemadmodum aiunt Diomedes & Donatus quae qualitatem aut quantitatem significant. Nam quod ab ipse, ipsa, ipsum Plautus fecit ipsissimus & qui a nerone neronior, a lapide lapidior fecerunt nimis licenter abusi sunt comparatiuo & superlatiuo. Ex quo infertur comparatiuum non posse formari a nominibus quorum significatio non potest crescere qualia sunt ingens, unicus, summus, imus, omnipotens
[Nebrija 1495: 158]

(36)

Adiectiua tribus quod nomina adiectiua ratione significationis communia sunt trium generum ut hic, haec, hoc prudens
[Nebrija 1495: 50]

(37)

Probat etaim ex proportionis ratione quia omnia nomina in ns terminata si adiectiua non sunt masculina semper reperiuntur ut hic mons
[Nebrija 1495: 120]

(38)

Adiectiuum vero ex alia proprietate ostendit quid sit hoc est quia declinatur per tres articulos vel per tres diuersas terminationes.

Deinde quod nomina adiectiua q per prima & secunda nominis declinationem inflectuntur & pnomina & participia non declinantur per hic & haec & hoc sed per suas cuiq generi terminationes accomodatas.
[Nebrija 1495: 53]

(39)

Quid sit nomen substantiuum ostendit ex quadam illius proprietate hoc est quia declinatur per unum articulum vel per duos tantum. Adiectiuum vero ex alia proprietate ostendit quid sit hoc est quia declinatur per tres articulos uel per tres diuersas terminationes. Hoc non est docere sed quasi per quaedam signa uel proprietates ostendere quid si nomen substantiuum, quid adiectiuum. Sed si consideremus quale discipulum instituimus, nulla potuit aptior diffinitio excogitari & ex qua magis possit distinguere adiectiuum a substantiuo.
[Nebrija 1495: 50]

De nominibus adiectiuis primae & secundae declinationis. Nomina adiectiua aut sint primae & secundae declinationis aut sunt tertiae quia quartae & quintae sicut nullum est nomen graecum ita etiam nec adiectiuum. Si sunt primae & secundae tres habent uarias nominatiui terminationes: in us, a, um vel in er, a, um ut bonus, bona, bonum.

Nomina adjectiva primae & secundae [declinationis]
[Nebrija 1495: 17]

(40)

Nomen duplex est. Substantivum & adjectivum.

Substantivum **est cui praeponitur unus articulus aut duo**, ut haec Musa, hic & haec Sacerdos.

Adjectivum **est cui vel tres articuli praeponuntur, sub una vel duplici voce**, ut hic, haec, hoc, prudens, hic & haec omnis & hoc omne; vel **declinatur per tres varias voces,** ut bonus, bona, bonum
[Sempere 1546: 28]

Adiectivum nomen est quod **adiicitur propriis vel appellativis, et variatur per tres diversas voces**, ut Albus alba album. Niger, nigra, nigrum; **vel per tres articulos**, ut nominativo hic et haec et hoc felix, prudens.
[Gilberti 1559: 91]

Substantivum nomen est illud cui **praeponitur unus articulus vel duo tantum,** ut nominativo hic dominus. Nominativo hic et haec testis
[Gilberti 1559: 91]

(41)

Syntaxis intransitiva (quae vulgo concordantia dicitur) triplex est. Prima nominis substantivi cum adjectivo
[Sempere 1546: 134]

Syntaxis nominis adjectivi cum patria casu
[Sempere 1546: 137]

Nomen substantium (pars orationis prima & fundamentum) **convenit cum adjectivo nomine,** cum pronomine & participio in tribus genere, numero & casu: ut pax optima, labor tuus, vulnus ullatum
[Sempere 1546: 135]

De nominum autem substantivorum regimine dantur sequentes regulae
De regimine adiectivorum regula generalis
[Gilberti 1559: 385]

Et sunt aliqui casus adeo communes ut non solum omnibus verbis sed et suis participiis immo etiam adiectivis dari possint.
[Gilberti 1559: 386]

Genitivum etiam ut proprium casum vel ablativum post se exigunt verba et **adiectiva nomina abundantiam vel penuriam, plenitudinem vel carentiam tacite vel a parte significantia**
plenus divitiarum
[Gilberti 1559: 387]

octo efficiunt concordantias, utpote **adiectivi cum suo substantivo conformandi** in casu, genere et numero
[Gilberti 1559: 235]

Si igitur queras a rudimentario sic: Vir bonus, diciturne apte? Res. Etiam. Quare? **Quia adiectivum et substantivum concordant** in genere, numero et casu.
[Gilberti 1559: 235]

y el nombre adiectiuo lo [genitivo] rige de fuera
[Thámara 1550: 17]

Del nombre adiectiuo el datiuo es regido
con el de bilis por acquisicion
[Thámara 1550: 19]

El nombre bien rige si es adjetiuo,
y con genitiuo se halla primero
[Thámara 1550: 19]

y estos tambien han de concertar
en genero numero y caso que escriuo
[Thámara 1550: 42]

Omne, cui praeponuntur hic, haec, hoc: vel per tres varias voces inflecitur: ut hic, haec, hoc felix; bonus, bona, bonum.
[Sempere 1546: 19]

Commune et dubium haec est differentia, quod cum omne genus pertineat ad adiectiva quum additur adiectivum commune respiciendum est de quo sexu loqueris et sic adde genus adiectivum quod addidisti, non potes **mutare** de eodem loquens. In ambiguum vero liberum est utruncumque genus adiectivi libuerit addere, et postquam addideris, de eodem loquens mutare non licebit, ut si dicas Albus canis de mare bene dicis, de foemina non bene, Et postquam dixisti de mare Albus canis, de eodem non licebit dicere Alba canis. At de quacumque cortice loquaris dices ut voles ut Albus cortex; et postquam illud dixeris de eodem loquens cortice dices Alba cortex.
[Gilberti 1559: 237]

Communia autem trium sunt omnia pronomina, participia et nomina adiectiva qualitercumque finita, unam tantum vocem habentia, ut ego amans, prudens.
[Gilberti 1559: 238]

Utriusque declinationis exemplum
Nominativo bonus, bona, bonum
[Sempere 1546: 8]

Adiectivorum primae et secundae declinationis declinatio
Adiectiva tertiae
[Gilberti 1559: 101]

(42)

Es de notar que en la lengua Castellana ay dos maneras de nombres. Unos son S**ubstantivos y otros Adjetivos.**
[Villalón 1558: 28]

Calidad, esso mesmo en el nombre, se puede llamar aquello por lo cual el **adjectivo se**

distingue del substantivo.

Calidad en el nombre es aquello por lo cual **el nombre común se distingue del proprio**
[Nebrija 1492: 24]

Podemos tan bien llamar calidad aquello por que el relativo se distingue del antecedente.
[Nebrija 1492: 25]

Començando pues del nombre, aduertiremos que **hay dos maneras de nombre**

los otros se llaman appellatiuos los quales son tanbien en dos maneras. **Unos substantivos y otros adjetiuos**, ansi como maestro, discipulo, bueno, justo.
[Del Corro 1586: 17]

(43)

Nombre Adjetivo es aquel que siempre **sinifica accidente** y en la clausula Castellana siempre **se junta y allega al substantivo** y tienen **dos terminaciones** de letra final, una en O para el macho y otra en A para la hembra. Como blanco y blanca, negro y negra, bueno y buena, malo y mala.

Substantivo se llama porque en la clausula castellana puede **estar por si sin anadirse el a otro** y no tiene mas de **una terminacion** de una letra final por la cual conviene a solo macho o a sola hembra. O a ambos juntos. Como hombre, muger, tabla, madero.
[Villalón 1558: 28]

El **nombre adjetivo y el substantivo** puestos en la mesma clausula Castellana **deuen conuenir en genero y en numero**. Por lo qual sera bien dicho: el hombre blanco come, la muger negra habla, y sera mal dicho. El hombre blanca come. Y la muger negro habla. Los nombres blanca leen.
[Villalón 1558: 54]

Sacanse estos nombres que son del genero **comun de dos**: hereje, valiente, doliente, pobre, verde, libre, juntamente con todos los nombre q en la lengua Castellana se acaban en ble. Como noble, miserable, razonable.
[Villalón 1558: 20]

(44)

Adjectivo se llama, por que siempre **se arrima al substantivo**, como si le quisiéssemos llamar arrimado; substantivo se llama, por que está por sí mesmo, et no se arrima a otro ninguno; como diziendo, ombre bueno, ombre es substantivo, por que puede estar por sí mesmo; bueno, adjectivo, por que **no puede estar por sí** sin que se arrime al substantivo. El nombre substantivo es aquél con que **se aiunta un artículo**, como el ombre, la muger, lo bueno; o a lo más dos, como el infante, la infante, segund el uso cortesano. Adjectivo es aquél con que se **pueden aiuntar tres artículos**, como el fuerte, la fuerte, lo fuerte.
[Nebrija 1492: 24]

Assí que la primera concordia et concierto es entre un nombre con otro, et es cuando el nombre que significa algún accidente, que los gramáticos llaman **adjectivo**, se aiunta con el **nombre** que significa substancia, que llaman substantivo; por que **a de concertar con él en tres cosas: en género, en número, en caso.** Como diziendo el ombre bueno, bueno es adjectivo del género masculino, por que ombre, que es su substantivo, es del género masculino; bueno es del número singular, por que ombre es del número singular; bueno es del primero caso, por que ombre es del primero caso.
[Nebrija 1492: 36]

Este concierto de las partes de la oración entre sí es natural a todas las naciones que hablan, por que t**odos conciertan el adjectivo con el substantivo**, et el nominativo con el verbo, et el relativo con el antecedente; mas, assí como aquestos preceptos son a todos naturales, assí la otra orden et concordia de las partes de la oración es diversa en cada lenguaje, como diremos en el capítulo seguiente.
[Nebrija 1492: 36]

Assí que la primera concordia et concierto es entre un nombre con otro, et es cuando el nombre que **significa algún accidente**, que los gramáticos llaman adjectivo, se aiunta con el nombre que significa substancia, que llaman substantivo
[Nebrija 1492: 36]

Ai esso mesmo algunos nombres **adjectivos de cierta significación,** que se pueden ordenar con los genitivos de los nombres substantivos, cuales son éstos:
[Nebrija 1492: 37]

Epítheton es cuando al nombre proprio añadimos algún **adjectivo que significa alabança o denuesto**, como Juan de Mena: A la biuda Penélope, Al perverso de Sinón. et llama se epítheton, que quiere dezir postura debaxo del nombre.
[Nebrija 1492: 42]

Ai esso mesmo algunos **nombres adjectivos** de cierta significación**,** que se pueden ordenar con los **genitivos** de los nombres substantivos, cuales son éstos: entero de vida; limpio de pecados; pródigo de dineros; escasso de tiempo; avariento de libros; dudoso del camino; codicioso de onra; desseoso de justicia; manso de coraçón.

Ai otros **nombres adjectivo**s que se aiuntan **con dativos** de substantivos, como: enojoso a los buenos; triste a los virtuosos; amargo a los estraños; dulce a los suios; tratable a los amigos; manso a los subjectos; cruel a los rebeldes; franco a los servidores.

Ai otros **nombres adjectivos** que **se pueden aiuntar con genitivo et dativo** de los nombres substantivos, cuales son éstos: cercano de Pedro, et a Pedro; vezino de Juan, et a Juan; allegado a
Antonio, et de Antonio; semejante de su padre, et a su padre. Aunque los latinos en este nombre hazen differencia: por que semejante de su padre es cuanto a las costumbres et cosas del ánima; semejante a su padre es cuanto a los lineamentos et traços de los miembros del cuerpo.

Puédese aiuntar el **nombre adjetivo con acusativo** del nombre substantivo, no propria, mas figuradamente, como diziendo: io compré un negro, crespo los cabellos, blanco los dientes, hinchado los beços. Esta figura los grammáticos llaman sinédoche, de la cual et de todas las otras diremos de aquí adelante.
[Nebrija 1492: 37 - 38]

Mas, aun que el latín haga **comparativos** de todos los **nombres adjectivos** que reciben más o menos en su significación, nuestra lengua no los tiene sino en estos nombres: mejor, que quiere dezir más bueno; peor, que quiere dezir más malo; maior, que quiere dezir más grande; menor, que quiere dezir más pequeño; más, que quiere dezir más mucho;
[Nebrija 1492: 25]

ADJECTIVO DE LA PRIMERA et SEGUNDA
En el número de uno
BUENO

ADJECTIVO DE LA TERCERA
En el número de uno
FUERTE
[Nebrija 1492: 47]

(45)

Car pour le premier il faut que las concordances latines de genres & nombres soyent gardées.
[Del Corro 1586: 34]

De los nombres **adjetiuos** masculinos se forman los femininos **mudando la postrera O en A** ansi como **bueno, buena**...
[Del Corro 1586: 23]

Los **nombre adjetiuos son los que reciben comparacion**, por que los substantiuos no la reciben en ninguna manera. Ansi como dezimos Sainct, plus sainct...
[Del Corro 1586: 21 - 22]

(46)

et en esta manera se aiuntan los pronombres et participios con el nombre substantivo, como el nombre adjectivo; aunque ai differencia en la orden, por que los pronombres demostrativos quieren siempre poner se delante los nombres que demuestran; **los adjectivos, aunque algunas vezes se ponen, su naturaleza es de se posponer.**
[Nebrija 1492: 36]

Los Españoles en la construction siempre **anteponen los nombres substantiuos a los adiectiuos** en el principio de la oracion y en el fin los ponen al contratio. Ansi como el hombre justo tiene firme esperança en Dios. El pan blanco es de mas rezia deigestion que el moreno.
[Del Corro 1586: 27]

Otras lenguas ponen primero **los adjetiuos que los substantiuos**.
[Del Corro 1586: 27]

Es verdad que en estos dos nombres malo y bueno **se anteponen o postponen** yndifferentemente ansi como buena casa, pero mal vezino, buena ley pero malos guardadores.
[Del Corro 1586: 27]

(47)

que ay en el Castellano algunos vocablos que los podemos llamar del genero **neutro**: diziendo que ni conuienen en su sinificacion a macho ni a hembra, como estos: aquello, esto, esto, lo y todos los nombres a que se juntare este articulo lo. Como lo justo, lo bueno, lo malo, lo fuerte.
[Villalón 1558: 15]

Inflexio articuli neutrius cum nomine Neutro
lo bueno
lo Sancto
de lo bueno
lo bueno
delo bueno
[Anónimo 1555: 3]

El nombre substantivo es aquél con que **se aiunta un artículo**, como el ombre, la muger, lo bueno; o a lo más dos, como el infante, la infante, segund el uso cortesano. Adjectivo es aquél con que se **pueden aiuntar tres artículos**, como el fuerte, la fuerte, lo fuerte.
[Nebrija 1492: 24 - 25]

(48)

Los nombres **adjetivos** en todos los casos **reciben tanbien articulos segun su genero** ansi como los sustantiuos exemplo **lo negro** conserua mas la vista que lo blanco

En todos estos exemplos se entienden los sustantiuos.
[Del Corro 1586: 24]

(49)

Duplex itaq est nomen: substantiuum & adiectiuum
[Zamora 1515: 22]

non cure poner aqui muchos principios y doctrinas d la lengua latina assi como dezir q cosa es nombre y q verbo y q **es nombre substantiuo y q adgetiuo** q propio y q apelatiuo y c. Porque presupongo que esta breue doctrina mayormente es acomodada a aquellos q tienen algun conocimiento de la lengua latina aun q sea como ya dixe ni muy crecido y estas doctrinas o diuisiones.
[de Alcalá 1505:12]

(50)

Nota que quando alguno pronombre o aduerbio demostratiuo assi como estos Dede, hedeq, di, diq, min, aale, aan, viene ante de algun nombre **substantiuo o adjectiuo** siempre le auemos d poner señal demostratiuo lal, al, a.Exemplo **este hombre blanco.** Dede arrajul al abiao. Exemplo de adjetiuo sin sustantiuo, **delo blanco min al abiad**. Exemplo d**e sustantiuo sin adjection** estos hombres hauli arrigil

[de Alcalá 1505:45]

(51)

Substantiuum est quod per se subsustit ut 'enosh idest homo. **Adiectiuum** est quod alteri adiicitur, ut 'enoshi hoc est humanus, tob tobah bonus bona.
[Zamora 1515: 22]

(52)

In quibus potest intelligi **numerus singularis nisi sequantur aut pcedat nomen adiectuum** aut verbum aut participium numeri pluralis quoniam tunc pluraliter nominantur
[Zamora 1515: 45]

Que vero sexum non habent nihilominus necesse est sub alterutro genere proferri ut non committamus soloecismum cum fuerint illi **accommodanda nomina adiectiua** aut participia aut verba.
[Zamora 1515: 54]

Sed ista regula multas patitur exceptiones, maxime pro secunda eius parte de masculinis, quia plaeraque talium nominum [desinentium in quamcunque aliam littera hebraicam] inueniuntur saepius adiuncta nominibus adiectiuis aut verbis, vel participiis foemininis, **idest quae terminantur in aliqua illarum trium litterarum generis foeminini.** Nam tunc illa nomina sunt foeminina & eadem erunt masculina sine illis litteris finalibus in se vel in suis adiunctis,
[Zamora 1515: 67]

(53)

Ratio huius regulae est quia consuetudo linguae hebraicae est proferre prius **substantiuum** nomen quam eius **adiectiuum** nomen vel pronomen vel participium ad hunc modum
[Zamora 1526: 67]

(54)

En esta lengua, como en todas las otras, ay de dos maneras de nombres, es a saber, nombres substantiuos y adjetivos.
[Gilberti 1558: 127]

En esta lengua, como en todas las otras, ay de dos maneras de nombres, es a saber, **nombres substantivos y adjetivos,** derivativos, diminutivos, simples y compuestos, comparativos y superlativos, numerales. Y de todos se hablará en particular.
[Olmos 1547: 286]

(55)

Los nombres **adjetivos** son todos aquellos que se pueden **aplicar a qualesquiera cosas,** assi como lindo, bueno, hermoso, feo, grande, chico, sabio, loco, etc.

Estos nombres adjetivos son de muchas maneras porque u**nos significan calidad, como en dezir, que es linda o fea cosa. Otros significan cantidad o numero**, y estos se reduzen a los adverbios de cantidad o calidad de los quales se dira en su ligar.
[Gilberti 1558: 127]

(56)

Los nombres que en la gramática llamamos **substantivos** lo son también en esta lengua. Exemplo: oquchtli, ‘hombre’. Y en ellos no ay difficultad que requiera particular capítulo y ansí los juntamos con los derivativos

Tampoco se hallan en esta lengua artículos distinctos para denotar masculino o femenino, etc., como los ay en la gramática, ni los adjectivos tienen terminaciones diversas; conoscer se han de qué género son por **la significación del substantivo,**

Los nombres o adiectivos primitivos son pocos y algunos dellos en la variación difficultosos. Y, por tanto, porné aquí los que se me offrecieren

anca,	
aucac	no está aquí aunque avía estado
atlei	ninguna cosa, nihil vel nullus
auctlei	antes avía algo, pero que yo no ay nada
ayac	ninguno o no estoi aqui
elh	+no-, mo- diligente
yuhqui vel yuh	talis et tale
yxquich vel itçqui	todo o tanto
muchi	todo
nelli	cosa verdadera
oui	cosa ardua o dificultosa
quauhtic	persona grande o larga
qualli	cosa buena
quixquich vel quezqui	quanto o que tanto
uei	cosa grande
xuxuhqui	cosa verde
yectli	cosa buena

Y en este significado no pueden tomar más de la partícula **–te**, y no pueden estar sin ella. **Y tomando el –tla, –te, se hazen substantivos**. Exemplo: temachti, ‘el predicador’; tlacuilo, ‘escrivano’. Y estos substantivos salen de pocos verbos.

Éstos no pueden, en este significado, tomar partícula ninguna, porque salen de verbos neutros; y quando las toman salen de verbos activos. **Y hazen se substantivos, como está dicho, mudando el significado.** Exemplo: tenqui, ‘cossa llena’, no se dize sino oten tlatenqui, ‘el que hinche algo’.

Tanbién, no es muy usado estos adjectivos juntar los con los pronombres –no, –mo, –y; pero deve se notar que quando **con ellos se juntaren siempre están sustantivados,** porque con los dichos **pronombres no pueden ser adjectivos,** y aunque no se junten con los pronombres, por la mayor parte, se podrán hazer substantivos, como esta notado en algunas partes dellos y de la gramática está claro.

La formación déstos es boluer la –z del futuro en –lli, como paresce en los exemplos ya dichos. Y **en esta significación de substantivos no pueden tomar más de las partículas –te, –ne, porque quando toman –tla se hazen adjectivos**, como se dirá adelante. Con los pronombres no–, mo–, y– siguen la regla de los primitivos acabados en –lli, etc.
[Olmos 1547: 256]

(57)

Los nombres **adiectiuo se declinan por la mesma manera qlos substantiuos** yno tienen mas de **una terminacion para las tres bozes Masculina, femenina, y neutra** vt. Ambaqueti, bueno o buena.
[Gilberti 1558: 129 - 130]

Tampoco se hallan en esta lengua artículos distinctos para denotar masculino o femenino, etc., como los ay en la gramática, ni los **adjectivos tienen terminaciones diversas; conoscer se han de qué género** son por la significación del substantivo, porque por la terminación no se podrán sacar, pues en una misma ay nombres de diversos géneros
[Olmos 1547: 270]

(58)

Ya esta dicho arriba que enlos nombres **adjetivos no ay mas de una terminacion para las** tres vozes, masculina, femenina y **neutra salvo en el plural do algunas** vezes parece que ay **diferencia** aplicando un mesmo adjectivo a cosas animadas bivas racionales y a cosas bivas no racionales o casas inanimadas, porque para dezir hombres de buen parecer diran

Cuiripu echa ahmbangueracha

Mas hablando de cavallos o perros o cosas semejantes basta dezir:

Ahmbanguerari cauallo Caballo de buen parecer

Y assi mesmo de otros adjectivos aplicados a cosas semejantes en pluralidad
[Gilberti 1558: 135]

Del uso delos **numeros enlos nombres adiectiuos**. E primeramtente d cosas biuas.
Muy gran tiento es menester en hablar en esta lengua destos nombres adiectiuos en pluralidad porque **de una manera se suele usar para una cosa y de otra para otr**a. Exempli gratia, en este nombre chico para hombres diran çapinda, çapiquare, çapichu....

Y si se hablare de mugeres, allende de todos los modos arriba dichos, diran thanan-thanas, lo que de los varones ni de ninguna o otra cosa se dize.
[Gilberti 1558: 130]

Y estos **adiectivos primitivos, quando las cosas de que se dizen son animadas, por la mayor parte en el plural tomarán *–ti,*** sin redoblar síllaba y tanbién redoblándola podrán tomar –ti. Exemplo: qualli, 'bueno'; plural, qualhtin, quaqualhtin.
[Olmos 1547: 303]

Pero si son de cosas inanimadas **redoblarán la primera síllaba, sin tomar nada.** Exemplo: ueyac cosa grande o larga, scilicet árbol, palo, paja; plural ueueyac, etc.
[Olmos 1547: 303]

(59)

Declinacion de los nombres adjetivos

Singular y plural

N	Ambaqueti (echa / ambaquecha)	Bueno(s)
G	Ambaqueti (ambaquecha) eueri	Del (los) bueno (s)

[Gilberti 1558: 70]

(60)

ACERCA de la primera parte de la oración (que es nombre) es de notar que en esta lengua general de los indios como en las demás lenguas el nombre tiene su diversa manera de significar, de tal manera que unos son substantivos y otros adjetivos, v.g.: alli, que quiere dezir 'cosa buena', es adjetivo; y cari, que quiere dezir 'varón', es substantivo.
[Tomás 1560: 21]

(61)

accidunt igitur nomini quinque: species, **genus, numerus, figura, casus.**
[GL 2,57, 5]

nomini accidunt sex, |qualitas, conparatio, **genus, numerus, figura, casus**
[GL – 4, 615]

(62)

Nomini quot accidunt? Sex: qualitas, species, genus, numerus, figura, casus cum declinatione.
[Nebrija 1495: 155]

Nomini quot accidunt? Cum nominis accidentias alii aliter enumerauerint. Respondet esse sex accidentias siue obseruationes nominis ut ait Diomedes quia cum Donato numerat inter eas comparationem, scilicet speciem. Priscianus tollit comparationem & addit speciem qui qualitatem quasi proprietatem quandam in nominis diffinitionem reiecit.
[Nebrija 1495: 155]

(63)

Nominis attributa sex sunt: declinatio, genus, casus, numerus, species & figura
[Sempere 1546: 5]

(64)

Los acidentes del nombre son seis: calidad, especie, figura, género, número, declinación por casos.
[Nebrija 1492: 24]

(65)

Todas estas cosas deque tiene cargo la Etimologia, los antiguos Gramaticos las abraçaron debaxo deste vocabulo de origen, o descendencia i en verdad que lo hizieron mui bien i agudamente, en hazerlo assi. Estas descendencias se consideran de muchas maneras pero entre ellas, una hai mui necessaria a los principiantes sin la qual no se pueden tan facilmente entender ni aprender lenguas peregrinas, digo que una hai mui necessaria, la qual por los Latinos Gramaticos fue llamada Declinacion, o Conjugacion que todo es una mesma cosa.
[Anónima 1559: 29]

(66)

Igitur nomini hebraico septem accidunt qualitas, species, figura, genus, numerus, persona, casus.
[Zamora 1515: 22]

atque sex nominis proprietates, scilicet, qualitas, genus, species, numerus, figura, casus seu declinatio. Solum declarabimus ea, quae propria sunt hebraeo idiomati & quae ex graecis & latinis scriri non possunt. Haec sunt maxime quattuor: **genus, declinatio, numerus & casus**.
[Zamora 1526: 32]

E assi como enla lengua latina el nombre tiene seys acidentes assi en la arauiga. Conviene saber: species, genero, numero, figura, casos, declinacion

[de Alcalá 1505:16]

(67)

E primeramente del nombre, del qual cinco cosas se diran por orden, conviene a saber, de la diversidad de nombres, de los numeros, generos, terminaciones y comparativos
[Gilberti 1558: 127]

(68)

Pero porque en esta lengua no quadrará la orden que él lleva porque faltan muchas cosas de las quales en el arte de gramática se haze gran caudal, como son declinationes, supinos y las especies de los verbos, para denotar la diversidad dellos, y lo que en el quinto libro se trata de accentos y otras materias que en esta lengua no se tocan, no seré, por tanto, reprehendido si en todo no siguiere la orden de la Arte de Antonio.
[Olmos 1547: 269]

(69)

Assí mismo tiene sus propriedades que le conviene
[Tomás 1560: 21]

(70)

|qualitas nominum bipertita est. aut enim **propria** sunt nomina aut **appellatiua**.
[GL – 4, 615]

(71)

propriorum nominum secundum Latinos quattuor sunt species, praenomen, nomen,|cognomen, agnomen, ut Publius Cornelius Scipio Africanus.

omnia **praenomina** aut singulis litteris notantur, ut C. P., aut binis, ut Cn., aut ternis, ut Sex.
[GL – 4, 615]

(72)

|hoc autem interest inter proprium et appellatiuum, quod appellatiuum |naturaliter commune est multorum, quos eadem substantia siue qualitas uel quantitas generalis specialisue iungit:

generalis, ut animal, corpus, |uirtus;

specialis, ut homo, lapis, grammaticus, albus, niger, |grandis, breuis.
[GL – 2, 58, 8-9]

|**proprium** uero n**aturaliter uniuscuiusque priuatam substantiam et |qualitatem significat et in rebus est indiuiduis,** quas philosophi atomos |0059| uocant, ut Plato, Socrates. itaque caret communione naturali.
[GL – 2, 58, 23–2,59,1]

(73)

sunt autem alia, quae cum sint in aliis patronymica, in aliis accipiuntur **propria**, ut Timarchides Timarchi filius et Timarchides proprium.
[GL – 2,63,2 - 3]

et in omnibus fere speciebus |nominum inuenimus eiusdem formae etiam **propria**, quae tamen amittunt |appellatiuorum significationem, ut magnus adiectiuum et proprium, Iulianus |possessiuum et proprium, Heraclides patronymicum et proprium.
[GL – 2,63, 3 - 4]

alia uero omnia **propria** siue appellatiua **in a desinentia feminina sunt,** |ut Musa, curia,
[GL – 2,144, 9 - 10]

|in ur, **si sint propria** uel deorum uel gentilia uel appellatiua auium |0155| uel f ante ur habentia, **masculina sunt:** Anxur, Astur,
[GL – 2,154, 23 – 155, 1]
|alia uero in es productam desinentia, **quae sunt propria, masculina |inueniuntur,** ut Herculēs
[GL – 2,159, 7]

(74)

|nam propria habent species separatim quattuor: praenomen, nomen, |cognomen, agnomen.

praenomen est, quod praeponitur nomini uel |**differentiae causa uel quod tempore,** quo Sabinos Romani asciuerunt ciuitati |ad confirmandam coniunctionem, nomina illorum suis praeponebant |nominibus et inuicem Sabini Romanorum. et ex illo consuetudo tenuit, ut nemo |Romanus sit absque praenomine. et notantur uel singulis literis uel binis |uel ternis. tum singulis, quando a uocali incipit praenomen, ut A. |Aulus, uel ab una consonante, ut P. Publius, T. Titus; tum |duabus, quando a duabus consonantibus incipit, ut Cn. Gneus, Sp. |Spurius; tum tribus, quando a consonante incipit prima syllaba et in|consonantem desinit, si tamen alia quoque praenomina ab eisdem incipiunt |consonantibus. idque fit differentiae causa, ut Sex. Sextus, Ser. |0058| Sergius, Tul. Tullius, ne, si primam solam consonantem scribamus, |T. Titum et S. Sestium significare putetur. unde in Marco M. |solam scribimus, quamuis a consonante incipit syllaba et in consonantem |desinit, quia nullus error sit.

nomen est **proprie uniuscuiusque s**uum, ut |Paulus [proprium];

cognomen, c**ognationis commune**, ut Scipio;

|**agnomen** est, quod a**b aliquo euentu imponitur,** ut Africanus, Isauricus.
[GL – 2,57-58, 7]

(75)

Quid est nomen? Pars orationis declinabilis corpus aut rem **proprie communiterue significans.**

[Nebrija 1495:154]

(76)

Quid est qualitas in nomine? Addicens per quod **proprium nomen a communi distingitur**.
[Nebrija 1495:155]

(77)

Quid est nomen proprium? Quod uni tantum conuenit ut Calliope, uni ex nouem musis. Quod est nomen commune? Quod pluribus conuenit ut musa: Calliope, Uraniae, Clio
[Nebrija 1495:155]

Quid est qualitas in nomine? Per qualitatem nominis voluerunt grammatici significare illud per quod nomen proprium distinguitur a communi siue appellatiuo & rursus quaerenti quid est nomen proprium, respondetque esse quod **uni tantum convenit, idest quo res indiuidua** demonstratur denominaturque ut Cailliope est nomen proprium quia **eo designamus unam** ex nouem musis.
[Nebrija 1495: 155]

Quod est nomen commune. Quaerit de altero diuisionis membro quod est nomen commune quod alii appellatiuum appellant, dicitq esse illud quod pluribus conuenit idest de pluribus dicitur aut quemadmodum dialectici dicunt de p**luribus predicatur** ut musa que dicitur de qualibet sororum, commune est calliope.
[Nebrija 1495: 156]

(78)

Sed cum dicimus Scipiones, Sabios, Metellos, Camillos, Curios, Scauros iam definunt esse propria & incipiunt esse apellatiua. Nam cum sit nomen proprium quod de uno dicitur appellatiuum quod de pluribus cum dico Scipiones intelligo plures ex ea familia
[Nebrija 1495:106]

(79)

Praenomen est quod praeponitur nomini gentilicio vel in differentiae causa quod plures in eadem familia a uno nomine vocabantur, ut P. Scipio, vel potius in signum nobilitatis aut honoris
[Nebrija 1495:107]

Scribunt autem praenomina in compendium singulis aut binis aut ternis litteris

quod sit differentiae causa ne si primas tantum litteras poneremus aliud posset intelligi.
[Nebrija 1495:110]

Nomen proprium est uniuscuisque proprium ut Priscianus inquit, addit Diomedes esse gentilicium, idest quod originem gentis vel familiae declarat, ut Portius, Cornelius,

Iulius. Et aduertendum est nomen quod prius erat genus ad proprium nomen & appellatiuum, nunc est nominis proprii species.

Cognomen est totius cognationis & familiae commune, ut Scipio, Cicero, subuingiturque semper gentiliciis nominibus.

Agnomen est quod ab aliquo euentu imponitur ut aphricanus, ponticus, isauricus qui aphricam pontum isauros deuicit deq eis triumphauit,
[Nebrija 1495:155-156]

ut si dixeris P. Cornelius Scipio Aphricanus, P — praenomen est ad cn. differentiae siue ad nobilitatis insigne monstrandum. Cornelius nomen proprium quod originem Corneliae gentis ostendit, Scipio cognomen quod in ea familia sic omnes cognominabatur quod in illo primo Scipione fuit agnomen qui Scipione idest baculo innitebatur. Aphricanus autem agnomen a deuicta Aphrica.
[Nebrija 1495:156]

(80)

Estq hoc mirum in **hebraico sermone** omnia **propria esse appellativa** cum praesertim antiquior sit graeco atque latino.
[Nebrija 1495:156]

(81)

Proprium nomen est quod naturaliter **uniuscuiusque privatam** substantiam et qualitatem significat. Ut Plato, Socrates

Appellativum commune est multorum, ut Animal, virtus, homo
[Gilberti 1559: 91]

Ay unos que proprios llamamos
que a uno conuiene su significado
y a muchos si vemos que es esto dado
appellatiuos los tales nombremos
[Thámara 1550: 35]

(82)

De significatione genera nominum indicans.
Nomina propria & communia, Deorum, Angelorum, Cacodemonum, Virorum, Mensium, Fluviorum, atque Ventorum sub quacumque terminatione sunt generis masculini, ut Jupiter, Michael, Satanas, Carolus, Aprilis, Turia Boreas
[Sempere 1546: 19]

(83)

Dize propriamente por los nombres **proprios**, Pedro, Martin, los quales **sinifican una cosa singular** o **singular persona.**

Y dize c**omunmente por los nombres que debaxo de una terminacion d**e una letra final sinifican **muchas cosas de aquel genero.** Como tabla, madero, hombre y otros semejantes los quales no sinifican ansi tomados un solo hombre, una sola tabla, o madero sino todo genero de tabla y hombre y madero en comun.
[Villalón 1558: 10]

Proprio nombre es aquél que **conviene a uno solo**, como César, Pompeio.

Común nombre es aquél que **conviene a muchos particulares**, que los latinos llaman apelativo, como ombre es común a 'César' et 'Pompeio'; ciudad a 'Sevilla' y 'Córdoba'; río, a 'Duero' y 'Guadiana'.
[Nebrija 1492: 24]

Començando pues del nombre, aduertiremos que hay dos maneras de nombres, **los vnos son proprios**, ansi como Pedro, Juan, Francisco &c. Los otros se llaman **apellatiuos los quales** son tanbien en dos maneras.
[Del Corro 1586: 17]

(84)

Ansi como aconteçe que enel nominatiuo dezimos en castellano Pedro, y enel genitiuo De Pedro, y enel Datiuo Para Pedro, y enel accusatiuo A Pedro, y enel vocatiuo O Pedro, y enel ablatiuo dezimos esto quiete a pedro.
[Villalón 1558: 12]

Con algunos nombres, especialmente proprios, y con pronombres, no se pone en los casos articulos, sino con solas las praepositiones se varian, y se distinguen desta manera, los casos

No	Dios	Pedro
Ge	de Dios	de Pedro
Da	a Dios	a Pedro

[Anónimo 1555: 3]

a esso mesmo, para demostrar **el cuarto caso en los nombres proprios**, et aún algunas vezes en los comunes.
[Nebrija 1492: 34]

Todo nombre que pro su sinificaçion conuiniere a macho sera del genero masculino: y se señalara con su porpio articulo, este. Como Pedro
[Villalón 1558: 17]

E assí lo hazen los griegos, que de una mesma parte 'o, e, to', usan por pronombre et por artículo; entre los cuales et los latinos tuvo nuestra lengua tal medio et templança que, siguiendo los griegos, **puso artículos sola mente a los nombres comunes,**

comoquiera que ellos tan bien los pongan a los **nombres proprios**, diziendo el Pedro ama la María, et quitamos los artículos de los nombres proprios, a imitación et semejança de los latinos. Lo cual nuestros maiores hizieron con más prudencia que los unos ni los otros; por que, ni los griegos **tuvieron causa de anteponer artículos a los nombres proprios, pues que en aquellos por sí mesmo el género se conoce; ni los latinos tuvieron razón de quitar los a los nombres comunes**, especial mente aquéllos en que la naturaleza no demuestra diferencia entre machos et hembras por los miembros genitales, como el milano, la paloma, el cielo, la tierra, el entendimiento, la memoria.
[Nebrija 1492: 30]

A los nombres apelatiuos siempre ponemos articulo en todos los casos ansi en el numero singular como en el plural, a los nombres proprios se les pone en todos los casos **sino es en el nominatiuo en el qual nose pone jamas. Por que seria ynconguidad dezir el Pedro o el Juan** y de aqui es que los sobre nombres son tan usados acerca delos Españoles
[Del Corro 1586: 23]

Con algunos nombres, especialmente proprios, y con pronombres, **no se pone en los casos articulos,** sino con solas las praepositiones se varian, y se distinguen desta manera, los casos

No	Dios	Pedro
Ge	de Dios	de Pedro
Da	a Dios	a Pedro

[Anónimo 1555: 3]

Por quando los nombres **proprios carecen de numero plural**
[Del Corro 1586:]

No tienen número plural, los nombres proprios de los ombres, como Pedro, Juan, Juana, María; pero si dezimos los Pedros, los Juanes, las Juanas, las Marías, **ia no son proprios, sino comunes**.
[Nebrija 1492: 28]

En los nombres **proprios no ay comparacion** sino es añadiendoles alguna qualidad como si dixesemos Joan es mejor oficial que Pedro.
[Del Corro 1586: 20]

En los nombres proprios no vale esta regla pero vale en algunos de los apellatiuos. Ansi como dezimos maestro y maestra.
[Del Corro 1586: 23]

(85)
Calidad en el nombre es aquello por lo cual el nombre común se distingue del proprio.

[Nebrija 1492: 24]

(85)

Mas, por que muchos se pueden nombrar por un **nombre proprio**, para los más distinguir et determinar entre sí, los latinos antepusieron otro nombre, que llamaron

prenombre, por que se **pone delante del nombre proprio**; el cual ponían **en señal de onra et hidalguía en aquellos que por él se nombravan;** et escrivían lo siempre por breviatura, como por una 'A' entre dos puntos: 'Aulo'; por una 'C': 'Gaio'; et acostumbraron nunca anteponer lo al nombre proprio de los siervos, antes quitarlos en señal de infamia a los que cometían algún crimen contra la majestad de su república. Nuestra lengua no tiene tales **prenombres**, mas en lugar dellos pone esta partezilla don, cortada deste nombre latino 'dominus', como los italianos 'ser' et 'misér', por mi señor; los franceses 'mosier'; los aragoneses 'mosén'; los moros 'abi', 'cid', 'mulei'. Assí que será don en nuestro lenguaje en lugar de prenombre, et aún dévesse escrivir por breviatura, como los prenombres latinos, o como lo escriven agora los cortesanos en Roma, que, por lo que nos otros dezimos don Juan, ellos escriven 'do Joannes'.

Connombre es aquél que se pone después del **nombre proprio**, et es común a todos los de **aquella familia**; et llámase propria mente entre **nos otros el apellido**, como los Estúñigas, los Mendoças.

Renombre es aquél que para más determinar e**l nombre proprio se añade**, et significa en él **algún accidente o dignidad**, como maestre. Assí que diziendo don Juan de Estúñiga, maestre, don es prenombre; Juan, nombre proprio; Estúñiga, connombre; maestre, renombre, et como quieren los latinos, anombre.

[Nebrija 1492: 24]

(86)

I assí, de los nombres proprios de las ciudades, villas, aldeas et otros lugares, como Sevilla, Toledo, Medina; et las que dellas se declinan en el plural, no tienen singular, como Burgos, Dueñas, Cáceres; i, por consiguiente, de los nombres proprios de las islas, como Inglatierra, Cicilia, Cerdeña. Calez, más parece del número plural, por que en el latín 'Gades' es del número plural; et cuando dezimos Mallorcas, ia no es nombre proprio, mas común a Mallorca et Menorca. I otro tanto podemos dezir de los nombres proprios de los ríos, montes, cavallos, bueies, perros, et otras cosas a las cuales solemos poner nombres para distinguir las en su especie

[Nebrija 1492: 28]

(87)

non cure poner aqui muchos principios y doctrinas d la lengua latina assi como dezir q cosa es nombre y q verbo y q es nombre substantiuo y q adgetiuo q **propio y q apelatiuo** y c.

[de Alcalá 1505:12]

Qualitates nominum due sunt: **propria & appellativa**.
[Zamora 1515: 22]

(88)

Proprium nomen est quod uni tantum conuenit: ut 'abraham Abraham sarah Sara.
Appellatiuum nomen est quod pluribus conuenit ut 'adam idest homo quod conuenit petro & iohanni quanquam
[Zamora 1515: 22]

Ca por la mesma razon que este **nombre Pedro es nombre proprio** en la lengua latina **por essa mesma lo es enla arauiga.**
[de Alcalá 1505:13]

(89)

Nomina quoq propria hominum & locorum non recipiunt praedictum articulum he neque possunt **immediate post se regere genetiuum nisi** interueniat aliud nomen appelletiuum ut Deute 33 mosheh 'ish ha'elohim Moyses vir dei.
[Zamora 1526: 43]

(90)

Notandum etiam quod nomina **propria hominum & locorum non recipiunt compositionem cum pronominibus in sermone** hebraico sed ubi talis sententia occurrerit interponendum est nomen commune, scilicet filius vel servus. Unde pro eo quod latini dicunt meus Iob, sermo hebreus habet 'abdi 'iyob idest servum meus Iob, ut patet Iob primo.
[Zamora 1526:70]

Nomina quoq locorum **siue hominum propria non recipiunt articulum** neq regere possunt genitiuum nisi interueniat nomen appellatiuum ut shlomoh ben david idest salamon filius dauid
[Zamora 1515: 26]

Nomina etiam propria hominum & locorum carent numero plurali ut abraham
[Zamora 1526: 41]

Illud quoq sciendum quod lamed articulus **datiui & beth effectiui in nominibus propriis hominum** & locorum subscribitur cum seua.
[Zamora 1526: 46]

Ésta significa menosprecio o humiliación. Júntase solamente con nombres **apellativos** que significan cosas animadas. Exemplo: ueueton, ‘vejezuelo’ o ‘viejo no honrrado’
[Olmos 1547: 314]

Ésta significa diminución, pequeñez, menosprecio o humiliación. Júntase **con los**

nombres apellativos que significan cosas animadas o ynanimadas. En el plural redoblan el –to, y el –tli buelven en –ti. Exemplo: pilhtontli, ‘muchacho’, pipilhtotontin, ‘muchachos’.
[Olmos 1547: 314]

Tanbién, se junta a algunos nombres **apellativos**, aunque son pocos. Exemplo: ylamatçin, ‘vieja honrrada o viejezita’, ueuetçin, ‘viejo honrrado’, etc.
[Olmos 1547: 313]

El –tçin significa reverencia, pequeñez, diminución o ternura de amor. **Ayúntase a pronombres primitivos y nombres proprios**. Exemplo: Nehuatçin, Pedrotçin.
[Olmos 1547: 313]

Y tampoco se juntaran con los dichos pronombres los nombres de **ýdolos, pueblos, ríos y nombres propios de personas y otros algunos,** cuyo significado nos dará a entender si se pueden rescibir los tales pronombres.
[Olmos 1547: 281]

(91)

Si praeterea prima littera **nominis tam proprii** quam c**ommunis habet seua, articuli datiui ablatiui & effectiui debent subscribi** cum vocali i hiriq
[Zamora 1526: 46]

Ésta significa vituperio o grandor con denuesto. Júntase con pronombres primitivos y tanbien con nombres **proprios** o **apellativos** que significan cosas animadas e ynanimadas. En el plural redoblan la síllaba y no toman –tin. Exemplo del pronombre: nehuapul, plural, tehuanpupulh. Exemplo del nombre proprio: Pedropulh. Exemplo con apellativo: çiuapulh; plural, çiuapupulh.
[Olmos 1547: 315]

Ayúntase a pronombres primitivos y nombres proprios. Exemplo: Nehuatçin, Pedrotçin.
[Olmos 1547: 313]

Ésta significa diminución o pequeñez. Júntase **algunas vezes con nombres proprio**s, ut Pedropilh, perico. Y quasi siempre con **nombres apellativos** que significan cosas animadas.
[Olmos 1547: 314]

Verbos activos se llaman los que después de sí rijen caso y tienen después de sí persona que padeçe, expressa o subintellecta. Y esta persona que padesçe unas vezes **se denota por algún nombre proprio o apelativo.** Exemplo: nictlaçotla in Juan, ‘yo amo a Juan’.
[Olmos 1547: 370]

Y por esta manera se entiende de todos los otros. Assi **proprios como apelatiuos** que en el comun uso se hallaren.
[de Alcalá 1505: 45]

Exemplo yo alimpio la yglesia **pa la missa** ano ninaqqui agimie la çalla. L i Lil mayormente las hallamos ayuntadas a **cosas razonables o nombres pprios y aun apellatiuos** como quiera q mas comun la hallamos con los pprios. Exemplo yo do el pan a fulano. Ano nanti al bobc li fulin yo do el dinero a Pedro. Ani naati al cataa li Pedro.
[de Alcalá 1505:34]

(92)

La primera es calidad, que es acerca de ser el nombre común o proprio, y assí ay dos maneras de nombres en esta lengua. Unos, proprios de las personas o tierras, como los ay en la española y latina: como unos hombres se llaman Quispe, otros Condor; una provinica [se llama] Chincha, otra Xauxa. Otros, nombres comunes, o appellativos de animales, hombres, plantas. Exemplo: runa quiere dezir 'hombre', pisco significa 'ave', çacha 'arbol'.
[Tomás 1560: 21]

(93)

principalis, ut Iulus, mons, deriuatiua, ut Iulius, montanus, sub qua sunt aliae multae.
[GL — 2, 57,]9

(94)

Quid est species in nomine? Inquirit de secunda nominis accidentia, idest de species: & primo quaerit quid sit species in nomine. Nam cum species multis modis dicatur quantum ad grammaticum attinet species in nomine accipitur pro illo quo primitiuum a deriuatiuo distinguitur. Itaq occasione inde accepta qrit de numero ut sic dixerim speciaerum: dicitq esse duas: primitiuam & deriuatiuam ut sit primitiua que non trahitur idest deriuatur aliunde ut mons: schola.

[Nebrija 1495: 156]

(95)

Species nominum duplex est: primitive, que non ducitur aliunde ut urbs, mons. Derivativa, quae ab alio nomine trahit originem ut urbanus, ab urbe, montanus a monte, cujus formae sunt quidem sex: Patronimicum, Deminutum, Denominatum, a verbo deductum, Comparativum & Superlativum. Sed reliquis alio rejectis, de prioribus hoc loc agamus.

[Sempere 1546: 27]

(96)

El segundo accidente del nombre es especie; la cual no es otra cosa, sino aquello por que el nombre derivado se distingue del primogénito. Primogénito nombre es aquél que assí es primero, que no tiene otro más antiguo de donde venga por derivación;

como monte, assí es primogénito et principal en nuestra lengua, que no tiene en ella mesma cosa primera de donde se saque et decienda, aunque venga de 'mons', 'montis' latino; por que si tal decendimiento llamássemos derivación, et a los nombres que se sacan de otra lengua, derivados, a penas se hallaría palabra en el castellano que no venga del latín o de alguna de las lenguas con que a tenido conversación. Derivado nombre es aquél que se saca de otro primero et más antiguo, como de monte, montesino, montaña, montañés, montón, montero, montería, montaraz. Nueve diferencias et formas ai de nombres derivados: patronímicos, possessivos, diminutivos, aumentativos, comparativos, denominativos, verbales, participiales, adverbiales.
[Nebrija 1492: 25]

(97)

Species nominum due sunt primigenia & deriuatiua. Primigenium nomen est illud quod non habet aliud antiquius unde deriuentur ut ‘ish idest vir. Deriuatiuum est quod ab alio priori deriuatur ut ‘ishah ab ‘ish hoc est virago a viro.

[Zamora 1515: 22]

Para lo qual es de saber que los nombres substantivos son en dos maneras: **unos primitivos como** tlacatl, ‘persona’, **y otros derivativos** como tlacayutl, ‘humanidad’ o ‘cosa de hombre’. De los derivativos hablar se a en el capítulo siguiente

[Olmos 1547: 286]

Las especies delos nombres son dos. Conuiene saber. Primitiua y diriuatiua. Nombre primitiuo anssi como Gebel que es tierra. Cuyo diriuatiuo es Gebeli que es cosa de tierra.

[de Alcalá 1505: 4]

(98)

En esta lengua, como en todas las otras, ay de dos maneras de nombres, es a saber, nombres substantivos y adjetivos. **derivativos, diminutivos**, simples y compuestos, **comparativos** y **superlativos**, numerales. Y de todos se hablará en particular.
[Olmos 1547: 286]

Ay otros substantivos derivativos, que se pueden dezir **possesivos**, y descienden **de solos nombres** y fenescen en una destas terminationes: –e, –ua.
[Olmos 1547: 291]

Para lo qual es de notar que los substantivos unos **se derivan solamente de nombres y otros indiferentemente de nombres** y adverbios y otros de solos verbos.

[Olmos 1547: 290]

Los que salen solamente de nombres unos acaban en –**catl**, y éstos se derivan de pueblo, y significan el hombre o persona de aquel pueblo de donde se derivan; y éstos en el plural pierden el –tl y quedan en –ca.
Exemplo:
'de México' mexicatl 'hombre de Mexico' mexica
[Olmos 1547: 290]

(99)
Item tiene la segunda propiedad, que es especie: que unos son primitivos, que no se derivan de otros, como rumi, que significa 'piedra'; otros derivativos, que se derivan de otros, como este nombre tiana, que significa 'assiento', se deriva deste verbo tiani, que quiere dezir 'assentar'

[Tomás 1560: 21]

(100)
alia patronymica, ut Atrides, Pelides: haec et ab auis et a matribus saepe fiunt.

in |his quae Graeca sunt, siue masculina fuerint siue feminina, Graecam magis seruabimus |regulam.

horum masculina aut in des exeunt, ut Atrides ab Atreo, aut in ius, ut Peleius |a Peleo, aut in on ut Nerion a Nereo. feminina autem aut in is exeunt, ut Atreis, aut in as, |ut Peleias, aut in ne, ut Nerine.
[GL – 4, 617]

(101)
patronymicum est, quod a propriis tantummodo deriuatur patrum nominibus secundum formam Graecam, quod significat cum genetiuo primitiui filius uel nepos [Aeacides, Aeaci filius uel nepos].
[GL – 2, 62, 14]

scire autem debemus, abusiue etiam a matribus et regibus siue conditoribus et a fratribus etiam patronymica solere formari, ut Latoides, Λητοῦς, id est Latonae, filius Apollo, et Iliades, Iliae filius Romulus.
[GL – 2, 63, 10]

|similiter Coronides a **matre**, Aesculapius (sic idem Ouidius in XV | metamorphoseon: |0064| «unde Coroniden circumflua Thybridis alti / |insula Romuleae sacris deiecerat urbis») |et Maiades, Maiae filius Mercurius.

ab **auis** quoque **maternis**: |Atlantiades, Mercurius, id est Atlantis natae filius. Ouidius in I | metamorphoseon: |«sedit Atlantiades et euntem multa loquendo / |detinuit sermone diem». |in eodem Inachides, Ionis filius Epaphus, quae filia fuit Inachi: |«non tulit Inachides matrique ait omnia demens». |

a r**egibus siue conditoribus** Thesidae, Cecropidae, id est |Athenienses; Aeneadae, Romulidae, id est Romani. Virgilius in II | georgicon: |«praemiaque ingentes pagos et compita circum / |Thesidae posuere». |idem in VI Aeneidos:|«tum pendere poenas / |Cecropidae iussi». |idem in VIII: |0065| «Aeneadae in ferrum pro libertate ruebant». |item in I: |«defessi Aeneadae, quae proxima litora, cursu». |idem in VIII: |«subitoque nouum consurgere bellum / |Romulidis Tatioque seni».

|a **fratribus** Phaethontides, unde femininum Phaethontis. |Virgilius in bucolico:|«tum Phaethontiadas musco circumdat amarae / |corticis»; |Phaethontiadas tamen dixit pro Phaethontidas poetica licentia.
[GL – 2, 63-65,7]

(102)

et hac forma **poetae maxime solent ut**i, pro qua Romani c**ognominibus familiarum** utuntur, ut Cornelii, Marcelli; omnes enim ab illo, qui primus Cornelius et qui Marcellus nominatus est, hoc nomen habuerunt, quicumque eiusdem familiae sunt, sicut omnes minores Thesei Thesidas Graeci appellant, quos **solent poetae quoque nostri imitari, unde Virgilius secundum Graecam formam Scipiadas** dixit.
[GL – 2,]

nomen est proprie uniuscuiusque suum, ut Paulus [proprium]; c**ognomen, cognationis commune**, ut **Scipio**
[GL – 2, 58,4]

(103)

sunt igitur patronymicorum formae apud Graecos tres:

in **des**, quae dicitur communis apud illos, quod in omni sermone possunt hac uti, qua sola Romanorum quoque poetae utuntur. nam aliis duabus non utuntur, id est in **ων** terminata, quae est propria **Iadis linguae** (Πηλείων pro Πηλείδης), et in αδιος, quae est Aeolica, ut Hyrradios, Hyrrae filius, Pittacus.
de hac igitur forma dicendum est, qua utuntur nostri. si nominatiuus Graecus in ας uel in ης uel ιος desinat, genetiuus uero in ου diphthongum, a paenultima breuis ante *des* inuenitur in patronymico, ut Pelias Peliădes, Aeneas Aeneădes, Menoetios Menoetiădes.
[GL – 2, 65,11 - 18]

in ***es*** uero desinentibus, quorum genetiuus Graecus in ου desinit, tam in *ades* quam in *ides* inueniuntur apud auctores (Hippotes Hippotades, Butes Butades, Corynetes Corynetides), sed rationabilius in *ades*.
[GL – 2, 66]

numquam enim patronymicum superat primitiui sui genetiuum nisi una syllaba.
[GL – 2, 66]

|alia uero omnia in **ου** apud Graecos terminantia genetiuum uel in ος uel in ους diphthongum uel ως mutant *eas* in *ides* et faciunt patronymicum, ut Πρίαμος Πριάμου Priamides, Νέστωρ Νέστορος Nestorides, Πλεισθένης Πλεισθένους Plisthenides, Πηλεὺς Πηλέως Peleïdes;
[GL – 2, 66]

et per synaeresin e et i in ei diphthongum proferunt paenultimam, nos |autem pro ea i longam ponimus, ut Virgilius in V:|«Pelīdae tunc ego forti / |congressi Aenean». |Ouidius in I metamorphoseon: |0067| «inde Promethīdes placidis Epimethida dictis». |inueniuntur tamen poetae in quibusdam addentes quasdam literas uel |adimentes: addentes, ut Peliades pro Pelides et Chalcodontiades pro |Chalcodontides, Atlantiades pro Atlantides (Ouidius in I | metamorphoseon:|«sedit Atlantiades»); |adimentes, ut Deucalides pro Deucalionides et Scipiades pro |Scipionides et, ut supra diximus, Aenides pro Aeneades. excipiuntur |tamen haec, quae contra regulam paenultimas uocales producunt: |Aeclīdes, Demādes per synaeresin pro Demeades, Codrīdes,|Lycoorgīdes, Lagīdes, Belīdes, Euerīdes etiam et Lycomedīdes, apud |Graecos contra regulam paenultimam diphthongum habent, pro qua nos i |longam ponimus.
[GL – 2, 66, 7 – 15]

feminina uero patronymica uel in *is* uel in *as* desinunt uel in *ne* productam. fiunt autem a masculinis subtracta *de* in *is* uel in *as* desinentia, ut Priamides Priamis, Dardanides Dardanis, Peliades Pelia
[GL – 2, 67]

igitur Aeneades quoque secundum analogiam Aeneas debet |facere, non Aeneis. ergo quomodo auctoritas est, quod dixit Aenides |pro Aeneades, sic auctoritate usus est Virgilius in tituli scriptione, quo | Aeneis inscripsit; quem Statius quoque secutus in fineThebaidos |ponit: |«uiue precor nec tu diuinam Aeneida tempta». |0068| notandum tamen, quod, si masculina i longam habuerint ante des per |synaeresin, apud nos in eis diuisas tamen faciunt feminina, ut Pelides |pro Peleides Peleïs, Thesides pro Theseides Theseïs: sic ergo |Aenides pro Aeneides Aeneïs.

|in **ne** autem desinentia, quae sunt Iadis linguae, patronymica eiusdem |generis i

longam habent paenultimam, si principale non habuerit eandem i |uocalem, ut Adrestos Adrestīne, Nereus Nerīne. si autem principale |habuerit i, o producta ante ne inuenitur, ut Acrisios Acrisiōne, ex quo |possessiuum posuit Virgilius:|«Acrisioneis Danae fundasse colonis», |ab Acrisione, id est Danae.
[GL – 2, 67 - 68]

et sciendum, quod inueniuntur multa eiusdem |formae gentilia, ut Haemonis, Thessalis, Colchis, Argolis, Cyclas, |Ias, Troas, alia uero propria, ut Bacchis, Doris, Pythias. |
[GL – 2, 68]

inueniuntur quaedam nomina formae patronymicorum significatione denominatiua, ut Euripides non Euripi filius, sed ab Euripo sic nominatus (similiter Thucydides).
[GL – 2, 63]

(104)

Quod est nomen patronymicum? **Quod significat filium vel filiam, nepotem vel neptem vel aliquem ex postreris illius a quo deriuatur** ut Priamides filius vel nepos vel aliquis ex posteris priami.

Quod est nomen patronymicum? Quaerit de prima nominum deriuatorum species quod est patronymicum. Dictum quia plaerumq **a nominibus patrum formantur.** Respondetque est illud quod **significat filium vel filiam nepotem vel neptem vel aliquem ex posteris & ut sic dicam descendentibus ab illo unde nomen patronymicum formatur** ut aeacides significat filium aeaci hoc est peleum vel nepotem hoc est achillem, vel aliquem ex posteris ut pyrrhum achillis filium & pyrrhum regem epirotarum qui ab illo ducebat originem
[Nebrija 1495: 156 - 157]

(105)

Dictum quia plaerumq a nominibus **patrum** formantur.

formantur etiam patronymica a nominibus **matrum**, ut ab ilia iliades romulus

formantur etiam patronymica a nominibus **matrum**, ut ab ilia iliades romulus

fit etiam a nominibus **fratrum** (phaetontiades sorores phaetontis, phoronidos soros phoronei)

a **filius** ut althea meleagris ab ibico dicta est referente Diomede

fiunt praeterea a nominibus **principium** ut Cecropide & theside dicti sunt athenienses a cecrope primo ubre conditore & a theseo illorum quoque rege
[Nebrija 1495: 157]

Patronymica **masculina** in nominibus **primae** declinationis formantur a genetivo

ae mutata in **des** ut aeneas aeneae, aeneades.

In nominibus **secundae** declinationis fiunt a genetiuo addita **des** ut aeacus aeaci aeacides, priamus priami priamides.

Quae tamen in eus diphthongon terminantur cum duplicem habeant genitiuum in ei alterum solutuas & in ei diphthongon alterum formant ex se patronymicum ab hoc secundo genitiuo addita des ut prometheus promethei uel promethei promethides, ae.
In nominibus **tertiae** declinationis patronymica formantur a dativo addita **des**, ut nestor nestoris nestori nestorides

Patronymica f**oeminin**a fiunt a patronymicis masculinis ablata *de* ut priamides, ae, priamis, idis, aeolides, ae, aeolis, idis. Aliquando tam aliter exeunt ut ab aeneades, ae — aeneis, idis, a thesides , ae, theseis theseidis

Declinanturq per tertiam nominis declinationem.

Reperiunt quoque nomina foeminina patronymica terminata in *ne* per prima nominis declinationem variata ut nerine filia nerei.
.[Nebrija 1495: 157]

(106)

Patronymica non sunt in usu apud eos qui in oratione soluta scribunt sed tantum apud poetas & raro quidem a nominibus latinis.

Nam illa que videntur patronymica iustinus iusti filius. Albinus albi filius. Longinus longi filius: potius dicendum ex esse possessiva pro patronymicis

sicut e diverso ponuntur patronymica pro possessiuis ut Vergilii aeneis pro opere illo Vergilii.
[Nebrija 1495: 157]

Nomen proprium est unuiuscuisque proprium ut Priscianus inquit, addit Diomedes esse gentilicium, idest quod originem gentis vel familiae declarat, ut Portius, Cornelius, Iulius. Et aduertendum est nomen quod prius erat genus ad proprium nomen & appellatiuum, nunc est nominis proprii species.
Cognomen est totius cognationis & familiae commune, ut Scipio, Cicero, subuingiturque semper gentiliciis nominibus.
[Nebrija 1495: 155]

(107)

Patronimicum est **quod a nominibus patrum proprie derivatum significat filium, vel filiam, nepotem vel neptem, vel ex posteris aliquem**, ut Priamides, filium aut nepotem, aut aliquem ex posteris Priami significat.

De terminatione Patronymici
Terminationes Patronymicorum quatuor sunt: prima in es, masculina, ut Aeacides, filius vel nepos Aeaci. Aliae in as, is, & ne, femininae: ut Pelias filia vel

neptis Pelei.
[Sempere 1546: 27 - 28].

(108)

Ay Patronimicos nombres llamados
y conuiene saber **su declinacion**
de padres, parientes, y desta nacion
esto se deriuan, y assi son nombrados
en verso se hallan, en prosa notados
nunca o muy pocas vezes los vemos
los masculinos **por prima diremos**
los femeninos **por tercia son dados**
Los masculinos de padre se forman
del genetiuo si **des** añadimos
los femeninos de aqui conoscimos
que la de quitada muy bien se conforman
de algunos destos tambien os informan
que son muchas vezes no bien formados
y otros algunos que son acabados
en **ne** femeninos y en prima reforman
[Thámara 1550: 32]

(109)

Patronímicos nombres son aquéllos q**ue significan hijo, o nieto, o alguno de los decendientes de aquel nombre de donde formamos el patronímico**, cuales son aquéllos que en nuestra lengua llamamos **sobrenombres**.
[Nebrija 1492: 25]

Como Pérez, por hijo, o nieto, o alguno de los decendientes de Pedro, que en latín se podría dezir 'Petrides'; et assí **de Álvaro, Álvarez**, por lo que los latinos dirían 'Alvarides'. Otra forma de patronímicos io no siento que tenga nuestra lengua.
[Nebrija 1492: 25]

Porque la lengua Hespañola no parezca en esta parte, inferior a la Griega o Latina, digamos algo delos nombres Patronimicos. Para conocer pues quales son nombres Patronimicos, guardaras siempre esta regla. Todos 1os nombres Apellatiuos acabados en Ez, son Patroninlcos. Assi como. Hernandez (...) Formanse de Hernando (...), como si dixesses Hernandez, hijo de Hernando (...)
[Anónimo 1555: 93]

(110)

Los judíos añaden el nombre del padre a los nombres proprios, como Josue ben Nun quiere dezir hijo de Nun; Simón Barjona, quiere dezir hijo de Jona. Algunas vezes, añaden el nombre del lugar, como Joseph de Arimathía, Judas dEscarioth. Los moros, esso mesmo añaden el nombre del padre, como Alí aben Ragel, quiere dezir hijo de Ragel; Aben Messué, hijo de Messué.
[Nebrija 1492: 24]

(111)

Connombre es aquél que se pone después del nombre proprio, et es común a todos los de aquella familia; et llámase propria mente entre nos otros el apellido, como l**os Estúñigas, los Mendoças**.
[Nebrija 1492: 24]

(112)

Patronymica que nomina patrum significant ut a binyamin yəmini **beiamin iemini** pro filio beniamin aut aliquo uno ex descendentibus ab illo.

Gentilia que gentem aut nationem aliquam designant ut ab haram harami hoc est a syria syrus.

Patronymica nomina dicunt q derivantur a nominibus patrum, ut «yisraeli» i. filius vel nepos aut aliquis descendens ab israel, qui & iacob. Similiter yəmini i. Filius vel nepos vel descendens a iamin.

Terminantur autem huiusmodi nomina omnia hoc modo, masculina in i. iod, foeminina vero in ith

ut ab yisra'el formatur yisra'eli masculinum idest vir israelita, & israelit foemininum idest foemina israelitis. Et formantur a suis primitiuis addito puncto chiriq ultime litterae & ultra hoc in masculinis ponitur in fine iod littera ociosa. In foemininis ultra iod additur thau ut ab yisrael formatur yisraeli masculinum, idest vir isra'elita, & yisra'elith foemininum idest foemina israelitis, similiter ab 'aram formatur 'arami masculinum idest syrus vir, & 'aramith idest mulier syra.

Si tamen nomen primitiuum terminaretur in he litteram, tunc gentile vel patronymicus ab eo formatur aliquando he mutata in nun cum chiriq & iod aciosa in fine, ut Numeri 26, ləshelah mishpahat hashlani idest sela selaneus genere, aliqii vero nihil mutatur a primitiuo sed ipsum ponitur pro deriuatiuo ut in eodem ləyimnah mishpahat hayimnah idet a iemna familia iemna itarum.
[Zamora 1526: 23]

(113)

Es de notar que, assí como en la lengua latina y en la española, ay nombres que se llaman patronímicos, que son los que se derivan de los padres o abuelos o hermanos a los hijos o descendientes; o se derivan de las tierras a los que son naturales dellas, como Scipiones de Scipión, Catones de Catón, Romanos de Roma, Mendoça, Guzmanes, Andaluzes.

[Tomás 1995 (1560): 118]

(114)

Assí en esta lengua de los indios ay muchos nombres patronímico de todas estas maneras; porque entre ellos, si un señor es muy señalado en alguna cosa, sus hijos toman dél denominación; y no solamente los hijos, pero todos los descendientes, y de aquí viene entre ellos a tomarse los linages que ellos llaman ayllo y pachaca. Exemplo: llámanse ingas todos los que proceden y son de aquel señor primero que se llamó Mango Inga, y este linage tiene entre ellos otros particulares nombres y linages: que el principal se llama capac ayllo, otro igñaca pañaca ayllo, otro cucco pañaca ayllo, y assí otros muchos.

[Tomás 1560: 118]

Item ay patronímicos tomados de pueblos y tierras, como cierta provincia grande y de mucha gente se llama collas, de un pueblo que está en medio della, llamado Atum Colla

[Tomás 1560: 119]

(115)

aunque no ay cierta ni determinada manera en la formación y composición de los tales nombres

[Tomás 1560: 119]

(116)

alia deriuatiua, ut montanus, |scholasticus;

sunt etiam **ctetica**, id est **possessiua**, quae in ius exeunt, ut «Euandrius ensis» «Agamemnoniaeque Mycenae».
[GL – 4, 615]

(117)

de possessiuis |possessiuum est, **quod cum genetiuo principalis significat aliquid ex |his quae possidentur,** ut «Euandrius ensis» pro Euandri ensis et |«**regius** / honos»

pro regis honor.
[GL – 2, 68]

quamuis igitur, sicut ostendimus, **diuersas habent significationes supra |dictae formae nomina,** tamen, quia maxima pars eorum apud Latinos |possessiuorum **habent demonstrationem**, ideo haec quoque inter possessiuorum species posuimus.
[GL – 2, 82]

possessiua autem dicimus non **solum possessionem significantia, sed |etiam quae formam habent possessiuorum.**
[GL – 2, 69]

(118)

et sciendum, quod etiam in is et er terminantium |deriuatiuorum multa **inueniuntur significationis possessiuae apud nos,** ut |ciuilis, hostilis, caelestis, lunaris, castrensis, equester, pedester, |paluster, quorum quia diuersae et uariae sunt formae et significationes, |postea eas cum reliquis speciebus denominatiuorum per ordinem|tractabimus.
[GL – 2, 82]

(119)

possessiua autem dicimus non solum possessionem significantia, sed |etiam quae formam habent possessiuorum.
[GL – 2, 69]

alia autem sunt |eiusdem deriuationis, quae ex **materia** principalium constare significantur, ut |ferreus, ferro factus, similiter aureus, argenteus, marmoreus;
alia |ex **morbis**, ut cardiacus;
alia a **professionibus**, ut mechanicus, |grammaticus;
alia a **disciplinis**, ut Aristotelicus, Socraticus, rhetoricus;
alia, |quae **primitiuorum similem possunt habere significationem**, ut Thracius |pro Thrax.
[GL – 2, 69]

|et quia diximus, diuersas in his esse significationes, commodum est |eorum exempla proponere.

alia sunt possessiua, ut Caesarianus miles,|Pompeiana domus, Tullianum mancipium;

alia et **patriam** significant et |possessionem, ut Romanus ciuis et Romanus ager. potest tamen et |hoc et paene omnes huiuscemodi formae nominum propriorum quoque habere |significationes. Campanus similiter et Hispanus et Alexandrinus et |Placentinus et Nolanus et similia non solum patriam, sed etiam |possessionem significant.

sunt tamen multa supra dictae speciei, quae etiam |agnomina inueniuntur, ut Camerinus, Numantinus, Coriolanus;

alia |propria eiusdem formae nomina uel etiam agnomina, ut

Adrianus, |Messalinus, Siluanus, Claudianus, Coruinus, Probinus, Rufinus, |Aemilianus;

alia a **locis**, ut rusticanus, urbanus, oppidanus, |Capitolinus, Palatinus, Aesquilinus, Gallicanus, uicinus, externus;

alia |a temporibus, ut matutinus a Matuta, quae significat Auroram uel, ut|quidam, Λευκοθέαν, hesternus, diurnus, nocturnus, meridianus, |uespertinus, antelucanus, ueteranus, diuturnus, aeternus;

uel a |dignitatibus siue officiis, ut tribunus, antesignanus;

uel a generibus, ut |masculinus, femininus;

alia a mutis animalibus, ut taurinus, |porcinus, ceruinus, anserinus;

alia a materia, ex qua constant, ut |humanus, terrenus;

alia a fortuna, ut libertinus, egenus;

alia a numeris |semper pluralia, ut bini, terni, deni [sic ab omnibus numeris], |quamuis poetica auctoritate etiam singularia inueniuntur.

[GL – 2, 76]

et uel mobilia sunt, ut Martius Martia Martium, uel fixa, ut |sacrarium, donarium, armarium.

quod iam supra diximus, sciendum, quod, quamuis forma sit |possessiua haec, quae in **rius** desinit, tamen diuersae significationis|nomina in hac quoque inueniuntur:

alia ab **officiis**, ut tabellarius, |mercennarius, cerarius, sagittarius, tabernarius, ostiarius, argentarius, |aerarius;

alia a **dignitatibus**, ut praefectorius, quaestorius, praetorius, |censorius, quae tamen etiam possessiuam habent significationem;

alia ab |aliis rebus, **in quibus sunt uel de quibus uel quas habent:**

in quibus sunt, |ut collarium, quod in collo est, plantarium, quod in planta est, |mensarium, quod in mensa, motoria, quae in motu, palmarium, quod in |palma est, hoc est in laude;

de quibus sunt, ut frumentaria est lex de |frumento et agraria de agris et nummaria lex de nummis;

ex his |autem, quas continent, ut uinaria cella, quae habet uinum, et |armamentarium, in quo arma posita sunt, sic uiolarium, auiarium, rosarium, |uiridiarium.

|in **nus** quoque terminantium formae et significationes diuersae |inueniuntur, quibus Latini frequenter utuntur in significatione possessiua, ut |Pompeianus, Caesarianus, Sullanus.

-an-

inuenitur autem in quibusdam a|longa ante nus, ut Romānus, Hispānus, Campānus, Stheniānus; |

-en-

in aliis e longa, ut terrēnus, egēnus, aliēnus, Auiēnus,|Rubrēnus, Aniēnus, unde Virgilius: |«Aniena fluenta»;

-in-

|in aliis i longa: Camerīnus, Perusīnus, Regīnus, uicīnus, |masculīnus, feminīnus.

-(g)in-

inuenitur tamen etiam breuis i g antecedente in his, |quae ab arboribus deriuantur, ut oleagĭnus, fagĭnus, et in his, quae ab |aduerbiis nascuntur temporalibus, cras crastĭnus, horno hornotĭnus, diu |diutĭnus.

-un-

u quoque longa ante nus, ut tribūnus.

-r/ln-

r etiam et l |0076| inueniuntur ante nus, ut diurnus, nocturnus, hesternus, externus, |hibernus, colurnus, quernus, ficulnus, populnus. Plautus in casina: |«sed manedum, num ista aut populna sors aut |abiegna est tua?».

[GL – 2, 76]

et eas quidem formas supra dictas a Graecis accepimus, in Latino autem |sermone non solum his utimur, sed etiam propriis quibusdam Latinorum |in us uel in a uel in um puram antecedente ri, ut Catilinarius, |hereditarius, legatarius, gladiatorius, uxorius, stlattaria, |0075| ptisanarium et,

sciendum, |quod non solum a primitiuis, sed etiam a deriuatiuis deriuantur |huiuscemodi possessiua nomina, ut Troos Troicus, grammatos grammaticus, |rhetoros rhetoricus, Persis Persicus, Asiatis Asiaticus, Creta |Creticus, Afri Africus, Italus Italicus (nam Italia Italicus debuit |facere), Cyprius Cypriacus (nam Cyprus Cypricus facit), Ilium |Iliacus, cardia cardiacus, mulio mulionicus.

[GL – 2, 75]

et quod patronymica a masculino descendunt plerumque |genere, rarissime autem a feminino nec proprie, quando a matribus fiunt, ut |supra ostendimus, possessiua autem ab omnibus nascuntur generibus;

[GL – 2, 68]

et sciendum, quod alia eorum a nominibus fiunt, a Roma Romanus, a |Caesare Caesarianus; alia a uerbis, ut ab egeo egenus; alia ab |aduerbiis, ut infra infernus, supra supernus, hodie hodiernus. |conemur igitur, sicuti possumus, exponere rationem paenultimarum |in supra dictis deriuationum formis literarum

[GL – 2, 77]

fiunt igitur possessiua uel a nominibus, ut Caesar |Caesareus, uel a uerbis, ut opto optatiuus, uel ab aduerbiis, ut extra |extraneus,

[GL – 2, 69]

(120)

Quod est nomen possessiuum? Quod cum genitivo sui principalis significat aliquid ex iis quae possident ut euandrius ensis per euandri ensis.

Possessiuum nomen est quod cum genetiuo principalis [idest illius nominis unde deriuatur] significat aliquid ex iis q possidentur.

Cum enim genitivus possessionem plaerumque significet nomen quod dicitur possessivum aequipollet genitivo illo unde deducitur ut quod Vergilius X Ean. dixit Nam tibi thymbre caput euandrius abstulit ensis perinde est ac si dixisset euandri ensis.

Exeunt autem huiusmodi possessiva siue gentilia in varias terminationes.
In eus penultimam brevi ut aethereus
In aeus penultima ae diphthongo scripta ut thebaeus
In ius penultima breui ut perseius
In ius penultima longa ut dius
In ous quoq graeca sunt ut argous
In us quacunq precedente consonante ut arabus
Exeunt praeterae nomina gentilia plaerunq in ensis ut ab ithaca ithacensis
Exeunt & in as ut a cesena cesenas, atis
Exeunt & in er is e vel is & e ut campester campestris

quaedam autem et propria eadem et gentilia et possessiua, ut |Latinus filius Fauni et Latinus ciuis et Latinus ager; alia tantummodo |propria formae possessiuae, ut Quintilianus, Iulianus; alia loco|patronymicorum posita, quod supra quoque diximus, ut Aemilianus Scipio et |Octauianus Caesar. Ex eadem forma agnomina quoque multa inuenies, |ut Africanus, Persicus, Gaetulicus, Creticus.
[Nebrija 1495: 157]

(121)

Possessivo nombre es aquél que vale tanto como el genitivo de su principal, et significa alguna cosa de las que se posseen, como de Sevilla, sevillano; de cielo, celestial.
[Nebrija 1492: 25]

(122)

Possesiua: hoc est que significant quantum genitivus sui primigenii unde deriuantur ut nəhusheth
nahush, idest ab ere ereus
[Zamora 1515: 22]

(123)

nam terminatur in i iota formaturq a primigeniorum suorum terminatione si est consonans addita i littera ut ab israel israeli. Si vero desinunt in he aut he mutatur in nun & additur i iota ut shelah shelani aut nihil mutatur sed primigenium ponitur pro deriuatiuo ut yimnah yimnah pro viro descendente de genere imna. Quod si nomina primigenia desinunt in iod deriuatiua nihil mutant sed ponuntur pro illis ut leui de leui, nepthalita. Que omnia sub hac terminatione genitivis sunt masculini nam feminina

desinunt in ith formanturq a masculinis addita tau ut ab arami aramith, ab israeli israelith.

Sunt quoque nomina q cum non sint patronymica nec gentilia sunt tn illorum formam, ut reshit idest principium. Estq aduertendum quod hmoi patronimica pleruq in plurali recipiunt alterum iod, ut mitsri mitsriyim idest egyptus egiptii, pəlishti pəlishtiyim palestinus palestini.
[Zamora 1515: 22]

(124)

Las especies del nombre son dos. Conuiene saber. Primitiva y diriuatiua. Nombre primitiuo ansi como Gebel q es tierra. Cuyo diriuatiuo es Gebeli q es cosa de tierra. Garnata q es la cibdad de granada. Garnatari q qiere dezir cosa de granada y por esta manera se entiende de todos los otros.
Fahari cosa de barro, harebi cosa de madera. Raçac, cosa de plomo aun que algunos quisieron dezir el contrario.

E para saber formar estos nombres dirivatiuos de sus primitiuos. Se terminan en letra vocal o en consonante si en vocal o en una o en dos si en una aquella mudamos en el nombre diriuatiuo en i. Exemplo. De Baçta por baça dezimos baçti en el dirivatiuo que quiere dezir cosa de baça de Ronda, rondi.
[de Alcalá 1505: 17-18]

(125)

Ay otros substantivos derivativos, que se pueden dezir **possesivos**, y descienden **de solos nombres** y fenescen en una destas terminationes: –e, –ua.
[Olmos 1547: 291]

Éstos **significan 'el dueño' o 'señor'** de aquello que importa el nombre de donde salen; y para el plural todos toman –que sobre el singular. reglas siguientes. Exemplo: milli, 'la heredad', mille, 'el dueño o señor della', plural, 'milleque'; atl, agua, aua, 'el dueño de la agua', plural, auaque. Y para saber qué nombres tomarán –e, y quáles –ua, se deven notar las reglas siguientes
[Olmos 1547: 292]

Y es de notar que todos estos **possessivos** con los pronombres no–, mo–, y–, añaden –cauh en el singular; y en el plural toman –ua sobre el –ca. Exemplo: mille, quiere dezir 'el dueño del maizal o de la heredad', y nomillecauh, que quiere dezir 'mi tal dueño'. Tlaxcalla dize notlallecauh vel notlalhtecoyo, y el dueño dize al rentero notlalhma. México le dize nomayecauh, etc.
[Olmos 1547: 293]

(126)

Los que se derivan de nombres acaban en una destas terminaciones:–yo,–llo. Y

el **significado déstos es cosa que tiene aquello que significa el nombre de donde salen.** Y éstos, en el plural, toman –que sobre la –o. Exemplo: çuquitl, ‘lodo’ o ‘barro’, çuquiyo, ‘cosa lodosa’; plural, çuquiyoque.
[Olmos 1547: 307]

(127)

El pronombre derivativo o possessivo de la tercera persona no la ay incomplexo en esta lengua, como lo ay en la latina, sino que se haze y forma por circunloquio, como en la española, conviene a saber, por el pronombre de la cosa poseída puesto en el caso que la constructión del verbo pidiere y el nombre proprio o pronombre primitivo de la persona que posee, puesto en genitivo, v.g. Exemplo de lo primero: diziendo 'el señor de Pedro' dezimos Pedrop yayanc.

[Tomás 1560: 39]

(128)

habet igitur |generalem nominationem **omnium formarum, quae a nomine deriuantur**. nam |et patronymica et possessiua et comparatiua et superlatiua et diminutiua |praeter uerbalia et aduerbialia et ea, quae ex praepositionibus fiunt, ex|maxima parte denominatiua sunt, id est a nominibus deriuantur.

quae quia late sunt confusae, generali eas nominatione artium scriptores nuncupauerunt denominatiua.
[GL – 2, 117]

liber quartus de denominatiuis |denominatiuum appellatur **a uoce primitiui sic nominatum, non ab |aliqua speciali significatione**, sicut supra dictae species.
[GL – 2, 117]

(129)

et quia multae inueniuntur formae communes tam denominatiuis quam uerbalibus nec non etiam participialibus et aduerbialibus, non incongruum esse exstimo, de his quoque in loco una tractare.
[GL – 2, 117]

unde in |illorum formis quoque sunt quaedam, quae, cum non habeant |significationem eorum, denominatiua iure appellantur, ut Timarchides proprium, |Aemilianus quoque, Nobilior, Maximus, Catulus. haec enim |denominatiua sunt dicenda, cum significationem suarum non seruent formarum, |etsi sint propria. de quibus tamen sufficienter, cum de iis tractabatur,
[GL – 2, 117]

monstrauimus. habent igitur denominatiua formas plurimas et diuersas significationes.
[GL – 2, 117]

|sunt igitur formales denominatiuorum terminationes siue uerbalium hae:
ia, ut durus duritia, prudens prudentia, sapiens sapientia;
a|consonante antecedente: cantus cantilena;
e: cubo cubile, sedeo sedile;
[GL – 2, 117-118]

consonante uero antecedente in a desinentia denominatiua seu |uerbalia formas habent tres:
la, na, ra. |
[GL – 2, 120]

|secundae igitur declinationis nomina in us desinentia c antecedente |quotcumque sint syllabarum (nisi sint regionum nomina, quae deriuantur |ex his), alia uero quacumque consonante ante us posita tantum disyllaba |et quae in is desinentia tertiae declinationis similem habent nominatiuo |genetiuum: quae secundae quidem sunt, genetiuo, quae uero tertiae, datiuo |assumunt tia, ut amicus amici amicitia, inimicus inimici inimicitia, pudicus |pudici pudicitia, laetus laeti laetitia, durus duri duritia, maestus maesti |maestitia, stultus stulti stultitia, segnis segni segnitia, tristis tristi tristitia, |i tam paenultima quam antepaenultima ubique correpta.
[GL – 2, 119]

similiter **regionum** nomina pleraque:
Italus Itali Italia, |Gallus Galli Gallia, Sicanus Sicani Sicania, colonus coloni colonia, |Hispanus Hispani Hispania, Dardanus Dardani Dardania, Tuscus Tusci |Tuscia, Graecus Graeci Graecia, Teucrus uel Teucer Teucri Teucria.|
[GL – 2, 119]

inueniuntur tamen quaedam, |0120| quae in **monĭa** desinunt, a nominibus siue uerbis deriuata, castus casti|castimonia, parco parsi parsimonia, queror querimonia, acer acri |acrimonia.
[GL – 2, 120]

(130)

et haec quidem in **dus** supra dictae formae nomina demonstrant habere ea in se, ex quibus deriuantur, ut herbidus, qui habet herbas, turbidus, qui habet turbam, timidus, qui habet timorem, rabidus, qui habet rabiem, inuidus, qui habet inuidiam.
[GL – 2, 137]

uel o productam habent ante **sus** et significant plenum esse aliquem eius, quod significatur, ut saxosus plenus saxis, spumosus plenus spuma, uentosus plenus uentis, harenosus plenus harena.

[GL – 2, 138]

(131)

Denominativum nomen est quod a nomine derivatur & quia patronymica & possessive, diminutiva, comprarativa & superlativa a nomine derivantur possetq aliquis illa ratione ductus appellare denominatiua subdit neq denominatur ab aliqua speciali significatione.
[Nebrija 1495: 158]

Quod est nomen denominatiuum? Quod a nomine deriuatur neq denominatur ab aliqua speciali significatione: ut a iustus iusticia, a sapiens sapientia.
[Nebrija 1495: 158]

Exeunt itaque denominativum in a ut iustus iusticia, a prudens prudentia, a cautus cautela, a cantus cantilena.
Exeunt in o, ut a capite capito, onis, a naso naso, onis, a fronte fronto, onis.
Exeunt in al, ut ceruice ceruical, a tribuno tribunal, a puteus puteal.
In il, ut a pugillus pugil,
In um, ut a sole solarium, a rosa rosarium.
In etum, ut oliuetum ab oliua, coryletum a corylo.
In bulum, ut a cunis cunabulum, a vesta vestibulum
In ar, ut a lupa lupanar, a lacu lacunar
In es, ut ab equus eques, a pes pedes
In is, ut a fide fidelis, a crudus crudelis
In os, ut a lepus lepos
In us, ut a tribus tribunus.

In **ceus** a um & i **cius** materiam significat ut triticeus harundinaceus cementicius ex materia tritici arundinis cementi In **osus** habitionem sive copiam significant ut animosus saxosus idest habens animi vehementiam & copiam soxarum.
[Nebrija 1495: 158]

(132)

Denominativo nombre es aquél que se deriva et deciende de otro nombre, et no tiene alguna especial significación de aquellas cinco que dix~imos arriba; como de justo, justicia; de moço, mocedad; de anima, animal

Denominativos se pueden llamar todos los nombres que se derivan et decienden de otros nombres; et en esta manera, los patronímicos, possessivos, diminutivos, aumentativos et comparativos, se pueden llamar denominativos; más propria mente llamamos denominativos aquéllos que no tienen alguna especial significación. I por que éstos tienen mucha semejança con los possessivos et gentiles, diremos agora junta mente dellos.

[Nebrija 1492: 26]

(133)

Gentiles nombres llaman los gramáticos aquellos que significan alguna gente, como español, andaluz, sevillano; aunque Tulio, en el primero libro de los oficios, haze diferencia entre gente, nación et naturaleza; por que la gente tiene debax~o de sí muchas naciones, como España a Castilla, Aragón, Navarra, Portogal; la nación, muchas ciudades et lugares, que son tierra et naturaleza de cada uno; mas todos estos llamamos nombres gentiles, del nombre general que comprende a todos.

Por la maior parte salen estos nombres en esta terminación ano, como de Castilla, castellano; de Italia, italiano; de Toledo, toledano; de Sevilla, sevillano; de Valencia, valenciano, o valentin, como de Florencia, florentin; de Plazencia la de Italia, plazentin, de Plazencia la de España, plazenciano; et a semejança de aquéstos dezimos: de palacio, palanciano, por palaciano; de corte, cortesano.

Salen esso mesmo los nombres gentiles muchas vezes en es, como de Francia, francés; de Aragón, aragonés; de Portogal, portogués, por portogalés; de Córdova, cordovés; de Burgos, burgalés, por burgués; et a esta semejança, de corte, cortés.

Salen a 1as vezes estos nombres en eño, como de extremo, extremeño; de Cáceres, cacereño; de Alcántara, alcantareño; et a esta semejança, de mármol, marmoleño; de seda, sedeño.

De los lugares no tan principales no tenemos assí en el uso estos nombres gentiles, pero podemos los sacar por proporción et semejança de los otros, en tal manera, que aquella formación no salga dura et áspera; aunque, como dize Tulio, en las palabras no ai cosa tan dura que usándola mucho no se pueda hazer blanda; como si a semejança de Cáceres, cacereño, quisiéssemos hazer Guadalupe, guadalupeño, et Mérida, merideño; aunque luego, en el comienço, esta derivación parezca áspera, el uso la puede hazer blanda et suave.

Salen algunas vezes los nombres gentiles en isco, como de alemán, alemanisco; de moro, morisco; de Navarra, navarrisco; de Barbaria, barbarisco; et a esta semejança, de mar, marisco; de piedra, pedrisco.

Salen en esco, como de Flandes, flandesco; de Sardeña, sardesco; et de frío, fresco; de pariente, parentesco.

Salen algunas vezes en ego, como de cristiano, cristianego; de judío, judiego; de Grecia, griego; de Galizia, gallego; et assí, quiso salir, de Arabia, arávigo, sino que mudó el acento, et la e en i. Sin proporción ninguna salió de Andaluzía, andaluz, como de capa, capuz

[Nebrija 1492: 26]

(134)

Salen los nombres denominativos en

a, como de justo, justicia; de malo, malicia; de abad, abadía.

Salen en d, como de bueno, bondad; de malo, maldad.

Salen muchas vezes en al, como de cuerpo, corporal; de asno, asnal;

et muchos de los q**ue significan lugar en que alguna cosa se contiene**, como de rosa, rosal; de enzina, enzinal; de roble, robledal; de mançana, mançanal; de higuera, higueral; de pino, pinal; de guindo, guindal; de caña, cañaveral, por cañal, o por que los antiguos llaman cañavera a la que agora caña, o por que no concurriesse cañal con el cañal de pescar. Salen estos nombres tan bien muchas vezes en ar, como de oliva, olivar; de palma, palmar; de malva, malvar; de lino, linar; et assí, de vaso, vasar; de colmena, colmenar.

Salen en edo, como de olmo, olmedo; de azevo, azevedo; de robre, robredo; de viña, viñedo; de árbol, arboleda, por arboledo, que en latín se llama 'arboretum'.

Salen los nombres denominativos muchas vezes en **oso**, et s**ignifican hinchimiento de aquello que significa su principal;** como de maravilla, maravilloso, por lleno de maravillas; et assí, desseoso, codicioso, amoroso, sarnoso, lleno de desseo, cobdicia, amor, sarna.

Semejantes en **significación son los que acaban en ento,** como sangriento, soñoliento, hambriento, sediento, avariento, polvoriento, por lleno de sangre, sueño, hambre, sed, avaricia, polvo.

Otros **significan materia**, como los que acaban en ado o en azo; como de rosa, rosado; de viola, violado; de cevada, cevadazo; de trigo, trigazo; de mosto, mostaza; de lino, linaza. Salen algunas vezes estos nombres en uno, como de cabrón, cabruno, de oveja ovejuno; de vaca, vacuno; de ciervo, cervuno.

Salen muchas vezes los nombres denominativos en ero, et **significan común mente oficios**; como de barva, barvero; de çapato, çapatero; de oveja, ovegero; de hierro, herrero.

Semejantes a éstos son los que acaban en or, mas son por la maior parte verbales; como de tundir, tundidor; de tex~er, tex~edor; de curtir, curtidor.

Otros denominativos salen en arlo, et **significan lugar donde alguna cosa se pone et guarda,** como sagrario, donde las cosas sagradas; armario, donde las armas; encensario, donde el encienso.

Otros salen en otras muchas determinaciones; mas el que escrive preceptos del arte abasta que ponga en el camino al lector, la prudencia del cual, por semejança de una cosa a de buscar otra.
[Nebrija 1492: 26]

(135)

Denominatiua quoq sunt apud hebreos quemadmodum & apud nos, sic dicta quod a nominibus deriuantur ut a tsedeq tseddiq idest iustus a iustitia, resha' rasha' idest malus a malicia.
[Zamora 1515: 22]

(136)

Et in his nominibus non est certa regula terminationis danda
[Zamora 1526: 50]

(137)

Para lo qual es de notar que los substantivos unos **se derivan solamente de nombres**

y otros indiferentemente de nombres y adverbios y otros de solos verbos.
[Olmos 1547: 290]

Los que salen solamente de nombres unos acaban en –**catl**, y éstos se derivan de pueblo, y significan el hombre o persona de aquel pueblo de donde se derivan; y éstos en el plural pierden el –tl y quedan en –ca.
Exemplo:
'de México' mexicatl 'hombre de Mexico' mexica
[Olmos 1547: 290]

Y para la **formación** déstos, es de notar que los nombres de pueblos, por la mayor parte, fenescen en las siguientes síllabas o letras: –c,– ca,–can, –chan, –co, –la, –ma, –pa, titlan. Los que acaban en –c, –ca, –can, –co, bueluen el –c, –ca,–can, –co, en -catl.
Tepexic cierto pueblo tepexicatl persona de tal pueblo
[Olmos 1547: 290]

De los de –**chan** no se forman derivativos en –catl, pero supplen los con estos nombres: tlacatl, calle, chane. Exemplo: Quauhtinchan tlacatl vel Quauhtinchan calle vel Quauhtinchan chane, 'persona de tal pueblo'.
[Olmos 1547: 291]

Los que descienden de nombres de pueblos, como de México, mexicayutl, formar se han de su nombre derivativo acabado en –catl, bolviendo el –tl en –yutl. Exemplo: 'de Tlaxcalla', tlaxcalhtecatl, tlaxcaltecayutl, 'cosa de Tlaxcalla'.
[Olmos 1547: 294]

Sácanse los nombres de pueblos que acaban en –**chan** y en –**titlan**, porque éstos sobre el mismo nombre del pueblo toman –ca, y añaden –yutl. Exemplo: Quauhtinchan, quauhtinchancayutl; Quauhtitlan, quauhtitlancayutl.
[Olmos 1547: 294]

Y es de notar que los nombres substantivos que se fenescieren en –c preposición, y también los adjectivos que acabaren en –c, tomarán –a sobre la –c y añadirán –yutl. Exemplo: ylhuicac, 'en el cielo', ylhuicacayutl, 'cosa del cielo'; cuztic, 'cosa amarilla', cuzticayutl, 'amarillez de la tal cosa'.
[Olmos 1547: 295]

Ay otros derivativos que salen de nombres que acaban en –**yutl** o en –**lutl**; y significan el ser de la cosa o lo que pertenesçe o es anexo a ella. Exemplo: Teutl, 'Dios', teuyutl, 'divinidad' o 'cosa que pertenesce a Dios o a su servicio'; maceualli
[Olmos 1547: 293]

Y la formación déstos es, perdiendo lo que el nombre ha de perder, tomar –yutl; y si el

nombre quedare en –l tomará –lutl. Exemplo: çuquitl, ‘lodo’, çuquiyotl, ‘cosa de lodo’; pilli, ‘hidalgo’, pillutl, ‘hidalguía’.
[Olmos 1547: 293]

También estos derivativos en –**yutl, –lutl** salen de nombres y adverbios temporales; y la formación dellos es differente de los passados porque en los que salen de nombres, perdiendo lo que han de perder, toman –ca, y sobre el –ca añaden –yutl. Exemplo: çexiuitl, ‘año’, çexiuhcayutl, ‘cosa deste año pasado’, scilicet, hecha o cogida, vel monamiccayutl vel yeoxiuhcayutl, de futuro, no se dize.
[Olmos 1547: 294]

Los que se –yo,–llo derivan de nombres acaban en una destas terminaciones:–yo,–llo. Y el significado déstos es cosa que tiene aquello que significa el nombre de donde salen. Y éstos, en el plural, toman –que sobre la –o. Exemplo: çuquitl, ‘lodo’ o ‘barro’, çuquiyo, ‘cosa lodosa’; plural, çuquiyoque.
[Olmos 1547: 307]

La formación déstos es, los acabados en –yo que salen de nombres acabados en –tl o en –tli, hazen al nombre perder el –tl o el –tli y toman –yo. Exemplo: yztatl, ‘sal’, yztayo, ‘cosa salada’; uctli, ‘vino’, ucyo, ‘cosa vinada’
[Olmos 1547:307]

Los acabados en –llo se forman de los nombres acabados en –lli, bolviendo la–i en –o. Exemplo: temalli, ‘materia’, temallo, ‘cosa que tiene materia’.
[Olmos 1547: 307]

Y éstos, con los pronombres –no, –mo, –y, etc., hazen en dos maneras en el singular. Porque, o se quedan en la mesma terminación, tomando los pronombres al principio, o también sobre la –o toman –cauh. Y en el plural los unos y los otros toman –ua. Exemplo: yztatl noztayo vel noztayocauh, plural, noztayo ua vel noztayocaua.
[Olmos 1547:307]

Y es de notar que el primero significado es muy differente del segundo, porque el primero denota que aquello que importa el nombre está en mí mesmo, y el segundo que está en cosa mía. Exemplo: çuquitl, es ‘lodo’, çuquiyo, ‘cosa lodosa’, noçuquiyo querrá dezir ‘mi suziedad’ o ‘el lodo que está en mí’, pero noçuqui yocauh querrá dezir ‘mi cosa suzia’.
[Olmos 1547: 307]

Los derivativos adiectivos unos se derivan de nombres y otros de verbos. Los que se derivan de nombres (...)
[Olmos 1547: 307]

(138)

ESTA dicho arriba que esta dictión **yoc** es preposición del effectivo, y es la verdad que lo es; pero muchas vezes en esta lengua se usa della quedándose en la misma significación, y se junta y compone con muchos nombres, y por ella se constituye una manera universal de hablar muy elegante, componiéndose con todos ellos y haziendo casi un término incomplexo, que significa poseer o tener la cosa significada por el nombre a que se ayunta, v.g.: coça significa 'marido', coçayoc 'la que tiene marido'

[Tomás 1560: 152]

ACOSTUMBRASE assí mismo en esta lengua una manera de hablar, no menos elegante ni usada que la passada, y es por esta preposición **nac**, que tiene la contraria significación de **yoc**, conviene a saber: 'sin'; y júntase y compónese assí mismo generalmente con todos los nombres, de lo qual resulta una total significación, que es estar o carecer de la cosa significada por el término en cuya composición entra la dicha preposición **nac**, v.g.: homa significa 'cabeça', homanac 'cosa sin cabeça';

[Tomás 1560: 152 - 153]

(139)

Item usan de la figura que el latino llama emphasis, como arriba se començó a tocar, que es quando el término se toma en menor significación del rigor dél. Cométenla usando deste término çapa, que es un nombre muy general, y aplicado a muchas hablas; y es dictión exclusiva, que significa lo que en latín solum modo, y en romance 'tan solamente'; y los indios hablan por él, lo que los latinos por los nombres verbales en or o en trix: amator, amatrix& c., y los españoles amador o amadora, y los semejantes; y háblanlo juntando el dicho adjectivo çapa con los participios del verbo, que significa la cosa que queremos explicar o con los nombres dellas, v.g. Exemplo de lo primero: 'tú eres comedor' dizen micocçapa cangui, 'tú eres bevedor' dizen upiacçapa cangui, 'yo soy sabio' dizen yachacçapa cani

Dixe al principio que se cometía la figura emphasis hablando por este nombre porque en rigor mayor es la significación dél, que no es el sentido en que se toma, porque en rigor cacheçapa significa 'todo sal' o 'solamente sal', y tómase por cosa que tiene mucha sal;

[Tomás 1560: 150 - 151]

(140)

Item ay un adverbio que generalmente se saca y forma quasi de todos los nombres de las cosas, en esta manera: que si el tal nombre se acaba en vocal, se ha de añadir al tal nombre una n y luego esta dictión tin; y si se acaba en consonante, [ay que] añadirle solamente la partícula tin, v.g: Exemplo de lo primero: guauqui significa 'hermano', guauquintin significa 'hermanablemente'; yaync significa 'señor', yaynctin significa lo que dezimos en España 'de señor en señor’.

[Tomás 1560: 110]

(141)

conparationis gradus sunt tres, p*ositiuus, conparatiuus, superlatiuu*s:

positiuus, |ut fortis;
conparatiuus, ut fortior,
superlatiuus, ut fortissimus.

[GL – 4, 617]

(142)

conparatiuo et superlatiuo gradui tam aut **minus** aut **minime** |aut **magis** aut **maxime** adici non oportet:

adiciuntur autem positiuo tantum; dicimus enim |tam bonus tam malus, minus bonus minus malus, minime bonus minime malus, magis |bonus magis malus, maxime bonus maxime malus. |

[GL – 4, 618]

(143)

sed conparatiuus gradus generis est semper communis.

[GL – 4, 618]

conparantur autem nomina, quae aut qualitatem significant aut quantitatem.

saepe idem minus a positiuo significat, quamuis recipiat conparationem, |ut «mare Ponticum dulcius quam cetera».

[GL – 4, 618]

sed |non omnia per omnes gradus eunt.

Aliquando enim positiuus gradus tantum inuenitur, ut mediocris;
aliquando positiuus et conparatiuus, ut senex senior;
aliquando positiuus |et superlatiuus, ut pius piissimus: **nam pro secundo gradu magis aduerbium ponimus, ut |magis pius;**
aliquando conparatiuus et superlatiuus, ut ulterior ultimus; aliquando |superlatiuus tantum, ut nouissimus. extra hanc formam sunt bonus et malus: dicimus enim |bonus melior optimus, malus peior pessimus.

[GL – 4, 618]

(144)

conparatiuus gradus **ablatiuo casui adiungitur utriusque numeri;** sed tunc hoc utimur, cum **aliquem uel alieno uel suo generi conparamu**s, ut Hector fortior Diomede uel |audacior Troianis fuit [dicimus autem et fortior hic quam ille est].

interdum |conparatiuus gradus **nominatiuo adiungitur**, ut doctior hic quam ille [est].

superlatiuus |autem **genetiuo tantum plurali adiungitur;** sed tunc hoc utimur, cum

aliquem suo generi |conparamus, ut Hector fortissimus Troianorum fuit.
[GL – 4, 618]

(145)

|conparatio nominum proprie in conparatiuo et superlatiuo gradu est constituta. nam |positiuus perfectus et absolutus est.

aliquando positiuus |et superlatiuus, ut pius piissimus: **nam pro secundo gradu magis aduerbium ponimus, ut |magis pius;**

(146)

comparatiuum est, quod cum **positiui intellectu uel cum aliquo |participe sensu positiui *magis* aduerbium significa**t: ut fortior, magis fortis, |sapientior, magis sapiens, ulterior, magis ultra quam ille qui ultra |est, interior, magis intra quam ille qui intus est.
[GL – 2,83]

superlatiuum est, quod uel **ad plures sui generis comparatum |superponitur omnibus uel per se prolatum intellectum habet cum *ualde* |aduerbio positiui,** ut fortissimus Graecorum Achilles id est fortis super |omnes Graecos; sin autem dicam fortissimus Hercules fuit, non adiciens |quorum, intellego ualde fortis. tale est apud Ciceronem pro M(arco) | Marcello: «simillimum deo iudico», pro ualde similem deo.
[GL – 2,94]

sed **superlatiuus** multo alios **excellere |significat**,
[GL – 2,86]

(147)

|**deriuantur** igitur comparatiua a nominibus **adiectiuis**, quae sumuntur |ex **accidentibus substantiae nominum. accidentia autem sunt, quae ex |qualitate uel quantitate animi uel corporis uel extrinsecus forte euenientium |trahuntur, quae possunt incrementa uel diminutiones accipere,** per quae **|comparatio nascitur, sine quibus substantia intellegi potest**: ea uero nisi prior |illa intellegatur, esse non possunt. si enim dicam homo uel lapis, |substantiam demonstraui, cuius significatio nec augeri potest nec minui, |0084| sin aliquid accidens [homini uel lapidi] proferam, tunc habet locum |comparatio, ut homo prudens et prudentior, lapis niger et nigrior. |quamuis enim non sit prudens, potest homo intellegi, et lapis quamuis |non sit niger, intellegitur lapis.
[GL – 2,83-84]

itaque adiectiua iure sunt appellata, quae |illis nominibus, quae substantiam demonstrant, adiciuntur, quamuis |antiqui etiam in quibusdam gentilibus comparatiuis usi sunt, ut Punus |Punior (Plautus in Poenulo: |«nullus me est hodie

Punus Punior») |et superlatiuis etiam in pronominibus, ut idem Plautus in trinummo: |«† ergon ipsus est? :: ipsissimus :: / |† abhinc ab oculis?». |
[GL – 2,84]

comparatiuus uero **potest et paruo superantem demonstrare**, unde |etiam **diminutionem** apud nos iure accipit: maiusculus, minusculus, |tardiusculus.
[GL – 2,86]

fiunt autem comparatiua a nominibus, uerbis, participiis, aduerbiis|siue praepositionibus.

|a nominibus, ut clarus clarior, felix felicior. |

a uerbis: detero deteris deterior, potior potiris, hic et haec|potior et hoc potius potioris (possumus tamen hoc etiam a nomine potis |accipere, quamuis significatio alia esse uideatur, unde Terentius in | Phormione: |«ubi tu dubites, quid sumas potissimum», |pro optimum).

|a participiis: indulgens indulgentior, amans amantior. sed quando |comparantur participia, transeunt in nominum significationem. |0085| ab aduerbiis siue praepositionibus, ut extra exterior.
[GL – 2,84 - 85]

et sciendum, |quod localia sunt haec aduerbia siue praepositiones, ex quibus comparatiua |nascuntur nomina et paene haec: extra exterior, intra interior, ultra |ulterior, citra citerior (uetustissimi tamen citer protulisse |inueniuntur. Cato de agna pascenda: «citer ager alligatus ad sacra erit». |citimus quoque dicebant teste Capro. exter quoque inuenitur, ut |Statius in XIThebaidos: |«sed quid apud tales, quis nec sua pignora curae, / |exter honos?». |ex quo Virgilius in IIII: |«et nos fas extera quaerere regna»), |supra superior, infra inferior, post posterior, prope propior, ante |anterior, penitus penitior. Apuleius in IHermagorae: «uisus |est et adulescens honesta forma quasi ad nuptias exornatus |trahere se in penitiorem partem domus».
[GL – 2,85]

|et sciendum, quod ex eisdem formis siue terminationibus supra |dictarum in comparatiuis partium orationis fiunt etiam superlatiua.
[GL – 2,94]

(148)

et sciendum, quod omnia in or desinentia comparatiua **communis sunt|generis** et mutantia or in us faciunt **neutrum** excepto uno, quod solum |cum sit a positiuo quantum ad suam uocem fixo, seruauit eius genus, hic |0090| senex, huic seni, hic senior, quamuis hoc quoque uetustissimi commune |accipientes hic et haec senex proferebant. Pompilius in |epigrammate, quod M(arcus) Varro in libris qui sunt de lingua Latina refert: |«tua amica senex».|inuenitur etiam nequam, quod est indeclinabile trium generum, tam |comparatiuum quam superlatiuum, ut nequam nequior nequissimus.

[GL – 2,89 - 90]

(149)

|fit autem **comparatio** uel **ad unum uel ad plures tam sui generis quam |alieni**, quamuis Graeci honoris causa suae gentis quam ratione ueritatis |dicunt, non posse ad multos sui generis fieri comparationem.

alii autem |dicunt, hanc esse rationem, propter quam non utuntur tali comparatione, |0086| quod, **cum ad plures sui generis fit comparatio, superlatiuo** possumus uti, |ut fortissimus Graiorum Achilles.
[GL – 2,85- 86]

sed **superlatiuus** multo alios **excellere |significat**,
[GL – 2,86]

quid autem, quod accidit **inter tres uel quattuor uel plures,** |non tamen **ad totum genus** fieri comparationem et necesse est uti plurali |suorum? ut si dicam fortissimi fuerunt Graecorum Aiax, Diomedes, Agamemno, |Vlixes, omnibus tamen his fortior fuit Achilles. Virgilius in I:|«Pygmalion scelere ante alios immanior omnes», |ad omnes sceleratos conferens Pygmalionem comparatiuo est usus. |Statius in VIII: |«et melior sis, quaeso, deis» |Amphiaraus dicit ad Plutonem. |
[GL – 2,86]

(150)

|et comparatiuus quidem gradus ablatiuo casui adiungitur utriusque |numeri, interdum tamen etiam nominatiuo, quando quam aduerbium |sequitur, superlatiuus autem genetiuo plurali uel singulari, quando ipsum nomen |singulare multitudinem significat, ut: «fortissime gentis».
[GL – 2,94]

(151)

magis quoque [aduerbium] non solum |positiuo, sed etiam comparatiuo iungitur, quando ipse comparatiuus uel ad se|uel ad alium comparatur, ut Achilles Aenea fortior magis quam iustior et |Aiax Vlixe **fortior magis quam Diomede**.
[GL – 2,94]

(152)

sunt igitur quae comparari possunt nomina uel secundae uel tertiae |declinationis. et si sint secundae, mobilia sunt, id est, in a faciunt |feminina et in um neutra et uel in er uel in us desinunt et assumentia genetiuo |or faciunt comparatiua, correpta tamen paenultima i, ut tener [teneri] |tenerĭor, niger [nigri] nigrĭor, clarus [clari] clarĭor, doctus [docti] |doctĭor (notandum est, quod sinisterior [quasi] a genetiuo sinisteri |uidetur esse factum, cum in usu sinistri ubique reperiatur).
[GL – 2,86]

|et puto, hanc esse rationem, quod oportet comparatiuum una syllaba |uincere genetiuum positiui, nisi sint anomala, ut teneri tenerior, docti doctior. |si ergo haec, quae ante us uocalem habent, assumant genetiuo or, |necesse est inter duas uocales positam i transire in uim consonantis, quod in|Latinis dictionibus semper fere patitur, cum inter duas uocales inuenitur |uim suam seruantes. hoc autem [ideo] dixi, quod u post q uel [post] g |posita saepe ante i hoc non facit, quippe amittens uim suam, ut nequior, |pinguior, quod nisi fiat, contingit, si in consonantem transeat i, pares |esse syllabas genetiuo positiui cum nominatiuo comparatiui uel hiatum |intolerabilem fieri tribus uocalibus per tres syllabas continue positis nulla |consonante media, si dicamus piior, arduior. quod ne fiat, non sunt usi|eorum comparatiuis.

Plerique assumunt igitur magis aduerbium et usum |comparatiui complent, ut magis pius hic quam ille; uetustissimi |tamen comparatiuis etiam huiuscemodi sunt [est quando] usi. Cato [dixit]: |«quod iter longius arduiusque erat a curia». idem ad | populum de triumpho: «asperrimo atque arduissimo aditu». |Pacuuius in Medo: |«mulier egregiissima / |forma».|Iuuenalis in IIII: |0088| «egregius caenat meliusque miserrimus horum», |pro egregiius. M(arcus) Cato in oratione, ne quis iterum consul fiat: |«imperator laudem capit, exercitum meliorem, industriiorem |facit». G(aius) Gracchus contra Q(uintum) Aelium Tuberonem: «utrum |inimicorum meorum factio an magis sollicitudo te impulit, ut in me |industriior sis quam in te?». idem Catode Ptolemaeo minore de | Thermi quaestione: «quantoque suam uitam superiorem atque |ampliorem atque antiquiorem animum inducent esse quam |innoxiiorem». idem Cato de Macedonia liberanda: «idque |perpetuius atque firmius repsit». idem in Thermum: «sed a |benefactis, ab optimis artibus fugit maxima fugella perpetuissimo |curriculo». Lucilius in XVI ad Fundium:|«Fundi delectat uirtus te, uilicus paulo / |strenuior si euaserit».

|sunt autem et alia in us terminantia, ex quibus comparatiua supra |dictam regulam non seruant et dicuntur inaequalia. quorum quaedam |0089| habent i breuem uocalem ante or, sicut alia quaedam i loco consonantis, |quaedam uero consonantem, ut bonus melior, iuuenis iunior pro iuuenior, |magnus maior, malus peior, paruus minor. plus quoque uidetur |comparatiuum esse multi, sed singularis nominatiuus non inuenitur nisi |neutri generis, pluralis uero etiam communis, ut hi et hae plures et |haec plura. antiqui tamen etiam pluria dicebant, unde Terentius in | Phormione «compluria». superlatiuus tamen ab hoc ipso omnium |generum inuenitur, plurimus plurima plurimum. |

quae uero tertiae declinationis nomina faciunt comparatiua, uel |communia sunt in is desinentia et faciunt neutra in e, uel in er sunt|masculina facientia in is feminina et in e neutra, uel in er, es, ns, rs, x, |communia uel trium generum, et assumunt or datiuo correpta i paenultima et |faciunt comparatiuum, ut hic et haec fortis et hoc forte, huic forti, hic |et haec fortior et hoc fortius; hic acer haec acris hoc acre, huic acri, |hic et haec acrior et hoc acrius; hic et haec et hoc pauper, huic |pauperi, pauperior et pauperius; locuples, locupleti, hic et haec |locupletior et hoc locupletius; hic et haec et

hoc sapiens, huic |sapienti, hic et haec sapientior et hoc sapientius; hic et haec et hoc |iners, huic inerti, hic et haec inertior et hoc inertius; hic et haec |et hoc audax, huic audaci, hic et haec audacior et hoc audacius.

sunt igitur |formae superlatiuorum octo:

duae quidem, in quas pleraque desinunt |superlatiua,
rimus et simus,
sex uero, in quas pauca desinunt,
limus, |ximus, timus, remus, fimus, nimus.

et omnia superlatiua |mobilia sunt, id est mutatione us in a faciunt feminina et in um neutra. |0095| in er igitur desinentia positiua cum sint adiectiua siue secundae seu |tertiae declinationis, accepta **rimus** faciunt superlatiuum, ut pulcher |pulcherrimus, miser miserrimus, pauper pauperrimus, acer acerrimus. |excipitur dextimus et sinistimus pro dexterrimus et sinisterrimus. |Sallustius in Iugurthino: «Sulla cum equitatu apud dextimos, |in sinistra parte Mallius cum funditoribus». |in us uero terminantia secundae declinationis assumunt genetiuo s |et simus et faciunt superlatiuum, ut clarus clari clarissimus, doctus |docti doctissimus, perditus perditi perditissimus,

exceptis anomalis, id |est inaequalibus, quae sunt bonus optimus, malus pessimus, magnus |maximus, paruus minimus, multus plurimus.

|excipitur etiam

maturrimus, cuius cum positiuus maturus sit, |tamen, quasi a nominatiuo matur, qui nunc in usu non est, nascatur, in |er desinentium regulam seruauit, id est in rimus terminatur. inuenitur |tamen etiam maturissimus secundum analogiam in us terminantium. |Cicero ad Herennium libro V: «quibus uirtutibus omnem tueri |uitam possint, eas in aetate maturissima uelint comparare». | **nuperrimus** etiam proferebant antiquissimi, unde aduerbium posuit |Cicero in tertio ad Herennium: «et quoniam nuperrime dictum |0096||facile memoriae mandatur», qui superlatiuus magis ab aduerbio in er |desinente uidetur nasci. nomen enim positiuum in us desinit, ut Capro |uidetur, nuperus, cuius accusatiuum Plautus profert in captiuis: |«recens captum hominem, nuperum et nouicium». |et bene: ut super superus, sic nuper nuperus debet esse. Liuius |in Odyssea: |«inferus an superus tibi fert deus funera, Vlixes?»

tertiae uero declinationis nomina, quae habent superlatiuum, absque |in er desinentibus, de quibus supra dictum est, cetera genetiuo assumunt |simus, ut locuples locupletis locupletissimus, uilis uilis uilissimus, |sapiens sapientis sapientissimus, iners inertis inertissimus, concors |concordis concordissimus, audax audacis audacissimus.

excipiuntur haec: **facillimus, difficillimus, gracillimus, |humillimus, simillimus,** dissimillimus, agillimus, quorum, cum in is desinunt, |positiui abiecta is et assumpta limus faciunt superlatiuos.

excipiuntur |etiam in **bris** desinentia: ris enim in er mutant et accepta rimus|faciunt superlatiuum, salubris saluberrimus, celebris celeberrimus. |Cicero in II ad Herennium: «locus quaeritur celebris an|desertus».
[GL – 2,87 - 96]

(153)

|inueniuntur quaedam, quae quamuis sint accidentia [id est adiectiua] |et eorum significatio exigat, ut faciant comparatiua, tamen non habentur |in usu frequenti. sunt autem ea plerumque, quae uocales ante us habent, |ut pius, arduus, egregius, dubius, strenuus, quamuis Plautus |ex eo comparatiuum protulit strenuior in Epidico: |0087| «nam strenuiori deterior si praedicat / |suas pugnas, de illius † illae fiunt sordidae».
[GL – 2,86 - 87]

(154)

Quod est nomen **comparatiuum**? Quod cum **intellectu positiui uel aliquo participe sensus positiui significat magis aduerbium** ut iustior magis iustus, inferior magis infra.

Comparativum est quod cum intellectu positivi [idest ultra illud quod significat nomen positivum] aut aliquo participe sensus positivi idest quacunqua alia parte orationis quae ponitur loco nominis positivi puta verbo, participio, preapositione, adverbio a quibus ut mox comparativua possunt derivari significat adverbium magis, ut fortior magis fortis.

Superlativum nomen est **quod ultimum excessum significat** & **ad plura duobus sui generis relatum omnibus anteponitur** ac per **positivum, & adverbium maxime redditu**r: ut Scipio Africanus fuit moderatissimus Romanorum, hoc est maxime moderatus.

Quod est nomen superlatiuum. Quaerit rursus tria eadem quae de comparatiuo. Respondetq primum ex Prisciani verbis superlatiuum esse quod comparatiuum ad plures sui generis quia comparatiuus etiam ad unum & ad res diuersorum generum potest comparari, omnibus superponitur idest omnes in significato superlatiui transcendit ut Plato graecorum longe doctissimus. Plato enim cum sit graecus ad reliquos omnes comparatus omnibus superponitur neq enim recte atq latine diceretur Plato latinorum doctissimus cum Plato latinus non fuerit. Atuero per comparatiuum recte dixeris graeci doctiores sunt latinis.

[Nebrija 1495: 158 159]

(155)

Addit vel per **se prolatum** idest non facta comparatione sed absolute positum significat quantum positivuum cum hoc adverbio valde ut Plato doctissimus idest valde doctus

[Nebrija 1495: 158]

(156)

Cuius gradus cum sint tres hoc est positivus, comparativus & superlativus omisso positivo hoc est primo comparationis gradu ab quo tamquam a prima positione reliqui duo formantur tria de quolibet illorum quaerit **primum quae sint comparativus & superlativus, secundum ab quibus nominibus derivantur. Tertium quomodo debeant formari. Cum quibus casibus construantur libro quarto dicturi sumus.**
[Nebrija 1495: 159]

Comparatiua unde formantur? A nominibus **adiectiuis quae possunt incrementum diminutionemq** suspicere ut a bonus, bona, bonum melior & a verbis ut a detero deterior & ab aduerbiis & praepositionibus ut a pridem prior, ab ultra ulterior.

Comparatiua unde formantur: Respondetq non passim ab omnibus partibus orationis formari sed tantum a nominibus adiectiuis quae possunt incrementum diminutionemq suscipe aut quemadmodum aiunt Diomedes & Donatus quae qualitatem aut quantitatem significant. Nam quod ab ipse, ipsa, ipsum Plautus fecit ipsissimus & qui a nerone neronior, a lapide lapidior fecerunt nimis licenter abusi sunt comparatiuo & superlatiuo. Ex quo infertur comparatiuum non posse formari a nominibus quorum significatio non potest crescere qualia sunt **ingens, unicus, summus, imus, omnipotens**

Superlatiua unde formantur? Ad eisdem n**ominibus adiectiuis unde formantur comparatiua.**

Superlatiua unde fomantur. Ab eisdem respondet nominibus adiectiuis a quibus formantur comparatiua hoc ab iis q incrementu diminutio nemq possunt recipere.

A verbis duo venerunt comparatiua & totidem superlatiua: quamquam sunt qui illa eadem a nominibus derivare contendant a deter quod in usu non est deterior deterrimus quod a detero potius derivatur & a potis & pote potior potissimus: quod a potior potiris magis derivari videtur cum a significatione potis & pote recesserit.

Ab adverbiis quoque & praepositionibus formantur comparatiua & superlatiua, ut a Penitus penitior penitissimus

Ab extra dicimus exterior extimus

[Nebrija 1495: 159 - 160]

Comparatiua quomodo formantur. Respondet quod cum nomina adiectiua ex quibus possunt comparatiua formari: aut sint primae declinationis & secundae aut etiam tertiae in illis prioribus formatur a genetiuo terminato in i posterioribus a dativo addita or ab praepositione adverbio & verbo nullam certam rationem sequuntur.

Superlatiua quomodo formantur? In nominibus adiectiuis in er desinentibus superlatiua

formantur addita rimus, ut tener tenerimus. Pauper pueprrimus. Alias uero aut positiua sunt secundae declinationis aut tertiae. Si secundae declinationis, suplatiua fromantur a genitiuo terminato in i addita s simus, ut albus, albi albissimus. Si tertiae formantur addita simus tantum ut fortis fortis fortissimus.

Superlatiua quomodo formantur & quemadmodum formentur satis explicite demonstrate

In nominibus adiectiuis in er desinentibus superlatiua formantur addita rimus ut tener tenerrimus. Pauper pauperrimus. Alias vero aut positiua sunt secundae declinationis aut tertiae. Si secundae declinationis superlatiua formantur a genetuo terminato in i addita s simus ut albus albi albissimus. Si tertiae formantur addita simus tantum ut fortis fortis fortissimus.

Terminationes Superlativi in recto casu tres sunt: simus, rimus, & limus.
Simus, formatur ab eisdem casibus secundae, & tertiae declinationis in i terminatis, addita s & simus: ut justi justissimus.
Rimus fit a recto singulari nominum in er exeuntium adjuncta rimus: ut celer, cellerrimus
Limus fingitur a dativo tertiae declinationis, inter posita l & addita syllaba mus.
[Nebrija 1495: 159 - 160]

Regulae tamen superiores quae de comparatiuis & superlatiuis traditae sunt patiuntur ex parte aliquando exceptionem, ut in hic bonus, bona, bonum, a quo debuit esse bonior bonissimus & dicimus Melior optimus. Malus mala malum pro malior malissimus dicimus peior pessimus. Magnus magna magnum pro magnior magnissimus dicimus maior maximus. Paruus parua paruum pro paruior paruissiimus dicimus minor minimus.

Comparatiua quoque & superlativa non formantur a nominibus adiectiuis habentibus i vel u vocales ante is vel us ut pius arduus quae supplenda sunt per adverbia magis & valde

Praeterea comparativum construitur cum Ablativo utriusque numeri, aut cum hac particula quam in Nominativo.
[Nebrija 1495: 159 - 160]

Comparatiuum quoque quotiens **inter duos sit** comparatio ad imitationem graecorum **potest cum genetiuo** construi quotiens ponitur ut iuniores grammatici dicunt partitiue ut si dicas aiacum fartior fuit telamonius
[Nebrija 1495: 249]

loco etiam genitiui nonnunquam ponitur ablatiuus cum praepositione de vel ex
Horum posuit pro his ad imitationem graecorum qui cum ablatiuum non habeant

comparatiuum cum genetiuo construunt. Quemadmodum & superlatiuum
[Nebrija 1495: 249]

illo modo inter illos differentia est quod **comparatiuum** iungitur cum **genetiuo significante unum aliquid sui generis**, superlatiuum vero **cum genetiuo significante plura sui generis**.
[Nebrija 1495: 249]

Comparatiua quoque cum **ablatiuo siue septimo casu construuntur** ut nemo est eloquentior Cicerone
[Nebrija 1495: 249]

Comparatiua quoque diximus comparatiuum quotiens ponintur **partitiue construi cum genitiuo** nunc vero dicit q sive compararetur **ad unum siue ad plura sui vel diversi generi**s construitur cum ablatiuo siue septimo casu.
[Nebrija 1495: 249]

Nam ut alio etiam loco diximus quotiens **ablatiuus sine praepositione ponitur antiquiores septimus casum apellabant** ut achilles fuit fortior aiace & hectore ac perinde reliquis omnibus troianis possumus etiam dicere q aiax telamonius fortior fuit aiace oileo.
[Nebrija 1495: 249]

Et nomina superlativa **superlatiuum** cum **plurali tantum genitiuo construitur** ut Horatius pri.ser. graecorum longe doctissimus **potest etiam cum genetiuo singulari** construi modo sit nomen collectiuum hoc est in numero simgulari multitudinem significans
[Nebrija 1495: 249]

Superlativum construitur **cum genetivo plurali nisi nomen in singulari numero significet multitudinem**
[Nebrija 1495: 249]

(157)

Comparationem ut supra memoravimus Diomedes & Donatus inter nominis accidentia numerant: nos autem plaerosque grammaticorum secuti comprationem in speciei partes reiecimus illa persuasi ratione quod non omnibus sed certi cuisdam generis & significationis nominibus accidit comparatio.
[Nebrija 1495: 159 - 160]

Igitur interroganti quod est nomen comparativum respondet non quid est sed quid significet dicens ex Prisciani verbis.
[Nebrija 1495: 159 – 160]

(158)

Cuius **gradus cum sint tres hoc est positivus, comparativus & superlativus** omisso positivo hoc est primo comparationis gradu ab quo tamquam a prima positione reliqui duo formantur tria de quolibet illorum quaerit primum quae sint comparativus & superlativus, secundum ab quibus nominibus derivantur. Tertium quomodo debeant formari. Cum quibus casibus construantur libro quarto dicturi sumus.
[Nebrija 1495: 159 - 160]

(159)

Comparativum a superlativo differt quod comparativum ad unun & ad plures sui generis refertur,
[Nebrija 1495: 159 – 160]

illo modo inter illos differentia est quod **comparatiuum** iungitur cum **genetiuo significante unum aliquid sui generis**, superltiuum vero **cum genetiuo significante plura sui generis**.
[Nebrija 1495: 159 - 160]

(160)

Comparativum quid sit
Comparativum nomen est quod unum vel plura sui vel alieni generis superans, dissolvitur in positivum & hoc adverbium magis: ut tu es doctior illo vel illis hoc est magis doctus.
[Sempere 1546: 147]

Superlativum quid sit
Superlativum nomen est quod ultimum excesum significat & ad plura duobus sui generis relatum, omnibus anteponitur ac per positivum & adverbium maxime redditur ut Scipio Africanus fuit moderatissimus Romanorum hoc est maxime moderatus.
[Sempere 1546: 147]

Usurpatum sine apposito retinet absoluti & ejusdem adverbii maxime significationem ut Annibal callidissimus id est maxime callidus
[Sempere 1546: 147]

Gradus comparationis tres sunt: Positivus, vel absolutus, ut justus; Comparativus, ut justior, & justius; Superlativus, ut justissimus.
[Sempere 1546: 143]

Porro absoluta, vel positiva sunt omnia nomina adjectiva quorum significatio, vel intendi, vel remitti potest: ut candidus, iniquus, obscurus.
[Sempere 1546: 143 – 144]

Scholion
Ab his nominibus substantiuis: juvenis & senex fiunt comparatiua tantum junior &

senior.

Ideo haec positiua judicanda non **sunt cum intensionem aut remissionem numquam admittant**: ingens, omnipotens, summus, unicus, imus, medius, hodiernus, numeralia & pronomina.
[Sempere 1546: 144]

A participiis praesentis & praeteriti temporis ubi in nomina transierunt suo jure nascuntur ut amans virtutis, amantior & amantissimus.

Non tamen a participiis in dus etiamsi nomina fiant sed adjecto aliquo adverbio intendendi quadam circuitione suplentur ut admodum Reverendus; perquam colendus, plurimum observandus. Nam observatissimus ab observans est.
[Sempere 1546: 146]

A praepositionibus fiunt comparativa quaedam & superlativa: ut citra, citerior, citimus. A verbis nulla ratione ducuntur. Nam potior & potissimus a potis sive pote fiunt, non a verbo potior. Et deterior non a detero: sed a voce vetusta deter.

Nomina comparativa fiunt a genitivo singulari; addita or & us, si positiva sin secundae declinationnis: ut justi, justior, & justius. Si tertiae a dativo, iisdem syllabis adjunctis: ut forti, fortior & fortius.
[Sempere 1546: 146]

Terminationes Superlativi in recto casu tres sunt: simus, rimus, & limus.
Simus, formatur ab eisdem casibus secundae, & tertiae declinationis in i terminatis, addita s & simus: ut justi justissimus

Rimus fit a recto singulari nominum in er exeuntium adjuncta rimus: ut celer, cellerrimus

Limus fingitur a dativo tertiae declinationis, inter posita l & addita syllaba mus.
[Sempere 1546: 144]

Excipiuntur haec anomala quinque: bonus, melior, optimus; malus, peior, pessimus; magnus, major, masximus; multus, plus, plurimus; parvus, minor, minimus & composita a dico, facio, loquor & volo: ut benedictus, benedicentior, benedicentissimus
[Sempere 1546: 145]

A nominibus autem vocalem ante us habentibus, raro comparativa & superlativa, promanant sed positivis & his duobus adverbiis magis & maxime supplentur.

Arduus	Magis	Arduss
Idoneus	vel	Idoneus
Pius	Maxime	Pius

[Sempere 1546: 146]

Comparativum semper cum ablativo construitur; & aliquoties cum altero ablativo mensurans excessus significatione: ut sum te procerior cubito.

Superlativum construitur cum genetivo plurali nisi nomen in singulari numero significet multitudinem
[Sempere 1546: 147]

Haec conjuntio quam eligit similes casus in comparatione ut tu avidior es gloriae quam pecuniae
[Sempere 1546: 150]

(161)

De los comparativos
Del nombre digamos de su construcion
del qual en los casos arriba tocamos
y dimos caso a la comparacion
con ablatiuo y la superlacion
con genetiuo del plural juntamos

de comparacion primero digamos
que es cotejacion de cosas en forma
quando el extremo y medio conforma
y si assi no es, impropria llamamos
desto muy bien por orden te informa.

Si esta de uno a otro se haze
por comparatiuo sera su manera
o entre dos partir si te place
el genetiuo plural satisfaze
o sea entre muchos por orden qualquiera
si de un genero son aqui sea entera
la superlacion si no son dos grados
porque si sin ellos van comparados
de muchos a uno es cosa certera
de muchos a muchos ya son señalados

Luego de aqui se puede inferir
que muchos no aciertan en comparacion
quando tres grados quieren dezir
uno tras otro en orden subir
tomando el Romance por cierta razon
mas estos difieren en grados si son

muchos o pocos como diximos
y en exposicion si bien la pusimos
y tambien difieren en resolucion
y en esto a Prisciano errado lo vimos

Rige tamien el comparatiuo
allende del caso que ya senalamos
que exceso denote otro ablatiuo
y tambien el caso de su positiuo
y preposicion a bueltas le damos
y mediante quam le demostramos
todos los casos casi tener
y el superlatiuo tambien pueden ver
desta manera con casos hablamos
allende de su genetiuo querer
[Thámara 1550: 30 - 31]

El nombre bien rige si es adjetiuo,
y con genitiuo se halla primero,
con este fe pone como possessiuo
el nombre verbal aqui dezir quiero,
y a este se llega el superlatiuo,
también tiene fuerza la comparación,
quando dos cosas fon su partición,
y algunos a este se dan y al datiuo.
[Thámara 1550: 19]

Si esta de uno a otro se haze
por comparatiuo sera su manera
Rige tamien el comparatiuo
allende del caso que ya senalamos
[Thámara 1550: 31]

Comparatio fit quinq modis.
Comparatio fit quinque modis

Primo ab uno ad plures sui generis et tunc superlativo est utendum, ut
medius est digitorum longissimus

Secundo ab uno ad plures diversi generis et comparativo utendum est cum ablativo, ut
Leo est fortior lupis.

Tertio ab uno ad unum per casum significationem utrumque et sic comparativus habet
genitivum, ut Dextera est fortior manuum

Quarto fit comparatio a pluribus ad unum et tunc utendum est comparativo cum ablativo, ut Socii mei sunt doctiores me

Vel ab uno ad unum, ut
Antonius est doctior Petro

Quinto a pluribus ad plures et tunc utendum est comparativo cum ablativo, ut
Nos sumus pulchriores vobis
[Gilberti 1559: 238]

(162)

El lenguage Espanñol no tiene nombres comparatiuos quando quiere **hazer comparacion** la haze por esta particula mas y en superlativo muy.

[Del Corro 1586: 19]

Los adverbios que llaman de qualidad reciben tanbien comparacion, como los nombres delos quales descienden poniendoles las dichas particulas, mas y muy, ansi como mas justamente, mas propiamente, muy seueramente, muy sabiamente.

[Del Corro 1586: 20]

Ay tanbien praeposiciones las quales reciben comparatiuo y superlatiuo a la manera de los dichos aduerbios y ansi dezimos cerca, mas cerca, muy cerca.

[Del Corro 1586: 20]

(163)

Comparativo nombre se llama aquél que significa tanto como su positivo con este adverbio mas.

Llaman los latinos positivo aquel nombre de donde se saca el comparativo.
[Nebrija 1492: 25]

Superlativos no tiene el castellano sino estos dos: primero et postrimero.
[Nebrija 1492: 25]

El lenguage Espanñol no tiene nombres comparatiuos quando quiere hazer comparacion la haze por esta particula mas y en superlativo muy. Quando quiere usar de comparatiuo pone el positiuo y añade esta particula mas o mejor. Diziendo ansi Pedro es mas blanco q Joan, la gracia de Christo es mayor que la condemnaction que nos causo el pecado de Adam, menores son los nombres que hormigas, comparados a la grandeza de dios.

[Del Corro 1586: 20 - 21]

Carecen los Hespanoles de la Regular formacion de los comparatiuos, pero forman los praeponiendo a los positivos alguna de las dictiones que significan comparation
[Anónimo 1555: 92]

(164)

Comparativo nombre se llama aquél que significa tanto como su positivo con este adverbio mas.
[Nebrija 1492: 25]

Las dictiones que se suelen preponer antes de los positivis son dos — mas y muy, ansi como en el positivo Blando, Comparativo mas blando y muy blando. Positivo sancto, comparativo mas sancto o muy sancto
[Anónimo 1555: 92]

Quando quiere usar de comparatiuo pone el positiuo y añade esta particula **mas** o mejor. Diziendo ansi Pedro es mas blanco q Joan, la gracia de Christo es mayor que la condemnaction que nos causo el pecado de Adam, menores son los nombres que hormigas, comparados a la grandeza de dios. **De fuerte que las particulas para hazer comparacion son: mas, mejor, peor, menor.** &c.
[Del Corro 1586: 19 - 20]

Todos los otros dize por rodeo de algún positivo et este adverbio **mui**, como diximos que se hazían los comparativos con este adverbio más, como diziendo bueno, más bueno; mui más bueno.
[Nebrija 1492: 25-26]

Tres son las terminactiones de los superlativos. **Ssimo, imo, errimo.** Como Bonissimo, sanctissimo, facillisimo. En imo, como fecillimo, humilimo, similimo. En Errimo, como tenerrimo, acerrimo.

Los comparativos y Superlativos femeninos se forman de los Masculinos mudando O en A, como positivo sancta, comparativo mas o muy sancta, superlativo sanctissima.
[Anónimo 1555: 92]

El superlativo se haze con esta particula muy, ansi como dezimos: dios es muy piadoso para perdonar peccadores. Iesu Christo es muy riguroso contra los hypocritas. Es verdad que para encarecer una cosa, de los nombres adjectivos formamos superlativos diziendo el rey es humanissimo, serenissimo principe, illustrissimo Señor, la reina es una muger sagacissima, la princesa es una hermosissima donzella &c
y de quales nombres se pueden formar los superlatiuos
[Del Corro 1586: 20]

Mas, aun que el latín haga comparativos de todos los nombres adjectivos que reciben

más o menos en su significación, nuestra lengua no los tiene sino en estos nombres: **mejor**, que quiere dezir más bueno; **peor**, que quiere dezir más malo; **maior**, que quiere dezir más grande; **menor**, que quiere dezir más pequeño; **más**, que quiere dezir más mucho; por que esta partezilla más, o es adverbio, como diziendo Pedro es más blanco que Juan; o es conjunción, como diziendo io quiero, mas tú no quieres; o es nombre comparativo, como diziendo io tengo más que tú, quiero dezir más mucho que tú.

Superlativos no tiene el castellano sino estos dos: primero et postrimero.
[Nebrija 1492: 25-26]

Los comparativos que son Anomolos o irregulares a los Latinos en la lengua Hispanola reciben comparacion de dos maneras.

La una es la commun que poco ha diximos, la otra Anomala o irregular. Tambien los Superlativos deestos anomolos (de los quales diremos luego) de dos maneras se forman. Con exemplos estara esto claro. Positivo bueno, comparativo mas bueno o muy bueno, comparativo anomalo mejor. Positivo malo, comparativo con mas malo o muy malo, Comparativo anomalo peor, Positivo grande, comparativo mas grande o muy grande, comprarativo anomalo mayor, Superlativo com. Bonissimo, Anomalo summo y algunas vezes Maximo. Positivo pequeno, comparativo comun Mas o muy pequeno, comparativo anomalo Menor, superlativo com pequenissimo, anomalo minimo.
[Anónimo 1555: 92]

De fuerte que las particulas para hazer comparacion son: mas, mejor, peor, menor. &c.

[Del Corro 1586: 20]

Los nombre adjetiuos son los que reciben comparacion, por que los substantiuos no la reciben en ninguna manera. Ansi como dezimos Sainct, plus sainct

[Del Corro 1586: 21 - 22]

Prior' et 'senior', en el latín son comparativos; en nuestra lengua son como positivos, por que, 'prior' en latín es primero entre dos, et en castellano no quiere dezir sino primero de muchos; 'senior' quiere dezir más anciano en latín; en nuestra lengua es nombre de onra.

[Nebrija 1492: 25-26]

(165)

Comparatiua quoque nomina, & superlatiua non sunt apud hebraeos, sed supplentur per plures dictiones.

[Zamora 1515: 22]

Los comparativos y superlativos en esta lengua no los tienen proprios, sino usan de rodeos para lo que se ha de hablar por ellos

[Olmos 1547: 319]

(166)

Comparatiua quoq nomina non sunt apud eos, circunloquuntur tamen ea per hoc aduerbium yother idest magis & n**omen adiectiuum quod significare potest magis & minus** & id ad quod fit comparatio ponitur cum prepositione me vel mi cum cere vel hiric ut david tsaddiq yother mi-slomoh «dauid magis iustus salomone» & yohanan tsaddiq yother mə'abiyah idest «ioannes magis iustus abia».
[Zamora 1515: 22]

& aliqu fit comparatio sine aduerbio yother cum sola prepositione mə vel mi addita nomini cui fit comparatio ut tsaddiq mimeni idest iustior me, tob mimenu idest melior illo.
[Zamora 1515: 22]

(167)

Suplatiua preterea illi non sunt sed circunloquuntur ea per hoc adverbium meod meoth qd significat «nimis» siue «valde» & nomen adiectiuum quod significare potest intensionem & remissionem ut nədavid tsaddiq meod idest «dauid iustus nimis vel iustissimus» sed cum exprimitur is ad quem fit superlatio construitur eodem modo quo comparatiuum hoc est cum prepositione me vel mi ut Nu. 12. ha'adam yanav məod mikal idest mitissimus omnium hominum.

[Zamora 1515: 22]

(168)

Y ansí, no ay más que notar de pon ellos, por exemplo. Y suplen se en tres maneras y son las siguientes.

La primera: qualli, ‘bueno’; acachi ynic qualli, ‘mejor’; tlapanauia yn ic qualli, ‘muy mejor’

La segunda: qualli y, ‘ésto es bueno’; ece yequalli y, ‘mejor es ésto’; ece octlapanauia yn ic qualli, ‘muy mejor es ésto’.

La tercera manera: qualli y, ‘bueno es ésto’; ece oc oalhca yn ic qualli y, ‘mejor es esto’; ece occenca tlapanauia yn ic qualli y, ‘muy mejores ésto’.

La quarta manera: nicpanauya in Pedro yn ic ni qualli, ‘yo exçedo a Pedro en ser bueno’; nicpanauya yn Pedro ynic ach niqualli, ‘yo excedo a Pedro en ser mejor’; nicpanauya in Pedro ynic cenca niqualli, ‘yo excedo a Pedro en ser muy mejor’.
[Olmos 1547: 319]

(169)

Los comparativos son de dos maneras, es a saber, affirmativos y negativos:
Los affirmativos se usan con los verbos siguientes:
hatztahpemani [Sobrepasarlos],
hucarahpemani [Aventajarlos],
hapindahpemani [Ser más que otros],
vahnandahpemani [Sobrepujar, ser más que otros],
vanarzehpemani [Sobrepujar, ser más que otros],
que todos significan una mesma cosa, que es 'es mas o mejor' etc., *ut*:

Pedro es mejor que Juan Pedro hatztamahati Juanoni ambaqueni
Pedro hapindamahati Iuanoni ambaqueni

y asi prosiguiendo los otros verbos. Tambien se podra dezir dsta manera,
Pedro hatztamahati ambaqeni ca no ys Juano.

Los comparativos negativos se usan con los verbos siguientes:
Cueratatspeni [Faltarles]
Hima etatspeni [Disminuirles]
Picutspenstani [Quitarles]
Y con estos aduerbios de semejança:
No ys [No así]
No xas [No de esa manera]
No himangueon [No igual], ut:

Pedro no es tan bueno como Juan
Pedro cueratahati, ys ambaqueni ysqui Juano vel
Pedro hima etahati ambaqueni, ca Juan hatztamahati ambaqueni
Pedro çan picunsti ambaqueni, ca Juan hucamahati vel
Pedro hima etahati ambaqueni, ca Juan can ambaqueti
Pedro no himangueon ambaqueti ysqui Juan vel
Pedro no ys ambaqueti ysqui Juano vel
Juan ambaqueti, ca no am ys Pedro

Los superlativos son de dos maneras, como los comparativos, es a saber, affirmativos y negativos.

Los affirmatiuos se usan con todos los verbos arriba puestos para los comparatiuos, mas la differencia del uso comparatiuo al superlatiuo es que al cabo de nombre supremo se ha de añadir **guarumendo,** como diziendo.

Pedronguarumendo can hatztamahati Iuanomi ambaqueni.
Pedro es **muy mejor** o **mucho mejor** que Juan.

Y assi de los de mas verbos arriba puestos.

Tambien estos superlativuos se usan con aduerbios cuantitativos añadidos a los verbos

como son los siguientes:
Can mendo [Muy mucho]
Chequan mendo [Muy mucho]
Chen mendo [Muy mucho]
Hecahtsiquareni [Mucho]
Hecahtsiquareni mendo [Mucho]
Nah mintzin [Mucho, muchísimo]
Nah mintzin mendo [Muy, grandísimamente]
Nah mintzinanguaru mendo [Grandemente]
Nah xan [Mucho, muchísimo]
Nah xananguaru mendo [Muy, grandísimamente]
Chenanguarumendo [Sumamente]

Exemplos
Pedronguaru mendo can hucamahati Juanoni ambaqueni
Pedronguaru mendo chequan hucamahati Juanoni ambaqueni
Pedronguaru mendo chequan vahnandamahati Juanoni ambaqueni
Pedronguaru mendo chequan vahnandamahati Juanoni ambaqueni

Y assi delos de mas por manera que siempre en este modo de hablar, el nombre sobrepujante ha de anteceder al verbo con todas sus añadiduras, sacando siempre del verbo la particula de pe. Quando se haze comparacion d uno, a uno, o de uno a dos o a tres, o a muchos señalando el numero.

Mas si la comparacion se haze en general de uno a todos o d algunos a todos entonces la pe, ha de entrar en el juego, porque significa generalidad y como dizen los logicos confuse & ideterminante. Verbi gratia.

Pedro hatztahpemahatimento ambaqueni vel
Pedronguarumendo hatztahpemahati ambaqueni, es como quien dize,
Pedro sobrepuja a todos en bondad, o no ay que se le ygaule.

Tambien es d notar que para usar destos adiectiuos en la manera que en latin dezimos admodum , multum, plurimum albus, rubicundus. &c. o como en castellano se dize muy blanco, muy colorado &c. Enesta lengua se usa doblando la primera syllaba del nombre adiectiuo ut

Vra vras Cosa muy blanca
Chara charas Cosa muy colorada &c.

Superlativos negativos
Los superlatiuos negatiuos se usa dela mesma manera que los comparatiuos negatiuos, añadiendo al nombre comparado en menuridad como diziendo.

Pedronguaru mendo can cueratahati ys ambaqueni ysqui Juano vel
Pedronguaru can hima etahati abaqueti vel
Pedro can mendo picunstahati ambaqueni, ca Iuano hucamahati ambaqueni vel

Pedro no mendo himan gueon ambaqueti ysqui Juano etc.
Como quien dize 'mucho le falta a Pedro en ser tan bueno como Iuano' o 'mucho quilate le falta a pedro' etc.
[Gilberti 1558: 149 - 152]

(170)

CERCA de los comparativos y superlativos es de notar que en esta lengua no ay términos comparativos ni superlativos incomplexos, como los ay en la lengua latina, sino que assí los comparativos como los superlativos se hazen por circunloquios, como en la lengua española

[Tomás 1560: 115]

(171)

Y no es de maravillar que en esta lengua no aya términos comparativos ni superlativos incomplexos, pues en nuestra lengua española tampoco los ay, sino que se hazen por circunloquios: el comparativo con este adverbio más y el superlativo con este adverbio mucho más, como paresce claro que dezimos 'Pedro es blanco y Juan es más blanco, y Alonso muy más blanco'. Y no ay otra comparación en la española, como paresce.

[Tomás 1560: 116]

(172)

Todos estos quatro relativos dichos son relativos de substancia, los quales se pueden hazer todos relativos de accidente en la manera dicha, añadiendo esta partícula sina o hina i chaysina, que es lo mismo, que es adverbio similtudinario. Exemplo: 'yo soy blanco como aquél' ñoca yurac cani, pay o chacaysina o hina. Item 'yo soy blanco como tú mismo' dezimos ñoca yurac cani quiquiyquisina o hina.

[Tomás 1560: 114]

(173)

alia diminutiua, ut monticulus, scholasticulus.

diminutiuorum tres sunt gradus; |quorum forma quam magis minuitur, crescit saepe numerus syllabarum.

sunt etiam quasi |diminutiua, quorum origo non cernitur, ut fabula, macula, tabula, uinculum.|
[GL – 4, 622]

(174)

diminutiuum est, quod diminutionem primitiui sui absolute demonstrat: |rex regulus, id est paruus rex.
[GL – 2, 101]

|et sciendum, quod apud Latinos diminutionem quoque accipiunt |quaedam comparatiuorum, ut supra diximus, quod apud Graecos non inuenitur, |ut grandiusculus, minusculus, maiusculus, meliusculus. omnia |tamen haec a neutro comparatiui adiectione culus inuenio fieri: [ut] |grandius grandiusculus, melius meliusculus, sic et cetera, quae sunt similia.
[GL – 2, 93]

(175)

solent autem diminutiua uel necessariae significationis causa proferri |(ut Sallustius in Iugurthino: «postquam reguli in unum |conuenere», id est parui reges), uel urbanitatis (ut Iuuenalis in | saturarum IIII: |«unde fit, ut malim fraterculus esse Gigantum») |uel **adulationis**, et maxime puerorum, ut Catulaster, Antoniaster, |0102| patriciolus, Sergiolus.
[GL – 2, 101 - 102]

(176)

ideo autem positum est absolute, quia |comparatiua quoque non solum augent, sed etiam est quando minuunt uim |primitiuorum, sed non absolute. ad aliquid enim [omnimodo] fit |comparatio, ut breuior dicitur ad breuem [et] angustior ad angustum.
[GL – 2, 101]

unde, |quamuis in his quoque [comparatiuis] inueniantur quaedam diminutiua apud |Latinos, ut superius docuimus, non possunt tamen esse absoluta, cum a |comparatiuis sint deriuata et ipsa quoque comparationem significent, ut |plusculus, maiusculus, minusculus: necesse est enim, ad aliquid ea |comparari, ut Terentius in eunucho: |«Thais quam ego sum maiuscula est», |id est paruo maior quam ego.
[GL – 2, 101]

(177)

sunt igitur formae diminutiuorum **masculini** generis hae: culus, ulus |absque c, olus, ellus, xillus, illus absque x, ullus, cio, aster, |leus, tulus: culus, ut igniculus; ulus absque c, tantulus; olus, |Sergiolus, capreolus; ellus, agellus; illus x antecedente, |paxillus, absque x, codicillus; ullus, homullus; cio, homuncio; |aster, parasitaster; leus, eculeus, aculeus; tulus, nepotulus.|Plautus in milite glorioso: |«si te saluum hinc † amittimus Venerium nepotulum».

|**feminini** autem generis hae: cula, ula absque c, ola, ella, xilla, |illa absque x, ulla, ut anicula, siluula, unciola, capella, |maxilla, anguilla, una ulla. neutrorum quoque sunt formae hae: |culum, ulum sine c, olum, ellum, illum cum x et sine eo, ullum, |ut corpusculum, corculum (Plautus in Casina: |«meum corculum, melculum, uerculum»),|sine c, capitulum, laureolum, lucellum, uillum, uexillum, ullum. |
[GL – 2, 102]

et sciendum, quod nomina tertiae uel quartae uel quintae |declinationis pleraque, non tamen omnia, ut quidam putauerunt, diminutiuorum|masculina in culus, feminina in cula, neutra in culum terminant, |a primae uero uel secundae declinationis nominibus nullum inuenitur |0103| diminutiuum in has desinens formas, nisi si a primitiuo habeat c, ut Graecus |Graeculus, furca furcula.
[GL – 2, 102 - 103]

earum igitur [quoque] formarum, ut |possim, regulas coner exponere. |

monosyllaba in s desinentia uocali antecedente, cuiuscumque sint |generis, et in er omnia, quae sunt tertiae declinationis, et in us neutra |nominatiuo assumunt in masculino culus, in feminino cula, in neutro culum, |ut flos flosculus, mas masculus, mus musculus, plus plusculus, |os osculum, *quod quamuis sit formae diminutiuae, tamen, quia aliam |habuit significationem, fecit ex sese aliud diminutiuum oscillum.*

|similiter faciunt in er terminantia diminutiuum: frater fraterculus, |pater paterculus, quod et proprium inuenitur, mulier muliercula, |pauper pauperculus paupercula pauperculum, mater matercula. Plautus |in cistellaria: |«tunc tu igitur mea matercula». |excipitur uenter uentriculus. Lucanus in tertio: |«qua iam non medius descendit in ilia uenter». |Iuuenalis in primo:|«infra uentriculum tenui distantia rima». |sic etiam in us neutra: munus munusculum, corpus corpusculum, opus |opusculum, crus crusculum. Plautus in cistellaria: |«cum extortis talis, cum todinis crusculis». |0104| similiter tus tusculum. idem in aulularia: |«nunc tusculum emi hoc et coronas floreas».
[GL – 2, 101 - 104]

(178)

|in ster et cio et leus satis pauca in usu inueniuntur [diminutiua] |et fere haec: Antonius Antoniaster, surdus surdaster (Cicero in | Tusculanarum V: «erat surdaster M(arcus) Crassus»), parasitus parasitaster, |catulus catulaster, homo homuncio, senex senecio (Afranius in | prodito: |«tu senecionem hunc satis est si seruas, anus»). |[in leus:] equus equuleus (Ciceroin Verrem de signis: |«equuleos argenteos nobiles, quique maximi fuerant, aufert»), |[haec] acus [hic] aculeus, oculus oculeus. |0115| usi sunt auctores etiam quibusdam Graecis diminutiuis, ut Terentius:|«edepol, Syrisce, te curasti molliter».
[GL – 2, 114 - 115]

deriuantur igitur pleraque ab appellatiuis, pauca |etiam a propriis, et seruant genera primitiuorum plerumque et saepe |inueniuntur diminutiuorum diminutiua in diuersas desinentia formas, ut homo, |homuncio, homunculus, homullus, homullulus.
[GL – 2, 102]

(179)

|inueniuntur multa propria siue appellatiua, quae cum non sint|diminutiua, formas tamen diminutiuorum habent, ut cuniculus, anniculus, |Metellus, Camillus, Tibullus,

friuolus friuola friuolum, Camilla, tabula, |uinculum, periculum. et sciendum, quod pauca inueniuntur diminutiua, |quae non seruant genera primitiuorum, ut [haec] rana [hic] ranunculus, |[hic] canis [haec] canicula, scutum uel scuta [id est rotunda forma] |scutula, scutella (Lucilius in V: |«scutam /|ligneolam in cerebro infixit»), |hic qualus hoc quasillum, pistrinum pistrilla, haec acus hic aculeus, |et praeterea anguis anguilla, unguis ungula, nubes nubilum, quae |magis denominatiua sunt existimanda quam diminutiua, quippe non habent |diminutiuorum significationem, sed formam tantum. praeterea panus |panucula. Lucilius in VIII: |«intus modo stet rectus * subteminis panus». |Probus etiam ponit hoc glandium, haec glandula [pars est |0116| intestinorum], ensis ensiculus, ensicula, praeterea haec beta, malua, |hic betaceus, maluaceus

[GL – 2, 115 – 116]

alia autem diminutiua, id est omnia, quae |non a comparatiuis deriuantur, ex sese habent diminutionem et nulli|comparantur, ut regulus, tantulus.

[GL – 2, 102]

(180)
Quid est nomen diminutiuum? Quod **significat diminutionem** sui principalis ut a rege regulus.
[Nebrija 1495: 158]

Ex Prisciani propemodum verbis respondet: diminutiuum est quod diminutionem sui principalis sive primitivi demonstrat ut a rege regulus, a fratre fraterculus. Priscianus addit **absolute ad comparatiuorum** differentiam quia comparatiua aliquando minuit vim primitiuorum sed non absolute sed comparatiue.
[Nebrija 1495: 158]

Exeunt diminutiva in varias terminationes: sed plaerumque in ulus, ula, ulum, ut a frater fraterculus, a soror sororcula, a munus munusculus, a bellus bellulus
Exeunt aliquando in io ut ab homine homuncio
Aliquando in aster astra astrum, q proprie non sunt diminutiua sed imitationem quandam significantia ut a pyro pyraster
Exeunt & in olus, a, um, ut a sergio sergiolus.
Aliquando in ellus, a, um, ut a cane catellus.
Aliquando in illus, illa, illum ut a pugnus pugillus.
Aliquando in eus ut ab equo equuleus.
Aliquando in iscus ut a pan paniscus
sed haec forma est a nominibus graecis.
[Nebrija 1495: 158]

Sunt quaedam quae cum formam diminutiuorum habeant, diminutiua non sunt, ut avunculus

idest qui videntur deducta ab avo
[Nebrija 1495: 158]

in aster astra astrum qui proprie non sunt diminutiva sed imitationem quandam significantia ut a pyro pyraster
[Nebrija 1495: 158]

(181)

Deminutum nomen est quod minus significans quam Primogenium, ejusdem generis, significationis, formaeque legitimae esse debet: fraterculus, sororcula

Unde fit: ut cicercula, lenticula, tabernaculum, umbraculum &c deminuta non sint, quia cum Primorgeniis in genere significatione, & forma, non conveniunt.
[Sempere 1546: 28]

(182)

Diminutiuos **en diminucion**
proceden y salen de su principal
estos **no tienen cierta formacion**
porque es diferente toda su final
en ullus, se acaban lo mas general
y en ellus y en illus en aster, digamos
diminutiuos dos solos hallamos
los otros son dichos por **menosprecio**
en ecio, y en iscus, tambien son de precio
y en leus, ay otros que nos oluidamos
[Thámara 1550: 33]

Tres cosas conuiene y deue tener
el nombre si fuere diminutiuo
el significado de su primitiuo
con diminucion y menos valer
el genero y forma tambien deue auer
y es inuentado y **por humilidad**
y por menosprecio que suelen hazer
[Thámara 1550: 33]

(183)

Diminutivo nombre es aquél que significa diminución del principal de donde se deriva; como de ombre, ombrezillo, que quiere dezir pequeño ombre; de muger, mugercilla, pequeña muger.
[Nebrija 1492: 25]

Destos, a la vezes usamos en señal de loor, como diziendo es una mugeraza, por que

abulta mucho; a 1as vezes, en señal de **vituperio**, como diziendo es un cavallazo, por que tiene alguna cosa allende la hermosura natural et tamaño de cavallo; por que, como dize Aristóteles, cada cosa en su especie tiene ciertos términos de cantidad, de los cuales, si sale, ia no está en aquella especie, o a lo menos no tiene hermosura en ella.
[Nebrija 1492: 25]

(184)

Los Hespanoles de cinco o seis o mas maneras, forman diminutivos en qualquier genero. Las terminactones suelen ser las siguientes: ico, illo, ito, vollo, itito, ejo, y alguna vez irrito. Como Sanctito, Sanctillito, Sanctito, Sanctuelo, Sanctitito, Sanctejo. Foemin. Bonica, bonilla, bonita, muchachuela,& c. Irrito, muchachirrito, tamanniritto.
[Anónimo 1555: 95]

(185)

En este género de nombres, nuestra lengua sobra a la griega et latina, por que haze diminutivos de diminutivos, lo cual raras vezes acontece en aquellas lenguas; como de ombre, ombrezillo, ombrezico, ombrezito; de muger, mugercilla, mugercica, mugercita.
[Nebrija 1492: 25]

Los Hespanoles exceden a los Latinos y Griegos en componer Diminutivos. Porque Los Latinos y Griegos tienen dos o a lo mas tres terminaciones
[Anónimo 1555: 95]

(186)

Tiene esso mesmo nuestra lengua otra forma de nombres contraria destos, la cual no siente el griego, ni el latín, ni el ebraico; el arávigo en alguna manera la tiene. et por que este género de nombres aún no tiene nombre, osemos le nombrar aumentativo, por que por él acrecentamos alguna cosa sobre el nombre principal de donde se deriva; como de ombre, ombrazo; de muger, mugeraza.
[Nebrija 1492: 25]

(187)

Tiene el lenguage Español nombres **diminutiuos** los quales diriua de los nombres principales, ansi como los latinos: otra vezes los **forma con estos nombres chico, chiquito, pequeño, pequeñito**. Y los **femeninos** se forman de aquestos, mudada la o en a chica, chiquita pequeña pequeñita.
Quando a estas particulas diminutivas se les añide esta particula **Asaz o esta particula muy** es hazer maoy en carescimiento de la cosa assi como a faz os he amonestado, muy bien os lo hauia dicho.
[Del Corro 1586: 21]

Tocante a los nombre diminutiuos, la lengua Francesa los tiene tan bien como la Latina y Española. Y ansi dizen: femme, **femelette**

Y algunas vezes los forman con este nombre **petit** q es como si dixesemos pequeño. Exemplo: petit lean
[Del Corro 1586: 21 - 22]

(188)

Diminutiua nomina hoc est a suis primigeniis diminutionem significantia non fiunt apud hebreos sed **circunloquuntur** illa per hoc nomen qatan siue qətanah quod est paruum ut 'adam qatan idest homo paruus hoc est homuncio, iyr qətanah idest ciuitas paruus.
[Zamora 1515: 22]

Diminutiua nomina non reperiuntur apud hebraeos, sed **suplentur per duas dictiones** sephar qatan idest liber paruus seu libellus. Similiter adam qatan idest homo paruus vel homuntio.
[Zamora 1526: 50]

Notandum preaterea quod praedicta nomina numerali ab uno usque ad quinque solent in sacra scriptura accipi aliquando improrie ad significandum **diminutione**, sed a quinque usque ad decem encontra solent nomina significare **augmentationem** vel muliplicationem
[Zamora 1526: 55]

(189)

Acostumbran los arauigos hablar por los diminutivos de los nombres diziendo assi aguita, vinito, carnezita
[de Alcalá 1505:46]

Nota que todos los nombres q touiere enla primera silaba a forman su diminutiuo mudando la primera silaba en u y anadiendo desúes dla consonante q se sigue una ay o ey como lo demandare la letra que se sigue. Y acabanse ela mesma terminacio q se acaba el nombre primitiuo. Exemplo. Mula Bagla. Mulita bugayla.
[de Alcalá 1505:46]

(190)

En esta lengua ay siete partículas que por sí no significan nada y conpuestas con los nombres o pronombres denotan reverencia o pequeñez, diminución, ternura de amor o menos precio. Y son las siguientes: –tçin, –tçintli, –ton, –tontli, –pilh, –pulh, –çulli.
[Olmos 1547: 313]

El –tçin significa reverencia, pequeñez, diminución o ternura de amor. Ayúntase a pronombres **primitivos y nombres proprios**. Exemplo: Nehuatçin, Pedrotçin.
[Olmos 1547: 313]

Ésta tiene el mesmo significado que –**tçin**, y júntase sola mente con nombres **appellativos**. Y éstos en el plural redoblan el –tçi y buelven el –tli el –ti. Exemplo: çiuatl, ‘muger’, çiuatçintli, ‘muger honrrada’ o ‘mugerzilla’, plural, çiuatçitçinti.
[Olmos 1547: 313]

Прагматические значения
Ésta significa **diminución, pequeñez, menosprecio o humiliación**. Júntase con los nombres apellativos que significan cosas animadas o ynanimadas. En el plural redoblan el –to, y el –tli buelven en –ti. Exemplo: pilhtontli, ‘muchacho’, pipilhtotontin, ‘muchachos’.
[Olmos 1547: 314]

Ésta **significa diminución o pequeñe**z. Júntase algunas vezes con nombres proprios, ut Pedropilh, perico. Y quasi siempre con nombres apellativos que significan cosas animadas.
[Olmos 1547: 314]

Es assí mesmo de notar que esta partícula –**tçinco** se añada por **reverencia o disminución** quasi a todas las prepositiones ya dichas, y a algunas les haze perder
[Olmos 1547: 427]

(191)
Los diminutivos se usan de dos maneras, la una con nombres y verbos substantivos de sum, es solament, la otra con pronombres demonstrativos y con qualesquieras verbos, conforme a la materia de que se habla.
Exemplos de los primeros:

Charah-charahcax eti	Es coloradillo.
Vrah-vrahcax eti	Es blanquezillo.
Turih-turihcax eti	Es negrezillo.
Tsipah-tsipahcax eti	Es un poco amarillo o naranjado.
Vrah-virahcax eti	Es algo pardillo.

Exemplos de los secundos.

Yngate çan huhcamoti	Este es majorcillo, o algo de mayor edad
Çan huhcamocha vel yngatetero çan vrehcamoti	Grandezillos o mayorcillos,
Yngate cez haxe	Este es bonito
Yngatetero cez hangari	Este es de bonico rostro
Yngate vel yngatetero vel ytero cez macuhaqui carani	Bonicamente escriue este.

Yngate vel
yngatetero vel
ytero cez arahaqui pireni Bonicamente canta.

Y assi lo demas de qualquiera cosa que quisieres señalar.
[Gilberte 1558:152]

Vra vras — cosa blanca
vrah vrahcas — cosa un poco blanca
thzacathzacas — cosa muy blanca que resplandece
cuecuetzas — cosa pesada
cuitzacuitzacas — cosa que anda zimbrando
charahcharahcas — cosa un poco colorada
[Gilberte 1558:144]

(192)

En esta lengua no hay nombres incomplexos diminutivos, como en la lengua latina y española, que dezimos homuncio, que significa hombrezilllo, que ambos son diminutivos, sino que los diminutivos en ella son complexos, y se hazen y componen con este adjetivo uchúlla, que significa 'pequeño', antepuesto y añadido al nombre que quermos diminuir. Exemplo: dezimos uchúlla guamara, significa 'niño pequeño'; uchúlla runa 'pequeño hombre'; y assí en los demás.

[Tomás 1560: 117]

(193)

Y quanto más nos detenemos en aquella síllaba media chu del adjetivo uchúlla tanto más el nombre que le sigue se disminuye. Puédese también denotar mayor diminución anteponiéndose al adjetivo uchúlla este adverbio áncha. Exemplo: áncha uchúlla runa, significa 'muy chico hombre'. Y tanto quanto más se detuvieren en la primera síllaba án del adverbio áncha tanto mayor diminución se denota en la cosa significada por el nombre que se diminuye.

[Tomás 1560: 118]

(194)

Acerca desta particula lla es de notar que aunque, como esta dicho, de suyo nada significa, pero es ornato, y haze al nombre o verbo a que se añade término mas effeminado y mugeril; y que las mugeres comúnmente usan más de los términos en que la tal dictión lla se pone, que no los varones, aunque ellos tambien usan dellos.

[Tomás 1560: 134]

(195)

alia facta de uerbo, ut doctor, lector
[GL – 4, 617]

(196)

habet igitur |generalem nominationem omnium formarum, quae a nomine deriuantur. nam |et patronymica et possessiua et comparatiua et superlatiua et diminutiua |**praeter uerbalia et aduerbialia et ea, quae ex praepositionibus fiunt,** ex|maxima parte denominatiua sunt, id est a nominibus deriuantur.
[GL – 2, 117]

(197)

|quae quia late sunt confusae, generali eas nominatione artium scriptores nuncupauerunt denominatiua. et quia multae inueniuntur formae communes tam denominatiuis quam uerbalibus nec non etiam participialibus et aduerbialibus, non incongruum esse exstimo, de his quoque in loco una |tractare.
[GL – 2, 117]

(198)

|sunt igitur formales denominatiuorum terminationes siue uerbalium hae:
ia, ut durus duritia, prudens prudentia, sapiens sapientia;
a|consonante antecedente: cantus cantilena;
[GL – 2, 117]

inueniuntur tamen in uerbalibus etiam alias consonantes ante |a habentia, sed quas a uerbis accipiunt, ut scribo scriba, conuiuo|conuiua, colligo collega.

inueniuntur tamen quaedam, |0120| quae **in monĭa desinunt,** a nominibus siue uerbis deriuata, castus casti|castimonia, parco parsi parsimonia, queror querimonia, acer acri |acrimonia.

consonante uero antecedente in a desinentia denominatiua seu |uerbalia formas habent tres:
la, na, ra. |
[GL – 2, 119 – 120]

in **bundus** uero desinentia similitudinem habere significant, ut uitabundus similis uitanti, praedabundus similis praedanti, errabundus similis erranti, moribundus similis morienti, furibundus similis furenti. et sunt paene omnia huiuscemodi formae nomina uerbalia et, si a uerbis primae coniugationis deriuantur, a habent longam antepaenultimam, ut causor causaris causābundus, uito uitas uitābundus
[GL – 2, 137]

in **ix** feminina inueniuntur a masculinis uerbalibus siue|denominatiuis in **tor**

desinentibus defigurata, quae mutant or in rix, ut uictor |uictrix, senator senatrix, cultor cultrix; nutritor quoque nutritrix |debuit facere, quod euphoniae causa siue alternitatis mediam syllabam |concidit: nutrix enim dicimus.
[GL – 2, 140]

et sunt fere |omnia **professionum nomina apud Latinos uerbalia et in or desinunt;** |nam grammaticus et philosophus et architectus et sophista et poeta |Graeca sunt; itaque ex nominibus ipsis habent uerba apud Graecos, unde |nos quoque philosophor, architector, poetor in usu habuimus. |Ennius: |«numquam poetor nisi si podager».

omnia quoque, quae **ex ipso actu agentibus** imponuntur, **ex uerbis nomina**, |non ex nominibus uerba perficiunt, ut amo amator, moneo monitor, |curro cursor, lego lector; impero similiter imperator, consulo |consultor, duco ductor; ex his quaedam dignitatium quoque inueniuntur, ut |imperator, ductor. |
[GL – 2, 140]

(199)

cetera quoque omnia i paenultimam corripiunt et, si sint a uerbis primae |coniugationis, a longam habent antepaenultimam, ut amo amas |amābilis, penetro penetras penetrābilis, paro paras parābilis, praedico |praedicas praedicābilis, lacrimo lacrimas lacrimābilis, quasso quassas |quassābilis, laudo laudas laudābilis, tracto tractas tractābilis, aequo |aequas aequābilis, miror miraris mirābilis
[GL – 2, 132]

(200)

Quod est nomen uerbale? Quod a uerbo deriuatur, ut ab amo, as, hic & haec amabilis & jhoc amabile.
[Nebrija 1495: 162]

Quod est nomen uerbale? Uerbalia nomina sub uariis formis exeunt a uerbo.
[Nebrija 1495: 162]

(201)

Uerbalia nomina sub uariis formis exeunt a uerbo.

In a ut a candeo candela
In o ut a lateo latro
In il & in ul ut a uigilo as vigil
In bulum ut a voco as uocabulum
Alia exeunt in mentum ut ab induo is indumentum
In or ut a colore color
[Nebrija 1495: 162]

(202)
In **bilis** quae **passionem** significant ut ab amo amabilis a lego legibilis ab auodio audibilis idest quod potest amari, legi, audiri
exeunt in illis aliss consonantibus praecedentibus ut a doceo docilis
Penetrabilis tamen **actuue reperitur**

In **bundus** significant cum participio praesentis temporis & quadam nimietate non ut Priscianus putauit similitudinem ut vitabundus valde vitans, moribundus valde moriens.

Quod est nomen participiale? Quod a participio deriuatur ut lectus, lect**or** & lectio.
Ab his rursus formantur foemina nomina terminata in **trix, tor** mutata in trix ut amator amatrix, creator creatrix.
[Nebrija 1495: 162 - 163]

(203)
Sed cum nomen adiectiuum vel participium in uim nominis transiens aut nomen verbale quod in **or** vel in ix desinit construuntur cum genitiuo ex idiomate hoc est proprietate sermonis latini quo loco imitati sumus praecipue diomedem grammaticuum ne quis existimet haec a nobis tumultuarie fuisse praecepta.

Nomina quoq verbalia quae alii participalia vocant formata ab ultimo supino u mutata in or construuntur cum genitiuo ut amator uxoris, doctor gentium & foeminina quae formantur a masculinis tor mutata in trix cum genitiuo etiam construuntur ut amatrix viri & quae etiam irregulariter formantur ut expultrix vitiorum quod ab expulsor fit.

[Dativo complura iunguntur] Verbalia quoque in bilis illa scilicet quae passionem significant ut amabilis cunctis
[Nebrija 1495: 249]

(204)
Ay nombres verbales con su construcion
en tor, y en trix, y en bilis, y en ex,
y en bundus, y en trix, y en bilis, y en ax,
y en bundus, y otro ninguno hallaras
que rija caso aqui en la oracion.
Del tor digamos que su formacion
del supino viene con accion senalada
a portitor, vector, comun les es dada
estos aplican a si genetiuo
tambien los en **trix**, con este motiuo
y su formacion de tor es tomada
Los verbales en ax, genetiuo requieren

y los de en **bilis** denotan passion
y estos datiuo en la construccion
visibilis nulli aceptan y esperen
tambien los de en **bundus** que pocos se infieren
con su vehemencia el quarto no piden
otros que hay muchos de aqui se despiden
por ser inciertos y caso no quieren
[Thámara 1550: 31 - 32]

Verbalia etiam genitivum admittunt qui verbis erat accusativus ut Colo agrum. Cultor agri. Cultrix agri. Cultura agri. Bibo vinum. Bibax vini. Cupio laude. Cupidus laudis. Item quae sunt affinia his, ut

Avarus laudis. Studiosus tui. Ignarus omnium. Securus amorum.
Verbalia etiam in bilis accepta passive dativo gaudent ut participia in dus ut
Flexibilis, formidabilis omnibus, idest flendus, formidandus ab omnibus.
[Gilberti 1559:384-385]

(205)

Verbal nombre es aquél que se deriva de algún verbo, como de amar, amor; de labrar, labrança.

Verbales se llaman aquellos nombres que manifiesta mente vienen de algunos verbos;
[Nebrija 1492: 26]

Como amado, herido, açotado y semejantes vocablos que son propriamente nombres vebrales porque inportan y espresan la sinificaçion de sus vebros amo, hiero, açoto.
[Villalón 1558: 36]

Regla III
De los nombre adjetiuos masculinos se forman los femininos, mudando la postrera I en A ansi como bueno, buena. En los nombres proprios no vale esta regla pero vale en algunos de los apellatiuos. Ansi dezimos maestro y maestra, y en los verbales de DOR ansi como vendedor y vendedora
[Del Corro 1586: 23]

La primera es añadiendo alguna letra: como es a los nombres verbales que sa acaban en YO añadiendo les una N los hazen Franceses, ansi como, religion, confession, redemption. Lo mismo haze la lengua Española.
[Del Corro 1586: 34]

(206)

et salen en diversas maneras: por que unos se acaban en ança, como de esperar,

esperança; de estar, estança; de alabar, alabança; de enseñar, enseñança; de perdonar, perdonança; de abastar, abastança. Otros salen en encia, como de doler, dolencia; de tener, tenencia; de correr, correncia; de creer, creencia; de querer, querencia, por amor, et assí dezimos que los ganados et fieras tienen con algún lugar querencia et amor, por lo que los rústicos dicen creencia. Otros salen en ura, como de andar, andadura; de cortar, cortadura; de hender, hendedura; de torcer, torcedura; de escrivir, escriptura. Otros salen en enda, como de emendar, emienda; de leer, leienda; de contender, contienda; de moler, molienda; de bivir, bivienda. Otros salen en ida, como de correr, corrida; de bever, bevida; de medir, medida; de subir, subida; de herir, herida; de salir, salida. Otros salen en on, como de perdonar, perdón; de tentar, tentación; de consolar, consolación; de ver, visión; de proveer, provisión; de leer, leción; de cavar, cavazón. Otros salen en enta, como de vender, venta; de rentar, renta; de tormentar, tormenta; de contar, cuenta; de emprentar, emprenta. Otros salen en e, precediendo diversas consonantes, como de tocar, toque; de combidar, combite; de escotar, escote; de traer, traje; de trotar, trote. Otros salen en ento, como de pensar, pensamiento; de entender, entendimiento; de jurar, juramento; de ofrecer, ofrecimiento; de sentir, sentimiento. Otros salen en do, como de abraçar, abraçado; de sentir, sentido; de oir, oido; de olvidar, olvido.
[Nebrija 1492: 27]

En or salen otros, como de amar, amor; de saber, sabor; de oler, olor; de doler, dolor; de temblar, temblor. En esta terminación, sale de cada verbo un nombre verbal, **que significa ación et pertenece a macho**s, como de amar, amador; de andar, andador; de leer, leedor, o como en el latín, 'lector'; de correr, corredor; de oir, oidor; de huir, huidor.

Estos se forman del infinitivo, mudando la r final en dor; como destos mesmos se forman otros verbales, añadiendo a sobre la r, los cuales tan bien significan ación et pertenecen a hembras, como de amador, amadora; de enseñador, enseñadora; de leedor, leedora; de oidor, oidora; pero en éstos, algunas vezes bolvemos la o final en e, como de tex~edor, tex~edera; de vendedor, vendedera;

et algunas vezes en estos entreponemos n, como de lavador, lavandera; de curador, curandera; de labrador, labrandera, aunque mudó algún tanto la significación, por que labrador no se dize sino el que labra el campo, et de allí labradora; labrandera, cuanto a la boz, vino de labrador, mas cuanto a la significación, vino de boslador o bordador.
[Nebrija 1492: 27]

Esso mesmo todos los presentes del infinitivo pueden ser nombres verbales, como diziendo el amar es dulce tormento, por dezir el amor; por que, si amar no fuera nombre, no pudiera recebir este artículo el; et menos podría juntarse con nombre adjectivo, diziendo: el mucho amar es dulce tormento; et como dixo Persio: Después que miré este nuestro triste bivir, por dezir esta nuestra triste vida; i Gómez Manrique:
[Nebrija 1492: 27]

(207)

Verbalia quoq nomina sunt apud hebreos idest q a verbis deriuatur ut ab 'ahab ahabah idest amor ab amo, as.
[Zamora 1515:22]

(208)

Illud vero qd nos per nomen verbale dicimus q signat actionem verbi a quo deriuatur & participiale qa formatur ab eiusdem verbi participio ut amator i q amat illi per participium exprimunt
[Zamora 1515: 22]

Sed illa nomina quae a latinis dicuntur verbalia, ut amator lector, vel participialia, ut lectio aratio, apud hebraeos non habentur, sed supplentur per participia ut inferius dicemus, ut 'oheb idest amans, vel amator.
[Zamora 1526: 51]

(209)

Es de saber que los verbos arauigos que acaban en i forman su nombre ala primera persona del presente del indicatiuo quitando el na y poniendo una a en pos dela primera consonante q se sigue y retiene el mesmo acento que el verbo tiene enla postrimera silaba. Exemplo. Narmi rami

Mas los otros verbos que acaban enlas otras terminaciones forman el nombre por diuersas maneras por esso non se puede dar de ellos regla que sea prouechosa.
[de Alcalá 1505:47]

Esso mesmo estos verbos que comiençan en NA forman su nombre verbal cuya boz es entre nos amador, leedor. A la tercera persona del singular del praeterito perfecto mudando la letra vocal dla posrtimera silaba qualquiera que ella sea en I y mudando el acento q el verbo tiene en la silaba postrera a la primera. Exemplo Comio equel comedor equil.

Llamase este nombre verbal en la gramatica arauiga yzmufaail.

E si los verbos arauigos tienen el acento en a silaba postrimera q es qsi comun a los verbos q comiençan en NI en el participio y nombre verbal q dellos se forman siempre estara el acento enla silaba de emmendio.

Estos verbos q comiençan en NI forman su nombre verbal del mismo participio mudando la vocal de la silaba posrtimera qualquera que ella sea en I reteniendo esse mesmo acento que tiene el participio. Exemplo Mucatel peleado mucatil peleador.
E nota q si el verbo tiene alguna letra consonante doblada en la silaba posrtimera esse mesma retine el participio y nombre verbal q del desciende como suso es puesto.
[de Alcalá 1505: 41]

(210)

Y assi mesmo todos los nombres **verbales** y de participios forman el numero plural añadiendo in al numero singular. Exemplo Xabic panader. Xabizin panadros. Moraguah desocupado, moraguahin desocupados.
[de Alcalá 1505:45]

Empero es de morar q ningun nombre **verbal** o participio recibe la tal formacion del nombre dual.
[de Alcalá 1505:45]

(211)

Otros nombres verbales ay que se acaban en qua o en ta.
Nota que quasi todos los nombres de mecanicos o officiales se acaban en ri
Nota que comunmente todos los nombres que se acaban en yo significan 'lugar donde', como dezimos in latin locus in quo.
Los abstractos de substantivos y adjectivos se acaban en qua.
[Gilberti 1558: 138 - 149]

(212)

Los verbales en –qui bueluen en –ca y toman –ua. Exemplo: tlapixqui, ‘guarda’, tlapixcaua, ‘el señor de tal guarda’.
[Olmos 1547: 293]

para mejor sentir y entender la materia de los **nombres verbales** y otras cosas que en la primera parte se tratan.
[Olmos 1547: 269]

DE LOS DERIVATIVOS SUBSTANTIVOS QUE DESCIENDEN DE VERBOS

Los verbales pueden rescebir antes de sí una destas tres partículas: *–tla*, *–te*, *–ne*; y unos las resciben todas y otras algunas; y otros no resciben ninguna.

[Olmos 1547: 296]

Y quando estas partículas se anteponen a los nombres verbales, tienen el mismo significado que en el verbo de donde descienden; y, puesto que se aya de tratar de lo que significan en la materia de los verbos, en breve pornemos aquí lo que para el presente propósito haze al caso.

[Olmos 1547: 296]

DE LOS VERBALES SUBSTANTIVOS

Estos verbales substantivos fenescen en diversas terminaciones; unos acaban en –**liztli** y significan **la actión y operatión del verbo,** assí como enseñança o dotrina, etc.

Exemplo: **temachtiliztli, ‘la doctrina** con que yo enseño a otros’.
[Olmos 1547: 297]

Y quando éstos salen de verbos **neutros** absolutos, acabados en –y, se pueden formar de dos maneras: la primera, como ya es dicho; la segunda, sobre la –z del futuro tomar –tli. Exemplo: miquiz, ‘morirá’, miquiliztli vel **miquiztli, ‘muerte’**.
[Olmos 1547: 297]

Y los que salen de verbos activos pueden tomar las partículas –tla, –te, –ne, porque si vienen de verbos neutros que no tuvieren nino–, timo–, etc., no las pueden rescebir; pero si tienen nino–, timo–, etc., toman sólo el ne– como está dicho.
[Olmos 1547: 297]

Con los pronombres no–, mo–, y–, etc., pierden el –tli. Exemplo: techicaualiztli, ‘esfuerço’, **notechicaualiz, ‘mi esfuerço** con que esfuerço a otros’.
[Olmos 1547: 297]

Plural no la tiene, sino del verbal en **–ni. Exemplo: techicauani, notechicauhcauh, ‘mi esforçador’**, plural, notechicauhcaua.
[Olmos 1547: 297]

Otros acaban en **–lli** y tienen el mismo **significado que los de –liztli.** Exemplo: **nemachtilli, ‘la doctrina** con que algunos se enseñan o deprienden’; **temachtilli, ‘la doctrina que enseña a otros**’.
[Olmos 1547: 297]

Otros acaban en **–ni,** y están en lugar de los nombres que en nuestro castellano dezimos **‘amador’, ‘lector’, etc.**; y el plural hazen de dos maneras, porque, o toman –me, o añaden una –h sobre el –ni. Exemplo: tetlaçotlani, ‘amador’, plural, tetlaçotlanime vel tetlaçotlanih.
[Olmos 1547: 298]

Éstos no resciben más de las partículas –tla, –te, pero quando descienden de verbos neutros que tuvieren nino–, timo–, mo–, etc., quedar se han los verbales con el mo–, de la tercera persona del verbo y no la bolverán en –ne, como hizieron en los de –liz, –tli. Exemplo: motlaloa, ‘aquel corre’, **motlaloani, ‘corredor’.**
[Olmos 1547: 298]

Y lo mesmo se dirá de los verbales que salieren de **verbos activos reflexivos**, que tomarán también el mo–. Exemplo: motlaçotla, ‘aquel se ama’, **motlaçotlani, ‘amador de sí mesmo’.** Pero ayuntados a los pronombres no–, mo–, y– etc., el mo– bolverán en ne–. Exemplo: momachtiani, nonemachticauh, ‘**mi tal hijo vel que se enseña’.**
[Olmos 1547: 298]

Pero dévese notar que quando los activos reflexivos se juntaren con los pronombres no–, mo–, y–, etc., el –mo volverá en –ne. Exemplo: momachtiani, nonemachtiacauh, ‘mi tal hijo que se enseña’.
[Olmos 1547: 299]

Mas, si descienden de verbos neutros que tienen mo– en la tercera persona, no se juntarán con los pronombres. Y ansí no diremos nomotlalocauh. Pero si salieren de verbos neutros que no tienen el mo–, bien se juntarán con los pronombres no–, mo–, y–, etc. Exemplo: **tlacçani, ‘andador’,** bien diremos: notlacçacauh, ‘mi andador’.
[Olmos 1547: 299]

Y los que salen de verbos activos con los pronombres no–, mo–, y– sobre el pretérito plusquamperfecto del verbo donde descienden tomarán **–uh;** y para el plural –ua, quitando la o– del principio. Exemplo: **otlapixca, ‘aquel avía guardado’, notlapixcauh, ‘mi guarda’, plural, notlapixcaua, ‘mis guardas’.**
[Olmos 1547: 298]

Otros acaban en –**ni**, que salen de la **boz impersonal y significan el instrumento** con que se exercita la operación del verbo. El plural hazen como los passados, añadiendo –me o –h sobre el –ni. Exemplo: **tlateconi, ‘hacha o instrumento para cortar’**, plural, tlateconime vel tlateconih.
[Olmos 1547: 299]

Otros acaban en –qui; y éstos, por la mayor parte, son nombres officiales que exercitan la operación del verbo dende salen; y en el plural buelven el –qui en –que. Exemplo: tlapixqui, ‘guarda’, plural, tlapixque.
[Olmos 1547: 299]

La formación dellos es del presente de indicativo de la voz impersonal, añadiendo –ni. Exemplo: temachtilo, ‘todos enseñan’, temachtiloni, ‘aquello con que enseñan’.
[Olmos 1547: 299]

Y éstos no pueden estar sin una destas tres partículas: –tla, –te, –ne. No se pueden juntar con los pronombres no–, mo–, y–, pero para dezir ‘mi tal instrumento’ anteponen los dichos pronombres al pretérito imperfecto de la activa. Exemplo: tlateconi, ‘instrumento con que cortan’, notlatequia, ‘mi tal instrumento con que corto’, etc.
[Olmos 1547: 299]

Otros acaban en –**qui**; y éstos, por la mayor parte, **son nombres officiales que exercitan la operación** del verbo dende salen; y en el plural buelven el –qui en –que. Exemplo: **tlapixqui, ‘guarda’,** plural, tlapixque.
[Olmos 1547: 299]

La formación dellos es de la tercera persona del singular del pretérito perfecto, perdiendo la o– del principio y añadiendo –qui. Exemplo: nitlahtçuma, ‘coser algo’, haze en la tercera persona del pretérito otlahtçun, perdiendo la o– y tomando –qui, hará **tlatçunqui, ‘el sastre**’. Y éstos no tomarán de las partículas tla–, te–.
[Olmos 1547: 300]

Otros acaban en –**ya**; y éstos salen **de la boz impersonal** y son el pretérito imperfectodel indicativo de la dicha boz, a la letra, anteponiendo les los pronombres no–, mo–, etc. **Significan el lugar donde se haze la operación** que importa el verbo. Exemplo: **temachtiloyan, ‘el lugar donde todos enseñan’.**
[Olmos 1547: 300]

Otros acaban en –**ca**; y éstos, por la mayor parte, desçienden de **verbos compuestos con nombres**. S**ignifican lo mesmo que los de –ya, sobredichos, que es el lugar donde se exerçita o** haze la **operación del verbo.** Y éstos en el plural redoblan la primera síllaba. Exemplo: **calhpixca, ‘el lugar donde guardan algo**’, plural, cacalhpixca
[Olmos 1547: 300]

La formación dellos es de la tercera persona del singular del pretérito plusquamperfecto, quitando la o– del principio. Exemplo: ocacchiuhca, ‘aquel avía hecho caccles’, **cacchiuhca, ‘el lugar donde se hazen cacles’.**
[Olmos 1547: 300]

Otros también acaban en –**ca**; y éstos salen solamente de la **boz passiva, y tienen el significado passivo, y en sólo esto diffieren** en la signifficaçión de los de liztli
[Olmos 1547: 301]

Y éstos no pueden estar sin los pronombres no–, mo–, y–, etc., y son el pretérito plusquamperfecto de la passiva, quitando la o– del prinçipio y anteponiéndoles los dichos pronombres. Exemplo: **notlayecultiluca, ‘el serviçio con que yo soi servido**’. No toman partícula ninguna porque la passiva donde vienen no las tiene.
[Olmos 1547: 301]

De los verbales adjectivos
Ay otros adiectivos que se derivan de verbos y éstos son verbales y fenesçen en diversas terminaciones.
[Olmos 1547: 307]

Unos acaban en –**c**, y éstos **significan ser la cosa tal como lo importa el verbo** de donde descienden. Exemplo: de ati vel atia, ‘derretir se’, **atic, ‘cosa rala’** o ‘derretida’.
[Olmos 1547: 308]

Y para la formación déstos, es de notar que por la mayor parte salen de verbos neutros; y no de todos, sino destas çinco terminaciones: –ua, –ui, –tia, –ti, –ni.
[Olmos 1547: 308]

Exemplo: cuechaua, ‘humedecerse’, cuechauac vel chechactic ‘cosa húmeda’. Déstos se sacan:
alaztic ‘cosa resbaladiza’ ‘cosa hueca’; no se dize sino coyauac vel yticcoyoque, etc.
*coyaztic piaztic ‘cosa larga y derecha’, ‘palo o caña’
[Olmos 1547: 308]

Los quales algunos buelven el –ua del verbo en –z y toman –tic, pudiendo salir de verbos.
[Olmos 1547: 308]
Los de –ui forman el verbal perdiendo el –ui y la bocal que está antes dél. Y sobre la consonante que quedare tomarán –tic. Exemplo: culiui, ‘entortarse’, culhtic ‘cosa tuerta’; maxexeliui, ‘derramarse’ o ‘esparçirse’, maxexelhtic, ‘cosa esparçida’ o ‘desparramada’.
[Olmos 1547: 308]

Los acabados en –ti. Sobre el –ti toman –c. Exemplo: ati, ‘derretirse’, atic, ‘cosa derretida’ o ‘rala’.
[Olmos 1547: 308]

Los de –tia buelven la –a en –c. Exemplo: tlilhtia, ‘hazerse negro’ o ‘entintarse’, tlilhtic, ‘cosa negra’.
[Olmos 1547: 308]

Los de –ni buelven el –ni en –c y toman sobre la –c –tic. Exemplo: coyoni, ‘horadarse’, coyoctic, ‘cosa horadada’.
[Olmos 1547: 308]

Éstos no resciben las partículas –tla, –te, –ne, ni salen de todos los verbos destas terminationes, sino de algunos.
[Olmos 1547: 308]

Otros acaban en **–lli.** Y el significado déstos es **el del participio del pretérito de la boz passiva**. En el plural buelven el –li en –ti, anteponiendo una –h. Exemplo: **tlacencaualli ‘cosa aparejada**’, plural tlaçencaualhti.
[Olmos 1547: 309]

Y éstos algunas vezes tienen significado de substantivos, como tlamachtilli, ‘discípulo’ o ‘cosa enseñada’.
[Olmos 1547: 309]

Éstos se forman del futuro de la activa boluiendo la –z en –lli, como parece en el exemplo ya dicho. Toman solamente la partícula –tla, porque quando toman –te, –ne se hazen substantivos y mudan el significado, como esta dicho en la materia de los verbales substantivos.
[Olmos 1547: 309]

Otros acaban en –**ni**. Y éstos salen de la passiva y e**l significado dellos es lo que en nuestro castellano dezimos 'cosa amable**', 'venerable', etc., o 'cosa digna de ser amada'.
[Olmos 1547: 309]

Éstos no toman partícula alguna, porque la passiva de donde descienden no la rescibe. Tanpoco se pueden juntar con los pronombres –no, –mo, –y, etc.
[Olmos 1547: 310]

Otros acaban también en –**ni.** Y **significan ser la cosa tal como lo importa la significación** del verbo de donde descienden. Y éstos en el plural toman –me. Exemplo: miqui, 'morir', **miquini, 'cosa mortal'**, plural, miquinime.
[Olmos 1547: 310]

Éstos, en esta significacion, no pueden venir sino de verbos **neutros que signifiquen passión yntrínseca, porque quando son de verbos que significan passión extrínseca**, como motlaloani, 'corredor', entonces son substantivos y tienen otro significado como esta dicho.
[Olmos 1547: 310]

La formación déstos es de la tercera persona del presente del indicativo de la boz de activa, añadiendo –ni. Éstos no toman partícula ninguna ni se juntan con los pronombres –no, –mo, –y, etc.
[Olmos 1547: 309]

Otros verbales adjectivos ay que no tienen terminación determinada, porque s**on a la letra la tercera persona del pretérito perfecto del indicativo d**e la boz de activa, quitado la –o del preterito, y el significado déstos es activo.
[Olmos 1547: 310]

Y **significan lo que importa el verbo,** como 'cosa alegre' o 'cosa espantosa', 'que alegra o espanta'. Y en el plural toman –que sobre el singular. Exemplo: **temamauhti, 'cosa espantosa**', 'que espanta', plural temamauhtique.
[Olmos 1547: 310]

Y en este significado no pueden tomar más de la partícula –te, y no pueden estar sin ella. Y tomando el –tla, –te, se hazen substantivos. Exemplo: temachti, 'el predicador'; tlacuilo, 'escrivano'. Y estos substantivos salen de pocos verbos.

[Olmos 1547: 310]

Los adiectivos no resciben los pronombres –no, –mo, –y, pero los substantivos tomaran –cauh en el singular y –caua en el plural. Exemplo: tlacuilo, ‘escrivano’, notlacuilocauh, plural, notlacuilocaua. Y éstos también pueden ser de tlacuiloani, temachti, ‘predicador’, notemachticauh, etc.
[Olmos 1547: 310]

Otros acaban en –**qui**. Y **significan la cosa por la qual ha passado la actión o significación** del verbo, como ‘cosa lavada’ o ‘podrida’, etc. Éstos en el plural bolverán el –qui en –que. Exemplo: **palanqui, ‘cosa podrida**’ o ‘llagada’; plural, palanque. Y éstos salen de verbos neutros, y no de todos.
[Olmos 1547: 311]

La formación dellos es del pretérito perfecto del verbo donde salen, quitando la –o del principio y añadiendo–qui. Exemplo: coyaua, ‘ensanchar se’, pretérito, ocoyauh, y de aquí viene **coyauhqui, ‘cosa ensanchada’ o ‘horadada**’, plural, coyauhque.
[Olmos 1547: 311]

Éstos no pueden, en este significado, tomar partícula ninguna, **porque salen de verbos neutros;** y quando las toman salen de verbos activos. Y hazen se substantivos, como está dicho, mudando el significado. Exemplo: tenqui, ‘cossa llena’, no se dize sino oten tlatenqui, ‘el que hinche algo’.
[Olmos 1547: 311]

Otros salen en –**tli.** Tienen **la significación del participio de pretérito de la boz passiva.** Y no salen de todos verbos, ni se usa mucho sin los pronombres –no, – mo, – y dar les plural.
[Olmos 1547: 311]

La formación dellos es de la tercera persona del pretérito perfecto del indicativo, quitando la –o del principio y añadiendo –tli. Exemplo: nitlacuepa, ‘bolver algo’, onitlacuep, pretérito perfecto, **tlacueptli, ‘cosa buelta’.**
[Olmos 1547: 311]

Sacan se desta regla –tlaaxitl, ‘cosa pressa’, la qual viene de niteaci, ‘prender’, y no acaba en –tli como los ya dichos.
[Olmos 1547: 311]

Tanbién se sacan los que vienen de verbos acabados en –ca, porque éstos se forman del presente del indicativo, la –a buelta en –tli. Exemplo: nitlapaca, ‘lavar’, tlapactli, ‘cosa lavada’.
[Olmos 1547: 311]

De los verbales con las dichas partículas

Los nombres verbales, ansí adjectivos como substantivos, para tomar las dichas partículas, se formarán en esta manera:

1) Si fenescieran en –ni, –qui, se formarán del pretérito plusquam– perfecto del verbo de donde desciende el tal verbal; y quitada la o– del principio añadirán las dichas partículas. Exemplo: temachtiani, 'predicador', temachticatçintli, 'predicador onrrado'; tlapixqui, 'el que guarda', tlapixcatçintli, etc.

Y lo mesmo harán los verbales adjectivos o substantivos que se toman de tercera persona del pretérito perfecto de indicativo de la activa. Exemplo: tlacuilo, 'escrivano', tlacuilocatçintli; tecoco, 'cosa que aflige', tecococatçintli.

2) Los verbales en –tli, –li las pierden, y sobre lo que queda del nombre toman las partículas. Exemplo: tlapactli, 'cosa lavada', tlapactçintli, etc.; tlacencaualli 'cosa aparejada', tlaçencaualhtçintli.

3) Los verbales que acaban en –ya, –ia sobre ellas toman –tçintli. Como de nocochia, 'mi cámara', nocochiantçi, etc.

4) Los de –c toman –a, y añaden las partículas. Exemplo: melauac, 'cosa derecha', melacauacatçintli.

5) Los de –tic según la regla de los de –c. Y tanbien perdiendo el –tic toman las partículas. Exemplo: cuztic, 'cosa marilla', cuzticapulh vel cuzpulh.

6) Los adjectivos que fenescen en –yo, –llo toman –ca y añaden las partículas. Exemplo: xalo, 'cosa arenosa', xalocatçintli, etc.

[Olmos 1547: 315-316]

Los verbales pueden rescebir antes de sí una destas tres partículas: –tla, –te, –ne; y unos las resciben todas y otras algunas; y otros no resciben ninguna. Y quando estas partículas se anteponen a los nombres verbales, tienen el mismo significado que en el verbo de donde descienden;

[Olmos 1547: 296]

(213)

Item es de notar que, assí como ay algunos verbos que se derivan de nombres (como está dicho), assí al contrario ay nombres que se derivan de verbos, v.g.: casi generalmente de todos los verbos se saca cierto género de nombres que los latinos llaman verbales

[Tomás 1560: 91]

(214)

y en la lengua latina se acaba en bilis (amabilis, comestibilis), y significan aptitud en la cosa significada. Y, en esa significacion, de la misma manera: y son el infinitivo en el presente y en el futuro, añadida a cada uno dellos esta dictión pac. Exemplo de lo primero micuipac significa 'cosa comestible' o 'para comer', micungapac significa lo

mismo. Item se puede dezir que de cada verbo se saca otro nombre que significa el instrumento con que se haze la obra del verbo donde se deriva, v.g.: deste verbo micuni por 'comer' se saca este nombre micona, que significa la vasija en que se come

[Tomás 1560: 91]

(215)

y son el infinitivo en el presente y en el futuro, añadida a cada uno dellos esta dictión pac

[Tomás 1560: 91]

(216)

Otras diversas maneras ay de sacar y derivar nombres de verbos que la experiencia enseñará

[Tomás 1560: 91]

Y fórmase estos nombres de la primera persona del presente del indicativo, la y última mudada en a, v.g.: upiani, la i mudada en a dize upiana, &c

[Tomás 1560: 91]

(217)

Item tiene la segunda propiedad, que es especie: que unos son primitivos, que no se derivan de otros, como rumi, que significa 'piedra'; otros derivativos, que se derivan de otros, como este nombre tiana, que significa 'assiento', se deriva deste verbo tiani, que quiere dezir 'assentar'

[Tomás 1560: 21]

(218)

Quasi todas las dictiones o términos de tres sílabas tienen el accento en la penúltima o media sílaba, v.g.: yacolla 'manta', quillcána 'escivanía', tiána 'silla', uixcána 'cerradura', todas tienen el accento en la penúñtima; y assí las demás

[Tomás 1560: 16]

(219)

Acerca del participio de presente active de todos los verbos es de notar que todas las oraciones o platicas que se dizen por los proprios verbos se pueden dezir por su participio de presente y el verbo sum, es, fui, segun el numero, modo y tiempo de que hablare, v.g.: dezimos micuni ‘yo como’; podemos dezir los mismo por su participio y por el verbo sum, es, fui diziendo micoc cani ‘yo como’, micoc cangue ‘tu comes’; ‘nosotros comemos’ dezimos noconachic micoccana canchic; ‘o, si vosotros comierades’ diremos athac micoccona canguichicmanc

Y es una muy elegante manera de hablar por este participio y el dicho verbo, como en latin dezimos sum comedens, es legens, fui docens, lo qual en la lengua espanola no tiene aquella gracia ni se dize tan congruamente ‘soy el que come’, &c.

[Tomás 1560: 94]

(220)

Item usan de la figura que el latino llama emphasis, como arriba se començó a tocar, que es quando el término se toma en menor significación del rigor dél. Cométenla usando deste término çapa, que es un nombre muy general, y aplicado a muchas hablas; y es dictión exclusiva, que significa lo que en latín solum modo, y en romance 'tan solamente'; y los indios hablan por él, lo que los latinos por los nombres verbales en or o en trix: amator, amatrix& c., y los españoles amador o amadora, y los semejantes; y háblanlo juntando el dicho adjectivo çapa con los participios del verbo, que significa la cosa que queremos explicar o con los nombres dellas, v.g. Exemplo de lo primero: 'tú eres comedor' dizen micocçapa cangui, 'tú eres bevedor' dizen upiacçapa cangui, 'yo soy sabio' dizen yachacçapa cani.

[Tomás 1560: 150 - 151]

(221)

Exemplo de lo primero: poric 'el que anda', macauanc 'el que me hiere', guañuchic 'el que mata'

[Tomás 1560: 145]

(222)

Exemplo de lo primero: 'traigo de comer para ti' dezimos campac micuyta apamuni. Exemplo de lo segundo: 'quítote la comida' dezimos cammanta micuita quichupuiqui. Dixe commúnmente porque muchas vezes ponen ambos nombres en acusativo, como diziendo 'doyte de comer' podemos dezir camta micuita cuiqui. Item 'quítote la comida' podremos dezir camta micuita quichuni.

[Tomás 1560: 130]

(223)

Acerca del qual y del presente dél es de notar que algunas vezes se pone como nombre, como en la lengua latina y española, v.g.: 'comer es bueno' dezimos micuy alli. Y quando se toma como nombre en muchas cosas sigue la propiedad dél, y se declina con los mismos artículos dél, y se rige del verbo como él, v.g. Exemplo del nominativo: ya está puesto. Del dativo, dezimos 'estoy bueno para ver' ricuipac alli cani. Del accusativo con movimiento: 'voy a comer' dezimos micuiman rini; sin movimiento: 'dame de comer' dezimos mucuita coay. Exemplo del ablativo sin movimiento: 'en comer descanso' dezimos mucuipi çamani; del mismo con movimiento: 'vengo de comer' dezimos micuimanta xamuni. Exemplo del effectivo: 'con ver me huelgo' dezimos ricuiguan cusicuni. Y si alguno dixere que algunos destos romances aquí dichos no son de infinitivo propiamente, respondo que si en la lengua latina y española no los son, sonlo en ésta, a lo menos en la voz, y esto basta para el propósito, pues quando el tal infinitivo se declina, ya se entiende que no es verbo infinitivo propiamente sino en sola la voz, y se pone por nombre. Verdad es que los mismos romances arriba dichos se pueden hazer algunos dellos por participios y supinos, y otros por nombres, como consta claramente a los latinos.

[Tomás 1560: 100 - 101]

(224)

Item acerca deste participio de pretérito passivo se ha de notar que otras vezes se toma como el pronombre derivativo arriba dicho

Conviene a saber: la primera persona del singular, si el tal participio se acaba en vocal, añadida a él una letra y; y, si en consonante, quitada la consonante y puesta en su lugar la misma y, v.g. Exemplo de lo primero: coyasca, añadida y, dize coyascay, significa 'cosa amada de mi'.

[Tomás 1560: 94]

(225)

alia participiis similia, ut demens, sapiens, potens;
[GL – 4, 617]

(226)

Nam et patronymica et possessiua et comparatiua et superlatiua et diminutiua praeter uerbalia et aduerbialia et ea, quae ex praepositionibus fiunt, ex|maxima parte denominatiua sunt, id est a nominibus deriuantur.
[GL – 2, 117]

|quae quia late sunt confusae, generali eas nominatione artium scriptores |nuncupauerunt denominatiua. et quia multae inueniuntur formae |communes tam denominatiuis quam uerbalibus nec non etiam participialibus et |aduerbialibus, non incongruum esse exstimo, de his quoque in loco una |tractare.
[GL – 2, 117]

(227)

|ra autem terminantia omnia participiis femininis futuri temporis |similem habent formam, unde paenultima quoque u sine dubio producitur: |0121| scriptūra, censūra, tonsūra, usūra, litūra, natūra, armatūra. |et sciendum, quod supra dictae omnes formae [id est in a desinentes] |proprie sunt feminini generis.
[GL – 2, 120]

|in io igitur terminantia plerumque a participiis fiunt praeteriti |temporis, quorum genetiuus assumpta a et correpta i facit huiuscemodi |nomina: oratus orati oratio, accusatus accusati accusatio, status stati |statio

nam in ilis |desinentia **uerbalia** siue **participialia** corripiunt eandem i paenultimam: fero |fertĭlis, utor utĭlis, futio (ex quo compositum effutio) futĭlis, uolo |uolatĭlis
[GL – 2, 131]

et ab **aduerbiis**: supra uel super superus, infra inferus, extra |externus, hodie hodiernus;
[GL – 2, 118]

(228)

|tertia forma in **dus** terminantium est participialis, id est quae |terminationem habet participiorum futuri temporis passiuorum, et significat |0138| dignum esse aliquem eo, quod demonstratur, ut laudandus laude dignus, |amandus dignus amari, curandus dignus cura, ornandus dignus |ornari, ordinandus dignus ordinari, legendus dignus legi, loquendus |dignus de quo loquantur homines.
[GL – 2, 137]

in tus si sint **participialia** aut denominatiua, uel incorporalia et fixa |sunt, ut motus, tumultus, sonitus**, habitus, cultus, consulatus,** |tribunatus, uel mobilia, ut togatus, palliatus, loricatus, tunicatus, |gratus, laetus, mutus; et sciendum, quod, si a primae declinationis |nominibus deriuantur, a habent paenultimam productam, ut barbātus, stellātus,|trabeātus, purpurātus; sin a secundae uel tertiae, in quibusdam a, in |aliis i productam, ut pallium [pallii] palliātus, anulus anulātus (Plautus |in Poenulo: |«quia incedunt cum anulatis auribus». |excipitur manuleātus, quod quamuis a paenultimam productam habet, |tamen a quarta declinatione deriuatur: manus manuleātus.
[GL – 2, 139]

(229)

Quod est nomen participiale? Quod a participio deriuatur ut lectus, lector & lectio.
[Nebrija 1495: 162]

Quod est nomen participiale. Nomina participiale sunt quae a participiis siue a verbis participialibus quae alii dicunt supina formantur.
[Nebrija 1495: 163]

Quod est nomen aduerbuale? Quod ab aduerbio deriuatur ut a perendie perendinus, a, um.
[Nebrija 1495: 163]

Quod est nomen aduerbiale? Aduerbialia dicuntur nomina non tantum quae ab aduerbiis deriantur sed etiam quae a praepositionibus quae quotiens casualibus suis non apponunntur: aduerbua potius dicuntur
[Nebrija 1495: 163]

(230)

Horum quaedam terminantur in io fiuntq ab ultimo supino u finali mutata in i & addita o ut a lectu lectio
Quaedam terminantur in or quae formantur ab ultimo supino u finali mutata in or ut ab amata amator, ab auditu auditor & omnia significant actionem praeter unum vector quod actionem & passionem significat
Ab his rursus formantur foemina nomina terminata in trix, tor mutata in trix ut amator amatrix, creator creatrix.

In tilis, silis & xilis desinentia in significatione similia sunt participiis unde formantur ut fictilis rasilis, nexilis quod fictum, rasum & nexum est.
In cius quoq terminata eiusdem prope sunt significationis cum participiis unde formantur ut scripticius, facticius dedictius quod factum, scriptum & deditum est.
In iuus iua iuum tum actionem tum passionem significat ur Actiuus quod agit, Passius quod patiur, indicatiuus quod indicat, Infinitiuus non quod inferit sed quod inferitur.
[Nebrija 1495: 163]

(231)

Nomina praeterea formam participiorum habentia idest quae figurantur ex participiis praesentis temporis & praeteriti possunt construi cum genitiuo.
Participia namq si essent accusatiuo iungerentur diceremusq patiens laborem
Eodem modo si dixeris doctus grammaticam uictus animum expertus bellum participia sunt, doctus grammatice, uictus animi, posfusus sui, expertus belli nomina.

Sunt nomina participiis similia ut amans, doctus, quae sila constructione discernuntur. Nam cum dico 'amans uxorem' participium est, amans uxoris nomen est. Sed cum sunt nomina recipiunt comparationem ut amantior uxoris, amantissimus uxoris, doctior Cicerone, doctissimus omnium. Tempore quo q possunt discerni nam cum dico 'est amandus ab me' significat quod ab me amabitur, cum uero tantum est amandus, quod est dignus amari. Vix tamen sub hac forma recipit comparationem, nam quod quidam dicunt Reuerendissimus, colendissimus, obseruandissimus, ego dicerem potius admodum reuerendusm perq colendusm plurimum ibseruandus & alia simili modo.
[Nebrija 1495: 247]

Omnia igitur quattuor participia transire possunt in uim nominis sed quando sunt participia quando nomina quinq modis digniscimus. Primo constructione ut amans uxoris pro amator uxoris. Secundo temporis amissine ut Ouidius millitat omnis amans & habet sua castra eupido, amans pro amator posuit. Tertio comparatione ut amans amantior amantissimus. Quarto compositione ut innicens, indoctus neq enim sunt verba innoceo innoces, ondoceo, ondoces, a quibus deriuentur. Quinto significationis mutatione ut diligens non qui dilligit sed qui sollers est.
[Nebrija 1495: 247]

Sunt nomina participia poni p nominibus posse libro tertio dictum est. Nunc autem ut aliquid addat illud ipsum repetit ostenditq in quo distingui possit a nomine. Primo constructionem nam cum participium ut paulo ante diximus regat casum verbi a quo deriuatur mutata constructione ponitur loco nominis. Quod exemplis demonstrat. De construction tamen participii loco nominis positi infra dicetur. Sed cum sunt nomina recipiunt comparationem hoc de participiis praesentis & praeteriti intelligitur ut amans amantior amantisiimus, doctus doctior doctissimus. Participitia futuri temporis loco nominis posita comparationem non recipiunt neq enim possemus dicere ab amaturus amaturior amaturissimus, ab amandus amandior amandissimus. Nam quod tempestatis nostrae homines curiales dicunt atq scribunt Reuerendissimus pater, colendissimus

praesul, potius dicendum esset per ipsum participium loco nominis positum & aliquod aduerbium quod intensionem quandam significaret augeretq significationem ut Boetius in primo de consolatioen: cum philosophiam describit & uultus unquit admodum reuerendi.
Quod uero dixit participium futuri in rus loco nominis aliquando poni ostendit Luarentius
[Nebrija 1495: 248]

(232)

Nomina in bundus, quae a quibusdam participialia vocantur habent pos se casum sui verbi.
[Sempere 1546: 143].

por el de en plus también por entero,
y en eftos hallamos también aduerbialés.
[Thámara 1550: 337]

(233)

Participial nombre es aquél que se saca del participio, como de docto, doctor; de leído, lection; de oído, oidor.

Adverbial nombre es aquél que se deriva de adverbio, como de sobre, soberano; de iuso, iusano.
[Nebrija 1492: 26]

(234)

Para lo qual es de notar que los substantivos unos se derivan solamente de nombres y otros indiferentemente de nombres y **adverbios** y otros de solos verbos.
[Olmos 1547: 290]

Pero quando éstos de **–yutl o –lutl descienden** de nombres o **adverbios** temporales, entonces en el singular resciben los tales pronombres; mas en el plural no se dizen, sino quando se habla de cosas animadas. Exemplo: xiuhcayutl, ‘cosa del año pasado’, noxiuhcayo, ‘mi tal cosa’, plural, noxiuhcayoa, ‘mis tales cosas’, scilicet, animadas. Y se usa poco este plural.
[Olmos 1547: 295]

También estos derivativos en –yutl, –lutl salen de nombres y **adverbios temporales;** y la formación dellos es differente de los passados porque en los que salen de nombres, perdiendo lo que han de perder, toman –ca, y sobre el –ca añaden –yutl. Exemplo: çexiuitl, ‘año’, çexiuhcayutl, ‘cosa deste año pasado’, scilicet, hecha o cogida, vel monamiccayutl vel yeoxiuhcayutl, de futuro, no se dize.
Y si es adverbio, que no pierde nada, tomará el –ca, y sobre el –ca se añadirá el –yutl. Exemplo: yeuecauhcayutl.
[Olmos 1547: 294]

No son en uso los tales a**dverbios temporales** de días como el siguiente: Axacan, ‘oy’, axcancayutl, ‘la cosa deste día’, no se dize, sino quen omochiuh; y para cosas de simiente dize quen amaneua. Y quando de algunos nombres verbales se derivaren éstos de –yutl, fomar se han de la tercera del pretérito plusquamperfecto de la boz de activa, añadiendo –yutl.
[Olmos 1547: 294]

Exemplo: tlatoani ‘señor o hablador’ otlatoca ‘aquel avía hablado’ tlatocayutl ‘cosa de señorío’ tlaxinqui ‘carpintero’ otlaxinca ‘aquel avía labrado’ tlaxincayutl ‘cosa de carpintero’ tlacuilo ‘escrivano’ otlacuiloca ‘aquel avía escripto’ tlacuilocayutl ‘cosa de escrivano’
[Olmos 1547: 294]

Y assi mesmo todos los nombres verbales y **de participios** forman el numero plural añadiendo in al numero singular. Exemplo Xabic panader. Xabizin panadros.
[de Alcalá 1505: 34]

Empero es de morar q ningun nombre verbal o **participio** recibe la tal formacion del nombre dual.
[de Alcalá 1505: 34]

(235)

Y no solamente en esta lengua usan de los adverbioos como de nombres, declinándolos, pero aun de las mismas preposiciones quando entren en composición con nombres, como está dicho arriba destas presposiciones yoc y nac, a las quales quando se componen con nombres les añadimos otras preposciones; y assí yoc, que es preposición de effectivo, le añadimos otra preposición de accusativo, v.g.
[Tomás 1560: 156]

(236)

genera nominum sunt quattuor, **masculinum, femininum, neutrum, commune.**
est etiam **trium generum commune**, quod |omne dicitur, ut hic et haec et hoc felix.
est **epicoenon uel promiscuum**, quod sub una |significatione marem ac feminam comprehendit, ut passer, aquila.
[GL 4, 619]

(237)

masculinum est, cui numero singulari casu nominatiuo **pronomen uel articulus |praeponitur hic**, ut hic magister.

femininum est, cui numero singulari casu nominatiuo **pronomen |uel articulus praeponitur haec**, ut haec musa.

neutrum est, cui numero singulari casu |nominatiuo **pronomen uel articulus**

praeponitur hoc, ut hoc scamnum.
[GL 4, 619]

(238)

commune est, quod |**simul masculinum femininumque significat**, ut hic et haec sacerdos.
[GL 4, 619]

(239)

est etiam **trium generum** commune, quod |**omne dicitur**, ut hic et haec et hoc felix.
[GL 4, 619]

(240)

est epicoenon uel promiscuum, quod **sub una |significatione marem ac feminam comprehendi**t, ut passer, aquila.
[GL 4, 619]

(241)

|sed ex his uel **principalia uel sola** genera duo sunt, **masculinum et femininum**. nam **|neutrum et commun**e de **utroque nascuntur.**
[GL 4, 619]

(242)

sunt praeterea
alia sono masculina, intellectu feminina,ut eunuchus comoedia, | Orestes tragoedia, Centaurus nauis;
alia sono feminina, intellectu masculina, ut |Fenestella scriptor, Aquila orator;
alia sono neutra, intellectu feminina, ut «Phronesium mulier» |uel «Glycerium»;
alia sono feminina, intellectu neutra, ut poema, schema;
alia sono |masculina, intellectu neutra, ut pelagus, uulgus.

sunt praeterea nomina in singulari numero alterius generis et alterius in plurali, ut |balneum, Tartarus, caelum, porrum, caepe, locus, iocus, forum.

sunt item nomina incerti |generis inter masculinum et femininum, ut cortex, silex, radix, finis, stirps, penus,|pampinus, dies.
sunt incerti generis inter masculinum et neutrum, ut frenum, clipeus, uulgus, |0621| specus.

sunt incerti generis inter femininum et neutrum, ut buxus, pirus, prunus, |malus, sed neutro fructum, feminino ipsas arbores saepe dicimus. |
[GL 4, 620 - 621]

sunt etiam genera nominum f**ixa, sunt mobilia.**

fixa sunt, quae in alterum genus |**flecti non possunt,** ut mater, soror, pater, frater. **mobilia** autem
aut propria sunt et duo |genera faciunt, ut Gaius Gaia, Marcius Marcia,
aut appellatiua sunt et tria faciunt, ut|bonus bona bonum, malus mala malum.
[GL 4, 621]

sunt item alia **nec in totum fixa nec in totum |mobilia**, ut draco dracaena, leo leaena, gallus gallina, rex regina.
[GL 4, 621]

nomen in a uocalem desinens nominatiuo casu numero singulari aut **masculinum** |est, ut Agrippa, aut f**emininum**, ut Marcia, aut **commune**, ut aduena, aut **neutrum**, ut |0622| toreuma (sed tamen Graecum est).
nomen in e uocalem desinens nominatiuo casu |numero singulari aut femininum Graecum est, ut Euterpe, aut neutrum Latinum, ut sedile.
|nomen in i uocalem desinens nominatiuo casu numero singulari aut neutrum Graecum |est, ut gummi, sinapi, aut trium **generum est aptoton**, ut frugi, nihili.
nomen in o uocalem |desinens nominatiuo casu numero singulari aut masculinum est, ut Scipio, aut |femininum, ut Iuno, aut commune, ut pomilio, [papilio].
nomen in u uocalem desinens |nominatiuo casu numero singulari tantum neutrum est, ut cornu, genu, gelu, specu, ueru. |
sed haec omnia et quae **in consonantes desinunt, et diuersas regulas et multiplices |hebent**.
[GL 4, 621]

(243)

|genera igitur nominum principalia sunt duo, quae sola nouit ratio |naturae, masculinum et femininum. genera enim dicuntur a generando |proprie quae generare possunt, **quae sunt masculinum et femininum.**
[GL – 2, 141]

(244)

nam **commune et** neutrum uocis magis qualitate quam natura dinoscuntur, quae sunt sibi contraria. nam **commune modo masculini modo feminini significationem possidet**, neutrum uero, quantum ad ipsius uocis qualitatem, nec masculinum nec femininum est.
[GL – 2, 141]

unde **commune** articulum **siue articulare pronomen tam masculini quam femini generis assumit,** ut **hic sacerdos et haec sacerdos,** neutrum autem separatum ab utroque genere articulum asciscit, ut hoc regnum.
[GL – 2, 141]

(245)

dubia autem sunt genera, quae nulla ratione cogente auctoritas ueterum diuerso genere protulit, ut **hic finis et haec finis**, cortex, silex, margo.
[GL – 2, 141]

|**epicoena**, id est promiscua, uel masculina sunt uel feminina, quae **una uoce et uno articulo** utriusque **naturae animalia solent significare**.
[GL – 2, 141]

nam commune et **neutrum uocis magis qualitate** quam natura dinoscuntur, quae sunt sibi contraria. nam commune modo masculini modo feminini significationem possidet, **neutrum uero, quantum ad ipsius uocis qualitatem, nec masculinum nec femininum est**.
[GL – 2, 141]

unde commune articulum siue articulare pronomen tam masculini quam femini generis assumit, ut hic sacerdos et haec sacerdos, **neutrum autem separatum ab utroque genere articulum asciscit, ut hoc regnum.**
[GL – 2, 141]

sunt alia **communia non solum masculini et feminini, sed etiam neutri,** et sunt adiectiua, ut hic et haec et hoc felix, sapiens.
[GL – 2, 141]

(246)

sunt quaedam **tam natura quam uoce mobilia,** ut natus |0142| nata, filius filia;
[GL – 2, 142]

sunt alia, quae |**differentiae significationis causa mutant genera**, ut haec pirus hoc pirum, |haec malus hoc malum, haec arbutus hoc arbutum, haec myrtus |hoc myrtum, haec prunus hoc prunum.
[GL – 2, 142]

et hoc in plerisque inuenis |arborum nominibus, in **quibus ipsae arbores feminino genere, fructus neutro |proferuntur**

uel **ligna**, ut haec buxus arbos, hoc buxum lignum. |Virgilius: «dant arbuta siluae», «cruentaque myrta», «cerea pruna», |«uolubile buxum». |
[GL – 2, 142]

sunt alia **uoce, non etiam naturae significatione mobilia**, ut lucifer |lucifera, frugifer frugifera: siue enim de sole siue de luna siue de agro |siue de terra loquar, nulla est discretio generis naturalis in rebus ipsis, |sed in uoce sola;
[GL – 2, 142]

sunt alia **natura et significatione mobilia. non etiam |uoce**, ut pater mater, frater soror, patruus amita, auunculus |matertera;
[GL – 2, 142]

sunt alia **quasi mobilia, cum a se, non a masculinis |feminina nascuntur**, ut Helenus Helena, Danaus Danaa, liber libra, |fiber fibra. unumquodque enim eorum propriam et amotam a |significatione masculini habet demonstrationem et positionem;
[GL – 2, 142]

(247)

de singulis igitur terminationibus quomodo possint comprehendi |genera, prout ualeam, hinc tractare incipiam. |

masculini generis terminales inueniuntur literae septem: a, o, l, n, r, |s, x, ut scriba, Cicero, sol, flamen, Caesar, bonus, rex; |feminini quoque eaedem, ut Roma, uirgo, Tanaquil, Siren, mater, |ciuitas, pax.

in e quoque productam inueniuntur feminina, sed Graeca|dumtaxat, ut Taygetē, Euterpē, et in um, sed figurate, ut «Glycerium |mea» et Dorcium et Philotium.

communia in easdem literas desinunt, |quas et masculina, ut hic et haec aduena, homo, uigil, tibicen, |fidicen (ut quibusdam placet, nam usus eorum feminina in a terminat, |fidicina et tibicina), hic et haec pauper, ciuis, dux.

neutrorum |duodecim inueniuntur terminales literae: a, e correpta, i, u, l, m, n, r, s, |c, t, d, ut poema, marĕ, gummi, cornu, mel, regnum, numen, |0143| tuber, sidus, lac, caput, aliud.

communia trium generum desinunt |in i, m, r, s, x, ut hic et haec et hoc frugi, nequam, par, |prudens, audax. |
[GL – 2, 142 - 143]

|in el correptam neutri sunt generis, mĕl, fĕl, subtĕl, τὸ | κοῖλον τοῦ ποδός. |in el productam barbara masculina inueniuntur: hic Michaēl, |Gabriēl, hic Abēl.
Слоги

|excipitur unum monosyllabum masculinum, hic sal salis. Terentius |in *eunucho*: |«† qui habet in se salem». |Sallustius in*Iugurthino*: «neque salem neque alia gulae |irritamenta».

|in d neutra sunt: quid uel quod et aliud (haec enim ratio |nomina esse ostendit) et Bogud, nomen barbarum, quod Liuius in |centesimo quarto decimo declinauit Bogudis.
|in ul quoque unum reperitur masculinum Latinum, consul,
sed haec nomina nulla regula Latina uel Graeca sunt |moderanda, nisi si transferantur in aliquam declinabilem formam, quod |quidam historici fecerunt, ut Abrahamus Abrahami.
Et barbara indeclinabilia non solum in am et in im, |sed in alias quoque literas terminant, in quas Latina uel Graeca nomina |non solent desinere, ut Abraham,

Joachim, Loth, Ruth, Iacob,|Dauid, Balac.

sicut pus, quod est indeclinabile. penŭs inuenitur et |masculinum et femininum et neutrum.
excipiuntur secundae |declinationis haec: humŭs, aluŭs (Virgilius in II: |«in latus inque feri curuam conpagibus aluum».

excipitur hic fornix, quod quamuis |paenultimam positione longam habuit, tamen masculinum est.
adiectiua |supra dictam seruant generum regulam: hic et haec et hoc pernix, |felix.
|alia uero omnia propria siue appellatiua in a desinentia feminina sunt, |ut Musa, curia, Roma, Ilia.
(numerorum uero|nomina, quae declinantur, mobilia sunt uel per tres uel per duas |terminationes, ut unus una unum, duo duae duo, tres tria, ducenti ducentae |ducenta;

|in is finita nomina, si sint adiectiua uel deriuatiua appellatiua, |communia sunt, et si ad homines proprie solos pertinent, non faciunt ex se |neutra, ut hic et haec ciuis, hic et haec hostis (Statius in V | *Thebaidos*: |«turbidus incertusque oculis uigilantibus hostem / |occupat amplexu», |cum de uxore Helimi Gorge loquitur), hic et haec Samnis (aedilis, |quia dignitatis est ad uiros pertinentis, masculini generis est);
|quae uero, cum apud Graecos communia sunt uel mobilia, apud Latinos in |a desinunt tantum nec ex masculinis in us desinentibus transformantur, communia tantum et paene omnia a uerbis sunt composita uel deriuata, ut |hic et haec agricola, caelicola, aduena, parricida, Graiugena, |conuiua.
|in o, i antecedente, quando non sunt uerbalia siue participialia, |masculina sunt, ut hic stellio, gurgulio; quando sunt uerbalia siue|participialia, feminina sunt, ut oratio, actio, coniugatio, coniunctio, |interiectio.

quod autem Turia et similia fluminum |nomina masculina sunt, ostendit etiam Sallustius in am terminans eius |accusatiuum in II *historiarum*: «inter laeua moenium et dextrum |flumen Turiam». nam si esset neutrum, similis esset accusatiuus |nominatiuo.
illa quoque in a desinentia, quae officiorum sunt ad uiros |0144| pertinentium, masculina esse nulla est dubitatio: scriba, lixa, collega.
omnia enim nomina elementorum propria neutra |sunt tam apud nos quam apud Graecos et indeclinabilia
|excipitur flamĕn [sacerdos Iouis] et pectĕn, quae sunt masculina.
|unde specialia quoque uniuscuiusque arboris nomina feminina sunt, excepto |oleastro, quod tam forma terminationis quam declinatio prohibuit esse |femininum. nam siler non est inter arbores ponendum, sicut nec rubus.
sin tam ad |homines quam ad alias res dici possunt, in e faciunt neutrum: hic et |haec suauis et hoc suaue, hic et haec dulcis et hoc dulce, hic |et haec regalis et hoc regale, hic et haec amabilis et hoc |amabile.

|paelex quoque ad mulieres pertinens femininum est, nec non etiam |carex.

margo quoque auctoritate poetica non solum feminini, sed etiam masculini|generis inuenitur.
inueniuntur tamen uetustissimi quidam etiam neutro genere hoc|protulisse.
iter quoque|uel itiner uetuste neutri sunt generis et spinter, quod ἀκροχέριον aut |fibulam in umeris aut armillam significat.
[GL – 2, 142 – 143 - 144]

(248)

quae tam in masculinis et femininis quam in neutris inueniuntur generibus
[GL – 2, 142]

(249)

ostendit etiam natura |ipsius s**ermonis Punici, in quo omnia nomina uel masculina sunt uel |feminina.** ergo Capsa quoque et Thala oppidum et Tirimida similiter |figurate feminina neutris sunt coniuncta. unde Sallustius in II | historiarum: «inter laeua moenium et dextrum flumen Turiam, |quod Valentiam paruo interuallo praeterfluit», Turiam dixit, |qui accusatiuus masculini est, non neutri. plurima tamen non solum in |Africa, sed in aliis etiam regionibus nomina fluuiorum in a inueniuntur |desinentia.
[GL – 2, 142 – 143]

(250)

Genera nominum, pronominum, & participiorum quinq sunt.

Masculinum quod declinatur cum hic, ut hic dominis,

Foemininum quod declinatur cum haec ut haec musa,

Neutrus quod declinatur cum hoc, ut hoc templum,

Commune duorum quod declinatur cum hic et haec, ut hic et haec homo,

Commune trium quod declinatur cum hic et haec et hoc, ut hic et haec et hoc amans.

[Nebrija 1495: 49]

(251)

Genus in nomine **aut naturale est, aut ab usu, atque autoritate** descendit, naturale est earum rerum, quae sexu distinguntur, hoc est marium & foeminarum quae sunt in natura generationis principia: unde ad his duobus genera dicta sunt a generando, de quibus Priscia. dixit «Duo genera sunt quae sola ratio naturae novit masculinum & foemininum». Genus illud alterum quod ab autoritate defluxit nullum sexum prae se fert: sed illud tantum sequitur, quod usu confirmavit, ut «lapis», «terra» cum in natura nullius certi sint sexus, alterum masculino, alterum foeminino genere usus protulit. Ergo recte dixit genus in nomine **esse notionem quandam qua masculinum a foeminino distinguitur, aut natura duce, aut usu: & neutrum ab utroqu**e, nam ex illis duobus & ex hoc reliqua genera fiunt.
[Nebrija 1495: 164]

(252)

Nam vero ratio erat, cur dominus sit generis masculini aut **quia reperitur coniunctus cum nominibus aduectiuis generis masculini aut ratione significantionis quae ad masculos tantum pertinet aut deniq quia secundae est declinationis in us terminatum.**
[Nebrija 1495: 164]

(253)

Deinde quod nomina adiectiua q per prima & secunda nominis declinationem inflectuntur & pnomina & participia non declinantur per hic & haec & hoc **sed per suas cuiq generi terminationes accomodatas.**
[Nebrija 1495: 164]

De genere nominum, pronominum & participiorum qm aliis in locis copiosius disputabitur quod ad hunc locum attinet dicimus genera eem quinq. Masculinum quod declinatur cum hic&c. Sed haec quam in sufficienter dicantur quis non videtur. Primum quia non ideo nomen est aut masculinum quod declinatur cum hic aut foemininum quod declinatur cum haec aut neutrum quod declinatur cum hoc sed quia est vel masculinum vel foemininum vel neutrum ideo declinatur aut cum hic aut cum haec aut cum hoc.

Genera nominum declinabilium oratinonis partium elegit quaedam accidentia sine quibus non potest fieri illa quam diximus constructio in **nomine, pronomine & participio genus,** numerum & declinatinem.
[Nebrija 1495: 52]

(254)

Sed ut in capite generis dictum est illa ratio valet **apud graecos plurimum qui loquuntur per articulos** apud latinos nullius est momento.
[Nebrija 1495: 78]

In sermone nanque **graeco, hebraico, punico, aut denique cuiuscunque alterius lingae, quae articulis utitur, praeceptum illud [masculinum esse quod declinatur cum hic] sufficiens erat**: cum in serie orationis nomina plerunque articulos habeant connexos. At vero latinis qui ex idiomate articulos ignorant **regula** illa non suffragatur neque ob aliam causam fuit proposita nisi ut pueri confusam quandam generis haberent cognitionem. Nam si puero interroganti musa cuius generis est foeminini respondeas quia declinatur per haec subiici et ille rursus quare declinatur per haec. Respondebis opinor quia generis est foeminini ergo circulum fecisti quod in doctrina q sit vitiosum Aristoteles in posterioribus analecticis praeclare demonstrat. Quoniam si foemininum id circo est quia per haec declinatur & rursus per haec declinatur quia est foemininum, nunquam omnino scire poterimus musa cuius generis est. Quare ne pueri diuitius a nobis eludantur tradendae sunt illis regulae quibus non per articulos qui in sermone latino nulli sunt **sed per significationes aut terminationes** possint genera nominum cognoscere.

[Nebrija 1495: 79]

Quod est nomen masculinum, non magis satisfacit hoc loco quam libro primo nam ut illic dicebamus **non propterea dominus est masculini generis quia declinatur cum hic,** sed declinatur cum hic, quia est generis msculini. Sed in hoc sequitur vulgarem rationem
[Nebrija 1495: 73]

(255)

Foemina masq genus. Praemittit regulas generales quae colliguntur **ex nominum significatione** generali & quae terminationum regulis praeferendae sunt.
[Nebrija 1495: 53]

Est igitur prima significationis regula quod nomina propia sive appellatiua sexus alterutrius si sunt **masculorum generis sunt masculini**, si **foeminaum foeminini quam rem sola natura** duce possumus intelligere etiam si nobis id monstrauerit nemo. Nam ut Priscianus ait «duo genera sunt quae sola ratio naturae novit: masculinum & foemininum». **Neq id solum in humana specie** ut hic vir, haec mulier, hic papa, haec obstetrix, hic byrrhia, haec, glycerium, **sed etiam in aliis rebus in quibus per genitalia membra aut certa quaedam signa marem a foemina separamus**. Quemadmodum equum ab equa, asinum ab asina, ceruum ab cerua, canem & bouem mares a foeminis genitali gallum vero a gallina tum crista tum cauda tum etiam calcaribus atq alias animantes certis quibusdam insignibus natura distinxit.
[Nebrija 1495: 54]

Secunda significationis regula est quod nomina **carum rerum quae sexum discretum non habent, si res illas tales imaginamur & fingimus aut de illis ita loquimur quasi sint masculae aut foeminae generis sunt masculini aut foeminini,** ut hic mars, maec venus, sic enim de diis gentium poetae fabulantur quasi sexum habeant quod mars venerem adulteravit quodque illa ex anchise aeneam genuit & talia quaedam quae in naturam divinam cadere nullo modo poterant.
Eadem quoq ratione angelorum quaedam propria nomina generis sunt masculini ut Michael
[Nebrija 1495: 55]

quod graece epicoenum, latine interpretatur promiscuum siue confusum inter quod & commune hoc distat quod **commune est ubi visu fecernimus sexum**
[Nebrija 1495: 164]

Tertia significationis regula est quod nomina quae **ex ipsa rerum significatione ad mares & foeminas pertinent comunia sunt duorum generum** ut hic & heac pauper. Homo. Testis. Nomina praeterea quae ex ipsa rerum significatione **ad mares & foeminas pertinent atque neutris iungi possunt communia sunt trium generum** ut hic& haec& hoc prudens, sapiens, foelix.

[Nebrija 1495: 56]

esse notionem quandam qua masculinum a foeminino distinguitur, **aut natura duce,** aut usu: & **neutrum ab utroque**
[Nebrija 1495: 164]

Propositis regulis generalibus ad cognoscendum genus nominum ex ratione significationis nunc quod reliquus est quodque sub nulla ex illis regulis continetur **per terminationes ordinis** alphabetarii disponit.
[Nebrija 1495:70]

Dicit itaq imprimis quod nomina terminata in **a** generis sunt **foeminini** ut haec musa
Quod nomina latina terminata in **e** generis sunt **neutri** ut hoc mare, cubile, monile, & a nominibus **adiectiuis duorum generum communibus sub terminationem is**, ut hic, haec breuis, hoc breue, hic alacer, haec alacris, hoc alace, vel hic haec alacris, hoc alacre.
[Nebrija 1495: 72]

Sit commune trium quod nomina **gentilia comunia sunt trium generum** ut hic, haec, hoc arpinas.
[Nebrija 1495: 73]

Quod in **o** desinentia generis sunt masculini ut hic sermo, histrio, unio pro gemma vel margarita potius graddiori nam pro unitate si uspiam reperiretur generis esset foeminini, ergo addit gemma ut significaret lapillum rem corpoream.
[Nebrija 1495: 73]

Quod **tertia declinarionis nomina in a terminata generis sunt neutri** ut hoc emblema, atis.
[Nebrija 1495: 76]

(256)

Quod est nomen dubium? Quod declinatur cum hic vel haec, ut hic vel haec finis, hic vel haec cortex.
[Nebrija 1495: 51]

De genere dubio
Pomiscuum etiam **ad genus terminationis refertur.**

Nunc vero de **genere** dubio dicit esse pauca nomina quae auctores alio genere ausi sunt proferre q usu atque grammatices regule exigebant. Ut talpa, dama cum ratione terminationis generis sint foeminini

Vergilius auctoritate sua utrumque sub genere masculino protulit. Cardo, inis cum

plaerique omnes masculino genere protulerint, gracchus in atalanta proportionem secutus dixit o. **Grata cardo** regium egressum indicans.
[Nebrija 1495: 80]

Quia de **dubiis** siue incertis generibus in fine capitis quod de genere scipsimus satis copiose dictum est nihil aliud hoc loco dicimus q quod dubium genus differt a communi duorum in eo quod **dubium est quo auctores nulla ratione ducti sed sola auctoritate sub alio genere usi sunt.** Commune vero est ubi visu fecernimus sexum quam utrumq sub una termonatione proferimus ut hic & haec homo, ut hoc & haec canis in quo etiam ab epicoeno differet ut statum dicemus.
[Nebrija 1495: 164]

(257)

Quod est nomen **promiscuum**? Quod **cum articulo hic vel haec significat animalia utriusque sexus,** ut hic milvus, hic mus, haec aquila, haec dorcas.
[Nebrija 1495: 167]

epicoenum vero ubi **visu non secernimus sexum & sub uno articulo,** quem videlicet firmavit autoritas, **uterque sexus intellegitur.** Cum non possimus naturaliter in promiscuis sexum deprehendere vocem illius sexus sequimur, quem usus elegit. Nam cum in natura sit distinctius sexus cuiusque speciei animalium perfectorum, puta, milui, aquilae, cum nos alterum ab altero distinguere non possemos, placuit in altero masculinum, in altero foemininum eligere, ita tamen ut sub altero illorum subintelligeremus alterum.
[Nebrija 1495: 167]

In quibus vero sub altero tantum genere & terminatione **utrunque sexum intelligimus**: qualia sunt illa quae graeci **epiconea**: latini promiscua consueuerunt appellare, si necesse habuerimus sexum distinguere additamento id facere possumus, ut quoniam perdix genere foemino semper latini sermonis usu profert si fuerit grandiuscula aut calcaribus armata aut foeminam inierit aut aliud quiddam fecerit quod sit maris proprium, recte possimus dicere hic perdix masculus est. Eodem modo aquila masculus, piscis foemina.
[Nebrija 1495: 167]

(258)

Quid est genus in nomine? **Illud quo masculinum a foeminino distinguitur & neutrum ab utroq.**
[Nebrija 1495: 164]

esse notionem quandam qua masculinum a foeminino distinguitur, aut natura duce, aut usu: & neutrum ab utroque, nam ex illis duobus & ex hoc reliqua genera fiunt.
[Nebrija 1495: 76]

(259)

Genero llaman **en muchas maneras**
los que del arte fuelen platicar,
pero lo que haze aqui a nueftro hablar
es boz que denota el sexo que quieras.
[Thámara 1550: 43]

Y deste hallaras dos partes enteras
genero **propio y de appellacion**
[Thámara 1550: 43]

el uno **demuestra significacion.**
Por ocho reglas que ponen primera.

Si por **natura** el nombre veras
que le conosces, sin tu mas dubdar
ella te peude luego mostrar
dezir masculino o si otro querras
pero si a dos que conuiene hallaras
c**omun le diras de dos por sentido**
y a tres si conuiene bien es conoscido
de tres ser comun y las reglas daras

Nombres de rios y meses hallamos
ser masculinos por buena razon
los nombres **de arboles** con chica excepcion
ser **femeninos** aqui senalamos.
De las **ciudades** lo mismo digamis
islas, comedias y naos nombradas
y aqui las **letras** sean declaradas
las quales ser neutras su nombre sepamos.
[Thámara 1550: 43 - 44]

Todos los otros por terminacion
en que se acaban tu deves mirar
[Thámara 1550: 44]

algunos que fon de ser **masculino**.
Ar sera **neutros** er, ir, or viriles,
ser **femeninos** aqui senalamos.
c**omun le diras de dos** por sentido
y a tres si conuiene bien es conoscido
los dubios con hic, o con hec se notan

con un solo articulos **promiscuo** es hallado
ya hembra ya macho este solo es dado
y con solo este genero ambos se dotan
[Thámara 1550: 45]

y estos tambien **han de concertar**
en genero numero y **caso** que escriuo
[Thámara 1550: 42]

Nominum Genera quatuor modis, hoc est **pronomine loco articulo**, **significatione**, **fine** & **autoritate** noscuntur.
[Sempere 1546: 19]

Genera nominum septem sunt.
Masculinum cui praeponitur hic, ut hic Dominus.
Femineum cui praeponitur haec, ut haec Musa.
Neutrum cui praeponitur hoc: hoc templum.
Commune cui praeponitur hic & haec: ut hic, & haec Sacerdos.
Omne cui praeponuntur hic, haec, hoc; vel per tres varias voces inflecitur: ut hic, haec hoc foelix; bonus bona, bonum
Dubium quiod modo Masculinum, modo Foemineum apud Oratores etiam invenitur: ut hic vel haec dies.
Promiscuum in quo sexus uterque per alterum apparet: ut hic passer, haec aquila, hic lepus.
[Sempere 1546: 19].

Canones universi.
De **significatione** genera nominum indicants.

Canon I
Nomina propria & communia, **Deorum, Angelorum, Cacodemonum, Virorum, Mensium, Fliviorum, atque Ventorum**, sub quacumque terminatione sunt generis masculini: ut Jupiter, Michael, Satanas, Carolus, Aprilis, Turia Boreas, praeter flumen & Doemonium, neutra.

Canon II
Rursus nomina propria & communia **Dearum, Mulierum, Arborum, Urbium, Poematum, Navium, Insularum, ac Litterarum foeminea** ut Venus, Glycerium, Pirus, Valencia, Phormio, Pistris, Rhodus, haec A, haec B.

Exceptio prima Arborum
Excipiuntur hoc Oleaster & haec neutra acer, ribur ligustrum suber & laburnum cum reliquis in um.

[Sempere 1546: 19 – 20]

De terminatione
Nomen in A singulare foemineum est ut Musa,
Plurale neutrum ut arma
Esxcipiuntur hoc Adria
[Sempere 1546: 21]

Nomen substantium (pars orationis prima & fundamentum) **convenit cum adjectivo nomine,** cum pronomine & participio in tribus **genere**, numero & casu: ut pax optima, labor tuus, vulnus ullatum
[Sempere 1546: 135]

Nomina genera sunt septem:
masculinum, ut hic magister,
foemininum, ut haec domina,
neutrum, ut hoc templum,
commune duorum, ut hic et haec homo,
commune trium, ut hic et haec et hoc amans,
promiscuum vel epicenum, ut hic passer, haec aquila.
[Gilberti 1559: 91]

Quoniam autem vocabula quantumcumque **latina orationem** minime **possunt congruam efficere** noso sont debite disposita, noverit rudimentarius **concordantiam** esse inter nnonulla vocabula atque in aliquibus grammaticis conformitatem esse debere debitam. Sunt autem sedecim vocabulorum genera, quae inter se bina nonnullam exigunt eiusmodi conformitatem et octo efficiunt concordantias utpote **adiectivi cum suo substantiuo** conformandi in casu, **genere** et numero
[Gilberti 1559: 217]

Genus est quod grammatice dicitur nomen hoc aut pronomen aut participium generis est masculini, hoc foeminini, hoc neutri, hoc commune duorum, hoc commune trium, hoc ambigui, hoc denique promiscui. Eorum enim talia sunt septem genera, nempe masculinum, quod significatur hac voce hic; foemininum, quod ista haec; neutrum, quod hoc; commune hic et haec; omne, quod hic et haec et hoc; dubium, quod signatur per ista duo hic vel haec, idest quod si volumus potest esse masculinum et si volumus foemininum, ut Hic vel haec dies, margo, cortex. Dicimus enim Amarus cortex vel amara cortex.
[Gilberti 1559: 237-239]

Commune et dubium haec est differentia quod cum **omne genus pertineat ad adiectiua** quum **additur adiectivum commune respiciendum est de quo sexu loqueris** et sic adde genus adiectivum quod addidisti non potes mutare de eodem loquens. **In ambiguum** vero **liberum est** utruncumque **genus adiectivi libueret**

addere et postquam addideris de eodem loquens mutare non licebit ut si dicas Albus canis de mare bene dicis, de foemina non bene. Et postquam dixisti de mare Albus canis, de eodem non licebit dicere Alba canis. At de quacumque cortice loquaris, dices ut voles, ut Albus cortex; et postquam illud dixeris, de eodem loquens cortice dices Alba cortex.
[Gilberti 1559: 239]

Epicoenum vel promiscuum non est genus, nam hic de natura rerum non loquimur sed de qualitate vocum. Ut cum dico 'passer', 'milvus', de mare et foemina sine delectu loquor. Sed quum dico seu profero hanc vocem 'homo' de viro aut de muliere dubitative loquor.

Et quemadmodum supra diximus de numero singulari verso in plurali per conceptionem, ita et de genere foeminini aut neutri in masculino eodem pacto verso ut

Petrus et Anna pii, hic 'Anna' est masculini generis.

Dominus et mancipia sunt pugnaces, hic 'mancipia' est masculini generis per figuram conceptionis qua mediata indignioris ad dignius fit reductio. Notanter dicit mediata quia explicite vel implicite mediat coniuctio vel praepositio 'cum'.
[Gilberti 1559: 239]

Qvoniam autem ex superioribus septem accidentibus scitu necessariis est genus praecunctis aliis scitu necessarium, maxime pro adiectivo cum suo substantivo et relativo cum suo antecedente conformandis, ideo de tali hic ostensuri sumus quae nam sint masculini generis, quae feminini, quae neutrius, quae communis duorum, quae trium, quae dubii, quae epiceni. Pro quo apertius demostrando, prius ostendenda est via qua rudis ipsum genus valeat scire; at non illa longissima rudibusque difficillima quae ab aliis ostendi solet, sed alia longe brevior quae ipsum genus brevissume atque facillime a pueris rudibusve poterit dignosci. Talis autem via erit veñ terminatio vel significatio. Ideo namque unum nomen est masculinum quod / [fol.50r] vel terminationem vel significationem habeat masculinam.

Quales vero terminationes ac significationes sint masculinae vel alterius generis, hic inferius ostendetur idque tribus sub regulis generalibus quarum prima sequitur.
[Gilberti 1559: 247]

Prima regula generalis
Nomina finita in o, ol, an, in, on, er, ir, or, os, us, secunde declinationis aut quartae ax, ex, duarum pluriumve syllabarum sunt masculini generis

A secunda et tertia regulisi eximenda masculina
Masculina sunt tamen nomina qualemcumque habeant terminationem significantiam rem habentem vere vel ficte masculinum.
Et prorpia nomina mensium, fluviorum ac ventorum.

[Gilberti 1559: 257-248]

Communia duorum generum sunt nomina qualencumque habeant terminationem, significantia rem aut sexum non solum masculinum sed foemininum etiam pertinentium ut homo
[Gilberti 1559: 92]

Communua autem trium sunt omnia pronomina, participia et nomina adjectiva qualitercumque finita, unam tantum vocem habentia ut Ego amans, prudens, foelix. Quae si tres habeant voces, prima erit masculina, scunda foeminina, tertia neutra, ut bonusm bona, bonum. Quod si duas tantum habuerint hac coniunctione 'et' interdemia prior erit communis duorum, altera vero tantum neutra, ut fortis et forte.
[Gilberti 1559: 93]

Epicena sunt nomina avium, piscium, ferarum et quorumcunque animalium, in quibus non facile sexum possumus distinguere. Ideo terminationis genus sequatur est necesse.

Ambigua sunt illa nomina, quibus usi sunt authores latini nunc in genere masculino nunc in foeminino, ut finis, dies.
[Gilberti 1559: 94]

(260)
Tienen dos generos: Masculino y feminino, el neutro no lo tienen.
[Del Corro 1586: 17]

(261)
La lengua Española y francesa no tienen declination alguna pro que todos los nombres son indeclinables pero **la variacion se haze mediantelos articulos y para q mejor se pueda ver la diferencia delos generos** y casos pondremos aqui el exemplo en anbas dos lenguas: enla española pornemos seis casos y en la francesa tres.
[Del Corro 1586: 17]

Regla IIII. Delos generos
En los generos de los nombres siguen los Españoles porla mayor parte a los latinos, detal fuerte que los nombres que son masculinos enla lengua latina casi lo son en la Espa;ola y los que son femininos por consiguiente. Pero los que son neutros enel latin, algunas vezes son masculinos, y algunas son femininos, exemplo: **el hombre, el varon, la muger, la tiembra, el templo, la leche, elmanjar, la enzina, la camara.**
[Del Corro 1586: 18]

(262)
Los nombres adjetiuos en todos los casos reciben tanbien articulos segun sugenero ansi como los sustantiuos, exemplo, lo negro conserua mas la vista quelos blanco.
De los nombres adjetiuos masculinos se forman los femininos, mudando la postrera o

en a, ansi como bueno, buena.
[Del Corro 1586: 18]

(263)

En todos estos exemplos se entienden los sustantiuos &c.
Enla lengua Espanola los nombres de **arboles** por la maior parte son masculinos y los nombres delos frtuctos son femininos. Ansi como el mançano y la mançana.
En algunos nombres es al contratio quelos arboles son femininos y los fructos son masculinos. Ansi como la higuera y el hygo.
[Del Corro 1586: 18]

(264)

Género en el nombre es aquello **por que el macho se distingue de la hembra, et el neutro de entrambos**

[Nebrija 1492: 28]

(265)

et son siete géneros: masculino, feminino, neutro, común de dos, común de tres, dudoso, mezclado. Masculino llamamos aquél con que se aiunta este artículo *el,* como *el ombre, el libro*. Feminino llamamos aquél con que se aiunta este artículo *la*, como *la muger, la carta*. Neutro llamamos aquél con que se aiunta este artículo *lo*, como *lo justo*, *lo bueno*. Común de dos es aquél con que se aiuntan estos dos artículos *el, la*, como *el infante*, *la infante; el testigo, la testigo*. Común de tres es aquél con que se aiuntan estos tres artículos *el*, *la, lo*, como *el fuerte, la fuerte, lo fuerte*. Dudoso es aquél con que se puede aiuntar este artículo *el* o *la*, como *el color, la color*; el fin, la fin. Mezclado es aquél que debax~o deste artículo *el* o *la*, significa los animales machos et hembras, como *el ratón, la comadreja, el milano, la paloma*.

[Nebrija 1492: 28]

Lo cual nuestros maiores hizieron con más prudencia que los unos ni los otros; por que, ni los griegos tuvieron causa de **anteponer artículos** a los nombres proprios, pues que en aquellos por sí mesmo **el género se conoce**; ni los latinos tuvieron razón de quitar los a los nombres comunes, especial mente aquéllos en que la naturaleza no demuestra diferencia entre machos et hembras por los miembros genitales, como el milano, la paloma, el cielo, la tierra, el entendimiento, la memoria.
[Nebrija 1492: 30]

(266)

Los artículos del nombre son tres: el para los machos, como el ombre, el cielo; la para las hembras, como la muger, la tierra; lo para los neutros, como lo justo, lo fuerte

[Nebrija 1492: 46]

(267)

Assí que la primera concordia et concierto es entre un nombre con otro, et es cuando el nombre que significa algún accidente, que los gramáticos llaman adjectivo, se aiunta con el nombre que significa substancia, que llaman substantivo; por que a de concertar con él en tres cosas: en género, en número, en caso. Como diziendo el ombre bueno, bueno es adjectivo del género masculino, por que ombre, que es su substantivo, es del género masculino;
[Nebrija 1492: 36]

(268)

Es de notar que aunque este vocablo **Genus** en Latin quiera dezir muchas cosas pero tratando del genero del no¡bre quiere propiamente **dezir naturaleza, linaje.** De manera, que quando preguntaremos un nombre de que **genero es, queremos dezir, a que linaje o naturalez conuenga en su significacion.** Y pues en la generacion ay **dos maneras de linaje, como macho yhembre** es nuestra intincion preguntar si el tal nombre conuiene en su significacion al macho, o ala hembra.

De manera que solos **tres generos** ay en la lengua Castellana, conuiene a saber masculino, como Pedro, Juan. Feminino, como Maria, Ysabel. Y comun de dos, como Pobre, Profeta que conuiene juntamente el mesmo nombre a macho y hembra sin hazer mudançca dela letra final.
[Villalón 1558: 14]

(269)

Y ansi digo, quetres generos solos ay del nombre en la le¡gua Castellana, y no mas. Quiero dezir, que todos los nombres que en la le¡gua Castellana ay, o conuienen porsu sinificac¡ion al masculino, que es macho. O conuienen al femenino, que es la hembra. O son del comun de dos: porque co¡uienen por su sinificacion a ambos ados macho y hembra. De manera que solos **tres generos** ay en la lengua Castellana, conuiene a saber masculino, como Pedro, Juan. Feminino, como Maria, Ysabel. Y comun de dos, como Pobre, Profeta que conuiene juntamente el mesmo nombre a macho y hembra sin hazer mudança dela letra final.
[Villalón 1558: 14 – 15]

Agora vengamos a dar reglas por las quales sepa cada qual de que genero son los nombre que se le ofreçieren para hablar. Y por que se puede considerar esto, o quanto ala sinificacion, o quanto ala terminacion y letra final en que le tal nombre acaba , daremos primero algunas reglas para conoçer el genero por la sinificaçion y despues daremos reglas para conoçer el genero por la terminaçion y letra final del tal nombre.

Regla primera
Todo nombre que pro su sinificac¡ion co¡uiniere a macho sera del genero masculino: y

se señalara con su porpio articulo, este. Como Pedro
[Villalón 1558: 16]

(270)

Estos tres generos en la comun manera de hablar solamente se denotan y differencian por estos tres **articulos, este, esta, aquel y aqella.**

De manera que este y estos denotan el genero masculino para señalarlos nombres que conuienen y significan el macho o machos. Y estas y estas denotan el genero feminino para señalar los nombres que conuienen y significan la hembra o hembras. Ansi dezimos e**sta muger, esta tabla.**
[Villalón 1558: 15]

Siguensse las reglas del genero quanto a la **terminacion** y letra final del nombre 25 Reglas
Todo nombre acabado en E es del genero masculino.

Y sacasse este nombre profeta q es del genero comun de dos porque ansi dezimos este profeta pro el hombre y esta profeta por la mugar.
[Villalón 1558: 17]

De manera que solos **tres generos** ay en la lengua Castellana, conuiene a saber masculino, como Pedro, Juan. Feminino, como Maria, Ysabel. Y comun de dos, como Pobre, Profeta que conuiene juntamente el mesmo nombre a macho y hembra **sin hazer mudançca dela letra final.**
[Villalón 1558: 14]

(271)

Algunos les pareçe y ayn a mi me pareçe ansi que ay en el Castellano algunos vocablos que los podemos llamar del **genero neutro:** diziendo que ni conuienen en **su sinificac¡ion a macho ni a hembra: como estos, aquello, esto, lo** y todos los nombres a que se juntare este articulo, lo (lo justo, lo bueno)

Entonces se puede dezir q estos vocablos, o dicciones son del genero neutro: porque parec¡e que enestas maneras de hablar no determinan ser de algun genero de macho o de hembra. **Y porque no ay mas vocablos enla lengua Castellana que parezcan tener semejante sinificaccion no hago deste genero mucho caudal** y ansi concluyo que no ay enla lengua Castellana mas de tres generos los quales son Masculino, feminino y comun de dos.
[Villalón 1558: 15]

(272)

El **nombre adjetivo y el substantivo** puestos en la mesma clausula Castellana **deuen conuenir en genero y en** numero. Por lo qual sera bien dicho: el hombre blanco come, la muger negra habla, y sera mal dicho. El hombre blanca come. Y la muger negro habla. Los nombres blanca leen.
[Villalón 1558: 54]

(273)

Substantiuo se llama porque enla clausula Castellana puede estar por si sin añadir se el a otro y no tiene mas de una terminacion de una letra final pro la cual conuiene a solo macho o a sola hembra. O a ambos juntos. Como hombre, muger, tabla, madero.

Nombre Adjectiuo es aquel que siempre sinifica açidente y enla clausula Castellana siempre se junta y allega al substantiuo y tiene **dos terminaçiones de latra final, una en o para el macho,** y otra en a, para la hembra. Como blanco y blanca
[Villalón 1558: 28]

(274)

Tiene todos los generos, como la Latina y Griega.
Todos los nombtres Hespañoles acadados en **a, femininos son:** Como tabla, paja, mesa. Los que se acaban en **o, son o masculinos, o neutros.** Los que en e, son, o masculinos, o femeninos, como la calle: el guante. Los que en consonante se terminan, aunque se pueden conocer, su genero no tan facilmente
[Anónimo 1555: XIV]

Inflexio nominis virilis cum articulo masculini generis

In consonante omnis generis reperiuntur, habes genus, accipe formatione,
Declinacion del Articulo neutro con su nombre neutro

N	lo bueno
	Lo sancto
G	de lo bueno
D	a lo bueno
A	lo bieno
V	o bueno , a bueno
Ab	de lo bueno

[Anónimo 1555: 3]

(275)

Declinacion, es forma i manera de entender las finales cadencias i variedad delas palabras conque hablamos en respo¡dencia de macho, i hembra
Los nombres desta lengua Vulgar solamente se hallan de dos generos: o en el genero viril, o enel mugeril; porque neutros o no los tiene o se comprehenden baxo del masculino. Los unos, i los otros tienen varias sus finales.
[Anónimo 1559: 29]

(276)

Los generos delos nombres arauigos son dos solamente, Conviene saber, masculino y femenino.
[de Alcalá 1505:19]

Todo nombre que se acbare **en i.u.y. En qualquiera letre consonante es masculino**
[de Alcalá 1505:19]

Femeninos son todos los otros nombres que no **se terminan como los suso dichos**. Assi como bagla, por mula
[de Alcalá 1505:19]

E pa formar el plural de dos auemos de mirar si el nombre arauigo es **masculino o femenino** y si fuere masculino forma el plural de dos añadiendo **AY** en fin del nombre. Exemplo Rajul hombre, Rajulai dos hombres.
[de Alcalá 1505:]

Esto se entiende enla comun habla. Ca enel arauigo q es entre los arauigos casi como entre nos el latin qndo qera q hablan este plural dual ponen EN Exemplo Rajul hombre, Rajulen dos hombres
Mas si fuere femenino siempre entre la T antes del En. Exemplo Mara muger, maraten dos mugeres.
[de Alcalá 1505:]

Empero si el tal nombre fuere **femenino ante dela i ponemos t porque propria cosa es a todo nombre femenino recebir t, en toda composicion en todas las personas del numero singular.**
[de Alcalá 1505:25]

(277)

Verdad es que ay algunos nombres arauigos que son masculinos por esta regla y segunda la comuna habla dela gente los cuales dizen los alfaques que pueden ser femeninos y dizen que pueden decir
Subio el sol **Talaat axemz** que es aqui femenino. **O talaa axemz** que aqui es masculino.
[de Alcalá 1505:19]

Mas si el tal nombre fuere **femenino** en la formacion del numero dual entra una T antes del AY porq ppria cosa a todo **nombre femenino recebir T en su composcion o con su verbo** como mas claramente se dira delante en la materia delos pronombres. Exemplo Duffe puerta, duffetay dos puertas
[de Alcalá 1505:21]

(278)

Es mucho de notar que del genero que fuere el nombre en el numero singular de esse mismo sera en el numero plural, aun q mude la terminacion. Exemplo. Cirir cama, acerre camas.
[de Alcalá 1505:19]

E finalmente los nombres femininos. Forman el plural como dichos es una letra menos que el singular, como quiera que ay algunos que discrepan desta regla aun que son pocos.
[de Alcalá 1505:]

(279)

Genera nominum quinque sunt: masculinum, femininum, commune duorum, dubium, promiscuum.
[Zamora 1515: 22]

Genera nominum apud hebraeos licet possent quinque distingui, scilicet masculinum, foemininum, commune duorum, dubium, & promiscuum, quia neutro genere carent, tamen **omnia ad duo genera reducuntur videlicet masculinum & foemininum.**
[Zamora 1526: 32]

(280)

Genera nominum que apud hebreos diximus **esse quinque** aut **cognoscuntur sola natura duce hoc est sexu quo distinguitur masculus a femina.**
[Zamora 1515: 24]

Que vero sexum non habent nihilominus necesse est sub alterutro genere proferri ut non committamus soloecismum cum fuerint illi accommodanda nomina adiectiua aut participia aut verba. Nam & verbo quemadmodum & nomini accidit genus ut suo in loco dicetur, Greci huiusmodi nominum genera distingunt per articulos. Latini qui articulis carent per regulas aut significationis aut terminationis. Hebrei qui neq articulos habent ut greci neq terminationum regulas ut latini tribus modis possunt venire in huius rei cognitionem.
[Zamora 1515: 24]

(281)

Masculini generis nomen est quod maribus **conuenit aut ad masculorum voces** refertur ut 'abraham abraham, 'ysh vir, dabar verbum.
Femeninum est quod **feminis conuenit aut ad feminarum voces refertur** ut hawah eua, 'ishah mulier, thorah lex.
Commune duorum est quod **tam maribus quam feminis conuenit** ut 'adam idest homo, hayil fortis vel vir aut mulier.
Dibium est quod aliquando **profertur genere masculino aliquando feminino** ut ruach ventus shemesh sol quod cum apud grecos & latinos rarum sit apud hebreos latissime

patet.
Promiscuum genus quod greci epicenum vocant est illud quod sub una terminatione utrumq sexum complectitur ut gamal pro camelo masculino siue femina & yonah pro columbo & columba.
[Zamora 1515: 22]

Promiscua vero siue habeant sexum confusum siue discretum: sunt illius generis in quo proferri consueuerunt. Nam sub alterutro genere comprehenditur uterq sexus, alliquando tamen distinguinutr termiantione ut
Notandum etiam, quod in nominibus **animalium brutorum**, idest quadrupedum & volatilium sunt quaedam nomina generis **promiscui** hoc est, quae **sub uno genere significant masculum & foeminam,** unde talia nomina quandoque **inueniuntur adiuncta adiectiuis vel verbis masculinis**, quandoque foemininis ut baqar bos,
[Zamora 1515: 24]

(282)

Nam feminina plerumq **tribus litteris his ' t h terminantur** ut tsaba' militia,
Desinentia vero in quamcunq **aliam litteram** plerumq sunt generis masculini, possunt quoq esse generis feminini quare ad genus **dubium** referenda sunt
[Zamora 1515: 24]

Tertia regula de cognitione generis nominum est **per terminationem numeri pluralis**, quia nomina masculina communiter in plurali terminantur in im, foeminina vero in oth, ut 'ish 'ishim idest vir viri, 'ishah 'ishot idest mulier mulieres, dabar dbarim idest verbum verba, thorah thoroth idest lex leges.
[Zamora 1526: 34]

Promiscua vero siue habeant sexum confusum siue discretum: sunt illius generis in quo proferri consueuerunt. Nam sub alterutro genere comprehenditur uterq sexus, alliquando tamen distinguinutr termiantione ut kibsah kebes **idest agnus agna** & tunc cuique terminationi accommodatur suum genus
[Zamora 1515:24]

Aduerte hic quod in **nominibus animalium quae habent sexum de quibus** in prima regula supra omne nomen masculinum potest formare de se foemininum terminatum in littera he ut na'ar na'arah idest **puer puella,** pered peredah mulus mula, zaqen zaqenah vetulus vetula, par parah taurus vaca.
[Zamora 1526: 34]

Sed ista regula multas patitur exceptliones maxime pro **secunda eius parte de masculinis, quia plaeraque talium nominum inueniuntur saepius adiuncta nominibus adiectiuis aut verbis, vel participiis foemininis**, idest quae terminantur in aliqua **illarum trium litterarum generis foeminini**. Nam tunc illa nomina sunt foeminina & eadem erunt masculina sine illis litteris finalibus in **se vel in suis**

adiunctis, ut Ecclesiastes primo wəzarach hashemesh idest oritur sol ibi assemes est generis masculini quia verbum eius zarach est masculini, ut patet ex littera finali sed Naum 3 shemesh zarachah idest sol ortus est ibi semes est foemininum quia verbum eius zaracha est foemininum quia terminatur in he. Item tertii Regum 19 wəruach gedolah wəchazaq məphareq harim idest spiritus grandis & fortis subuertens montes ubi illud nomen ruach idest ventus habet tria adiectiua, primum foemininum, scilicet gedola, idest grandis quia terminatur in littera he, alia duo sunt masculina, idest vechazaq idest fortis, mephareq, idest subuertens quia terminantur in aliis litteris.
[Zamora 1526: 33]

(283)

Qd si addatur his nominibus **HE littera ut distinguatur masculinum a femininuo** aut referat pnomen femininum tunc
eodem modo de ruach si addatur littera HE fit rruchah quod est spitius eius s rei generis feminini

Greci vocant articulum arthron q apud **illos en pars orationis q addita nomini ostendit cuius generis si**t quemadmodum in sermone **hispano dicimus El, La, Los, Las.** Sed hebrei non u**tuntur articulis ad designandum genus** sed potius emphatice ad ostendendum s quamdam vehementiam siue aliqd de quo videplenius in vocabulista in principio littere he
[Zamora 1526: 43]

(284)

Tampoco se hallan en esta lengua articulos distinctos para denotar masculino o femenino, etc., como los ay en la gramatica; ni los adjetivos tienen terminaciones diuersas, conoscer se han de que genero son por la significacion de su substantiuo, porque por la terminacion no se podra sacar, pues en una misma ay nombres de diuersos géneros.
[Olmos 1547: 270]

(285)

Los nombres substantivos son de tres maneras, es a saber de cosas racionales como de varones, mugeres, moços, donzellas. &c. De cosas biuas no racionales como de perros, gatos, puercos, oiejas, gallinas &c. De cosas inanimadas como de piedras, palos, agua, tierra, fuego.

Los primeros nombres de cosas racionales son declinables por casos, **generos**, numeros como esta visto en la primera parte. Los segundos no los son ni lo dexan de ser porque hablando en pluralidad destas cosas se puede dezir Puquiecha tygres o leones. Vngururiecha, lobos. Vichuecha, perros como diziendo. Puquiechax ansti ma cauallo, los leones comieron o han comido un cauallo.
[Gilberti 1558: 127]

Delos nombres adiectiuos.
Los nombres adiectiuo **se declinan por la mesma manera qlos substantiuos** yno tienen mas de u**na terminacion para las tres bozes Masculina, femenina, y neutra** vt. Ambaqueti, bueno o buena.

[Gilberti 1558: 129]

Delos generos.
Ya esta dicho arriba que enlos nombres adjetivo**s no ay mas de una terminacion para las tres vozes, masculina, femenina y neutra** salvo en el plural do agunas vezes parece que ay diferencia aplicando un mesmo adjectivo a cosas animadas bivas racionales y a cosas bivas no racionales o casas inanimadas, porque para dezir hombres de buen paraecer diran
Cuiripu echa ahmbangueracha
Mas hablando de cavalls o perros o cosas semejantes basta dezir:
Ahmbanguerari cauallo Caballo de buen parecer
Y assi mesmo de otros adjectivos aplicados a cosas semejantes en pliralidad

Mas en en los nombres substantivos muy a la clara **se parece el genero distincto para masculino, feminino y neutro y comun de dos**

Masculino
tzihueriti — varon
tzihuintza — varones

Femininos
cuxareti — muger
cuhtsincha — mugeres

Neutros
hapingata esclavo o esclava

Y estos nombres dizen se neutros, aviendo respecto ala Grammatica **latina, mas los que son comunes de dos, no van por este camino, porque enesta lengua, ay muchos nombres comunes de dos, que en la Grammatica no lo son assi como todos los nombres de mecanicos, y officiales, verbi gratia**
Tasta vri Texedor
Tasta vcha texedores

Otros ay comunes de dos, assi como
Vuatsi — muchacho o muchacha
Vuacha — muchachos o muchachas
Y otros muchos como la experientia lo dara a entender a los discipulos desta lengua.

De la terminacion de los nombre
Nota q ay algunos nombres acabados en qua
[Gilberti 1558: 135 - 137]

(286)

La tercera propiedad, que es género, no la / [fol.3v.] ay en esta lengua, porque no ay distinción ni differencia de género de tal manera que unos nombres sean masculinos, otros femeninos, otros neutros, como los ay en la lengua latina y en la nuestra española, que dezimos bonus vir y no bona vir y buen hombre y no buena hombre.

[Tomás 1560: 21 - 22]

(287)

Y de aquí es que en el adjetivar, el adjetivo con el substantivo en esta lengua general no se ha de guardar regla ninguna, porque dezimos álli cári, que quiere dezir 'buen hombre' y tambien dezimos alli gurami, que quiere dezir 'buena muger'. De manera que aquel álli, que es el adjetivo, que quiere dezir 'bueno', de la misma manera se dize juntándose con este nombre cári, que significa 'varón', que cuando se junta con este nombre guármi, que significa ‘muger'

[Tomás 1560: 22]

(288)

y assí en esta lengua no tenemos que tratar ni dar regla alguna para conoscer el género del nombre ni para adjectivar substantivo y adjectivo, pues en ella no ay género.
[Tomás 1560: 22]

(289)

Y sirve el mismo çapa para todos los géneros, porque, como está dicho arriba, en esta lengua no hay differencia de género sino que se conosce la differencia por el nombre que se le añade, v.g.: micocçapa guarme 'mujer comedora', upiacçapa cari 'hombre bevedor'; y assí en los demás.

[Tomás 1560: 151]

(290)

En esta lengua el adjetivo y substantivo han de convenir en número y caso (género no lo ay, como está dicho)

[Tomás 1560: 101]

(291)

La differencia del género se conosce en el adjunto que se le pusiere, v.g.: 'yo conozco

la portera de casa' dizen guarme pungo camayocta riccini; y assí en los demás.
[Tomás 1560: 102]

(292)

Item es de notar una cosa particular en esta lenguas, cerca de los nombre, que no la ay en la latina ni española, o si la ay es muy raro: y es que ay en ella algunos términos apropriados para las mugeres que en ninguna manera pueden usar los varones dellos, y ay otros, al contrario, de que usan los varones, de los quales no pueden usar las mugeres, v.g.: el varón dize a su hermana guauqui, que significa 'hermano'; y a su hermana pani o pana, que significa 'hermana', y la muger dize a su hermano tori o tora, que significa 'hermano' y a su hermana ñaña. Item el hombre dize a su hijo o hija churi, y la muger les dize guagua; y varones y mugeres dizen al hijo o hija usinc. Item el hombre dize al sobrino hani, y el sobrino al tío caca
[Tomás 1560: 28 – 29]

(293)

|numeri sunt duo, singularis et pluralis:
singularis, ut hic sapiens,
pluralis, ut |hi sapientes.
[GL 4, 623]

(294)

est et dualis numerus, qui singulariter enuntiari non potest, ut hi ambo, |hi duo. |0623|
[GL 4, 623]

(295)

sunt etiam nomina numero communia, ut res, nubes, dies.
[GL 4, 623]

sunt semper singularia |generis masculini, ut puluis, sanguis;
semper pluralia, ut manes, Quirites, cancelli;
semper |singularia generis feminini, ut pax, lux;
semper pluralia, ut kalendae, nundinae, feriae, |quadrigae, nuptiae;
semper singularia generis neutri, ut pus, uirus, aurum, argentum, |oleum, ferrum, triticum et fere cetera, quae ad mensuram pondusue referuntur, |quamquam multa consuetudine usurpata sint, ut uina, mella, hordea;
sunt semper pluralia |eiusdem generis, ut arma, moenia, Floralia, Saturnalia.
[GL 4, 623]

sunt quaedam positione |singularia, intellectu pluralia, ut populus, contio, plebs;

sunt quaedam positione pluralia, |intellectu singularia, ut Athenae, Cumae, Thebae,

Mycenae
[GL 4, 624]

(296)

de numeris |numerus est dictionis forma, quae discretionem quantitatis facere|potest.
[GL – 2, 172]

(297)

est autem uel singularis uel pluralis,
nam dualis apud Latinos non |inuenitur.
singularis est, ut homo, pluralis, ut homines.
[GL – 2, 172]

(298)

|et **singularis** quidem numerus **finitus** est,
pluralis uero **infinitus**. cum |enim dico homo, certum est de uno dicere, cum uero homines, |incertum est, de quot, nam a duobus usque ad innumerabiles extenditur |significatio.
[GL – 2, 172]

(299)

|sunt quaedam **nomina semper singularia**
uel natura
uel usu:
natura, |0175| ut propria, quae naturaliter indiuidua sunt: Iuppiter, Venus, Ceres, |Achilles, Hector, sol, luna, Italia, Sicilia, Cilicia;
usu, quae |singulariter proferri tradidit usus, ut sanguis, puluis.

in his tamen ipsis |est quando uel euentus uel **partitio regionum uel diuersae opiniones uel |auctoritas** ueterum cogit uel quando pro appellatiuis quoque proferuntur, ut |etiam plurali numero proferantur: **euentus**, quod euenit saepe eodem |proprio nomine duos uel plures nuncupari, ut Aeneas Anchisae filius et |Siluius Aeneas, Pyrrhus filius Achillis et Pyrrhus rex Epirotarum, Aiax |Telamonius et Aiax Oilei filius. haec enim non naturaliter communia |sunt, quippe nullam qualitatem communem significant, sed casu diuersis |contigere personis.
idem **facit partitio regionum**, ut Gallia citerior et |Gallia ulterior,
d**iuersae opiniones,** quod quidam multos soles et multas |lunas esse putauerunt (terra quoque, uirtus, pietas, iustitia, probitas |et similia, quando deas significant,propria sunt, quando uero partes uel |in hominibus sitas res, appellatiua sunt. itaque si sint propria, non |habent pluralem numerum, sin appellatiua, habent);
auctoritas, ut mella, |frumenta, ordea, farra plurali numero protulit Virgilius, cum in usu |frequentiore singularis numeri sunt, sicut alia quoque plurima,

ut |sanguis, puluis, pax, quae tam singulariter quam pluraliter prolata idem |possunt significare. sed pluraliter non utimur eis, quia auctoritas deficit, |cui si collibuisset, quomodo cruores, dicere sanguines, uel quomodo |0176| cineres, sic pulueres, nihil impediret.
[GL – 2, 175 - 176]

sciendum tamen, quod **metallorum |uel seminum uel umidoru**m **ad mensuram uel ad pensum pertinentium** |pleraque semper singularia inueniuntur, ut aurum, argentum, aes, |plumbum, stannum, uitrum, orichalcum, electrum, triticum, eruum | ὄρυζα, faba, lens, pisa, conchis, acetum, liquamen, mulsum, |oleum.

adeo autem haec usus, non regula prohibet etiam pluralia |habere, quod quidam propria confisi auctoritate plurali quoque, ut dictum |est, haec protulerunt numero, ut ordea, frumenta, fabae, uina, mella.

similiter sunt quaedam semper **pluralia uel natura uel usu:**
natura, ut |Gemini, proprium in signo caelesti, et Pisces,
usu, ut manes, arma, |moenia, Floralia, Saturnalia, nundinae, kalendae, nonae, idus, |Compitalia, Neptunalia et omnia paene festorum dierum nomina.
[GL – 2, 176]

sunt |quaedam singularia uoce, intellectu pluralia, quae etiam comprehensiua |dicuntur, id estπεριληπτικά, ut populus, exercitus, legio;

alia contra |intellectu singularia, uoce pluralia, ut Athenae, Thebae, Mycenae, |Maenala, Gargara, Tartara, Dindyma, Bactra.
[GL – 2, 176]

(300)

Numeri **nominum, pronominum, verborum & participiorum** duo sunt. Singularis qui de uno tantum loquitur. Pluralis qui de pluribus loquitur.
[Nebrija 1495: 48]

Numeri nominum. Numerus **communis est omnibus partibus orationis q declinantur.**
[Nebrija 1495: 48]

Adiectvum & Substantivum **in tribus conveniun**t: in genere, numero & casu, ut vir bonus.
[Nebrija 1495: 50]

(301)

Quod est numerus in nomine? Incrementum quantitatis ab uno usq ad plura procedens.

Quid est numerus in nomine? Respondet esse incrementum quantitatis subaudi discertae procedens ab uno qui numerus finitus est ad plura procedens quia ad infinita numero extenditur illius significatio. Ad quam infinitatem determinandam numeri sunt inuenti ut centum homines, mille homines. Nam cum dixi tantum homines nil definite locutus sum.
[Nebrija 1495: 48]

(302)

Singularis qui de uno tantum loquitur. Pluralis qui de pluribus loquitur.

Numeri nominum quot sunt? Duo. Singularis qui unum significat ut homo. Pluralis qui plura ut homines.
Musa igitur cuius numeri est? Singularis numeri quia unum significat tantum.
[Nebrija 1495: 48]

(302)

Illud quoq animaduertendum est graecos tres numeros habere singularem qui ad unum pertinet, dualem quia ad duos, pluralem qui ad plures quam duo. At uero latinus sermo dualem non habet nisi tantum in his nominibus ambo, ambae, ambo, duo, duae, duo quae non minus carent numero multitudinis q singularis.
[Nebrija 1495: 48]

(304)

Pluralia и Singularia tantum
De nominibus **plurali carentibus** & primo de masculinis. Sanguis, sanguinis cuius plurali est abusus frequenter in Sacris Litteris ut in Psalmo.
[Nebrija 1495: 104]

Pluralia praeterea carent nomina
propria deorum ut Iupiter, Mars, Vulcanus.
Hominum ut priamus, Hector, Achilles
Montius ut Apeninus
filiarum ut Ida hercinia
Fluuiorum ut anas, tagus
Insularum ut sardinia, sicilia
Urbium ut corduba, hispali
Caeterarum rerum ut canum, equorum, boum, caprarum ut
[Nebrija 1495: 104]

Nomina elementorum carent etiam numero multitudinis ut aer, aeris.
Dicimus tamen in plurali ignes ignium pro particulis ipsius elementi
Et **nomina metallorum** ut aurum
Dicimus tamen aera in tribus casibus pro rebus ex illa materia fabricatis ut paulo post dicturi sumus.

Et **nomina significantia res aridas & liquidas** quae in pondus & mensuras referuntur ut triticum
Vinum quoq mustum, sapa, destrutum, passum, lac, serum, amomum & alia huiusmodi liquida numero plurali carent plaerumq. Dicimus tamen in plurali vina, musta cum partes aut genera illarum rerum significamus.
[Nebrija 1495: 104-105]

(305)

muy pocas vezes lo vemos estar,
y estos también han de concertar
en genero, **numero** y caso que escriuo
[Thámara 1550: 42]

Qualquiera verbo que es personal
de modo finito con recto lo vemos,
y antes de si muy bien lo pondremos
en persona y numero concorde y ygual
[Thámara 1550: 41]

Numeri nominum duo sunt: Singularis, qui unum significat: ut virtus, populus; Pluralis, qui multa: ut virtutes, populi.

[Sempere 1546: 27]

Numerus est quod grammatice dicitur n**omen hoc vel pronomen vel verbum vel participium est numeri singularis, hoc vero pluralis.**
[Gilberti 1559: 235]

Unde talium duo sunt numeri, singularis scilicet **per quem de uno tantum fit sermo**, ut homo, ego amo, tu amas. Pluralis **per quam de duobus fit sermo** ut homines, nos amamus, amatis.
Si iguitur arudimentario quaeras Antonius cuius numeri? Respondeat, singularis, Quare? Quia de uno tantum fit sermo. Homines cuius numeri? Pluralis, quia de pluribus fit sermo.
[Gilberti 1559: 235]

Ex his quae in singulari regularum unius declinationis sequuntur terminationes, in plurali vero alterius sunt, vas, vasis, tertiae, vasa, vasorum.
Singularia и pluralia tantum
Ex his quae plurali carent sunt avaritia, diligentia, aeloquentia, gloria, vita, fama, fides
Cum nominibus **metallorum ut aurum, argentum**
Et elementorum ut aer
Et **frumentorum** ac leguminum, aliarumq rerum quae ad pondus vel mensuram

venundari solent ut triticum
Et **propriis hominum deorum montium,** siluarum, fluuiorum, insularum, urbium, ceterarumq rerum nisi quae pluraliter declinantur ut Athenae

Possunt tamen quae **singulare tantum dicimus habere, usurpari nunqaum innumero plurali,** maxime quando diuersitatem aut pluralitatem aut proprietatem volumus signifitam, ut marias, dicendo plures hoc nomine maria vocitatas. Cum etiam dixi vinum, simpliciter omne vinum significaui. Cum vero dixi vina in plurali, multas vini diuersitatis puta falernum

Ex hos, quae **singulari carent** sunt cani, orum
Item totquod aloquot, omnia numeralia nomina ordinalia ut duo, tres
Preterquam unus, a, um, quod solum habet singulare raro habet plurale idq solum dum iungitur substantiuis solum plurale habentibus ut unae nuptiae.
[Gilberti 1559: 283]

octo efficiunt concordantias, utpote **adiectivi cum suo substantivo conformandi** in casu, genere et numero
[Gilberti 1559: 217]

(306)

Es de notar que el nombre tiene dos numeros: singular que habla de uno como hombre. Y numero plural que habla de muchos, como hombres.
[Villalón 1558: 13]

El número que significa uno llámase singular, como el ombre, la muger. El número que significa muchos llámase plural, como los ombres, las mugeres.
[Nebrija 1492: 28]

Los numeros son dos: singular que habla de uno y plural q habla de muchos.
[Del Corro 1586: 17]

(307)

Que en el castellano en ningun nombre ay **variacion de la letra final** en los casos, sino solo entre **el singular y plural:** los quales no pueden ambos fenecer en una mesma letra, sino en diuersas.

Que como quiera que acabe el singular sie¡pre a**caba en S el plural.**
Que todo nonbre q enel singular acabare en vocal hara su plural añadiendo un S. Como hombre, hombres. Y Si acabare el singular en consonante hara el plural añadiendo es, como muger, mugeres.
[Villalón 1558: 13]

Assí, que pueden se reduzir todos los nombres a tres formas de declinación: La primera, de los que **acaban el singular en a, añadiendo s,** embían el plural en as, como la tierra, las tierras. Sácanse los que tienen acento agudo en la última sílaba, por que sobre el singular reciben esta terminación es, como alvalá, alvalaes; alcalá, alcalaes; et assí, diremos una a, dos aes; una ca, dos caes.

La segunda, de los que acaban el número de uno e**n o, et añadiendo s**, embían el número de muchos en os, como el cielo, los cielos.

La tercera, de los que acaban el número de uno en d, e, i, l, n, r, s, x z; por que en las otras letras ningún nombre acaba, salvo si es bárbaro, como Jacob, Isaac; et embían todos el número de muchos en es**; et fórmanse del singular, añadiendo es, si acaban en i, o en alguna de las consonantes; o añadiendo sola mente s, si el singular acaba en** e, como la ciudad, las ciudades; el ombre, los ombres; el rei, los reies; el animal, los animales; el pan, los panes; el amor, los amores, el compás, los compases, el relox, los reloxes; la paz, las pazes. Sácanse los que acaban en e aguda, por que sobre el singular reciben esta terminación es, como el alquilé, los alquilees; la fe, las fees; i assí dezimos una b, dos bees; una d, dos dees. Tan bien se saca maravedí, que por aquesta regla avía de hazer maravedíes, et haze maravedís. Esso mesmo, en las palabras que acaban en x, como relox, balax, mas parece que en el plural suena j consonante, que no, x como relox relojes; carcax, carcajes.
[Nebrija 1492: 28]

Para hazer de un singular un plural se **a denotar que quando el singular feneciere en vocal, añidiendo una S, se hara plural.** Ansi como donzella, donzellas, hombre, hombres, sancto, sanctos, hermano, hermanos, iusto, iustos, padre, padres &c. Pero si la postrera letra fuere consonante, entonces para formar el plural, **sera menester añadir es,** ansi como verdad, verdades, arbol, arboles, maldad, maldades, ladron, ladrones, animal, animales &c algunos se sacan por exception que feneciendo en vocales, se forman como si feneciesen en consonantes, pero estos son pocos ansi como ley, leyes, fe, fees, Rey, Reyes, y otros semejantes.
[Del Corro 1586: 17]

Tienen dos Numeros; el Singular i Plural. Formase el Plural de su Singular en dos maneras: la una, quando el nombre fenesce en Vocal, añadiendole Esse, como reina, reinas.
Exceptante desta regla los nombres en ei, ditongo, que se forman con adicion desta palabra o silaba -es; como rei, reies.
La otra manera, quando el nombre fenesce en Consonante, añadiendole la sobredicha silaba -es, como varon, varones.
[Anónimo 1559: 33]

Los que en en vocal [terminan] forman el plural añadiendo al singular una S: como

hombre, hombres, agua, aguas, etc. Los que acaban en consonante forman quasi siempre el plural añadiendo esta Sillaba es, como muger mugeres.
Algunos nombres ay, acabados en diphthongos, que forman el plural añadiendo esta sillaba es, como Rey, Reyes.
[Anónimo 1555: XVI]

(308)

Que en el castellano en ningun nombre ay **variac¡ion de la letra final** en los casos, sino solo entre **el singular y plural:** los quales no pueden ambos fenecer en una mesma letra, sino en diuersas.

[Villalón 1558: 13]

Assí, que pueden se reduzir todos los nombres a tres formas de **declinación**: La primera, de los que acaban el singular en a, añadiendo s, embían el plural en as, como la tierra, las tierras. Sácanse los que tienen acento agudo en la última sílaba, por que sobre el singular reciben esta terminación es, como alvalá, alvalaes; alcalá, alcalaes; et assí, diremos una a, dos aes; una ca, dos caes.
[Nebrija 1492: 28]

Declinacion, es forma i manera de entender las finales cadencias i variedad delas palabras conque hablamos en respondencia de macho i hembra, **persona**, numero i tiempo
[Anónimo 1559: 29]

Los nombres y pronombres y participios no se declinan por casos mas los articulos denotan en que caso esta cada nombre.
[Del Corro 1586: 17]

(309)

Capítulo VII, de los **nombres que no tienen plural o singular.**
Diximos en el capítulo passado que los nombres tenían dos números: singular et plural; mas esto no es toda vía, por que muchos nombres ai que no tienen plural, et, por el contrario, muchos que no tienen singular.

No tienen número plural, **los nombres proprios de los ombres,** como Pedro, Juan, Juana, María; pero si dezimos los Pedros, los Juanes, las Juanas, las Marías, ia no son proprios, sino comunes.

I assí, de los nombres proprios de **las ciudades, villas, aldeas** et otros lugares, como Sevilla, Toledo, Medina; et las que dellas se declinan en el plural, no tienen singular, como Burgos, Dueñas, Cáceres
[Nebrija 1492: 28]

i por el contrario, otras tienen plural et no singular, como garvanços, havas, atramuzes, alholvas, arvejás, lentejas, cominos, salvados.

Por el contrario, ai otros nombres que tienen plural et no singular, como tiseras, escrivanías, árguenas, alforjas, anguarillas, devanaderas, tenazas, parrillas, treudes, llares, grillos, esposas, guadafiones, puchas, manteles, esequias, primicias, décimas, livianos, pares de muger,
et todos los nombres por que contamos sobre uno, como sendos, dos, tres, cuatro.
[Nebrija 1492: 29]

(310)

Cap V del numero delos nombres arauigos
Los numeros son dos. Singular y plural. Singular assi como Dar por casa. Rajul por ombre. Muçhaf por libro. Plural. Diar por casas.
[de Alcalá 1505: 20]

(311)

Difficultosa cosa es segund dizen los arauigos poder saber los plurales delos nombres por la mucha differencia que ay en muchos nombres, y no se puede dar regla segun ellos dizen comun para todos quecierra sea, mas solo el uso ha de hazer maestros.
[de Alcalá 1505:20]

(312)

En nuestra habla **castellana es muy ligera cosa. La añadiendo una s** a qualquier nombre que se acaba en letra vocal. Y añadiendo es a qualquier nombre que se acaba en letra consonante.
[de Alcalá 1505:20]

(313)

Empreo es de saber que se puede dar regla de algunos y aun de muchos linajes de nombres que son los siguientes. **Conviene saber. de aues, de yeruas, de animalias, de arboles**

Los quales todos o por la mayor parte y quasi siempre forman el numero plural una letra menos que el singular. Exemplo: Dabora abispa dabor abispas
[de Alcalá 1505:20]

E finalmen**te los nombres femeninos.** Forman el plural como dicho e**s una letra mentos** que el singular como quiera que ay algunos que discepan desta regla aunque sono pocos
[de Alcalá 1505: 21]

Y assi mesmo todos los nombres verbales y de participios forman el numero plural añadiendo in al numero singular. Exemplo Xabic panader. Xabizin panadros.
[de Alcalá 1505:20]

Empero una es la terminacion del nombre enelsingular, y otra enel plural. Asi como dezimos Zemen tiempo Azemn tiempos.
[de Alcalá 1505:]

(314)

Capitulo VI Quantas maneras ay de numeros plurales enel arauia
Es de notar de en el aravia ay dos maneras de numeros plurales. Conviene saber. **Plural para dos** y plural para de dos arriba.
[de Alcalá 1505: 21]

Esto se entiende enla comun habla. Ca enel **arauigo** q es entre los arauigos casi como entre nos el latin qndo qera q hablan este plural dual ponen en Exemplo Rajul hombre, Rajulen dos hombres
Mas si fuere femenino siempre entre la T antes del En. Exemplo Mara muger, maraten dos mugeres.
[de Alcalá 1505:21]

(315)

E para formar el plural de dos auemos de mirar si el nombre arauigo es masculino o femenino y si fuere **masculino** forma el plural de dos añadiendo **ay** en fin del nombres Exemplo Rajul hombre rajulay dos hombres.

Mas si el tal nombre fuere femenino en la formacion del numero dual entra una T antes del AY porq ppria cosa a todo n**ombre femenino tecebir T en su composcion o con su verbo como mas claramente** se dira delante en la materia delos pronombres. Exemplo Duffe puerta, dufferay dos puertas

Empero es de morar q **ningun nombre verbal o participio recibe la tal formacion** del nombre dual.
[de Alcalá 1505:21]

Los quales nombres con otros muchos non tienen plural como contece enla lengua latina y si lso tales nombres tienen numero plural en el arauia son assi inusitados que son intelligibles ala comun habla dela genre popular ala qual yo esudieme conformar
[de Alcalá 1505: 23]

(316)

Numeri nominum apud hebreos quemadmodum & ap**ud grecos tres sunt**.

Sungularis qui de uno loquitur ut 'ish 'ishah vir mulier.

Dualis que de duobus loquitur cuiusmodi sunt que fere nunquam reperiuntur nisi **paria** ut ahyinayim, 'oznayim aures, yadayim manus, regelayim pedes.

Pluralis est qui de p**luribus loquitur** de quibus etiam paulo post.
[Zamora 1515: 22]

(317)

Singularis numerus in nomine **non habet certam terminationem** in masculinis sed neq in f**emininis preterq in illis que desinunt in he siue in tau.** A masculino singulari formatur plurale atq femininum singulare & plurale.

Dualis numerus tam in masculinis q in femininis **formatur a singulari addendo im** siue ultima littera mutata in im & ante iod plerumq precedit patha siue camez ut efficiatur aim accentu acuto supera

Et omnia **fere huiusmodi nomina significant res binas, idest quae semp**. Duae iunctae reperiuntur

Pluralis numerus tam masculinorum quam femin**inorum qua ratione formentur a singulari dictum est ubi de nominis declinatio**ne. Sed sunt complura nomina appellatiua atq etiam propria locorum siue hominum que cum sint singularia habent terminationem pluarlium hoc est in im
[Zamora 1515: 25]

(318)

Sunt ex diuerso nomina singulariter declinata que carent numero multitudinis cuiusmodi sunt que sequuntur & fortasse alia plura

Ex quibus potest singulari pluralis numerus licet in sacris litteris non reperiatur. Plurali quoq numero carent **nomina propria hominum sive locorum**

Illud quoq notandum esse **quaedam nomina dualiter aut pluraliter declinata in im desintentia q carent numero singulari**

Nomina etiam desinentia in uth non habent in usu pluralem quamq possemus illud formare si upus fuerit
[Zamora 1515: 26]

De nominubus anomalis
In superbioribus dictum est de nominibus regulariter declinatis nunc de irregularibus hoc est quae in declinatione aliquid mutant. Nam quod de nominum formatione a singulari in pluralem dictum est quod masculina exeunt in im addita im vel ultima littera in im mutata non usque quaq obseruatur qupniam aliquando additur vel detrahitur vel mutatur littera vel apex aut utrumq ut ecce 'ozen hoc est auris per rectam formationem debuit facere 'ozenim dicendum est tamen 'oznayim hoc est a vocalis addita.
[Zamora 1515: 27]

Sed ab hac regula declinationum atque etiam a tertia regula generis superius posita excipiuntur quadem nomina. Nam sunt quaedam masculina mittentia pluralem numerum in OTH & quaedam foeminina in IM, alia denique tum masculina tum

foeminuna quae implurali utranque habent terminationem hoc est in IM & in OTH.
[Zamora 1515: 28]

(319)

De declinatione nominum
Declinationes nominum apud hebreos non distinguntur nisi a singulari numero in pluralem quae diuersitates quia due sunt tantum due erunt apud illos nominum declinationes. Prima masculinorum mittentia pluralem in im a quacunq singularis termination idq duobus modis aut addita im
[Zamora 1515: 24]

Secunda declinatio est femininorum mittentia pluralem in oth a quacumq singularis terminatione idq duobus modis aut addita oth
[Zamora 1515: 24]

(320)

Quanto a lo primero, es de notar que en esta lengua no ay declinaciones de manera que aya variación de todos los casos. Ay, empero, **differentia entre el singular y el plural, porque para el plural toman una destas sýllabas o letras: –ti, –me, –que, –h**, de lo qual se dirá más largamente quando se tratare de los nombres.
[Olmos 1547: 269]

También ay otros que toman el –ti, –me, redoblando la primera o segunda sýllaba
También ay otros que toman el –ti, –me, redoblando la primera o segunda sýllaba
Otros redoblan la prima síllaba y pierden algo del fin y no toman –ti, –me.
[Olmos 1547: 288]

(321)

DE CÓMO DAN PLURAL A LOS SUBSTANTIVOS PRIMITIVOS
Quanto a los substantivos primitivos, es de notar que no tienen declinationes, pero **hazen differencia entre el singular y el plural,** añadiendo o mudando en el plural **alguna letra o síllaba**. Y esto mesmo harán todos **los otros nombres derivativo**s, de los quales se dirá en su lugar.
[Olmos 1547: 286]

DE LOS NOMBRES SUBSTANTIVOS DERIVATIVOS
Y el plural forman quitando el –tl. Exemplo: mexicatl, mexica; michuacatl, michuaca.
[Olmos 1547: 290]

Y estos adiectivos primitivos, quando las cosas de que se dizen son animadas, por la mayor parte en el plural tomarán –ti, sin redoblar síllaba y tanbién redoblándola podrán tomar –ti. Exemplo: qualli, ‘bueno’; plural, qualhtin, quaqualhtin. Pero si son de cosas inanimadas redoblarán la primera síllaba, sin tomar nada. Exemplo: ueyac cosa grande o larga, scilicet árbol, palo, paja; plural ueueyac, etc.

[Olmos 1547: 303]

DE LOS DERIVATIVOS ADIECTIVOS
Y éstos, en el plural, toman –que sobre la –o. Exemplo: çuquitl, ‘lodo’ o ‘barro’, çuquiyo, ‘cosa lodosa’; plural, çuquiyoque.
[Olmos 1547: 307]

(321)
Primeramente, es de saber que dar plural a los nombres que **significan cosas animadas es común y general en todas las provincias**, pero a los que significan **cosas inanimadas en algunas se le dan y en otras no.** Y donde no se le dan, suplen el dicho plural **con este nombre miec, que quiere dezir ‘muchos’ o ‘muchas’**, ante poniendo le al nombre en el singular; y ansí dizen miec uapalli, ‘muchas tablas’.
[Olmos 1547: 286]

(322)
Y esto sobredicho se ha de entender quando el tal nombre, ahora signifique cosas animadas o inanimadas, tuviere plural, porque no a todos los adjectivos se les puede dar.
[Olmos 1547: 304]

(323)
Lo mismo harán con los nombres que de nuestro castellano toman. Exemplo: ángel, plural angeloti vel anglome.
[Olmos 1547: 287]

(324)
Los nombres s**ubstantivos son de tres maneras,** es a saber, de cosas racionales como de varones, mugeres, moc¡os, donzellas, etc.; de cosas bivas no racionales como de perros, gatos, puercos, ovejas, gallinas, etc.; de cosas inanimadas como de piedras, palos, agua, tierra, fuego

Los primeros nombres de cosas racionales **son declinables pro casos, generos, numeros**
[Gilberti 1558: 127]

Mas para dezir que los leones comieron dos o tres cavallos, señalando el numero de los cavallos o de otras cosas, no se dira:
Ahuanstix tzimani cauallo echanti tanimu cauallo echani
Mas dira assi
Ahpenstix ahuansti tziman cauallo, tinamu thamu, temben, ma catari cauallo
Ni tampoco diran hi xuratengari echa eranguhuaxaca para dezir estoy guardando las ovejas o cosas semejantes.
Mas dezirse ha:

Hi xuratengari eranguhuaxaca vel <Hi xuratengari>eranguhua<n>xamahaca
[Gilberti 1558: 128]

Los **nombres de cosas inanimadas son indeclinables,** aunque en algunos hablando en pluralidad tengan la mesma terminacion que tienen los declinables, como diziendo:
Ambocutarechan Las calles
Mas no se sigue por esto que sean declinables por la razon ya dicha
[Gilberti 1558: 128]

Mas no es de callar la differencia que ay en la terminacion plural destos nombres de cosas racionales & irracionales, o inanimadas y es esta que quando se habla en pluralidad de cosas racionales communmente s**e pierde la ultima syllaba de nombre singular antes de la particul cha,** con la qual se constituye el plural assi como en el vocablo de yuritsqueri, quitado la ri y puesto cha quedara yuritsquecha donzella, y assi de Tecari recacha

Dixe arriba que comunmente se pierde la ultima syllaba porque en algunos poquillos **no se pierde nada, antes se les añade ut de** vari vel cuhcha señora, variecha vel cuhchaeca señoras.

Y hablando en pluralidad **de cosas irracionales o inanimadas nunca se pierde nada y tienen la mesma terminacion que tienen los poquillos de que hablamos arriba.**
[Gilberti 1558: 128 - 129]

(325)

Los secundos no lo son, ni lo dexan de ser porque hablando en pluralidad destas cosas se puede dezir
Puqui echa Tygres o Leones
Como diziendo
Puqui echax ansti ma cavallo Los leones comieron o han comido un cavallo
[Gilberti 1558: 128]

(326)

Del uso delos numeros enlos nombres adiectiuos. E primeramtente d cosas biuas.
Muy gran tiento es menester en hablar en esta lengua destos nombres adiectiuos en pluralidad porque de una manera se suele usar para una cosa y de otra para otra. Exempli gratia, en este nombre chico para hombres diran çapinda, çapiquare, çapichu

Y si se hablare de mugeres allende de todos los modos arriba dichos diran Thananthanas lo que delos varones nide ninguna o otra cosa se dize.
[Gilberti 1558: 130]

Assi que los plurales de cosas bivas se conosceran entre los plurales de cosas

inanimadas por las **particulas de thsimi vel de nahxtu.**

Ya esta dicho arrbia que enlos nombre adiectiuos no ay mas de una terminacion para las tres vozes, masculina, femina, y **neutra saluo en el plural do algunas vezes parace que ay diferencia aplicando un mesmo adiectiuo a cosas animadas biuas racionales y a cosas biuas no racionales** o cosas inanimadas por que para dezir hombres de buen paracer diran cuiri piecha ahmbangueracha.

Mas hablando de cauallos o perros o cosas semejantes basta dezir ahmbanguerari cauallo
[Gilberti 1558: 134 - 135]

(327)

Acerca de la quarta propiedad del nombre, que es número, es de notar que en esta lengua ay números. Porque también ay differencia entre el número singular, que habla de uno, y plural, que habla de muchos como en la latina y española

[Tomás 1560: 22]

(328)

y assí como en la española la differencia del número singular y plural está comúnmente en una sola letra que se añade, que es s, que le haze ser plural. Como dezimos: hombre es singular, añadiendo solamente una s, diziendo hombres, lo hazemos plural; y lo mismo es común a todos los demás nombres: añadiendo una s o cuando mucho dos letra, se haze el nombre de singular plural

[Tomás 1560: 22]

(329)

assí en esta lengua, la dictión y artículo del plural, es esta dictión cona de lo cual se da la regla siguinete. El número plural se constituye o compone del número singular, añadida esta dictión cona, v.g.: dezimos yayanc, que quiere dezir 'señor', añadiendo cona dirá yayancconam que quiere dezir 'señores'; y assí diremos yayanccona 'los señores', guarmecona 'las mugeres'.

[Tomás 1560: 22]

(330)

Es de notar, cerca desta regla del plural, que esta dictión cóna haze plural en los nombres que significan cosas animadas o que viven: como cari que significa 'varón', añadiendo cona diziendo caricona, dize 'varones'. Item guarme significa 'muger', añadiendo cona como guarmecona, dize 'mugeres', y assí de todos los demás.

[Tomás 1560: 22 - 23]

(331)

Pero a los nombres que significan cosas inanimadas, que no viven, no lo suelen añadir,

v.g.: pirca, que significa 'pared', no acostumbran en esta lengua dezir en el plural pircacóna sino que dan a entender pluralidad o muchedumbre en los tales nombres con un adjetvio que le ayuntan absoluto o numeral: como, si quieren dezir muchas paredes añaden aquel adjetivo áchica que significa 'muschas', y assí dizen áchica pirca 'muchas paredes'; y si quieren dezir pocas, añaden otro adjetivo, que es pixin o áxlla, que significa 'pocas': como diziendo áxlla pírca o pixin pírca, que quiere dezir 'pocas paredes'; o añaden guáquin, que significa 'algunas', como diziendo guáquin pírca 'algunas paredes'; o añaden un nombre numeral, / [fol.4v.] declarando el número dos, o tres, o quatro; y assí en las demás, diziendo íscay pírca, que significa 'dos paredes', quinça pirca, que significa 'tres paredes', o las que quisieren señalar.

[Tomás 1560: 23]

Verdad es que en todas generalmente se podría añadir aquella dictón cóna, que en la regla dixe que significava pluralidad; y, començándose a usar, lo entenderían todos; pero como digo no lo acostumbran.

[Tomás 1560: 23]

(332)

Item se ha de notar que quando se pone adjetivo y substantivo, o dos adjetivos, o dos substantivos sin conjunción por apposición, aquella dictión cóna se ha de poner, no con cada uno, sino después de todos. Exemplo: no dezimos allicóna runacóna sino álli runacóna.

[Tomás 1560: 24]

(333)

Y la razón que al presente se me ofresce para esta differencia es que aquel cona, allende de su principal significación (que es significar pluralidad), parasce que denota en alguna manera 'llamar' o 'pedir atención': como guarmecona, allende de significar en plural 'las mugeres', paresce que denota lo que dezimos en la lengua castellana '¡ola, mugeres!'; y porque no se suele llamar sino a cosa que entiende o oye, por eso lo usan añadir a cosas animadas, como guarmecona, [que] quiere dezir 'mugeres'; assí que solamente lo usan a cosas animadas y no en lo que no lo son.

[Tomás 1560: 23]

(334)

En todos los nombres, pronombres, y más partes de la oración declinables, la dictión del plural, que es cona (como está dicho arriba), haze cremento sobre el nominativo del singular, y lleva assí el accento. Y ansí todas las tales dictiones, de qualquier quantidad de síllabas que sean, tienen en el plural en todos los casos el accento en la penúltima, contando con el nombre las dos síllabas cona, que hazen plural, v.g.: guárme, por la segunda regla dicha, tiene el accento en la primera síllaba, guarmecóna lo tiene en la

penúltima; cari tiene el accento en la primera, caricona, en la penúltima; paycona 'aquellos', lo mismo; y assí en los demás en todos los casos.
[Tomás 1560: 162]

(335)

figurae nominibus accidunt duae, simplex et conposita: simplex, ut doctus, |potens; conposita, ut indoctus, inpotens. conponuntur autem nomina modis quattuor: |ex duobus integris, ut suburbanus; ex duobus corruptis, ut efficax, municeps; ex integro |et corrupto, ut ineptus, insulsus; ex corrupto et integro, ut pennipotens, nugigerulus. |conponuntur etiam de conpluribus, ut inexpugnabilis, inperterritus. in declinatione |conpositorum nominum animaduertere debemus, ea, quae ex duobus nominatiuis |conposita fuerint, ex utraque parte per omnes casus declinari, ut eques Romanus, praetor |urbanus; quae ex nominatiuo et quolibet alio casu conposita fuerint, ea parte declinari |tantum, qua fuerit nominatiuus casus, ut praefectus equitum, senatus consultum. |prouidendum est autem, ne ea nomina conponamus, quae aut conposita sunt aut conponi|omnino non possunt.
[GL — 4, 624]

(336)

figura quoque **dictionis in quantitate c**omprehenditur:
uel enim **simplex** est, ut magnus,
uel **composita**, ut magnanimus,
uel decomposita, quam Graeci παρασύνθετον uocant, id est a compositis deriuata, ut magnanimitas, quae rationabiliter separatim accepta est figura a Graecis.
[GL – 2, 177]

neque enim simplex poterit esse, quae a composita deriuatur dictione, neque composita, quia, quod suum est compositorum, non habet, **id est ut ipsa per se ex diuersis componatur dictionibus separatim intellegendis sub uno accentu et unam rem suppositam [id est significandam] accipiat**, ut est respublica, iusiurandum et talia.
[GL – 2, 177]

(337)

una est enim res supposita, duae uero uoces diuersae sub uno accentu prolatae, quas inuenis separans compositum, etiamsi sit a corruptis compositum, ut est parricida.
[GL – 2, 177]

hoc enim |ipsum per se compositum quaerentes ex quibus dictionibus est, |inuenimus diuisione facta
eas per se intellegendas: dicimus enim a parente |et a uerbo caedere, quae utraque per se integra sunt et intellectum |habent plenum, quod in decompositis fieri non potest. si enim dicam |magnanimitas compositum est a magno et animitate, nihil dico, animitas enim per se non dicitur. necesse est ergo dicere, quod magnanimus |quidem compositum est a magno et animo, quae sunt intellegenda per |se, a magnanimo autem

deriuatum est magnanimitas:
[GL – 2, 177]

nec solum tamen in declinationibus |nominum hoc contingit, sed etiam in accentibus, ut utérque utráque |utrúmque, plerúsque pleráque plerúmque: femininum enim, quamuis |paenultima breuis sit, accentum tamen in ea habuit acutum, sicut |masculinum et neutrum: *que* enim, nisi separata sit, si Graecos sequimur, |**coniunctio enclitica** esse non debet, nisi illud dicamus, quod *que*, quando |cum integris componitur dictionibus, quamuis significationem suam amittat |[id est coniunctionis], tamen **enclitici uim seruat**: pleráque, ubíque, |utráque, exceptis differentiae causa ítaque, útique; in his enim non |solum coniunctio, sed etiam praeposita ei aduerbia uim propriae |0182| significationis conuertunt composita.
[GL – 2, 181]

ergo |nihil aliud est in his nominibus que nisi **syllabica epectasis**, quomodo |*ce* in quibusdam pronominibus et aduerbiis, ut hisce, hosce, illice. |nam et plerus plera plerum et plerusque pleraque plerumque idem |significant. uter uero et uterque diuersas habent significationes. uter |enim, πότερος, diuiduam uim habet, uterque,ἑκάτερος, collectiuam; ubi, | ποῦ ἢ ὅπου, ubique, πανταχοῦ.
[GL – 2, 182]

in his ergo et similibus que si |**coniunctionem** accipiamus, composita sunt, sin **syllabam**, deriuatiua. similiter |0183| undique, denique, itaque.
[GL – 2, 183]

est ergo illud |quoque attendendum, quod separata composita non solum in simplices |resoluuntur dictiones, sed etiam in ante compositas, sicut sunt ea, quae |a tribus uel amplioribus componuntur. ipsa tamen quoque ante composita |necesse **est in duas intellegibiles dictiones** resolui.
[GL – 2, 180]

componuntur tamen |etiam quaedam ex decompositis: potens a uerbo potes, quod est|compositum. ex hoc componitur impotens, omnipotens, ignipotens, |uiripotens ex simplici et decomposito.
[GL – 2, 180]

(338)

|componuntur autem nomina modis quattuor:
ex duobus integris, ut|tribunusplebis, iusiurandum;
ex duobus corruptis, ut beniuolus, |pinnirapus;
ex integro et corrupto, ut inimicus, extorris;
ex corrupto et |integro, ut efferus, impius.
[GL – 2, 178]

et |componuntur
uel a duabus dictionibus, ut septentrio, semiuir,
uel a |0180| tribus, ut imperterritus, inexpugnabilis, inextricabilis,
uel |amplioribus, ut cuiuscumquemodi, quae tamen solent ex iam compositis |secundam compositionem accipere. primo enim compositum est perterritus,|expugnabilis, extricabilis, et post imperterritus, inexpugnabilis, |inextricabilis, similiter imperfectus, ineluctabilis et similia.
[GL – 2, 180]

(339)

et est sciendum, quod, si duo sint |nominatiui, ex utraque parte declinatur compositum, ut respublica |reipublicae, iusiurandum iurisiurandi, quod Graeci numquam faciunt in |compositis. dicunt enim, oportere compaginem, qua cohaerent in |compositione dictiones, immobilem manere.
[GL – 2, 180]

hoc igitur non seruantes [Latini] |diuisorum quidem utimur declinatione, accentu tamen compositorum. in|omni enim casu sub uno accentu ea proferentes composita esse |ostendimus, et possumus dicere, per singulos casus ea componi. quod dicentes |non uidemur contra supra dictam Graecorum de compagine rationem facere. |
[GL – 2, 180]

sin uero ex utroque casu obliquo sint |composita nomina, manent indeclinabilia, ut huiusmodi, istiusmodi, |illiusmodi, cuiusmodi, eiusmodi, cuimodi;
[GL – 2, 183]

sin ex nominatiuo et|obliquo uel obliquo et nominatiuo, nominatiuus tantum declinatur, ut |praefectusurbis, senatusconsultum.
[GL – 2, 183]

unum apud Latinos inuenitur nomen, |quod quamuis ex duobus sit nominatiuis compositum, non ex utraque parte |declinatur, id est alteruter alterutrius, quod tamen ipsum non absque |ratione non declinatur. nam cum duae contra se pugnant regulae, ut |unam seruet, necessario perdidit alteram. omnia enim nomina uel|pronomina, quae genetiuum in ius terminant, debent hunc communem habere |trium generum: unus unius, una unius, unum unius; solus solius, |sola solius, solum solius; ille illius, illa illius, illud illius. cum |igitur femininum et neutrum supra dicti nominis ex corrupto et integro sint |composita hiatus causa et euphoniae alterutra pro altera utra et |alterutrum pro alterum utrum, et necessario **extrinsecus habuerint |declinationem**, id est alterutrius. unde Cicero pro M(arco) Marcello: «quod |si in alterutro peccandum sit, malim timidus quam parum |prudens uideri». itaque masculinum quoque eorum est declinationem|secutum propter rationem supra dictam in ius terminantis genetiui, qui |communis trium uult esse generum.
[GL – 2, 181]

et inuenimus per omnes fere casus |composita, ut iurisperitus, legislator, praefectusurbis et praefectusurbi, |tribunusplebis et tribunusplebi, agricola [agrum colens], caelicola |[caelum colens], macte id est magis aucte (antiqui tamen et mactus |dicebant), mentecaptus.
[GL – 2, 183]

|nomina uero componuntur
uel cum aliis nominibus, ut omniparens, |paterfamilias,
uel cum uerbis, ut armiger, lucifer,
uel participiis, ut |senatusdecretum, plebisscitum,
uel pronominibus, ut huiuscemodi, |illiusmodi,
uel aduerbiis, ut satisfactio, beneficus, maledicus, |causidicus,
uel praepositionibus, ut impudens, perfidus,
uel coniunctionibus, |ut uterque, quisque, nequis, siquis, quae composita esse ostenduntur |a femininis in a desinentibus, ut siqua, nequa quomodo aliqua.
[GL – 2, 179]

(340)

et sciendum, quod omnes partes orationis |habent composita absque interiectione et plerisque participiis. |
interiectiones enim semper simplices sunt,
participia uero uel simplicia uel |decomposita plerumque [id est a compositis uerbis deriuata] sunt: per se enim |0179| raro componitur participium. nam si quis dicat, faciens participium|compositum fieri efficiens, sciat hoc minime potuisse fieri, nisi prius |uerbum compositum fuerit, ut est facio efficio, et ex hoc uerbo nasci |participium efficiens.
[GL – 2, 178]

(341)

Quid est figura in nomine? Illud qu nomen simplex a composito distinguitur.
Figurae nominum quot sunt? Duae. Simplex q non potest diuidi in partes significatiuas eius quod integrum significabat ut parens. Composita quae potest diuidi in partes significatiuas eius quod integrum significabat ut parricida.
Musa igitur cuius figurae est? Simplicis nihil enim significant mu & sa per se separata.
[Nebrija 1495: 166]

Quid est figura in nomine? Figura in nomine dicitur a similitudine figurae quantitatis in corpore. Nam quemadmodum corporis figura lineamentis protrahitur sic nomine alia est figura quantitatis in simplici alia in composito. Dicit ergo quod figura in nomine est illud quo simplex nomen a composito distinguitur. Deinde rursus quaerit.
[Nebrija 1495: 166]

Dicit uero in partes significatiua-s eius quod integrum significabat ideo quia paens

potest diuidi in partes significatiuas hoc est in par & un ens sed non significatiuas eius quod integrum significat quod est pater aut mater.
[Nebrija 1495: 166]

Componuntur autem nomina quattuor modis.
Ex duobus integris ut resp suburbanus.
Ex duobus corruptis ut efficax quod ab ex & facio deriuatur, municeps quod a munus & capio, is.
Ex integro & cirrupto ut ineptus quod ab in & aptus componitur, inermis quod ab in & armis.
Ex corrpito & integro ut omnipotens ex omni & potens, nugigerulus a nugis & gerulus.
Componuntur etiam ex pluribus ut imperterritus ex in & per & territus.

Sine praepositionibus raro fit trium dictionum composito atq ut Quintilianus inquit hoc latino sermoni inconcessum est quamuis capsis Cicero dicatur in libro de perfecto oratore compositum esse ex cape, si, uis.
[Nebrija 1495: 166]

Ex duobus nominatiuis composita ab utraq parte declinantur ut respublica,
Ex recto & ex obliquo ab parte nominaitui tantum ut senatus consultum, senatus consulti.
Alteruter tamen etsi ex duobus rectis componatur a priori parte non inflectitur, itaq dicimus alteruter alterutrius.
[Nebrija 1495: 166]

(342)

Figurae nominum quot sunt? Respondet ex auctoritate Donati atq Seruii cum Sergio duas esse figuras in nomine: simplicem atq compositam. Priscianus graecos secutus addit decompositam. Hoc est quae deriuatur a dictione iam composita ut parricidium a parricida, magnimitas a magnanimo. Addit Priscianus causam cur decomposita figura non sit idem quod composita: unaquaeq illarum aliquid significat neq rursus simplex quoniam a composita deriuatir. Magnanimitas uero perricidium & huiusmodi non possunt diuidi in partes aliquid significantes: animitas enim & cidium nihil per se significant. Sed haec ratio Prisciani atq graecorum quantum valeat contra Donati auctoritatem nemo est qui non intelligat si consideret eandem esse ratione, partium corruptarum cum in compositione, veniunt. Parri enim & cida nihil magis per se significant quam cidium & animitas. Utcumq tamen sit nos dicamus figuram compositam esse dictionum quae per se componuntur aut deriuantir a dictionibus per se compositis.
[Nebrija 1495: 165 - 166]

(343)

De Figura

Figurae nominum duae sunt. Simplex ut justus, doctus. Composita ut injustus, indoctus.
[Sempere 1546: 28]

(344)

Pro compositis quotecumque declinationis regula generalis
Quoniam composita eodem modo sunt varianda quo sua simplicia, ideo per terminationem simplicium intelligenda venit et suorum terminatio compositorum, ut Frater fratris, sic et confrater, eximitur tamen exanguis a sanguis, cuius genitivus est exanguis non exanguinis; eximuntur etiam impubis impuberis, requies requiei, apes apis, vulpes vulpis.
[Gilberti 1559: 281]

Alia de compositis regula generalis

Varianda est sola pars illa compositi quae fuerit casus nominativi, illa parte invariata manente. Que autem nullius fuerit casus aut obliqui alicuius. Exemplum prioris, ut nominativo respublica, genitivo reipublicae et caetera. Exemplum posterioris ut nominativo omnipotens, genitivo omnipotentis. Ab hac regula eximitur alteruter in quo variatur dumtaxat nominativus ille uter.

Compositum autem ex duobus obliquis est ex parte utriusque omnimodo indeclinabile, ut huiusmodi.

Compositum vero ex uno nominativo et altero obliquo, invariato manente obliquo variandum est solum in nominativo, ut vecerex, legisperitus.

Compositum denique cuius aliqua pars nullius est casus, invariatum manet ex parte talis, ut quisque...

Quae omnia sunt intelligenda dummodo composita talia sint ex integris, potest enim quando corrupta est, compositi variari aliqua pars in composito cuius nulla pars est casus nominativi, ut agricola, pedisequa et caetera.
[Gilberti 1559: 281]

(345)

Preposición es una de las diez partes de la oración, la cual se pone delante de las otras, por aiuntamiento, o por composición. Como diziendo io vo a casa, a es preposición et aiunta se con casa; mas diziendo io apruevo tus obras, a compone se con este verbo pruevo, et haze con él un cuerpo de palabra. I llama se preposición, por que siempre se antepone a las otras partes de la oración. Los accidentes de la preposición son tres: figura, orden et caso. Mas por que en la lengua castellana siempre se prepone et nunca se pospone, no pornemos la orden por accidente de la preposición. Assí que serán las figuras, dos, assí como en el nombre: senzilla, como dentro; compuesta, como dedentro.
Ai algunas preposiciones que nunca se hallan sino en composición, et son éstas: con, des, re, como concordar, desacordar, recordar.
[Nebrija 1492: 33]

Las figuras son dos, como en el nombre: senzilla, como aier; compuesta, como antier; de ante et aier.
Las figuras de la conjunción son dos, assí como en el nombre: senzilla, como que, ende; compuesta, como porque, por ende.
[Nebrija 1492: 34]

Los españoles usan de las preposiciones dela misma manera q usan los latinos: unas vezes **en composicion, y otras fuera de composicion** sin composicion assi como leyendo en la ley diuina yremos a Dios por camino acertado. Por la ley y por el Rey y porla patria
En composicion assi como partir, repartir
[Del Corro 1586: 119]

(346)

Capítulo decimotercero de los nombres compuestos y de los comparativos y superlativos

Los compuestos unos se componen

substantivos con substantivos, assí como de totoli, ‘gallina’, y tetl, ‘piedra’, tototetl, *‘piedra de gallina’*, y toman lo por el **uevo**. Y quando ansí se componen estos nombres, el postrero no perderá nada, pero el otro o otros con quien se componen perderán lo que adelante se dirá.

Tanbién se componen **substantivos con adjectivos**, ansí como de atl, ‘agua’, y chipauac, ‘cosa limpia’, se compone achipactli, ‘agua limpia’. Y también se dize sin composición chipauac atl, ‘agua limpia’.

Yten, se componen **nombres i verbos**, encorporando del nombre con el verbo. Exemplo: petatl, ‘estera’ o ‘petate’, nicchiua, ‘hazer’, nipetlachiua, ‘yo hago petates’. Y también se dirá en sin composición nicchiua in petatl.

También se componen **nombres con preposiçiones**. Exemplo: atl, ‘agua’, pa, ‘encima’, apa, ‘encima del agua o en el agua’, etc.

Yten, se componen **nombres con adverbios**, ansí como de tentli, ‘beço’ o ‘labio’ y chico, adverbio, que quiere dezir ‘aviesamente’, se compone tenchico que significa ‘hombre bilingüe’, ‘parlero que no guarda secreto’. Y estos conpuestos con adverbios primitivos son muy pocos.

Yten, se componen con **algunas partículas** que por sí no significan nada, mas juntando las con los nombres denotan menos precio, reverencia o pequeñez. Exemplo: çiuatçitli, ‘mujerzilla’.

También es de notar que se hallan nombres compuestos de tres nombres; y entonces los dos primeros perderán y el postrero quedará entero. Exemplo: quauhneucçayulli, ‘aveja de miel que cría en madero’. Ésta se compone de quauitl, ‘madero’, y pierde todo el –ytl; el segundo, neuctli, ‘miel’, pierde el –tli, y queda neuc; muchos propósitos.

Para lo qual se ponen las reglas siguientes.

Primera regla
Los nombres acabados en –tl le perderán en la composición o derivación.
Exemplo: tlexuchitl, ‘brasa’. Compónese de tetl, ‘fuego’, y perdió el –tl porque está primero en la composición; y el segundo quiere dezir ‘rosa’, no pierde nada.

Segunda regla
Los nombres acabados en –tli, –lli pierden el –tli, –lli en composición. Exemplo: tlapanco, ‘en el terrado’, viene de tlapantli, que es ‘terrado’, y con preposición que quiere dezir ‘en’, dezimos tlapanco, donde el nombre perdió el –tli. Exemplos de los de –lli: calli, ‘casa’, ninocalhchiua, ‘hago me mi casa’. Conpónese de calli, ‘casa’ y nicchiua, ‘hazer’; pierde el nombre el –li, queda calh y sobre ésto se añade el verbo anteponiendo el pronombre nino– a todo el verbo y dize ninocalhchiua.
Los que acabaren en otra terminación fuera de las dichas y se compusieren con otra dicción no perderán nada. Exemplo: nitlatçcapoloa, ‘destruyo el ciprés’. Y no sé si quadrará fuera de las terminaciones del –tl, –tli, –lli; por tanto todo lo dicho se entienda por la mayor parte, etc. También es necessario saber que assí como en la grammática dezimos que el compuesto ha de seguir la regla del simple, lo mesmo se entienda en esta lengua.
el tercero es çayulli, que es ‘abeja’, y éste no pierde nada; y ansí dezimos quauhneucçayulli.

También se deve notar que quando un nombre se compone con otros el primero como emos dicho a de perder algo. Y ésto es muy necessario saber se para Y esto se ha de entender en los nombres quanto a lo que han de perder con los pronombres –no, –mo, –y, etc.: que lo mesmo que pierde el simple perderá el compuesto, quando fuere el último nombre de la dictión compuesta. Exemplo: qualactli, que quiere dezir ‘baba’, con los pronombres –no, –mo, –y, etc., dezimos noqualac, componiéndole con tentli, ‘labio’, tenqualactli, ‘baba del rostro’; notenqualac ‘mi baba de mi rostro’.

No hablo en el acento por ser muy vario y no estar ni dexar siempre las dictiones enteras sino compuestas, y porque algunos vocablos parecen tener algunas vezes dos acentos, por lo qual dexo a quien Dios fuere servido darles
65 más ánimo para ello, o al uso que lo descubra.

Quando los pronombres no–, mo–, y–, etc. se juntan a los nombres les hazen, por la mayor parte, perder algo o mudar; y lo que perdiere el simple perderá su compuesto.
[Olmos 1547: 317 - 319]

(347)
Figurae nominum due sunt: simplex & composita. Simplicis figurae nomen est quod non potest diuidi in partes singificativas eius quod integrum significabat ut adam in a & dam cuius altera pars nihil significat. Composite figurae nomen est quod potest diuidi in partes significatiuas eius qd integrum significabat ut Abraam ex ab quod interpretatur pater & ram celsitudo, malki zedeq melchizedec idest rex iustitiae.

[Zamora 1515: 22]

(348)

Capitulo VII de la figura dlos nombres.
La figura en los nombres arauigos es de dos maneras: simple y compuesta. Simple assi como Xei por cosa, compuesta assi como cullixei toda cosa, Albdurrahmen sieruo del piadoso, Geblalfath tieera del abrimiento, abdilleh o abdallah sieruo de dios, Guidiir rio de vida.
[de Alcalá 1505: 30]

(349)

Tiene assí mismo esta lengua la quinta propiedad que es figura: que unos nombres son simples y otros compuestos. Exemplo de lo primero: rumi, que significa 'piedra'. Exemplo de lo segundo rumi chaca que significa 'puente de piedra'. Y assí otros muchos.
[Tomás 1560: 24]

(350)

Y lo primero acerca de la preposición, que **se antepone en la lengua latina a los casos**, **rigiendo y determinando** los nombres, y al verbo y a las demás partes de la oración, componiéndose con ellas, como consta de la lengua latina, es de notar que en esta lengua estas preposiciones se hallan solamente en la primera manera, conviene a saber
[Tomás 1560: 106]

Y no solamente en esta lengua usan de los adverbioos como de nombres, declinándolos, pero aun de las mismas preposiciones quando entren en composición con nombres, como está dicho arriba destas presposiciones yoc y nac, a las quales quando se componen con nombres les añadimos otras preposciones; y assí yoc, que es preposición de effectivo, le añadimos otra preposición de accusativo, v.g.
[Tomás 1560: 156]

De la manera de hablar pro este nombre camayoc
ITEM es de notar, assí mismo, que los indios en esta lengua usan muy frequentemente deste nombre camayoc, que propiamente significa official o artífice de qualquier arte o officio que sea; y háblase por él juntándolo con el nombre, que significa la materia principal del officio que quieren significar, componiéndo y **haziéndose un nombre con él**, v.g.: quero significa 'madera', que es la materia de que se usa el carpintero, quero camayoc significa 'carpintero'; guacin significa 'casa', que es la materia principal del albañir, guaci camayoc signifca 'albañir'; yuyu significa 'ortaliza', que es en que trata el ortelano, yuyu camayoc significa 'ortelano'; y assí en los demás. Y no solamente usan deste término en esta significación, más aún lo entienden más a usar dél para significar el que acostumbra a hazer muy frequentemente alguna cosa, aunque no sea official della, ni la tal cosa propiamente pertenezca a officio, adjectivándola de la

manera dicha, con el término nombre o verbo que signifca la tal cosa, si es nombre, o operación si es verbo. Y quando es verbo júntase con el infinitivo dél, y quando nombre con él mismo, conforme a lo dicho arriba, v.g. Exemplo de lo primero: llullay significa 'mentir', llullay camayoc 'mentiroso' o 'hombre que miente mucho'; pucllay significa 'jugar', pucllay camayic significa 'jugador', que quasi lo tiene por officio; poriy significa 'andar', al que comúnmente camina le llaman poriy camayoc 'caminador'; pungo significa 'puerta', pungo camayoc 'el que guarda la puerta'; y assí generalmente en todos los demás. Y siempre el nombre camayoc se ha de postponer al otros nombre o verbo, haziéndose quasi un término incomplexo con él; y quando es nombre, en la declinación dél, después de ambos se ha de poner la preposción cassual. La differencia del gérnero se conosce en el adjunto que se le pusiere, v.g.: 'yo conozco la portera de casa' dizen guarme pungo camayocta riccini; y assí en los demás.
[Tomás 1560: 153 - 154]

Generalmente en todos los nombres y más partes de la oración, de qualquier quantidad de síllabas que sean, aunque con los artículos y preposiciones cassuales, o **con otras partículas que por composición se les añade,** los tales término tengan en los casos oblíquos cremento de más síllabas, no por esso tiene otro accento del que tiene su nominativo o término simple, sino que en todo y por todo **guarda el oblíquo, o el término compuesto**, el mismo accento que su recto o simple, v.g. Exemplo de lo primero: çayñata, que significa 'máscara', por la tercera regla arriba dicha tienen el accento, en el nominativo, en la penúltima; en el dativo, acusativo y demás casos lo tiene en la misma. Exemplo: çayñatacta llicussac 'ponerme he la máscara', çayñataguan porissac 'andaré con la máscara'. Aquel término çayñáta, que en el accusativo con su preposición tiene quatro síllabas, y en el effectivo con la suya cinco, tiene su accento en el ña, donde antes lo tenía. Y assí en los demás casos, excepto el ablativo con la preposción mánta, la qual siempre tiene por sí en la primera síllaba su accento distincto de su caso, como en el exemplo dicho çayñatamanta: el çayñata por sí tiene su accento en la penúltima, y el manta por sí en la primera. Exemplo de lo segundo: çayñatalla: aunque es de quatro síllabas con la partícula lla, porque es composición, el término çayñata tiene el mismo accento que antes que se le añadiese el lla.
[Tomás 1560: 161 – 162]

CERCA de los comparativos y superlativos es de notar que en esta lengua no ay **términos** comparativos ni superlativos **incomplexos**, como los ay en la lengua latina, sino que assí los comparativos como los superlativos se hazen por **circunloquios**, como en la lengua española, para lo qual se dan las reglas siguientes.
[Tomás 1560: 115]

Y no es de maravillar que en esta lengua no aya **términos** comparativos ni superlativos **incomplexos**, pues en nuestra lengua española tampoco los ay, sino qeu se hazen por **circunloquios**
[Tomás 1560: 115]

(351)

casus sunt sex, nominatiuus, genetiuus, datiuus, accusatiuus, uocatiuus, ablatiuus.

est autem |0625| nominatiuus hic Cato, genetiuus huius Catonis, datiuus huic Catoni, accusatiuus hunc Catonem, |uocatiuus o Cato, ablatiuus ab hoc Catone.
[GL – 4, 625]

(352)

quidam adsumunt etiam **septimum** casum, qui |est ablatiuo similis, sed sine praepositione ab, ut sit ablatiuus casus ab oratore uenio, |septimus casus oratore magistro utor.
[GL – 4, 625]

(353)

ablatiuum Graeci |non habent: hunc quidam Latinum, nonnulli sextum casum appellant.
[GL – 4, 624]

(354)

sunt praeterea nomina, quorum alia

genetiuum casum trahunt, ut ignarus belli, |«securus amorum»;
alia datiuum, ut inimicus malis, congruus paribus;
alia accusatiuum, sed |figurate, ut exosus bella, praescius futura;
alia ablatiuum, ut secundus a Romulo, alter |a Sylla;
alia septimum casum, ut dignus munere, mactus uirtute.

[GL – 4, 625]

(355)

casus est declinatio nominis uel **aliarum casualium dictionum,** quae fit maxime in fine.
[GL – 2, 183 - 184]

(356)

sed in hoc |nomine ex contrario aliis, quae simili forma declinantur, frequentior est |usus genetiui in i et datiui in o terminantis in masculino et neutro, in |feminino uero in ae diphthongum: hic neuter et hoc neutrum huius |neutri huic neutro haec neutra huius et huic neutrae.
[GL – 2, 197]

(357)

|est autem

rectus, qui et **nominatiuus** dicitur. **per ipsum enim |nominatio fit**, ut nominetur iste Homerus, ille Virgilius. rectus autem dicitur, |quod ipse primus natura nascitur uel positione et ab eo *facta flexione* |nascuntur obliqui casus.

genetiuus autem, qui et **possessiuus** et **paternus**|appellatur,

genetiuus uel quod genus per ipsum significamus, ut genus |est Priami, uel **quod generalis uidetur esse hic casus genetiuus, ex quo |fere omnes deriuationes** et maxime apud Graecos solent fieri;

possessiuus |uero, quod **possessionem quoque per eum [casum] significamus**, ut Priami |regnum, unde possessiua quoque per eum casum interpretantur. quid |est enim Priameium regnum nisi Priami regnum?

paternus etiam |dicitur, **quod per eum casum pater demonstratur**, ut Priami filius, unde |patronymica pariter in eum resoluuntur (quid est Priamides nisi Priami |filius?).

post hunc est **datiuus**, quem etiam **commendatiuum** quidam|nuncupauerunt, ut do homini illam rem et commendo homini illam rem.

|quarto loco est **accusatiuus** siue causatiuus: **accuso** hominem et in **causa** |0186| hominem facio.

uocatiuus etiam **salutatorius** uocatur, ut o Aenea et |salue Aenea;

ablatiuus etiam **comparatiuus**, ut aufero ab Hectore et |fortior Hectore.
[GL – 2, 185]

(358)

|multas tamen **alias quoque et diuersas unusquisque casus habet|significationes, sed a notioribus et frequentioribus acceperunt nominationem.**
[GL – 2, 186]

(359)

itaque **articulis diuersis utimur pro uarietate |significationis** nec non etiam **structurae rationem** seruamus, sicut in |declinabilibus per [sex] casus.
[GL – 2, 184]

et quando nominis et participii |ablatiuus uerbo et nominatiuo alterius nominis cum transitione personarum|adiungitur, ut sole ascendente dies fit et Traiano bellante uicti sunt |Parthi. **hac autem utimur constructione, quando consequentiam aliquam |rerum, quae uerbo demonstrantur, ad eas res, quae participio |significantur, ostendere uolumus.** quid est enim Traiano bellante uicti sunt Parthi |nisi quod secuta est uictoria Traianum bellantem? et sole ascendente |0191| factus est dies nisi quod ascensionem solis secutus est dies?
[GL – 2, 190]

illud quoque non est praetermittendum, quod |quibusdam septimus casus esse uidetur **ablatiuus, quando sine praepositione |profertur**, quod satis irrationabile uidetur; minime enim praepositio addita |uel detracta mutare ualet uim casus. neque enim, cum **accusatiuo casui |multae praepositiones solent adiungi,** alius est, quando **habet eas,** et alius, |quando **absque his profertur**.
[GL – 2, 190]

quippe **nominatiuus**, quem |primum natura protulit, ipse **primum** sibi locum defendit, unde uerbis quoque **|intransitiue iste quasi egregius adhaeret.**
[GL – 2, 186]

(360)

quis autem dubitat, quod omnes |praepositiones uel accusatiuo uel ablatiuo apud Latinos iungi solent? ergo si |adiunctae uel non ablatiuo mutant eius uim, accusatiuo quoque adiunctae uel |non debent similiter mutare casum. denique in comparationibus absque |praepositione solet proferri ablatiuus, nec tamen dicit quisquam, septimum |tunc esse casum, sed ablatiuum, cum dico fortior Achilles Hectore. in |quo omnes artium scriptores consentiunt et sex esse casus confitentur, |non septem. uno enim, non duobus, Latini casibus superant Graecos. |superuacuum faciunt igitur, **qui septimum addunt, qui nulla differentia |uocis in ullo nomine distet a sexto**.
[GL – 2, 190]

in his ergo, id est carentibus **declinatione** finalium |syllabarum, quae monoptota nominamus, **uidentur casus fieri non uocis, sed |significationis** dumtaxat.

itaque **articulis diuersis utimur pro uarietate |significationis** nec non etiam **structurae rationem** seruamus, sicut in |declinabilibus per [sex] casus.
[GL – 2, 184]

uelut autem **una uoce diuersas possunt habere significationes** tam |declinabilia per quosdam casus quam indeclinabilia per omnes casus, sic e |contrario **diuersis uocibus saepe inuenimus unam eandemque fieri |significationem,** ut labor et labos, honor et honos, huius cornus et corni, |pinus et pini, huius quaestus uel quaesti, ornatus uel ornati, |tumultus uel tumulti, Achillis uel Achilli, aulai et aulae, a felice |uel felici, deis et diis, sapientium et sapientum, nec solum in |nominibus,

sed etiam in aliis partibus, ut amauerunt uel amauere, |amaueram uel amaram, ei uel ii, eis uel iis, nimium et nimis, satis |et sat.
[GL – 2, 185]

(361)

Casus nominum, pronominum & participiorum septem sunt. Nominatiuus, Genitiuus, Datiuus, Accusatiuus, Vocatiuus, Ablatiuus, Effectiuus.

[Nebrija 1459: 51]

Numeris est omnibus partibus orationis q declinatur. Casus vero nomini, pronomini & participio tamen.
[Nebrija 1459: 51]

(362)

Quid est casus in nomine? Quidam gradus declinationis per quos nomen inflectitur.
[Nebrija 1459: 166]

Quid est casus in nomine? Et respondet esse quosdam gradus declinationis per quos nomen inflectitur idest gradatim cadit. Priscianus dicit casus est declinatio nominis quae maxime idest plaerumq fit in fine, nam & aliquando fit in medio ut in dictionibus compositis quales sunt plaerusq, plaeraq, plaerumq, quilibet, cuiuslibet, cuilibet.
[Nebrija 1459: 166]

(363)

Casus nominum quot sunt? Septem: Nominatiuus, Genitiuus, Datiuus, Accusatiuus, Vocatiuus, Ablatiuus, Effectiuus semper ablatiuo similis.
[Nebrija 1459: 166]

(364)

Illud quoq est aduertendum nomina aptota dici quae **tantum nominatiuo casu** reperiuntur ut Iupiter fas instar, sed in illis casus nominatiuo similes etiam reperiuntur ut in masculinis & foemininis vocatiuus in neutris accusatiuus & uocatiuus ut hic Iupiter o Iupiter, hoc fas & accusatiuo fas, uocatiuo fas & dicitur aptotum ab a quod priuat & ptotis casus quasi reliquis casibus carens.
[Nebrija 1459: 166]

Cumq hebraei **non per casus & declinationes** sed per praepostiones & articulos nomina **inflectant** ausi quoq sunt dictionum quarundam uastitatem **declinatione** atq accentu graeco mollire. Quisdam uero quae illis uisae sunt paulo contumaciores atq a graeco sermone plurimum abhorentes **indeclinabiles** & sub accentu barbaro iacere permisetunt.
[Nebrija 1459: 166]

Quarta regula est quo genitiuus pluralis omnium declinationum praetq quintae potest recipere syncopam hoc est abscissionem ut in prima aeneadum pro aeneadarum
[Nebrija 1459: 116]

Dicitur igitur quod prima nominis declinatio terminationes habet nominatiui tres: in as, es, a.
[Nebrija 1459: 112]

Nomina certis casibus deficentia. Dictum est huiusq de nominibus integris aut altero numero deficientibus nunc de illis agit quae certis casibus deficiunt. Dicitq in primis quod nomina interrogatiua & infinitiua & relatiua & negatiua & distributiua siue diuidua carent vocatiuo. Omnia enim haec vocatiuum habere non possunt quia ut Priscianus ait uocatiuus ad aliquam praesentem personam atq finitam sit ad quam sermo dirigitur.
Ius, iuris. Qudo haec quattuor nomina cum nominibus quintae declinationis praeterq hic dies, haec res carent genitiuo, datiuo & ablatiuo pluralibus.
[Nebrija 1459: 120]

(365)

Nominatiuus semper regitur a verbo expresso vel subintellecto in ratione suppositi.

Nominatiuus semper regitur a uerbo. Regi aliam dictionem ab alia nihil aliud est quam esse appendicem illius, ut in ordine constructionis aliquid significet**.** Sed cum verbum ut ait Aristoteles fit orationis forma, neq sine uerbo possit esse illud quod graeci vocant axioma quod boetius enunciationem, Cicero tum pronunciatum, tum proloquium interpretatus est consequens est ut omnes partes orationis a uerbo regantur immediate uel media aliqua alia parte orationis.
Dicit igitur in primis quod nominatiuus regitur a uerbo. Nam ut verbum personale nunquam potest esse sine nominatiuo sic nominatiuus sine verbo personali esse non potest. Ergo merito ab illo regitur tamquam rationis forma & dat illi suppositum tamquam accidenti
[Nebrija 1459: 51]

Genitiuus plaerumq regitur a nomine ex vi possessionis nonunquam ex natura nominis vel verbis.
[Nebrija 1459: 51]

Genitiuus praeter illam communem significationem qua regitur a nomine apppellatiuo ex ui possessionis aliquando regitur ex natura speciali nominis ut uini plenus vel verbi ut impleo vini vasa, a nomine inquam appellatiuo quia si proprio iungatur appellatiui ibi subinetelligitur. Vergil. Pri. Aen. Unius obnoxam & furias aiacis oilei. Ubi Seruius notat ex figura graeca dictum esse qua utimur circa partes & maritos tantum, ut aiacis oilei intelligamus filium, deiphobe glauci intelligamus filia, hectoris andromache intelligimus uxor, quin immo haec figura latius patet nam & Eusebius Pamphili dictus est subadi amicus. Terentius in andria Video huius byrrhiam subaudi Seruus. Nam pronomine loco nominis proprii ponitur.
[Nebrija 1459: 51]

Datiuus plaerumq regitur a verbo ex ui acquisitionis, nonnumquam vero a nomine ex speciali significatione.
[Nebrija 1459: 51]

Datiuus plerumq regitur a verbo ex vi acquisitionis atq etiam cuiuscumq rei attributionis siue illa fit utilis siue damnosa siue indifferens, regitur etiam nonnunquam a nomine ex speciali significatione ut utilis amico, difficilis uxori, iucundus familiaribus.
[Nebrija 1459: 52]

Accusatiuus plaerumq regitur a uerbo ex vi transitionis vel aparte ante ex natura infinitiui vel mediante praepositione, nonnumquam etiam a nomine adiectiuo vel verbo vel a participio vel ex ui synechdoches.
[Nebrija 1459: 52]

Accusatiuus plaerumq regitur a verbo ex ui transitionis ut amo uxorem vel aparte ante ex natura infinitiui ut opportet me amare vel mediante praepositione ut eo ad forum vel ex ui synechdoches a nomine adiectiuo ut niger oculos vel a verbo ut expleri mentem nequit, vel a participio ut nodoq sinus collecta fluentes.
[Nebrija 1459: 52]

Vocatiuus semper regitur a uerbo secundae personae imperatiui modi in ratione suppositi.
[Nebrija 1459: 52]

Vocatiuus haec regula multum nouitatis attulisse uidetur iis qui dicebant uocatiuum aliquandi poni absolute: quod est cum oratio ex recta fit obliqua. Hoc est cum ex secunda persona ad quam loquimur fit transitus ad tertiam de qua loquimur ut si dicas o Caesar legat Pompeius intelligitur ibi audi vel ausculta vel intende quod ita esse facillime probatur ex interpretatione psalmi XXI cuius initium est apud hebreos Idipsumquod dominus noster atq saluator dixit in cruce. Hoc est Heli Heli limas sabachthanem quod euangelista interpretatur deus meus deus meus ut quid dereliquisti me. At uero septuaginta interpretes verbum subintellectum unde vocatiuus ille regebatur expresserunt dicentes Deus Deus meus respice me quare me dereliquisti aut quae ratio fuit aliquid addendi quod in hebraeo non legebatur si non erat illis ipsis verbis inclusum. Ollid quod adhic maius est ausim affirmare etiam si exprimatur secunda imperatiui modi persona adhuc aliud verbum quod attentionem significet subintelligendum esse a quo vocatiuus ille regatur. Quale est illud quod Marci capite V legimus dicente dno thabita cumi quod interpretatur puella surge at euangelista cum interpretatur tibi dico interposuit quod tantum valet quantum audi quod erat inclusum in eo quod dixit puella surge neq enim saluator noster dixit tibi dico sed aliquid more adiecit quod fere semper facimus quotiens vocatiuo utimur ut auditor paret se ad ea q dicturi sumus. Nam & vocatiuus a graecis rectus dicitur quemadmodum & nominatiuus quia uterq recte stans substantiam significet unde & verbo suppositum dare possunt
[Nebrija 1459: 52]

Ablatiuus plaerumq regitur a verbo mediante praepositione, nonnumquam ex speciali nominis vel verbi significatione.

[Nebrija 1459: 52]

Abatiuus regitur a verbo mediante praepositione, aut ex speciali nominis vel verbi significagtione ut plenus vino, impleo vino.
[Nebrija 1459: 52]

Effectiuus plaerumq regitur a verbo vel participio ex ui instrumenti quo aliquid fit, aliqundo ex ui comparationis, aliquando ponitur absolute.
[Nebrija 1459: 52]

Effectius de quo plura libro tertio cum de casibus nominum disputaturi sumus dicenda sunt plaerumq regitur a verbo ut malo me galathea petit confus feroq petitus. Refitur etiam ex vi comparationis ut doctior illo aut ponitur absolute ut ducente deo expedior ducente deo non regitur quia per se orationem quodam modo facit licet imperfectam qualis est subiunciui modi in qua resolui consueuit ut nati iesu in betlem pro quo hieronymus vertit cum natus esset iesus in betlem.
[Nebrija 1459: 53]

(366)

Accusatiuus plaerumq regitur a uerbo ex vi transitionis vel aparte ante ex natura infinitiui vel **mediante praepositione**, nonnumquam etiam a nomine adiectiuo vel verbo vel a participio vel ex ui synechdoches.
[Nebrija 1459: 52]

Abatiuus regitur a verbo **mediante praepositione,** aut ex speciali nominis vel verbi significagtione ut plenus vino, impleo vino.
[Nebrija 1459: 52]

Cumq hebraei **non per casus & declinationes** sed per praepostiones & articulos nomina **inflectant** ausi quoq sunt dictionum quarundam uastitatem **declinatione** atq accentu graeco mollire.
[Nebrija 1459: 52]

(367)

De nominis constructione cum alio casuali. Cap xii. Postea q de construction verborum participiorumq cum aliis partibus orationis dictum est hoc loco de constructione nominis cum alio casu disputabimus & primo cum genitiuo non de illa constructione quae notissima est cum genitiuus construitur cum nomine substantiuo ex ui possessionis vel quasi possessionis ut liber Vergilii, Vergilius decem artgenteorum. Sed cum nomen adiectiuum vel participium in uim niminis transiens aut nomen verbale quod in or vel in ix desinit: construuntur cum genitiuo ex idiomate hoc est proprietate sermonis latini quo in loco imitati sumus praecipue Diomedem grammaticum ne quis existemet haec a nobis tumutuarie fuisse praecepta.

Dicit igitur in primis q nomina **adiectiua certae cuiusdam significationis ex**

ratione idiomatis latini genitiuo iunguntur. Sunt autem illa ptissimum aue habitum siue priuationem alicuiuis rei significant ut integer vitae.

Nomina praeterea formam participiorum habentia idest quae figurantur ex participiis praesentis temporis & praeteriti possunt **construi cum genitiuo** ut Vergilius ii geor. Patientes uomeris unci. & ab eo compositum impatiens. **Participia namq si essent accusatiuo** iungerentur diceremusq patiens laborem, appetens pecuniam.

Nominq quoq **verbalia quae alii participia vocant formata ab iltimo supino u mutata in or construuntur cum genitiuo** ut amator uxoris, doctor gentium & foeminina quae formantur a masculinis tor mutata in trix cum genitiuo etiam construuntur ut amatrix viri & quae etiam irregulariter formantur ut expultrix uitiorum quod ab expulsor fit.

Et nomina superlatiua. **Superlatiuum cum plurali tantum genitiuo construitur** ut Horatius pri ser graecorum longe doctissimus. **Potest etiam cum genitiuo singulari** construi modo sit nomen collectiuum hoc est in numero singulari multitudinem significans ut pplus gens Vergulius pri aen o danaum fortissime gentis tidide.

Comparatiuum quoq quotiens inter duos fit comparatio ad immitationem greacorum potest **cum genitiuo construi quotiens** ponitur ut iuniores grammatici dicunt partitiue ut si dicas aiacus fortior fuir telamonius duo enim tantum fuerunt aiaces alter telamonis alter oilei filius. Nam si tres fuissent non fortior sed fortissimus dicendum erat. Sicut dicimus digitorum medius est longuissimus, manuum vero dextra est fortior.

Loco etiam genitiui nonnunq ponitur ablatiuus cum praepositione de vel ex

horum posuit pro his ad imitationem graecorum qui cum ablatiuum non habeant comparatiuum cum genitiuo construunt quemadmodum & superlatiuum. Illo modo inter illos differentia est quod comparatiuum iungitur cum genitiuo significante unum aliquid sui generis. Superlatiuum vero cum genitiuo significante plura sui generis.

Illud tamen hoc in loco non est dissimulandum quod valla notauit q **comparatio unum gradum siue primum obtinet, superlatio vero ultimum**, nam ubi est superlatio necesse est ut ibidem fit comparatio. Si enim plura sint vasa ad eandem magnitudinem facta & aliud fit longe capacius recte dixeris illud esse maius omnibus illis quae sunt inter se aequalia quod si aliquod vas fit maius alio & aliud maius illo hoc comparatum illis duobus non dicetur maius illis sed maximum illorum.

Datiuo complura iunguntur, sunt autem ut Priscianus ait illa quae ad gratiam vel ad utilitatem alicuius vel contra referuntur ut facilis, dificilis & similia.

Accusatiuo etiam quemadmodum aliis in locis diximus nomina adiectiua cum accusatiuo construi possunt sed per figuram synechdochen tantum poetis premissam

Ablatiuo quoq mediante praepositione siue septimo casu. De quo Diomedes in idiomatis hsi verbis scribit. Multa sunt quae per ablatiuum casum romani solent efferee, inmensa est enim huius casus licentia & utuntur eo saepissime per duobus casibus genitiuo & datiuo ut bellum varia victoria.

mulier bona forma quae uero Diomedes ablatiuum appellat nos si cinstare nobis uolumus septimum siue effectiuum appellamus. Ablatiuus autem esset mediante

propositione ut alienus a crimine.

Comparatiua quoq. Diximus comparatiuum quotiens ponitur partitiue construi cum genitiuo nunc vero dicit q siue compararetur ad unum siue ad plura sui vel diuersi generis construitur cum ablatiuo siue septimo casu. Nam ut alio etiam loco diximus quotines ablatiuus sine praepostione ponitur. Antiquores septimum casum appellabant ut Achilles fuit fortior aiace & hectore.

Ablatiuus siue septimus casus. Illorum stulticia hoc in loco ridenda est qui pro eo quod ego dixeram munda in declinationem christianorum venit quoniam eo anno quo introcutione has eddimus rinda & munda & complura alia castella maurorum expugnata sunt ductu atq auspiciis ferdinandi omnium regum clarissimi putantes munda adiectiuum esse nomen.

De construcione quarundam partium orationis.

Quemadmodum omne verbum personale ante se cum nominatiuo construitur ita post se varios casus recipit quam rem nunc aggredimur ab illo potisssimum facientes initium
[Nebrija 1459: 248 - 250]

(368)

Quare dicitur Nominatiuus? Quia per illum nominamur rectus vero idem dicitur quia aliunde non cadit.
[Nebrija 1459: 166]

Quare dicitur nominatiuus? Casus omnes siue speciali quadam illorum significatione dicti sunt ut nominatiuus quia per eum nominamur ut ego uocor antonius cur non & **factiuus** uel **actiuus** cum per eum quid facimus uel agimus cur non **passiuus** cum per eum patimur.
[Nebrija 1459: 166]

Nominatiuus vocatur etiam rectus quia cum caeteri casus ab illo cadant unde etiam obliqui dicuntur ipse in prima sua positione rectus subsistit unde etiam improprie casus nominatur ut paulo ante memorauimus cum de numero agebatur.
[Nebrija 1459: 166]

Quare dicitur genitiuus? Quia per eum ostendimus cuius sumus filii ut antonius ioannis
[Nebrija 1459: 166]

Eodem modo genitiuus dicitur quia in eo casu ponimus nomen genitoris cur non & possessiuus cum eius significatio communior fit possessio cur non & superlatiuus quandoquidem superlatiuus gradus cum illo construitur & eodem modo de reliquis praeter uocatiuum cuius significatio semper habet uocandi uim.
[Nebrija 1459: 166]

Genitiuus quoq tum casus patrius tum paternus tum gigendi vocatur. P, nigidius teste Gellio libro xii interrogandi casum appellat ut cuius es filius.
[Nebrija 1459: 167]

Quare dicitur datiuus? Quia in eo casu ponimus illum cui aliquid damus ut do tibi pecunias.
[Nebrija 1459: 167]

Datiuus eodem modo dandi casus & accusatiuus accusandi casus quem etiam Diomedes incusatiuum nominat.
[Nebrija 1459: 167]

Quare dicitur accusatiuus? Quia in eo casu ponimus illum quem accusamus ut Pompeius accusat Caesarem.

Quare dicitur uocatiuus? Quia in eo casu ponimus illum quem uocamus ut o musa mihi causas memora.
[Nebrija 1459: 167]

Vocatiuum quoq graeci rectum appellant & si non nunquam a nominatiuo cadat.
[Nebrija 1459: 167]

Vocatiuus etiam vocandi & ablatiuus auferendi casus dicitur.
[Nebrija 1459: 167]

Quare dicitur ablatiuus? Quia in eo casu ponimus illum a quo aliquid auferimus ut ego aufero a te libros.
[Nebrija 1459: 167]

& ablatiuus auferendi casus dicitur.
[Nebrija 1459: 167]
Quare dicitur effectiuus? Quia in eo casu ponimus instrumentum quo aliquid efficitur ut ego peto te saxo.
[Nebrija 1459: 167]

Effectiuum quoq nouo nomine ad superiorum similitudinem nos primum appellauimus cum ab aliis semper septimus vocetur ut ablatiuus sextus latinus a Diomede vocatur. Et quamquam effectiuus alias habet significationes quam cum per cum instrumento aliquid efficimus nominatur tamen ab hac speciali significatione quemadmodum de reliquis superioribus dicebamus.
[Nebrija 1459: 167]

(369)

Nam & septimum adiecimus contra communem doctrinam propterea quod auctores plerumq illius meminerunt & quod noster Quintilianus grammaticum iubet inquirere an sit apud latinos uis quaedam septimi casus, nam subdit cum dico hasta percussi non

utor ablatiui natura. Laborat Priscianus & quidem iudicio meo frustra probare non esse casum septimum apud latinos idq praecipue illa ratione quod nulla differentia vocis distet a sexto quae ratio si vera esset neq ex diuersitate significationis potius q terminationis casus distinguerentur idem esset ablatiuus pluralis cum datiuo eiusdem numeri & vocatiuus cum nominatiuo quia in terminatione semper sibi ipsis similes sunt.
[Nebrija 1459: 168]

Quod uero idem Priscianus ait neminem appellare septimum casum illum cum quo construitur comparatiuum immo nullus auctor est qui septimum casum admittat qui idem non dicat comparatiuum construi cum septimo casu nunquam uero cum ablatiuo. Ergo cum dixit semper ablatiuo similis intelligendum est in terminatione non in significatione quoniam simile cum datiuo iunctum similitudinem quantitatis & lineamentorum significat.
[Nebrija 1459: 168]

Sunt qui octauum casum ponant cum s utimur datiuo pro accusatiuo & preapositione ut Vergilius CC clamor caelo idest in cealum.
[Nebrija 1459: 168]

(370)

Casus nominum sex sunt: Nominans, Gignens, Dans, Accusans, Vocans, Auferens
[Sempere 1546: 27]

Nomina substantiva significantia rem possessam & a posteriori supino deducta tun meutrae voces adjectivae substantivae positae gigendi casum requirunt
[Sempere 1546: 135]

Genetivus possessionis, tam actionem quam passionem declarat.
Sic vulnus Achilis, tam ab eo datum, quam acceptum vulnus significat; quod clarius patebit exemplis scholii sequentis.
[Sempere 1546: 136]

Eadem nomina in laudem, & vituperationem, utrumque casum, & gigendi, & auferendi sibi asciscunt: ut senex ardentis avaritiae
[Sempere 1546: 137]

Praepositiones gignendi casui servientes sunt hae: pridie, postridie, tenus; que aliis casibus adhaerent.
[Sempere 1546: 126]

Sexto casui servientes sunt: a, ab, abs
[Sempere 1546: 127]

Praepositiones accusandi, & auferendi casui destinate quatuor sunt: in, sub.
[Sempere 1546: 128]

haec plurales Dando & Auferendi casus in abus
[Sempere 1546: 128]

Agens verbum est quod in O desinens post se **accusativum patientem** & transpositis casibus ac eodem sensu mantente verbo patiente commutatur ut diligo patrem, aro campum.
[Sempere 1546: 128]

Patiens verbum est quod finitum in or postulat ante se nominativum patientem post se vero ablativum agentem cum praepositione a vel ab aut dativum interdum accusandi casum cum praepostione per
[Sempere 1546: 159]

El nominatiuo por su posicion
se rige del verbo y es mas frequente
y el genitivo por su possession
y vi possessiones el genetiuo
le rige el dativo por aquisicion
vi aquisitionis se rige el datiuo,
y por transicion se rige el siguiente
absoluto se pone el vocativo
y esta yo digo mejor opinion
el ablatiuo con preposicion
por instrumento se da el effectiuo
y absoluto es a vezes en conclusion
[Thámara 1550: 13]

El recto se rige por su posicion
y vi poffeffiones el genitiuo,
vi aquifitionis se rige el datiuo,
y el acufatiuo por su transicion
el vocatiuo absoluto lo pon,
la preposicion tu da al ablatiuo,
el inftrumento fe da al effectiuo,
y eftós dos grados vn cafo fon.
[Thámara 1550: 13 - 14]

Nominativo
Efte fe rige y es también regido
y tiene fu puefto por anterior
y con el concierta en gentil fonido

de modo que no aya en ellos error
tiene su régimen posterior
por todos los casos en muchas maneras,
el nominativo sera en las primeras
en verbos recíprocos y verbo mayor.-
[Thámara 1550: 17]

Genitiuo
Con el genitiuo el verbo pondremos
actiuo, paffiuo, neutro, deponente
por fu poffeffion fegun que lo fiente
el que en el arte por docto tenemos,
al imperfonal también le daremos
el genitiuo en fpecie primera
y el nombre adiectiuo lo rige de fuera
fegun que defpues adelante diremos
[Thámara 1550: 17]

Dativo
El verbo también rige fu datiuo
por via que dicen de aquificion,
en fpecie tercera fe pone en actiuo
fegunda es de neutros efta conftrucion
en imperfonal de la mifma razón,
y es affi mifmo en el deponente
y aun en el nombre fe haze en efto regente
digo adiectiuo, y no muchos fon.
[Thámara 1550: 17]

El acusativo
y el acusatiuo por su transicion
El acusatiuo con verbo pongamos
y fea primero por fu tranficion
defpues por natura del verbo digamos
y defto en el arte fus fpecies fon
y a bueltas también con prepoficion
por tiempo lugar y Sinecdoche dada
del Nombre, de Aduefbio, y de Interiecion
del verbo neutro no refcibe nada
de todos los otros ay una manada
regidos del Verbo por jufta razón.
[Thámara 1550: 18]

El Vocatiuo fe nos reprefenta
que es abfoluto en fu conftrucion
y efta yo tengo por buena opinión,
la otra por cierto no me contenta
del Imperatiuo que a efte regenta
y efto yo tengo mucho bien prouado
pues efte cafo nunca fe ha mudado,
nueftra opinión mejor se fuftenta..
con el vocatiuo no haze fonido
[Thámara 1550: 18]

Ablativo
Al Ablatiuo agora vengamos
del Verbo es regido con Prepoficion,
por tiempo, lugar, y por fu conftrucion,
feguñ que en el arte fpecies hallamos,
[Thámara 1550: 19]

Effectivo
con efte juntando a effectiuo pongamos
el qual es regido por inftrumento. E
l nombre aqui tiene también regimiento
y aun abfoluto a vézes lo hallamos.
[Thámara 1550: 19]

El nombre bien rige si es adjetiuo,
y con genitiuo se halla primero,
con efte fe pone como poffeffiuo
nombre verbal aqui dezir quiero,
y a efte fe llega el fuperlatiuo,
también tiene fuerza la comparación,
quando dos cofas fon su partición,
y algunos a efte fe dan y al datiuo.
Del nombre adiectiuo el datiuo es regido e
con el de bilis por acquificion.
del accufatiuo no ay conftrucion,
fino por figura, y no permitido.
con el vocatiuo no haze fonido.
con el ablatiuo a vezes fe junta.
la comparación también fe le apunta.
y algunos a el, y al patrio se han ydo.
el vocatiuo absoluto lo pon
El nombre bien rige por fu poffeffion,
y con genitiuo fe halla juntado,

[Thámara 1550: 19 - 20]

quam tali casui finalem dabunt terminationem

fieri circa finem vocabuli, cum non sit alia variatio quam finis vocabuli debita diversificatio, principio eius observato uniformi ac invariatio

Pro quo notabunt quedam variari regulariter, quedam irregulariter.

Que autem regulariter variantur, prius quibusdam sub regulis sunt ostendenda; quorum debite variandorum quoad nomina notande sunt quinque formulae quas quinque declinatione grammatici vocant

prima est eorum nominum quae genitivum singularem in ae vel pluralem in arum habent terminatum

Casus proprius est ille qui non omnibus sed tantummodo aluiquibus est verbis dandus.

quam tali generi talique numero et casui finalem dabunt terminationem
[Gilberti 1559: 98]

Casus est quod grammatice dicitur hoc nomen
casus est nominativi,
Eorum namque tales sunt septem

N per illum nominamus
Rectus — aliunde non cadit

G. - per eum ostendimus cuius simus filii
Possesivus

D - acquisitivus , in eo casu ponimus illum cui aliquid damus, facimus

A. - transitivus, in eo casu ponimus quem accusamus vel quem amore prosequimur

V — in eo casu ponimus eum quem vocamus

Abl — in eo ponimus illum a quo aliquid auferimus

E — in eo casu ponimus instrumentum, quo aloquid fit in
[Gilberti 1559: 241]

Dativus ille casus est communis qui significat illud cuius amore, odio, laude, vituperio,

commodo, incommodo, favore, imtuitu et gratia sive boni sive mali aliquid efficitur
[Gilberti 1559: 231]

Accusativus ille casus est communis qui denotat tempus sub quo aliquid fit vel mesuram vel spacium loci
[Gilberti 1559: 235]

Ablativus sine praepositione casus est communis qui tempus quo aliquid efficitur vel instrumentum
[Gilberti 1559: 237]

Veruntamen ubi possessio denotatur, genitivum post se exigit significantem possessorem
[Gilberti 1559: 238]

Item cum significat ad aliquid pertinere

Genitivum etiam ut proprium casum vel ablativum post se exigunt verba et adiecta nomina abundantiam vel penuriam, plenitudinem vel carentiam tacite vel a parte significantia
[Gilberti 1559: 248]

Quae autem commodum aut incommodum significant ad casus communes referuntur, ut supra dictum est, sequentia tamen variam significationem habent
[Gilberti 1559: 256]

Accusativum ut proprium casum efflagitant verba transitiva cuiuscumque generis significantia id quod patitur
[Gilberti 1559: 234]

Quae significant motum ad locum aliquem, accusativum postulant nominis citra praepositionem
[Gilberti 1559: 240]
Alia quoque verba qualiscumque ubi adest sententia seu significatio praepositionum ablativum exigentium, possunt talium virtute praepositionum habere ablativum post se sicut et accusativum virtute praepositionum accusativum exigentium
[Gilberti 1559: 245]

(371)
Nombre es una de las diez partes de la oración, que se declina **por casos,** sin tiempos, et significa cuerpo o cosa.
[Nebrija 1492: 24]

Declinación del nombre no tiene la lengua castellana, salvo del número de uno al

número de muchos;
[Nebrija 1492: 28]

(372)

Bien es verdad, que ia que no tienen Casos, no les falta cierta manera conque responden a los mesmos Casos dela lengua Latina en virtud; i esto por medio desta dos Preposictiones — de, a porq la DE sirve para el segunda, i sexto Casos; la A para el tercero i su boz primera para el primero i quarto.
[Anónimo 1559: 30]

(373)

Los **casos** en el castellano son cinco:

El primero llaman los latinos nominativo, **por que por él se nombran las cosas**, et se pone quien alguna cosa haze, sola mente con el artículo del género, como el ombre.

El segundo llaman genitivo, por que **en aquel caso se pone el nombre del engendrador**, et **cuia es alguna cosa,** con esta preposición de, como hijo del ombre.
[Nebrija 1492: 28]

et ésta es la significación general del genitivo; pero tiene otras **muchas maneras de significar que en alguna manera se pueden reduzir a aquélla,** como diziendo: anillo de oro; paño de ducado.

El tercero llaman dativo, por que en tal caso **se pone a quien damos o a quien se sigue daño o provecho,** con esta preposición a, como io do los dineros a tí.

El cuarto llaman acusativo, **por que en tal caso ponemos a quien acusamos, et general mente a quien padece por algún verbo,** con esta preposición, a, o sin ella, como io amo al próximo o amo el próximo.

El quinto llaman vocativo, por que en aquel caso **se pone a quien llamamos**, con este adverbio o, sin artículo, como ¡o ombre!

Sexto et séptimo caso no tiene nuestra lengua, pero redúzense a los otros cinco.
[Nebrija 1492: 28]

Porqu si el Latino tiene el nominatiuo para nombrar,
y enel genitiuo pone la cosa cuya es,
y enel datiuo pone aquien algo damos.
Y enel acusatiuo lo que padeçe.
Y enel vocatiuo pone la persona que llamamos.
Y enel ablatiuo al que algo quitamos.
[Villalón 1558: 12]

El **ablatiuo instrumental comunmente se pone en acusatiuo con una preposition** y ansi dizen nous sommes rachetez par le sang de Iesus Christ
[Del Corro 1586: 35]

Pero quando queremos demandar **la parte de alguna cosa,** alas vezes la solemos poner **en genitiuo** pero añidiendole **alguna limitacion** ansi como dadme una vara de raso, dadme un poco de queso.
[Del Corro 1586: 35]

(374)

Los casos, como digo que son seys se nonbran por esta manera. Nominatiuo, genitiuo, datiuo, acusatiuo, vocatiuo, ablatiuo. Los quales todos como **digo diffieren por letra final, que cada caso acabo en su letra differente**
[Villalón 1558: 11]

(375)

Declinación del nombre no tiene la lengua castellana, salvo del número de uno al número de muchos; pero la significación de los casos distingue por preposiciones.
[Nebrija 1492: 28]

Esto presupuesto que queda agora claro para cada qual, digo q enla lengua Castellana no se puede poner declinaçion, ni la ay, porque para ninguna clausula, ni proposito se varia el nombre o vocablo por letra final por ninguna manera de dezir.
Aunque todo esto aya y se ofrezca en la clausula castellana, esto es de notar, q el Latino lo differençia y lo muestra por la letra postrera dela declinaçion.
[Villalón 1558: 11- 12]

Las terminaciones de los nombres varias son. Casos tienen siete, mas no diffieren en la inflexion, pero conoçense y distinguense por los articulos, y numeros el caso, y numero del nombre.
[Anónimo 1555: XIV]

Los unos i lo sotros tienen varias sus finales. No se varian por Casos.
[Anónimo 1559: 32 - 33]

Los nombres y pronombres y participios no se declinan por casos mas los articulos denotan en que caso esta cada nombre
[Del Corro 1586: 17]

(376)

La lengua Española y francesa no tienen decliantion alguna por que todos los nombres son indeclinables, **pero la variacion se haze mediante los articulos, y para q mejor**

se pueda ver la diferencia de los generos y casos

en la española **seiys** casos, y **en la francesa tres.** No obstante que hay poca **diferencia entre el datiuo, accusatiuo y ablatiuo** en el Español
[Del Corro 1586: 18]

(377)

Sirven, como diximos, las preposiciones, para demostrar la diversidad de la significación de los casos, como

de para demostrar cuia es alguna cosa, que es el segundo caso;

a, para demostrar a quién aprovechamos o empecemos, que es el tercero caso;

a esso mesmo, para demostrar el cuarto caso en los nombres proprios, et aún algunas vezes en los comunes.
[Nebrija 1492: 34]

El primero caso se pone con sólo el artículo del nombre, como el ombre.
El segundo se pone con esta preposición **de et el mesmo artículo,** como del ombre.
El tercero se pone con esta **preposición a et el mesmo artículo,** como a el ombre.
El cuarto se pone **con esta preposición a o con sólo el artículo**, como a el ombre o el ombre.
El quinto se pone con este adverbio o sin artículo alguno, como ¡o ombre!
[Nebrija 1492: 46]

Los **casos** en el castellano son cinco:

El primero llaman los latinos nominativo, por que por él se nombran las cosas, et se pone quien alguna cosa haze, sola mente **con el artículo del género,** como el ombre.

El segundo llaman genitivo, por que en aquel caso se pone el nombre del engendrador, et cuia es alguna cosa, **con esta preposición *de***, como hijo del ombre.

El tercero llaman dativo, por que en tal caso se pone a quien damos o a quien se sigue daño o provecho, **con esta preposición *a*,** como io do los dineros a tí.

El cuarto llaman acusativo, por que en tal caso ponemos a quien acusamos, et general mente a quien padece por algún verbo, **con esta preposición, *a*, o *sin ella*,** como io amo al próx~imo o amo el próx~imo.

El quinto llaman vocativo, por que en aquel caso se pone a quien llamamos, **con este adverbio *o*, sin artículo,** como ¡o ombre!

ponemos el artículo del genitivo con el presente del infinitivo, et por lo que los latinos dizen 'amandi', nos otros dezimos *de amar*;
[Nebrija 1492: 28]

El **articulo** es una parte de la oracion que se aiuncta a **los nombres para conocer la variacion de los casos.**

Con algunos nombres, especialmente proprios, y con pronombres, no se pone **en los casos articulos**, sino **con solas las praepositiones se varian,** y se distinguen desta manera, los casos
[Anónimo 1555: XIII]

Los **casos de los nombres hespañoles tanbien se vierten segun las praepostiones conque se iunctan**.
[Anónimo 1555: XIV]

Los nombres y pronombres y participios **no se declinan por casos mas los articulos denotan en que caso esta cada nombre**
[Del Corro 1586: 17]

Y pues el vocablo castellano por ninguna mudança de sentençia ni manera, ni proposito de hablar no haze variaçion de letra final digo que **la differençia delos casos se muestra enla lengua castellana por differençias de articulos a que va arrimado el nonbre ala contina en su pronunçiaçion**.
[Villalón 1558: 12]

Pero tienen **su respindencia con los Casos Latinos de aquella mesma manera, que los Articulos que es con las dos prepositiones De, A**
[Anónimo 1559: 33]

(378)

Los que passan en otra cosa, o passan en el segundo caso, cuales son éstos: recuerdo me de ti; olvido me de Dios; maravillo me de tus obras; gozo me de tus cosas; carezco de libros; uso de los bienes.

Otros passan en dativo, cuales son éstos: obedezco a la Iglesia; sirvo a Dios; empezco a los enemigos; agrado a los amigos.

Otros passan en acusativo, cuales son éstos: amo las virtudes; aborrezco los vicios; ensalço la justicia; oio la gramática.

Otros verbos, allende del acusativo, demandan genitivo, cuales son éstos: hincho la casa de vino; vazío la panera de trigo; e compassión de tí.

Otros verbos, allende del acusativo, demandan dativo, cuales son éstos: enseño la gramática al niño; leo el Virgilio al dicípulo; escrivo las letras a mi amigo; do los libros a todos.

pero si los **transitivos no passan en acusativo**, por que ia son absolutos, pueden juntarse con me, te, se, como diziendo: io siento el dolor, siento es verbo transitivo; mas diziendo: io me siento, siento es verbo absoluto; et assí: io ando el camino, io me

ando; io buelvo los ojos, io me buelvo.

por que a de concertar con él en tres cosas: en género, en número, **en caso.** bueno es del primero caso, por que ombre es del primero caso.

Todos los nombres substantivos de cualquier caso pueden **regir genitivo, que significa cuia es aquella cosa,** como diziendo: el siervo de Dios, del siervo de Dios; al siervo de Dios; el siervo de Dios; ¡o siervo de Dios!

et ésta es la significación general del genitivo; pero tiene otras **muchas maneras de significar que en alguna manera se pueden reduzir a aquélla,** como diziendo: anillo de oro; paño de ducado.

Ai esso mesmo algunos nombres **adjectivos de cierta significación, que se pueden ordenar con los genitivos de los nombres substantivos,** cuales son éstos: entero de vida; limpio de pecados; pródigo de dineros; escasso de tiempo; avariento de libros; dudoso del camino; codicioso de onra; desseoso de justicia; manso de coraçón.

Ai otros nombres adjectivos que se aiuntan con dativos de substantivos, como: enojoso a los buenos; triste a los virtuosos; amargo a los estraños; dulce a los suios; tratable a los amigos; manso a los subjectos; cruel a los rebeldes; franco a los servidores.

Ai otros nombres **adjectivos que se pueden aiuntar con genitivo et dativo de los nombres substantivos,** cuales son éstos: cercano de Pedro, et a Pedro; vezino de Juan, et a Juan; allegado a
Antonio, et de Antonio; semejante de su padre, et a su padre.
[Nebrija 1492: 37]

Que el Latino **para ordenar bien sus clausulas en su hablar uso d**e unos nominatiuos, ordenados **por seys casos** enel declinar, **que es enel variar dela letra final**, enlo qual solo los differençio al uno del otro entresi.
[Villalón 1558: 11]

De sorte que souvente fois **le nominatif esr apres verbe**
Et les parties qu'on apelle indeclinables sont rangees en tel lieu
Il faut puis apres que **l'accusatif suyue son vrbe**
[Del Corro 1586: 45]

(379)

por que a de concertar con él en tres cosas: en género, en número, **en caso.** bueno es del primero caso, por que ombre es del primero caso.
[Nebrija 1492: 36]

(380)

Casus apud hebreos **non distinguntur terminationibus quemadmodum apud graecos & latinos sed aut coordinatione** ut salomon filius dauid **ordo ostendit** dauid

esse casus genitiui aut ostenditur **prepositiones articulari** ut psalmus le daduid. Illa **prepositio le** ostendit dauid esse casus datiui vel genitiui.
[Zamora 1526: 12]

Casus nominum, pronominum ac participiorum apud latinos & graecos distinguntur tamen **terminacionem tum articulis, tum significatione siue partium orationis constructione.**
[Zamora 1515: 26]

(381)

Declinationes nominum apud Hebraeos, sicut & apud Hispanos, & quosdam alios n**on variantur per casus**, sed solum per numeros.
[Zamora 1526: 34]

Declinaciones quoque apud eosdem non distinguntur nisi ex singulari numero in pluralem ut sit prima declinacio nominum masculinorum que in plurali mittunt numerum multitudinis in IM ut 'ish 'ishim vir, viri.
[Zamora 1515]

(382)

[Prima regula] est per **constructionem nominis cum verbo**, vel nominis cum nomine. Nam si nomen adiungatur verbo in ratione **suppositi est nominatiui casus, si vero ratione appositi vel personae patientis** est accusativi, vel alterius obliqui casus **'is 'akal lechem** idest vir comedit panem. Clarum est quia **'is** est nominatiuus, & **lechem** est accusatiuus.
[Zamora 1526: 42]

Sed si nomen sub. adiungatur n. sub., primum eorum est nominatiui casus & regit post se alterum in casu obliquo, scilicet genetiuo vel aliquo alio, exemplum **sh(e)lomoh ben dawid** idest salomon filius dauid. Clarum est, quod **sh(e)lomoh** est nominatiuus, & **dawid** est genetiuus.
[Zamora 1526: 42]

(383)

Nominatiui articulus est he,
genitiui quoq articulus est idem h,
datiui le,
accusatiui 'et,
vocatiui non habent articulis ard aduerbia vocandi.
Ablatiuus non habet articulum sed **prepositionem** de qua in suo loco.
Septimus vero latinorum casus apud hebreos exprimitur per **ablatiuum & b¿ praepositionem** hoc est IN ut un psalmo 32 XXXXX idest verbo domini celi firmati sunt pro quo hebrei dicunt in vebo domini.

[Zamora 1515: 26]

Prima istarum, scilicet **he** est **articulus nominatiui** in quocunque numero, genere n., subscribitur per vocalem **a** ut **ha'ish** idest vir, **ha'ishah** idest mulier, **ha'ishim** idest viri, **ha'ishot** idest mulieres.
[Zamora 1526:43]

Istae etiam articulus **he** denotat **genetiuum** sed ad cognoscendum cuius casus est nomen habens talem articulum, recurrendum est ad primam regulam de constructione.
[Zamora 1526:43]

Secunda littera, sculicet **lamed** est articulus **datiui**, tertia scilicet **mem** est articulus **ablativi**, quarta littera scilicet **beth** est articulus **effectivi**.
[Zamora 1526:43]

Accusativus non habet articulum inseparabilis, sed **separabilem**
[Zamora 1526:43 - 44]

Vocativum est similis nominativo excepto **quod fere semper ponitur sine articulo.** Congnoscit etiam vocatiuum in scriptura herbaica per **dictionis geminationem, vel triplatione**
[Zamora 1526:44]

Aduerte tandem pro hac secunda regula quod ille articulus **he** potest **poni cum imnibus casibus** sed post litteram propriam q. est articulus illius casus
[Zamora 1526:44]

Tertia regula cognoscendi casus nominum est p**er articulos q sunt praepositiones separabiles**
[Zamora 1526:45]

Primum articulus **sel** est genitiui. Secundus **el** est datiui, Tertius **eth** est accusatiui, Quartus **min** est ablatiui, Quintus **him** est effectiui casus. **Nominatiuus autem & vocatiuus non habet articulos separabiles sed solum inseparabiles.**

[Zamora 1526:45]

Alter modus cognoscendi casus est **per articulos siue proarticulos** ut hieronymus appellat. Nam a**rticulus est pars orationis q additur nomini ad ostendum cuius generis** est, proarticulus vero ad demostrandum cuius est casus.

Greci vocant articulum arthron q apud illos en pars orationis q addita nomini ostendit cuius generis sit quemadmodum in sermone hispano dicimus El, La, Los, Las. Sed hebrei non utuntur articulis ad designandum genus sed potius emphatice ad

ostendendum s quamdam vehementiam siue aliqd de quo videplenius in vocabulista in principio littere he
[Zamora 152: 24]

(384)

[Prima regula] est per **constructionem nominis cum verbo**, vel nominis cum nomine. Nam si nomen adiungatur verbo in ratione **suppositi est nominatiui casus, si vero ratione appositi vel personae patientis** est accusativi, vel alterius obliqui casus **'is 'akal lechem** idest vir comedit panem. Clarum est quia **'is** est nominatiuus, & **lechem** est accusatiuus.
[Zamora 1526: 42]

Cum vero **nomen aliquod post se regit genitiuum ex vi possessionis non admittit articulum** ut
[Zamora 1526: 32]

(385)

Los casos son seys s Mubtede, mudaf, maxror, mafuul, munede, darf los quales **corresponden a los seys casos dla lengua latina** que son Nominatiuo, genitiuo, datiuo, accusatiuo, vocatiuo, ablatiuo.

Y porque todos los nombres arauigos **son invariables y monatotos** asi en el numero singular como en plural es necessario conocer algunas **abitudines o conocimientos** q hazen la differencia entre los casos y son los siguientes es assaber.
[de Alcalá 1505:22]

(386)

Para el mubtede q es **nominatiuo** tenemos dos conocimentos conuiene saber **A, AL** exemplo La casa
La casa — adar
El libro — almochaf
[de Alcalá 1505:22]

Para el **mudaf** q es genitiuo tenemos qtro conocimientos conuiene saber a**, al, mita, mital**, exemplo
la casa del rey
Dar a coltan
el libro del maestro
mochaf al maalem / mochaf mital maalem

La llave dla casa
amoftah adar / mita dar
[de Alcalá 1505:22]

Nota que quando quisiera que en el **poseedor** entra a o al en el possessiuo entrara saluo quando **mita o mital fueren la señal dela possession**
[de Alcalá 1505:22]

Para el **maxror** q es datiuo tenemos qtro. Conuiene saber la, lal, li, lil. Exemplo

yo do el cauallo al rey
ani naati al farac la cotlan
Yo do el libro al maestro
Ani naati al mochaf lal maalem
Yo hablo el secreto a Pedro
Ani nerquelema cirr li Pedro
[de Alcalá 1505:22]

Para el **mafuul** que es el acusatiuo tenemos las dl nominatiuo. Exemplo

Yo do el pan
Ani naari al hobz
Yo beuo el vino
Ani naxarob a xarab
[de Alcalá 1505:22]

Para el **munede** que es el vocatiuo tenemos dos conuiene saber a y ya. Exemplo
a pedro, ya pedro
ya rabbi
[de Alcalá 1505: 22-23]

Para el **darf** que es ablatiuo tenemos doze conuiene saber - ba, bal, bi, bil, fa , fal, fi, fil , maa, maal, min, minal , qual destas se a de poner a cada nombre en el mesmo caso ablatiuo o qual de todas las abitudines suso dichas a cada uno delos casos, dezir enla materia delas preposiciones.

Ca assi dzimos Pedro, Pedro por todos los casos.
[de Alcalá 1505:23]

Mubtede al faqui
Mudas mital faqui
Muzror lal faqui
Mufuul al faqui
Munede ya faqui
Darf maal faqui
[de Alcalá 1505:23]

Dizese estos casos delos Çbos sigentes conuiene saber El mubtede desciendo de nebdi q es començzar, el mudaf desciende de nadif que es posseer. El maxror se dize de nijurr q es traer por fuerça, El mafuul se dize q nafaal q es hazer, El munede se dize de ninedi q es llamar o citar. El darf no hallamos verbo de donde desciende.
[de Alcalá 1505: 23-24]

De las preposiciones. Hamamos enel arauia todas las preposiciones q enla gramatica y ayuntadas a essos mesmos casos q son mafuul y darf que son accusatiuo y ablatiuo y son las del accusatiuo las siguientes
Las preposiciones del Darf que es ablatiuo son las siguientes, conuiene saber
[de Alcalá 1505:42-43]

Nota que porque ay algunas **abitudines** en cada uno delos casos que en alguna manera parescen preposiciones porque **se pponen alos casos** aunque en verdad no lo sean mas son **articulos**. Las qles puse arriba tratando delos casos y no dixe quando ni como se auian d poner por no ensuciar la memoria delos principantes mas remitime aeste lugar.
[de Alcalá 1505:43]

Por tanto digo q el **mabtede** q es el nto tiene dos notas conuiene saber A, AL. El al se pone con todos los nombres arauigos q comienzan en qlqere dlas letras contenidas eneste uso s bo al cofa bien culiem higos. Exemplo. El maestro enseña los muçuelos. Al maalem yaalem al avlid. Peros si començare en todas las otras letras del A.B.C. Ponemos A. Exemplo la ceuada no es buena para el molina en arauia A raer ix hu Said lariha. La qual regla Deues mucho notar para todos los casos. Porque siempre se pone L enla **abitud o artiuclo** enel nombre q començare enlas letra del suso dichp verso.
[de Alcalá 1505:43-44]

El **mudaf** que enlatin se llama genitiuo tienen qtro notaspa le señalar s Mita, mital, a, al, Mita se pone p donde A enel mubtede, Mital para donde al, pero AL mayormente y mas comun sirue a **cosas razonables** que a otras, non obstante q se puede bien hallar con otras po nunca con aquellos nombres q comiençan enlas letras del verso suso dicho. Exemplo beit allah dar albayda.
[de Alcalá 1505:44]

El **maxror** que es datiuo tiene quatro abitudines s la, lal, li, lil. Lal sirue para con los nombre q comiençan en las letras del verso suso dicho. Exemplo yo siruo al alcayde. Ano nabde lal cayd. La sirue pa con los nombre q comiençan en todas las otras letras del A.B.C. Exceptas las q estan enel verso suso dichp. Exemplo yo alimpio la yglesia **pa la missa** ano ninaqqui agimie la çalla. L i Lil mayormente las hallamos ayuntadas a **cosas razonables o nombres pprios** y aun apellatiuos como quiera q mas comun la hallamos con los pprios. Exemplo yo do el pan a fulano. Ano nanti al bobc li fulin yo do el dinero a Pedro. Ani naati al cataa li Pedro.

[de Alcalá 1505:44]

El **inafuul** que es acusatiuo tiene A, Al como el mubtede que es nominatiuo. Las quales siruen dela mesma manera q enl nominatiuo saluo si el nombre fuese puesto infinita y no de **determinadamente ca en tal caso no le ponemos abitud alguna.** Enxemplo Trae pan çaq hobç, Compra vino Achari xarab.
[de Alcalá 1505:44]

El **munede** q es el vocatiuo tiene dos abitudines s A, YA y siruen indiferentemente, verdad es que algunos dizen q tiene la A y que se siruen della quando alguno llamamos que esta a luenne. Exemplo a pidro o ya pidro.
[de Alcalá 1505:44-45]

El **darf** q es el ablatiuo tiene doze preposiciones s ba, bal, bi, bil, fa, fal, fi, fil, maa, maal, mi, mial. Las seys delllas quieren dezir **con** s. Ba, bal, bi, bil, maa, maal, y las quatro **en** s Fa, fal, fi, fil y las dos **de** s. Min, min, al, que quieren dezir De por manera de **tomar o dexar algo de algun lugar o persona**. La manera de su aposicion es esta. Las que tienen Al assi de o**n** como de En se aponen a los nombres que comiençan en las letras contenidas en el verso suso dicho s ho alcofa yc. Exemplo yo hago el arca con la açuela en la camara. Ani naamel a çuduq bal caydun fal gorfa. Las que non tienen al mafal assi como bil, fil siruen a los nombres que comiençan en las otras letras del A.B.C. Pero tienen A, O, U en la silaba primera. Exemplo creo en la sancta yglesia catholica. Numinu bil o fil jimil al mucadeç al haq. Maa y maal aponense siempre a **cosa razonable** mirando en que letra comiença el nombre a quien se an de poner. Assi començare en las letras dle uso suso dicho ponemos maal y con todas las otras maa. Exemplo yo **como con el cauallero**. Ani nacul maal firiç saluo si la costubmbre en lagunos nombres especiales non estouiese en contrario. Exemplo yo ando con el ombre. Ano namxi maa rajul porque rajules **cosa razonable** aunq comiençasen R y esto por q aquella L que se avia de poner con esse nombre rajul que comiença en r se mud en otra R en manera que dize Rra y no Ra.
[de Alcalá 1505:45]

Massi viniere junta con nombre dezimos por ella Li o LAL. Segun que esta en las abitudines del dativuo. Exemplo este libro gardo para mi señor Dedel muchaf naharez lo dayfi.
[de Alcalá 1505:]

(387)

El **mudaf** que enlatin se llama genitiuo tienen qtro notaspa le señalar s Mita, mital, a, al, Mita se pone p donde A enel mubtede, Mital para donde al, pero AL mayormente y mas comun sirue a **cosas razonables** que a otras, non obstante q se puede bien hallar con otras po nunca con aquellos nombres q comiençan enlas letras del verso suso dicho. Exemplo beit allah dar albayda.

[de Alcalá 1505:]

Las quales siruen dela mesma manera q enl nominatiuo saluo si el nombre fuese puesto infinita y no de **determinadamente ca en tal caso no le ponemos abitud alguna.** Enxemplo Trae pan çaq hobç, Compra vino Achari xarab.

(388)

Nota que quando quisiera que en el **poseedor** entra a o al en el possessiuo entrara saluo quando **mita o mital fueren la señal dela possession**

yo do el cauallo al rey
ani naati al farac la cotlan

Yo do el pan
Ani naari al hobz
[de Alcalá 1505:22]

yo hago el arca con la açuela en la camara.
Ani naamel a çuduq bal caydun fal gorfa

yo **como con el cauallero**.
Ani nacul maal firiç

Exemplo yo alimpio la yglesia **pa la missa** ano ninaqqui agimie la çalla.
[de Alcalá 1505:44]

El **darf** q es el ablatiuo tiene doze preposiciones s ba, bal, bi, bil, fa, fal, fi, fil, maa, maal, mi, mial. Las seys delllas quieren dezir **con** s. Ba, bal, bi, bil, maa, maal, y las quatro **en** s Fa, fal, fi, fil y las dos **de** s. Min, min, al, que quieren dezir De por manera de **tomar o dexar algo de algun lugar o persona**.
[de Alcalá 1505:45]

(389)

Quanto a lo primero, es de notar que en esta lengua **no ay declinaciones de manera que aya variacion de todos los casos**. Ay, empero, differentia entre el singular y el plural, porque para el plural toman una destas sýllabas o letras: –ti, –me, –que, –h, de lo qual se dirá más largamente quando se tratare de los nombres.
[Olmos 1547: 269]

También se deve de notar que el **vocativo** es differente del nuestro porque siempre acaba en –e. Y para denotar o señalar este vocativo usan en todos los nombres de una destas tres partículas: –tçe, –ne, –e, –tçine. Exemplo: Pedroe, Pedrotçe, Pedrotçine.
[Olmos 1547: 270]

Los que fenescen en –tli, –lli, la –i buelven en –e; los que fenescen en –ni, sobre la –i pueden tomar –e o bolver la –i en –e; los que fenescen en –tl o en consonante, toman sobre ella –e, etc. Y si el nombre acabare en –e tomará en el 30 vocativo otra –e. Exemplo: tlaulle, 'dueño de maýz', vocativo tlaullee.
[Olmos 1547: 270]

Y con éstos se juntan los pronombres ni–, ti–, an–, los quales siempre sirven de **persona agente**; y antepuestos a los ya dichos y juntados con el verbo hazen notitia entera, – como se verá más a la larga en la materia de los verbos. Exemplo: nimitçtlaçotla, 'yo te amo'; antechtlaçotlah, 'vos otros nos amáis'.
[Olmos 1547: 270]

Pero quando el **verbo rije dos casos,** entonces bien se suffre tomar la partícula *–tla*, pero no el *–te*. Exemplo: *nitlacuililo*, 'es me tomado algo', *nitlamaco*, 'es me dado algo'.

[Olmos 1547: 350]

También es de notar que la boz passiva no rescibe los pronombres *nech–*, 15 *mitç–*, etc., ni otra persona que padesce, sino es quando el verbo está compuesto con nombre y tiene en sí encorporado la persona que **padesce**.

[Olmos 1547: 350]

Y tomarán estas partículas quando las tuviere el verbo de donde se forman; y quando el verbo se compone con nombre no las rescibirá en el imperso– nal, salvo quando **rijere dos casos**, que entonces podrá tomar el –te y el –ne. Exemplo: no diremos *temilhchiualo, pero bien se dize temilhchuililo, 'todos hazen heredad a otros', nemilhchiuililo, 'todos hazen sus heredades'.

[Olmos 1547: 351]

Verbos activos se llaman los que después d**e sí rijen caso y tienen después de sí persona que padeçe**, expressa o subintellecta. Y esta persona que padesçe unas vezes se denota por algún nombre proprio o apelativo. Exemplo: *nictlaçotla in Juan*, 'yo amo a Juan'. Y otras vezes por algún pronombre. Exemplo: *nimitçtlaçotla*, 'yo te amo'.

[Olmos 1547: 370]

Lo tercero, es de notar que todos estos verbos reverenciales acabados en *–lia*, ansí los que salen de verbos activos como los que salen de neutros, quitándoles los pronombres *no–*, *mo–*, *mo–*, etc., se pueden hazer verbos que rijan dos casos, esto es **accusativo y dativo o accusativo y ablativo**, como dezimos en nuestro castellano 'enseño a Pedro su hijo', 'tomo a Pedro la capa'. Y es de notar que estos dos romances 'enseño al hijo de Pedro' y 'enseño a Pedro su hijo', 'tomo la capa de Pedro' o 'tomo a Pedro su capa', en esta lengua son muy differentes, pues para dezir estas tales oraciones donde ay estos dos casos ya dichos, se a de añadir al verbo un *–lia*. Exemplo: para dezir 'tomo a Pedro

su manta', no se podrá dezir por este verbo *nitlacui* que quiere dezir 'tomar', sino para regir estos dos casos se le a de añadir esta partícula *–lia* al verbo *nitlacui* y diré *niccuilia Pedro ytilhma*, y si digo '*niccui Pedro ytilhma*' querrá dezir 'tomo la manta de Pedro'.

[Olmos 1547: 414]

Pero a los reverenciales en *–lia* que salen de verbos neutros es menester quitar les los pronombres y añadirles *–te* vel *–tla*, y sobre esto añadir les otro *–lia.* Porque con las dos cosas primeras se hazen ellos activos. Y para hazer que **rijan dos caso**s después de hechos activos, es menester añadir les otro *–lia.* Exemplo: *qualhtia* es 'hazerse bueno', *nitequalhtilia* es 'yo hago bueno a alguno'. Para dezir 'yo hago a Pedro bueno su hijo', diré *niqualhtilia Pedro ypilhtçin*, y si digo *nicqualhtililia,* es dezir que 'hago bueno a su hijo de Pedro', etc.

[Olmos 1547: 415]

Y desto último podremos sacar que, quando el verbo activo tuviere de suyo un *–lia*, si le queremos hazer que **rija dos caso**s, le pondremos otro *–li* antes del *–lia*; y, si al tal verbo que rije dos casos le queremos hazer reverencial, anteponer le hemos los pronombres *no–*, *mo–*, etc., y añadir se a otro *–li*, que será tres. Exemplo: *nitlaçelia*, es 'recebir', tiene de suyo *–lia*; si quiero hazer que rija dos casos diré *niccelilia Pedro ynemac* 'rescibo le a Pedro su don'; y si con regir dos casos, si quiero hazer reverencial diré: *nicnocelililia Pedro yne mac.*

[Olmos 1547: 416]

Las prepositiones no se hallan por sí solas en esta lengua, sino ayuntadas a los pronombres o nombres. Y algunas dellas se anteponen y posponen a los nombres. Y 5 las que se juntan solamente a los pronombres *no–, mo, y–,* etc. siempre se pospornán a los tales pronombres, los quales con las prepositiones absolutamente puestas **no denotan possessión**, antes están en lugar de los primitivos, pero denotar la han quando la preposición se pospone al nombre, el qual tiene consigo el pronombre, como parescerá más claro en los exemplos que se pornán quando de cada una se

tratare.

[Olmos 1547: 421]

–CA: esta preposición *–ca*, por sí sola, está en lugar de cuatro preposiciones: 'en', 'de', 'a', 'por'.

[Olmos 1547: 421]

(390)

Siguese la primera parte.
De la declinacion de los nombres substantivos
Singular y Plural

N	Cuiripu (echa)	Persona(s)
G	Cuiripu (echa) eueri	De la(s) persona(s)

D y A	Cuiripuni (cuiripu echani)	A la persona (a las personas)
V	Cuiripue (cuiripu echae)	Persona (personas)
Abl	Cuiripun himbo (cuiripu echan himbo)	De la persona o en la persona (de las personas o en las personas)

N	Tzihuereti (Tzihuintza)	Varón(es)
G	Tzihuereti eueri (Tzihuintza eueri)	Del (de los) Varón(es)
D y A	Tzihueretini (Tzihuintzani)	Al (a los) varón(es)
V	Tzihueretiye (Tzihuintzae)	Varón (es)
Abl	Tzihueretin himbo (Tzihuintzan himbo)	Del varón o en el varón (de los varónes o en los varónes)

Y assí

Cuxareti	Muger	Cuhtsincha	Mugeres
Yurits queri	Donzella	Yurits quecha	Donzellas
Characu	Niño	Characu echa	Niños
Tumpscati	Moço	Tumpscacha	Moços
Vuatsi	Muchacho	Vuacha	Muchachos
Herache	Mi hermano	Herache echa	Mis hermanos
Tharepeti	Viejo	Tharencha	Viejos
Cutsimeti	Vieja	Cutsimencha	Viejas
Vari	Señora	Vari echa	Señoras

Declinacion de los nombres adjetivos
Singular y plural

N	Ambaqueti (echa / ambaquecha)	Bueno(s)
G	Ambaqueti (ambaquecha) eueri	Del (los) bueno (s)
D y A	Ambaquetini (ambaquechani)	Al bueno (a los buenos)
V	Ambaquetiye (ambaquechaye)	Bueno (s)
Abl	Ambaquetin himbo (ambaquechan hymbo)	Del (los) bueno (s) o en el (los) bueno(s)

[Gilberti 1558: 75 - 76]

Los primeros nombres de cosas racionales son **declinables** pro casos, generos, numeros
[Gilberti 1558: 127]

En esta lengua no ay mas de tres casos, es / [57v] a saber, nominativo, accusativo y vocativo.
[Gilbert 1558: 153 - 157]

(391)

El genetivo de los nombres, pronombres e participio es *eueri* vel *hihcheuiremba*, este *hihcheuiremba* es singular solamente

Mas es de notar que para cosas irracionales y inanimadas no ay genetivo de *eueri*, ni de *hihcheuiremba*, ni de otra cosa, y asi para dezir 'la sylla del cavallo', no dira:

Cauallo eueri silla

mas

Cauallo vaxantsiqua

Cauallo cheti	la cola del cavallo
Chuhcari ches	Corteza de arbol

[Gilbert 1558: 153]

(392)

Otros **genetivos** ay en la gram<a>tica, que ayuntados con los verbos de interest, refert, est significan 'pertenecer', como diziendo:

Magistri interest legere

Al maestro pertenece leer

Estos semejantes genitivos se usan con la particula de himbo, o con los verbos tehrunchen vel hapinani [poseer], ut:

Tata echax himbo esti <missa arini>

Tata echax tehruncheti <missa arini> vel

<Tata echax> hapinasti missa arini:

[Gilbert 1558: 153 - 157]

(393)

Mas si quisieres dezir que el officio de los padres es dezir missa, predicar o baptizar, dezirse ha desta manera:

Tata echax ariqua eti missa El officio d<e> los padres es dezir missa

Exemplo para dezir que 'no conviene'

No himbo eti <missa aringan visperas nan> vel

No himbo engati missa aringan visperas nan vel

<No himbo engati missa aringan> visperas himbo No conviene dezir missa a ora de visperas.

Nox himbo eti tareni, missa arinscha A los de missa no conviene o no es su officio de cavar vel Missa arinscha nox tarequa eti.

[Gilbert 1558: 154]

(394)

El **dativo** se usurpa del accusativo por que en esta lengua todos los verbos activos no rigen mas de un caso a parte posteriori. Assi como:

Ynscu Pedroni y siranda

Da a Pedro este libro El Pedro y el siranda sera accusativo

[Gilbert 1558: 154]

(395)

Mas los **dativos**, que en la Grammatica son llamados acquisitionis, que es cuando alguna cosa se dize o haze en favor o provecho, disfavor o menosprecio de alguno o algunos, usanse con las particulas de **che** o de **cu**, la che sirve para primera y secunda persona de singular y plural, assi como:
Vchereni thirequa Hazme de comer
Ca ho vcheuacaquini Si hare

La cu sirve para tercera persona de singular y plural, ut:
Vcu thirequa tatateni Haz de comer a tu padre
Andi no vcu <u>aca Si hare
[Gilbert 1558: 154 - 155]

(396)

El **accusativo** se usa con ni como diziendo:

Hi pahmpzcahaca Sancta Mariani Yo amo a Sancta Maria

Mas para hablar de cosas animadas irracionales y de cosas inanimadas en accusativo no se usara el ni, mas abastara nombrar simplemente aquella cosa como en nominativo, como diziendo:

Hi pampzcahaca hucheue cauallo Yo amo a mi cavallo
Puqui ahuansti tziman xuratengari El leon o el tigre comio dos ovejas
[Gilbert 1558: 155]

(397)

El **vocativo** se usa añadiendo al nombre o persona esta letra e, como llamando a uno que esta algo lexos diran:
Juanoe

Mas si la persona que llaman esta cerquita, communmente no se echa la e, mas /[59v] abasta dezir simplemente
Juano
Salvo quando se habla o responde a una persona venerable, entonces por buena criança, dizen
Achae
[Gilbert 1558: 155 - 156]

(398)

El ablativo (considerando el romanze que con diversas preposiciones se le da) se usa en diversas maneras porque el uso con **pro**, es de una manera, et con **in** de otra, y con

de, de otra.
[Gilbert 1558: 156]

Si con PRO, que en romanze es 'por', communmente se usa con **himbo** vel **himbo etaqua** o con las particulas de **che** y de **cu**.
Thungui**ni** himbo xaca Por ti o por amor de ti o para tu servicio estoy aqui
Tata**n** himbo tehrunchexaca Para el padre o para mi padre estoy aqui deputado
Dios himbo etaqua anchequare<n> xamahaca Por Dios o por amor de Dios ando trabajando
Dios**en** himbohco tehrunchexaca Para Dios solamante estoy deputado...

Exemplo quando se usa con che o cu:
Thureni caracheca Tu escrivistes para mi
Thure caracuca Pedroni Tu escrivistes para Pedro

Estos exemplos de che y cu, en este modo de hablar, sirven como en la precedente regla en el dativo. Mas para dezir que tal o tal cosa se haze para mi o para ti, dizen
Vmengahaca

Si con IN que en romanze es en en mi, en ti en aquel, etc., no se usara himbo, ni himbo etaqua, mas con la particula de **hingun** que es preposicion cum
Qui manet in me et ego in eo
Hinde qui hinde**n** hingun haca. Cahtun hi hin hingun haqui.

Mas para dezir que en mi no hay ningun bien, diran:
No ambe hucarin haca ambaquequa

Si con DE, como diziendo 'de mi, de ti, de aquel' se usara el ablativo entonces menester es ayudarse de los verbos con la particula **yndeni himbo**, como diziendo 'no te cures de mi o no hayas cuidado de mi'

Hasreni hinden himbo hucauans vel
Hasreni hucauachens vel
Has hinden himbo ahtzitzequare vel
Hasreni ahtzitzequareche

Y para dezir 'que se dize de mi?' diran: Amanga vandanga hi
[Gilbert 1558: 156 - 157]

(399)

Effectivo se usa simpre con **himbo** solamente, como diziendo con una piedra, con un palo, con un jarro
Tzacapu himbo ati qhuanini Tirole con una piedra

Exemplo del effectivo
Tzacapu himbo ati varicani Diole cun una piedra
Y assi
Chuhcari himbo ati <Diole con un palo> vel
<Chuhcari himbo> çacuti varicani etc.
[Gilbert 1558: 157]

(400)

De la particula che
Esta particula che sirue muy general, ente para dativo, accusativo, para primera y 2 persona singular y plural, y este dativo en romanze castellano es 'hazerme a mi alguna cosa, a ti, a nosotros, y vosotros', ut
Manarachereni Sirveme
Pachereni hucheue siranda Llevame el libro
[Gilbert 1558: 248]

De la particula ro
Esta particula ro, puesta en fin de los nombres abstractos verbales, significa 'lugar'
Thirequaro Refiritorio o Lugar donde comen

Tambien sirve para los nombres no verbales, ut
Tsitsiquiro Lugar de flores o Jardin
Xaquaro En la huerta
[Gilbert 1558: 270]

Del dativo y accusativo cui
El dativo y accusativo van de una mesma manera porque como ya esta declarado **el dativo se usurpa del accusativo,** y assi el relativo, dativo y accusativo se expone en esta lengua por
Hin guini al que yo
hin guire al que tu
hin gui al que aquel
[Gilbert 1558:]

Siguense las preposiciones
A, ab, abs, absque, cum, coram

Para dezir 'vengo de tal o tal parte'
Eche**ro** ys hurasinga

Eche**ro** hauahena<n> xambonga
Hurasinga Eche**ro** hauahenani Vengo de Mexico

Y si es deste mesmo lugar donde estoy, dira: Echero hunguasinga
Hi missa curahchahpen hunguasinga Vengo de oyr missa.

Hi Eche**ro** yreti eca Yo soy de Mexico

Para dezir 'lexos o a lexos'
Procul
Yreta**ro** hararetini

De la particula himbo
Esta particula himbo sirve para muchas cosas, scilicet para ablativo o effectivo, y para dezir que «no conviene o no es su officio, por lo qual o por esto».

Exemplo de ablativo que en romançe dezimos 'en la petaca, en el jarro, en la olla, en la casa', este ablativo en latin se usa con la preposicion de In, y en esta lengua con la particula **hymbo** o **ro**, ut
Quatas hymbo <hati hucheue xucuparaqua> vel
Quatasiro hati hucheue xucuparaqua Mi ropa esta en la petaca
Cucuche hymbo hatati vino En el jarro esta el vino, etc.

Para dezir 'voy a tal parte o a tal lugar, o a tal persona, o vengo del tal lugar, parte o persona'

Hy yreta**ro** nirasinga Voy al pueblo
Nirasinga terung**ambo** vel <Nirasinga> viripehtsiqua**ro** Voy a la ciudad
Hi tata**n** andareyaran nirasinga Voyme al padre
Hi hurasinga tata**ni** andarenoni
Hi Obispo**yo** hunguasinga vel
Hi hunguasinga hini quini nipihca Obispo**ni** andareyarani Vengo de negociar con el Obispo.

Nota que quando dizen que van a alguna persona, usan del verbo andareyarani:
Hi nirasinga yrecha**n** andareyarani Voy al rey, etçetera.

Y no diran *Hi nirasinga yreta**ro** andareyarani* mas solamente *Hi nirasinga yreta**ro*** [yo voy al pueblo].

Para dezir que esta en tal o tal parte

Apud
Yrecha**o** En casa del rey.

Para dezir que esta alguna cosa en algun lugar
IN
Yrecha**o** hati En casa del rey esta

Usque
Yreta**ro** hameri Hasta el pueblo

Para dezir que publicamente se hizo alguna cosa
Palam
Camapequa**ro**
Camapequaro cuiquirengati Fue açotado publicamente

Para dezir en la lengua 'por mi o por amor de mi'
Ob, pro, propter, per
Hinden **himbo** etaqua Por amor de mi
Ambaqueti cez hangua **himbo etaqua**, ningasirahati auandaro Por la buena vida van al cielo
Thauacurita himbo etaqua ningasirahati varichao Por los pecados van al infierno

Para dezir en la lengua 'por mi, por ti, por aquel, etc'
Pro
Himbo etaqua quiere dezir 'por', ut
Hinden himbo etaqua arahati Por mi lo dize

Por esto, por lo qual, por ende, ut
Nore hurenguareca, himbore çacunguauaca cuiquiringani vel
<Nore hurenguareca> himbore cuiquiringauaca No estudiastes, por esto seras açotado.
No nen vingaretati am arini himboqui tepari acha eca. Nadie se atrevio a dezirle nada, por ser el
gran señor.

Para dezir 'conmigo, contigo, con el'
Cum
hingun vel mario
Juanonthsi hingun thireuaca Con Juan, o tu y Juan comereis juntos
Juanonthsi mario thireuaca

[Gilbert 1558: 206 - 215]

(401)

sino que todos los nombres son indeclinables en sí, como en nuestra lengua española, en la qual ningún nombre se declina y de una misma manera haze en todos los casos como en este nombre 'hombre', dezimos en el nominativo hombre, y en el genitivo dezimos del hombre, y en el dativo dezimos para el hombre. De manera que todos los casos son invariables & indeclinables, y se profieren de una misma manera; pero conoscemos ser la significación del nominativo, o genetivo, o dativo, no en la variación dél, que ninguna ay como está dicho, sino en los artículos que se les añaden a los casos. Como la señal del nominatiuo en la lengua es esta dictión el, para el masculino, como dezimos el hombre; para el feminino la, como dezimos la muger; por aquella partícula, el o la, entendemos que es nominatiuo. En el genitivo dezimos del hombre; por aquella partícula de con possessión, entendemos que es genitivo;y en el dativo dezimos para el hombre o al hombre: en aquella partícula para o al entendemos que es dativo, &c. Y assí de los demás casos que por las partículas que les añadimos entendemos ser éstos, o aquellos casos.
[Tomás 1560: 24]

Assí, acá en esta lengua general de los indios todos los nombres en sí son invariables, y no ay en ellis variación alguna, sino que por ciertas partículas o artículos que se añaden a los casos se conoscen si es nominatiuo o genitiuo.
[Tomás 1560: 25]

(402)

El artículo o señal del nominativo es no tener señal alguna. Por manera que ver o oír el nombre, sin otra dictión alguna junta con él, es señal que es nominativo: como declinando este nombre yayanc, que significa 'señor', el no tener señal se toma por señal que es nominativo.
[Tomás 1560: 25]

(403)

La partícula o señal del genetivo es este artículo pá, que quiere dezir tanto 'de', con possessión: como el genetivo de yayánc es yayáncpa, que significa 'del señor'. Como declinando este nombre pirca, que significa 'pared', no diremos en el genitivo pircapa sino, quitada la a postera, diremos 'pircap' 'de la pared'; ñoca, que significa 'yo', ñucap 'de mi'.
[Tomás 1560: 25]

Dixe quando el nombre se acaba en vocal, que tiene fuerça de vocal, porque aunque se acabe en vocal si no se profiere con fuerçca de vocal, sino que es líquida, y se pronuncia

casi consonante, en tal caso, aunque el nombre se acabe en vocal, guardará la regla general, como si fuesse consonante, v.g.: yayay, significa 'mi señor', no diremos [en] genitivo yayap sino yayaypa, porque aquella y postrera, aunque por naturaleza sea vocal, allí se profiere o pronuncia como líquida o consonante.
[Tomás 1560: 25 - 26]

(404)

El artículo o dictión del dativo es pác que quiere dezir 'para', como dezimos yayáncpac 'para el señor'
[Tomás 1560: 26]

(405)

Las partículas del accusativo son dos: la una es ta y la otra es mán...que ta sirve al accusativo quando se ayunta el tal accustivo con verbo que significa quietud, como diziendo 'yo veo al señor', diremos yayáncta ricúni; pero, si se ayunta el tal accusativo a verbo que significa movimiento, assí como diziendo 'voy al señor', diremos yayáncman ríni.
[Tomás 1560: 26]

También es de notar, cerca desta partícula ta, que todas las vezes que en el genitiuo del nombre que se declina se pierde la a, que es quando el nombre se acaba en pura vocal, como dicho es, en tal caso antes del ta en el accusativo se ha de entreponer una letra c: como declinando este nombre pirca, que en el genitiuo haze porcap como se dixo, en el accusativo antes del ta se ha de añadir una c; y assí dirá, accusativo pircacta 'a la pared', ñocacta 'a mí'
[Tomás 1560: 26]

(406)

El vocativo tiene por señal esta dictión xé o xáy, que quiere dezir lo que en romance dezimos ¡ola!, o en latin 'o'; y assí diremos, vocativo xé o xáy yáyanc.
[Tomás 1560: 27]

(407)

El ablativo tiene dos artículos o dictiones por señal: el uno es pí y el otro mánta, con differencia que el pí quiere decir 'en' y sirve y ayúntase con verbo que significa quietud: como, diziendo 'en el señor se hizo', diremos yayáncpi rurásca; el mánta significa movimiento, y ayúntase siempre con verbo que significa movimiento, y significa lo que dezimos en romance 'de' con movimiento, y en latín ex o abs: como, diziendo 'vino del señor', diremos yayancmánta xamúrca.
[Tomás 1560: 27]

(408)

El artículo o dictión del effectivo es guan, que significa lo que en romance 'con' o en latín cum, v.g.: 'venc(¡)o con el señor' dezimos yayáncguan atíni. Verdad es que esta dictión guan también significa compañia, v.g.: dezimos 'voy contigo' cánguan ríni; y assí en los demás.
[Tomás 1560: 27]

(409)

Es de notar que estas partículas o dictiones que hazen distinción de los casos, como está dicho, quando se ponen con adjetivo y substantivo juntos, o dos substantivos continuos, por la regla que en la grammática se llama apposición no se repite el artículo o dictión del tal caso con ambos términos sino una vez al cabo dellos, v.g.: no dezimos rúnapac állipac, sino una vez se pone el artículo pác, diziendo álli rúnapac y significa 'para el buen hombre'; y assí en todos los demás.
[Tomás 1560: 28]

(410)

Item se ha de notar que estos artículos o dictiones dichas nunca se anteponen al término, cuyas son, sino siempre se posponen, v.g.: no dezimos en el dativo pac runa sino runapac ni en el accusativo ta runa sino runacta, al contrario de la lengua española, en la qual sus artículos siempre se anteponen al término, v.g.; dezimos el hombre o del hombre &c.
[Tomás 1560: 28]

(411)

Y lo primero acerca de la preposición, que **se antepone en la lengua latina a los casos**, **rigiendo y determinando** los nombres, y al verbo y a las demás partes de la oración, componiéndose con ellas, como consta de la lengua latina, es de notar que en esta lengua estas preposiciones se hallan solamente en la primera manera, conviene a saber: **rigiendo y determinando** casos en los nombres, pronombres y participios, pero nunca se hallan juntas con verbos ni con las otras partes de la oración por composición. Las quales son todas **las partículas** dichas en la declinación del nombre; porque todas ellas de tal manera son **artículos de aquellos** casos, que son **juntamente preposiciones** dellos, conviene a saber: el *pa* es preposición de genitivo; *pac* del dativo; y assí de todas las demás arriba dichas en la declinación del nombre, &c. Porque si solamente fueran **artículos** no tuvieran la significación que vemos que **tienen de preposiciones**, y assí son preposiciones. Y aunque lo son en **la significación y officio**, pero en el sitio son **postposiciones** que siempre se postponen a **los tales casos**, como arriba se dixo: assí no dezimos *pac ñoca* sino *ñocapac*, que significa 'para mí'. Y assí en todos los demás. Assí mismo esta dictión *nac* es preposición en la significación, y significa 'sin' y pospónese a los términos. Dixe en la significación, porque *no rige caso alguno determinado* sino que se junta con el nombre y se haze quasi un término con él, y la declinación se declina juntamente con él, v.g.: guramenca 'sin muger'

Item esta dictión *cama* que significa lo que en latín *usque* y en romance *hasta*, en la significación es preposicón, aunque en el regir del caso se junta con el nominativo, v.g.: dezimos caycama 'hasta aquí', camcama 'hasta ti', &c. Y algunas vezes se junta con verbo, como diziendo 'hasta que yo coma' dezimos micungaycama, 'hasta que tú comas' micungayquicama. Y assí en el plural, &c., como está notado en el capítulo del participio de futuro activo. Ay assí mismo algunas otras preposiciones, como parescerá en el vocabulario.
[Tomás 1560: 106 - 107]

(412)

ESTA dicho arriba que esta dictión yoc es preposición del effectivo, y es la verdad que lo es; pero muchas vezes en esta lengua se usa della quedándose en la misma significación, y se junta y compone con muchos nombres, y por ella se constituye una manera universal de hablar muy elegante, componiéndose con todos ellos y haziendo casi un término incomplexo, que significa poseer o tener la cosa significada por el nombre a que se ayunta, v.g.: coça significa 'marido', coçayoc 'la que tiene marido'
[Tomás 1560: 152]

ACOSTUMBRASE assí mismo en esta lengua una manera de hablar, no menos elegante ni usada que la passada, y es por esta preposición nac, que tiene la contraria significación de yoc, conviene a saber: 'sin'; y júntase y compónese assí mismo generalmente con todos los nombres, de lo qual resulta una total significación, que es estar o carecer de la cosa significada por el término en cuya composición entra la dicha preposición nac, v.g.: homa significa 'cabeça', homanac 'cosa sin cabeça';
[Tomás 1560: 151]

(413)

Primera regla

Para constituir en esta lengua una oración o habla perfecta se han de guardar quasi todas las reglas generales que se guardan en la latina. Y assí como en ella la persona a quian llamamos se pone en vocativo, la que haze en nominativo, cuya es la cosa en genitivo, a quien algo se da en dativo, lo que tomamos o a quien accusamos en accusativo, de aquien nos apartamos en ablativo, el instrumento con que algi hazemos en effectivo, com consta de los rudimentos y proncipios e la lengua latina, assí semejantemente en la oración que se constituye en ésta se ha de guardar lo mismo. Exemplo de todo ello: 'Pedro, viniendo yo agora de mi casa, vo con mis ojos al rey de Castilla, que me dio de vestir' diremos Pedro, ñoca conan guaciymanta xamuspa, Castillap apocta quiquiypac pachacta coacta ñaguiyguan ricuni.
[Tomás 1560: 128]

Regla quarta

En esta lengua el adjetivo y substantivo han de convenir en número y caso (género no lo ay, como está dicho); y comúnmente, cuando se pone adjetivo y substantivo, se pone el adjetivo primero y el substantivo depués, y una sola partícula casual se postpone a ambos, v.g.: 'yo veo al hombre blanco' dezimos ñoca yurac caricta ricuni.

Regla quinta.
Quasi todos los verbos rigen, después de sí, accusativo: los que significan movimiento con esta dictión man, y los que no lo significan con esta dictión ta, como está dicho. Exemplo de lo primero: dezimos 'voy a casa' guaciman rini. Exemplo de lo segundo: 'veo la casa' dezimos guacinta ricuni.
Dixe quasi todos, porque los verbos que traen consigo razón particular en su significación, por razón della rigen otro caso: como los que significan movimiento de algún lugar rigen después de sí ablativo, con esta dictión o partícula manta, v.g: 'vengo de casa' dezimos guacimanta xamuni. Item los que significan quietud rigen después de sí el mismo ablativo, con esta partícula pi, v.g.: dezimos 'estoy en casa' guacipi tiani.
Item los verbos que significan dar alguna cosa rigen en segundo lugar comúnmente dativo, con su artículo; y los que significan quitar algo, en el mismo segundo lugar rigen ablativo, con el artículo manta. Exemplo de lo primero: 'traigo de comer para ti' dezimos campac micuita apamuni. Exemplo de lo segundo: 'quítote la comida' dezimos cammanta micuita quichupuiqui. Dixe commúnmente porque muchas vezes ponen ambos nombres en accusativo, como diziendo **'doyte de comer'** podemos dezir **camta micuita cuiqui**. Item, '**quítote la comida**' podremos dezir **camta micuita quichuni**. Item muchas vezes en esta lengua no se explica la persona que haze sino que en el verbo se entiende, v.g.: micuni 'como', micungui 'comes', sin explicar los pronombres.
[Tomás 1560: 129 - 130]

(414)

En lugar del genitivo se puede poner los exemplos dichos el ablativo con el artículo manta, y es más propiamente dicho, v.g. canconamanta ricuscayquichic runacona. También se puede quitar el genitivo y el ablativo, y poner solamente el participio dicho, porque en él se encierra todo, y tanto vale este incomplexo coyascayquichic como todo esto: 'cosa amada de vosotros'. Y assí en los demás semejantes.
[Tomás 1560: 97]

Acerca del qual y del presente dél es de notar que algunas vezes se pone como nombre, como en la lengua latina y española, v.g.: 'comer es bueno' dezimos micuy alli. Y quando se toma como nombre en muchas cosas sigue la propiedad dél, y se declina con los mismos artículos dél, y se rige del verbo como él, v.g. Exemplo del nominativo: ya está puesto. Del dativo, dezimos 'estoy bueno para ver' ricuipac alli cani. Del accusativo con movimiento: 'voy a comer' dezimos micuiman rini; sin movimiento: 'dame de comer' dezimos mucuita coay. Exemplo del ablativo sin movimiento: 'en comer descanso' dezimos mucuipi çamani; del mismo con movimiento: 'vengo de comer' dezimos micuimanta xamuni. Exemplo del effectivo: 'con ver me huelgo' dezimos ricuiguan cusicuni. Y si alguno dixere que algunos destos romances aquí dichos no son de infinitivo propiamente, respondo que si en la lengua latina y española no los son, sonlo en ésta, a lo menos en la voz, y esto basta para el propósito, pues quando el tal infinitivo se declina, ya se entiende que no es verbo infinitivo propiamente sino en sola la voz, y se pone por nombre.

[Tomás 1560: 100 - 101]

(415)

Acerca del gerundio de ablativo es de notar una cosa particular en esta lengua, que no se halla en la latina: y es que tiene por apposicion el nominativo ante sí no sólo en una persona ni en un número sino en todas tres personas y en ambos números, singular y plural, lo que en la latina se haze por ablativo absoluto, en ésta se haze por este gerundio, v.g. 'siendo yo bueno' dezimos ñoca alli caspa, 'siendo tú bueno' cam alli caspa, 'siendo aquél bueno' pay alli caspa. Y en el plural, 'siendo nosotros buenos' ñocanchic alli caspa &c.

[Tomás 1560: 102]

(416)

El adverbio local que significa el lugar donde salimos o nos apartamos se pone en ablativo, con esta preposición manta. Exemplo: cayamanta significa 'de aquí'...

El adverbio local que significa el lugar por donde vamos se pone en accusativo, con esta preposición ta. Exemplo: cayta significa 'por aquí'

El adverbio local que significa el lugar adonde vamos se pone en accusativo, con esta preposicón man. Exemplo: cayman significa 'aquí'...

Todas las vezes que dezimos el lugar a dónde estamos, o a dónde o por dónde vamos, o de dónde nos apartamos, por nombre propio del lugar, se han de guardar las reglas aquí dichas, conviene a saber: que el nombre del lugar donde estamos se ha de poner en ablativo, con la preposicón pi; de donde nos apartamos, en el mismo caso, con la preposición manta; a donde vamos, en accusatvio, con la preposción man; por donde vamos, en el mismo, con la preposicón ta. Exemplo de todo, v.g.: diziendo 'estando yo en Sevilla, vin de Carmona por Córdova a Valladolid' diremos assí: Seuillapi ñoca caspa, Carmonamanta Cordouacta Ualladolidman xamuni, y lo mismo se ha de guardar en todos los demás nombres.

[Tomás 1560: 120 - 121]

(417)

Item es de notar que en esta lengua muchas vezes se hallan los adverbios con preposiciones casuales, y entonces se toman como nombres y se declinan como ellos; y lo mismo acontece del infinitivo (como está notado arriba). Exemplo de lo primero: caro, que significa 'lexos' es adverbio, y dezimos caroman rini 'voy lexos'; caromanta xamuni 'vengo de lexos'; sispalla 'cerca' es assó mismo adverbio y dezimos sispallapi tiarcani 'estuve cerca', sispallamanta ricuyqui 'dende cerca te miré'; y assí de otros muchs. Exemplo de lo segundo: micuyta cuyqui 'díte a comer', upiayman rini 'voy a bever'.

Y no solamente en esta lengua usan de los adverbios como de nombres, declinándolos, pero aun de las misma preposiciones quando entran en composión con nombres, como

está dicho arriba destas preposiciones yoc y nac, a las quales quando se componen con nombres les añadimos otras preposciones; y assí a yoc, que es preposición de effectivo, le añadimos otra preposición de accusativo, v.g.: dezimos ñauiyocta ricuni 'veo al que tiene ojos'; y assí otras muchas vezes acontesce lo mismo.
[Tomás 1560: 155 - 156]

(418)

Y assí succesivamente todos los demás, añadiendo siempre a los números menores que se ponen después del primero, una destas tres preposiciones, conviene a saber: guan o yoc o nioc. Exemplo 'onze mil y ciento y veinte y cuatro' dezimos huno guarangaguan suc pachacguan iscay chungaguan tanguyoc.
Y esto paresce claro ser assí verdad; porque, aun quando acontesce que algún término que se acaba en consonante, el fin dél es semejante a aquella dictión inca, allende de perder la i, pierde aún la n, v.g.: 'a cada uno, treze' dezimos chunga quimçcaguanca'; porque aquel guan, que es conjunctión que ayunta el chunga con el quimça, tiene semejanza con la dicha dictión, no solamente pierde la i pero la n, sino quisiéssemos dezir que aquella n es de la partícula inca y no del guan; y si assí es, assí mismo se verifica loq ue digo, que quando los términis immediatos son semejantes, o del uno o de ambos se pierden letras y dellos se haze quasi un término.
[Tomás 1560: 126]

(419)

Y assí los indios usan de nuestros términos para significar nuestras cosas, de que ellos carescían, v.g. antes que nosotros fuéssemos allá no tenían el misterio de la missa, no tenían confessión, no tenían noticia de gracia, ni de las demás cosas de nuestra fe, ni de otras muchas cosas. Y assí para las tales, ni tenían nombres ni verbis para significarlas: aprovechánse de nuestros nombres, declinándolos como los suyos, lo qual en la lengua latina sería barbarismo, y assí ellos dizen iglesiaman rini missacta oyangaypac, que es dezir 'voy a la iglesia a oír missa'. Véis allí cómo usan deste término: la iglesia, poniéndolo en accusativo, con el artículo o preposición man, que significa movimiento, porque se rige del verbo rini, que assí mismo lo significa; y el otro nombre, missa, se pone en el mismo accusativo, con su preposición ta, que significa quietud, porque se rige de aquel gerundio de accusativo: oyangaypac, que assimismo significa quietud.
[Tomás 1560: 149 - 150]

(420)

quae ex nominatiuo et quolibet alio casu conposita fuerint, **ea parte declinari |tantum**, qua **fuerit nominatiuus casus,** ut praefectus equitum, senatus consultum. |prouidendum est autem, ne ea nomina conponamus, quae aut conposita sunt aut conponi |omnino non possunt.
[GL – 4, 624]

sunt etiam genera nominum **fixa, sunt mobilia**. **fixa** sunt, quae in alterum genus|**flecti** non possunt, ut mater, soror, pater, frater. mobilia autem aut propria sunt et duo |genera faciunt, ut Gaius Gaia, Marcius Marcia, aut appellatiua sunt et tria faciunt, ut |bonus bona bonum, malus mala malum. sunt item alia nec in totum fixa nec in totum |mobilia, ut draco dracaena, leo leaena, gallus gallina, rex regina
[GL – 4, 621]

(421)

meminerimus autem Graeca nomina ad Graecam formam melius declinari, etsi illa nonnulli ad |Latinos casus conantur **inflectere**. |duodecim autem omnino litteris nominatiuo casu singulari Latina nomina |terminantur, uocalibus quinque semiuocalibus sex, muta una, a e i o u l m n r s x t, ut |tabula, sedile, frugi, ratio, genu, mel, scamnum, flumen, arbor, flos, nox, caput. adiciunt |quidam c, ut allec, lac.
[GL – 4, 628]

in declinatione |conpositorum nominum animaduertere debemus, ea, quae ex duobus nominatiuis |conposita fuerint, ex utraque parte **per omnes casus declinari**, ut eques Romanus, praetor |urbanus;
[GL – 4, 624]

non|ueniunt, quae a Graecis sumpsimus, ut emblema, epigramma, stemma, poema, schema: |nam huius formae **nomina ueteres etiam feminino genere declinabant.**
[GL – 4, 628]

sunt praeter haec aptota, |quae neque per casus neque per **numeros declinantur**, ut frugi, nihili, nequam, fas, nefas,|nugas.
[GL – 4, 625]

(422)

|sunt nomina tota **Graecae declinationis,** ut Themisto, Calypso, Pan; sunt tota |conuersa in Latinam regulam, ut Πολυδεύκης Pollux, Ὀδυσσεύς Vlixes; sunt inter Graecam |Latinamque formam, quae notha appellantur, ut Achilles, Agamemno.
[GL – 4, 615]

meminerimus autem Graeca nomina ad Graecam formam melius **declinari**, etsi illa nonnulli **ad |Latinos casus conantur inflectere**. |duodecim autem omnino litteris nominatiuo casu singulari Latina nomina |terminantur, uocalibus quinque semiuocalibus sex, muta una, a e i o u l m n r s x t, ut |tabula, sedile, frugi, ratio, genu, mel, scamnum, flumen, arbor, flos, nox, caput. adiciunt |quidam c, ut allec, lac.
[GL – 4, 625]

sed scire debemus multa quidem |**ueteres** aliter **declinasse**, ut ab hac domu, harum domuum, domibus et ab hoc iugere, |ingerum, iugeribus, uerum euphoniam in dictionibus plus interdum ualere, quam |analogiam uel regulam praeceptorum.

[GL – 4, 628]

sunt autem **formae casuales** sex, ex quibus sunt nomina alia **monoptota**, alia diptota, |alia triptota, alia tetraptota, alia pentaptota, alia hexaptota.
[GL – 4, 625]

sunt nomina, **quorum nominatiuus in usu non est,** ut si quis dicat hunc |laterem uel ab hac dicione. item per ceteros casus nomina multa deficiunt. |
[GL – 4, 625]

non ueniunt tantum pluralia, ut Saturnalia, Vulcanalia, Compitalia.
[GL – 4, 628]

omnia **nomina ablatiuo casu singulari quinque litteris uocalibus terminantur,** |sed ea dumtaxat quae non sunt aptota: in illis enim regula non tenetur.

|quaecumque nomina **ablatiuo casu singulari a littera fuerint terminata, genetiuum |pluralem in rum syllabam mittunt,** datiuum et ablatiuum in is, ut ab hac musa, harum |musarum, his et ab his musis.

necesse est autem contra hanc regulam declinentur ea |nomina, in quibus genera discernenda sunt, ut ab hac dea, harum dearum, his et ab his |deabus, ne si deis dixerimus, deos, non deas significare uideamur.

|quaecumque nomina ablatiuo casu singulari e littera correpta fuerint terminata, |genetiuum pluralem in um syllabam mittunt, datiuum et ablatiuum in bus, ut ab hoc |pariete, horum parietum, his et ab his parietibus.

contra hanc regulam inuenimus ab hoc |uase, horum uasorum, his et ab his uasis.

si uero e producta fuerint terminata, genetiuum |pluralem in rum syllabam mittunt, datiuum et ablatiuum in bus, ut ab hac re, harum |rerum, his et ab his rebus; et haec regula proprie feminini generis putatur.

|quaecumque nomina ablatiuo casu singulari i littera fuerint terminata, genetiuum|pluralem in ium syllabam mittunt, datiuum et ablatiuum in bus, ut ab hac puppi, harum |puppium, his et ab his puppibus.

huius modi nomina casum accusatiuum pluralem |propter differentiam melius in is quam in es syllabam terminant, ut has puppis, nauis, |clauis.

|eorum autem nominum, quae genetiuo casu plurali in ium syllabam exire possunt, |0627| trina regula est: una eorum est, quae nominatiuo casu singulari n et s litteris terminantur, |ut mons, montium; altera eorum, quae ablatiuo casu singulari e correpta finiuntur et |feminina sunt, ut ab hac clade, harum cladium;

tertia eorum, quae ablatiuo casu singulari |i littera terminantur, ut ab hac resti, harum restium.

sed haec regula etiam accusatiuum |casum singularem interdum per i litteram profert, ut hanc restim, hanc puppim. horum|multa cernimus consuetudine conmutata. |

quaecumque nomina ablatiuo casu singulari o littera fuerint terminata,

genetiuum |pluralem in rum syllabam mittunt, datiuum et ablatiuum in is, ut ab hoc docto, horum |doctorum, his et ab his doctis.

contra hanc regulam inuenimus ab hac domo, domorum, |domibus et ab hoc iugero, iugerorum, iugeribus.

[GL – 4, 626 - 627]

in his regulis |analogia uel ex **conlatione positiuorum nominum uel ex deminutione cognoscitur**.
[GL – 4, 628]

(423)

sunt praeter haec **aptota**, |quae neque per casus neque per numeros **declinantur**, ut frugi, nihili, nequam, fas, nefas,|nugas. de qua forma sunt etiam nomina numerorum a quattuor usque ad centum. nam |ab uno usque ad tres per omnes casus numeri declinantur, et item a ducentis et deinceps |praeter mille.
[GL – 4, 625]

(424)

numerorum uero|nomina, quae declinantur, **mobilia sunt uel per tres uel per duas |terminationes**, ut unus una unum, duo duae duo, tres tria, ducenti ducentae |ducenta; indeclinabilia uero communia sunt trium generum: hi et hae |et haec quattuor, quinque, sex et deinceps usque ad centum. mille |quoque trium est generum, quia est indeclinabile)
[GL – 2, 145]

|quaeritur autem, quid sit inter indeclinabilia et aptota et monoptota? |et sciendum est, quod et aptota et monoptota indeclinabilia sunt: similiter |enim non **uariant terminationem, sed immobilem eam seruant.**
[GL – 2, 184]

sunt quaedam tam natura quam uoce **mobilia,** ut natus |0142| nata, filius filia;

sunt alia **natura et significatione mobilia. non etiam |uoce**, ut pater mater, frater soror, patruus amita, auunculus |matertera;

sunt alia **uoce, non etiam naturae significatione mobilia**, ut lucifer |lucifera, frugifer frugifera: siue enim de sole siue de luna siue de agro |siue de terra loquar, nulla est discretio generis naturalis in rebus ipsis, |sed in uoce sola;

sunt alia **quasi mobilia, cum a se, non a masculinis |feminina nascuntur**, ut Helenus Helena, Danaus Danaa, liber libra, |fiber fibra. unumquodque enim eorum propriam et amotam a |significatione masculini habet demonstrationem et positionem;
[GL – 2, 142]

(425)

|in i duo sunt denominatiua, ut plerisque uidetur, **indeclinabilia**, frugi |a fruge, nihili a

nihilo.
[GL – 2, 121]

|inuenitur etiam nequam, quod est **indeclinabile trium generum,** tam |comparatiuum quam superlatiuum, ut nequam nequior nequissimus.
[GL – 2, 90]

sed haec nomina nulla regula Latina uel Graeca sunt |moderanda, nisi si transferantur in aliquam **declinabilem formam**, quod |quidam historici fecerunt, ut **Abrahamus Abrahami.**
[GL – 2, 148]

excipitur **unum indeclinabile in singulari numero**, hoc cepĕ huius cepe
[GL – 2, 109]

et est sciendum, quod, si duo sint |nominatiui, **ex utraque parte declinatur compositum,** ut respublica |reipublicae, iusiurandum iurisiurandi, quod Graeci numquam faciunt in |compositis. dicunt enim, oportere compaginem, qua cohaerent in |compositione dictiones, immobilem manere. hoc igitur non seruantes [Latini] |diuisorum quidem utimur declinatione, accentu tamen compositorum.
[GL – 2, 180]

sed nostri |**piper piperis declinauerunt, ut** Persius
[GL – 2, 205]

er ipsum enim |nominatio fit, ut nominetur iste Homerus, ille Virgilius. rectus autem dicitur, |quod ipse primus natura nascitur uel positione et ab eo *facta* ***flexione*** |nascuntur obliqui casus.
[GL – 2, 185]

(426)

de casu **|casus est declinatio** nominis uel aliarum casualium dictionum, quae |0184| **fit maxime in fine.**
[GL – 2, 184]

cum |igitur femininum et neutrum supra dicti nominis ex corrupto et integro sint |composita hiatus causa et euphoniae alterutra pro altera utra et |alterutrum pro alterum utrum, et necessario **extrinsecus habuerint |declinationem,** id est alterutrius. unde Cicero pro M(arco) Marcello: «quod |si in alterutro peccandum sit, malim timidus quam parum |prudens uideri».
[GL – 2, 181]

in his ergo, id est **carentibus declinatione finalium |syllabarum, quae monoptota nominamus, uidentur casus fieri non uocis, sed |significationis dumtaxat.**

[GL – 2, 184]

(427)

|sunt alia, quorum *nominatiuus quidem in usu non est*, obliqui autem |sunt, ut Iouis Ioui Iouem a Ioue, quamuis uetustissimi nominatiuum|quoque hic Iouis proferebant, sicut de nominatiuo tractantes ostendemus.

|sunt alia, *in quibus tres obliqui inueniuntur,* precis preci prece, frugis |frugi fruge (uetustissimi tamen et frux et fruges nominatiuum |protulerunt);

alia, in quibus duo: uicem uice, tabi tabo;

alia, in quibus |unus, ut sponte, laterem (quamuis et ablatiuus eius et nominatiuus |et accusatiuus plurales inueniuntur. Plautus in*Truculento*: |«quid maceria illa ait, in horto quae est, quae in |noctes singulas / |latere fit minor, qua is hoc ad uos damni |permensus uiam est? :: / |nil mirum, uetus est maceria, ueteres si lateres |ruunt :: / |0190| |ain tu * ueteres lateres ruere?»), |fas, nefas, caepe.
[GL – 2, 189 – 190]

in e productam **Graeca sunt feminina et uel Graece declinantur,**
[GL – 2, 204]

et **barbara indeclinabilia** non solum in am et in im, |sed in alias quoque literas terminant, in quas Latina uel Graeca nomina |non solent desinere, ut Abraham, Joachim, Loth, Ruth, Iacob,|Dauid, Balac.

ostendit etiam natura |ipsius sermonis Punici, **in quo omnia nomina uel masculina sunt uel |feminina.** ergo Capsa quoque et Thala oppidum et Tirimida similiter |figurate feminina neutris sunt coniuncta. unde Sallustius in II | *historiarum*: «inter laeua moenium et dextrum flumen Turiam, |quod Valentiam paruo interuallo praeterfluit»,
[GL – 2, 201]

alterutrius |uel alterius utrius alterutri uel alteri utri (**utraque enim declinatio in |usu ueterum est**), neuter neutra neutrum neutrius neutri.
[GL – 2, 197]

|sunt igitur formae casuales sex:

|monoptota, quae una terminatione pro omni casu funguntur, ut supra |dictum est, ut nequam, gummi, alpha, beta, cornu, quattuor, |0188| quinque, sex. his quidam addunt illa, quae tam uoce quam |significatione unum casum habent, ut huiusmodi, istiusmodi. |

diptota sunt, quae duos diuersos casus habent tantum, ut uerua |ueribus (nam ueruum in usu non inuenimus) et fors forte |(Terentius in *Phormione*: |«o fortuna, o fors fortuna». |Virgilius in I: |«forte sua Libycis tempestas appulit oris»), |tabi et tabo. |

alia triptota, qualia sunt omnia neutra secundae declinationis in |singulari numero, ut templum templi templo, et in plurali tam in secunda |quam in tertia et quarta, id est omnia neutra pluralia, ut templa |templorum templis, sidera siderum

sideribus, cornua cornuum cornibus. |

alia tetraptota, qualia sunt omnia in r desinentia secundae |declinationis: puer pueri puero puerum.

|alia pentaptota, qualia sunt omnia masculina uel feminina secundae |declinationis in us terminantia: doctus docti docto doctum docte, |Virgilius Virgilii Virgilio Virgilium Virgili. |

hexaptota sunt, quae sex diuersos casus habent, qualia sunt|masculina in us desinentia, quae secundum **declinationem** quorundam |pronominum in ius efferunt genetiuum: unus unius uni unum une ab uno (unus |quia de uocatiuo quidam dubitant, Caper, doctissimus antiquitatis |perscrutator, ostendit hoc usum Catullum et Plautum. Catullus: |«tu praeter omnes une de capillatis, / |Celtiberosae Celtiberiae fili». |Plautus in *friuolaria*: |0189| «o amice ex multis mi une Cephalio»). |sole quoque antiqui. Ticidas in *hymenaeo*: |«felix lectule talibus / |sole amoribus».
[GL – 2, 187 - 189]

|liber septimus de ceteris casibus |terminales sunt nominum literae apud Latinos, ut supra quoque |docuimus, quattuordecim: uocales quidem quinque a e i o u, consonantes |uero nouem, semiuocales sex l m n r s x, mutae tres c d t. uocales, ut |poeta, monile, gummi, frugi, uirgo, cornu; semiuocales, ut sol, |templum, flamen, Caesar, ciuitas, Pollux; mutae, ut lac, caput, |aliud. hoc enim nomen esse, et Probus in *institutis artium* |ostendit et ratio ipsa, de qua in pronomine latius tractabimus. ostendit |autem Probus his uerbis: hoc unum nomen tantum, id est alius, |quam maxime propter structuras genetiuo et datiuo casu |numeri singularis, sic anomale confirmatum sit declinari: |hic alius, huius alius, huic alii. inueniuntur etiam in y desinentia |Graeca: hoc Dory, hoc Aepy, nomina ciuitatium.
[GL – 2, 283]

(428)

|quaeritur autem, quid sit inter indeclinabilia et **aptota** et **monoptota**?

|et sciendum est, quod et *aptota* et *monoptota* indeclinabilia sunt: similiter |enim non uariant terminationem, sed immobilem eam seruant.

aptota |tamen sunt proprie dicenda, quae nominatiuum solum habent, qui |plerumque et uocatiuus inuenitur et non accipitur etiam pro obliquis, ut |Iuppiter, Diespiter: non enim licet eodem pro genetiuo uel alio casu obliquo |uti (ideo dixi proprie dicenda, quia inueniuntur antiqui aptota pro|monoptotis et monoptota pro aptotis posuisse). neutrum uero si sit aptotum, |necessario etiam pro accusatiuo et uocatiuo accipitur eius nominatiuus, quod |generale est omnium neutrorum, ut fas, nefas, ir, pus.

monoptota |uero sunt, quae pro omni casu una eademque terminatione funguntur, |qualia sunt nomina literarum et numerorum a quattuor usque ad centum. |mille quoque indeclinabile est et siqua inueniuntur similia, ut hoc a |huius a, hoc alpha huius alpha, hi quattuor horum quattuor, hoc |gummi huius gummi, hic et haec et hoc nequam huius nequam, hi |quot, tot, horum quot, tot et barbara plurima, sed magis omnia, nisi |si ea ad Graecam uel nostram regulam ***flectamus*** uel ab auctoribus

flexa |inueniamus.
[GL – 2, 184]

(429)

Quid est **declinatio**? Vocis **variatio**; quae circa finem tantum attenditur.
[Nebrija 1495: 167]

Quid est casus in nomine? Et respondet esse **quosdam gradus declinationis** per quos nomen inflectitur idest gradatim cadit. Priscianus dicit casus est declinatio nominis quae maxime idest plaerumq fit in fine, nam & aliquando fit in medio ut in dictionibus compositis quales sunt plaerusq, plaeraq, plaerumq, quilibet, cuiuslibet, cuilibet.
[Nebrija 1495: 167]

Quuotuplex est nominum **inflexio**? Sexcuplex. Monoptota inflexio est, cum per omnes casus nusquam nomen variatur, ut ador. Diptota inflexio est, cum per duo casus tantum nomen variatur, ut Sappho, Sapphus. Triptota inflexio est, cum per tres casus tantum nomen variatur, ut hoc Templum, Templi, Templo. Tetraptota inflexio est, cum per quatuor casus nomen variatur, ut Deus, Dei, Deo, Deum. Pentaptota inflexio est, cum per quinque casus nomen variatur, ut Sermo, Sermonis, Sermoni, Sermonem, Sermone. Hexaptota inflexio est, cum per sex casus nomen variatur, ut Unus, Unius, Uni, Unum, Une, Uno.
[Nebrija 1495: 167]

(430)

Quid est casus in nomine? Et respondet esse quosdam gradus declinationis per quos nomen inflectitur idest gradatim cadit. Priscianus dicit casus est declinatio nominis quae maxime idest plaerumq fit in fine, **nam & aliquando fit in medio ut in dictionibus compositis quales sunt plaerusq, plaeraq, plaerumq, quilibet, cuiuslibet, cuilibet.**
[Nebrija 1495: 167]

(431)

Per primam itaq declinationem barbaram declinatur hic abraham, adam, matusalem & alia huiusmodi quia nullum nomen graecum sed neq latinum reperitur quod in am vel in em terminetur praeter unum nequam & tantumdem a tantum & idem particula compositum quae **indeclinabilia** sunt quantum ad terminationem attinet.
[Nebrija 1495: 21]

quae **in singulari non declinantur**, in plurali declinabilia sunt, ut hic sensus sensus, haec manus manus.
[Nebrija 1495: 21]

Et respondet esse quosdam gradus declinationis per quos nomen **inflecitur**, idest, gradatim cadit.
[Nebrija 1495: 167]

Praeterea quaedam reperiantur per duas atq etiam plures declinationes **inflexa** & ponit aliqua cum alia multo plura reperiantur.
[Nebrija 1495: 167]

(432)

Prima atque declinatio graecorum est desinentium in as & in es masculonorum tantum q apud illos mittunt genitiuum in u referunturque ad primam **declinationem** latinam ut hic aeneas aneneae.
[Nebrija 1495: 21]

De **barbara declinatione.**
Per primam itaq declinationem barbaram declinatur hic abraham, adam, matusalem & alia huiusmodi quia **nullum nomen graecum sed neq latinum reperitur quod in am vel in em terminetur** praeter unum nequam & tantumdem a tantum & idem particula compositum quae **indeclinabilia sunt quantum ad terminationem attinet.**
[Nebrija 1495: 21]

(433)

Quuotuplex est nominum **inflexio**? Sexcuplex. Monoptota inflexio est, cum per omnes casus nusquam nomen variatur, ut ador. Diptota inflexio est, cum per duo casus tantum nomen variatur, ut Sappho, Sapphus. Triptota inflexio est, cum per tres casus tantum nomen variatur, ut hoc Templum, Templi, Templo. Tetraptota inflexio est, cum per quatuor casus nomen variatur, ut Deus, Dei, Deo, Deum. Pentaptota inflexio est, cum per quinque casus nomen variatur, ut Sermo, Sermonis, Sermoni, Sermonem, Sermone. Hexaptota inflexio est, cum per sex casus nomen variatur, ut Unus, Unius, Uni, Unum, Une, Uno.
[Nebrija 1495: 167]

(434)

De **nominibus adiectiuis primae & secundae declinationis.** Nomina adiectiua aut **sint primae & secundae declinationis** aut sunt tertiae quia quartae & quinate sicutnullum est nomen graecum ita etiam nec adiectiuum. Si sunt primae & secundae treshabent uarias nominatiui terminationes: in us, a, um vel in er, a, um ut bonus, bona, bonum.
[Nebrija 1495: 21]

(435)

Ego ut in hac quaestionem dicam semel quod sentio: non possum satis mirari cur scriptoribus latinae grammatices placuerit **nomina cum articulis declinare** cum in seriem orationis nunquam latini articulos admittant quibus reliquae omnes linguae utuntur aut articuli nominibus praepositi quid ad generis distinctionem conferre

possint, cum musa non propterea foemininum sint quia **declinatur** cum haec, sed **declinatur cum haec** propterea quod est foemininum vel ratione significationis vel quia in a terminatur.
[Nebrija 1495: 21]

(436)

De nominibus anomalis Sunt quaeda nomina quae dicuntur anomalia hoc est irregularia aut quia mutant genus aut **declinationem** aut carent altero nuemro aut deficiunt certis casibus in utroq numero.
[Nebrija 1495: 23]

(437)

Alii septem **declinationes** fecerunt. Nam tertiam fecerunt ex nominibus quae mittunt genitiuum in ius & datiuum in i atq ex tertia nostra fecerunt quartam & rursur ex quarta nostra nominum masculinorum & foemininorum fecerunt quintam & ex quinta sextam. Septimam vero fecerunt ex nominibus neutris in u terminatis quae nos per quartam nominum declinationem **inflectimus**.
[Nebrija 1495: 24]

(438)

Declinationes nominum, quinque sunt. Prima quae facit genetivum sin. In ae
Prima declinatio quinque fines habet in recto sing. A, e, as, es, am
[Sempere 1546: 5]

Graeca nomina in E patrium casum faciunt in es
Voz Hebraea in am, multo rectius in us desineret ut Adam, Adamus, Adami
[Sempere 1546: 6]

De mille tu nota que es ádiectiuo,
y no fe declina, y efta en el plural,

Para el principiante affi mifmo pongamos
algunas regatas con que fe reforme
en declinar primero fe informe,
y en conjugar también le digamos
y fepa las partes fegun que tocamos

De declinationes.
En la declinación poco ay que dezir
por fer eftas cofas tanto trilladas,
fino que en las partes que fon variadas.

El nombre compuefto deue feguir
siempre a su simple, y con el venir
en genero, cafo, y terminación,

y avn en quantidad y pronunciación
segun qué en,fu parte queremos fentir

declinaciones fer cinco fabemos
segun la final de su genetiuo
en todas el recto con fu vocatiuo ,
cafi por fiempre femejante veremos-
y en el plural lo mifmo tenemos ,
del ablatiuo con,fu datiuo. .
el quarto y el quinto con nominatáuo;
en nombres neutros ygualés los,vemos

En la primera no ay que faber,
Sino que tiene tres terminaciones
as, es, y a, con otras questiones
de am, y de e, que fuelen poner.
el genitiuo ya pudo tener .
ai, por diereiis, y as, antiguada datiuo,
en plural es parte notada e
n abus(vt muía) que pueden hacer.

En la fegunda no fe que notar,
fino que en recto seys finales tiene,
y mas otras dos, dizen que foftiene,
os, también, on, alli van a parar. .
el acufatiuo fe quiere acabar,
en um, y los Griegos1 de aqui sacaremos,
el vocatiuo en e notaremos,
con deus y fili, que fuelen facar.

En la tercera, ay muchas razones,
por el alphabeto fon diuididas,
y fegun que proceden fon, entendidas,
por nueue letras fus terminaciones.,
defta diremos en pocos renglones,
a, fon, e, o, c, d, confonantes,
1. m. n. r. s. pujantes
t. también, x. con fus excepciones.

La quarta, en el,recto tiene dos finales,
us, también u, en neutros diremos,
en el genitiuo us, y uis vemos.
ni en datiuo, y u que feñales.
la uis, y la u, son antiguales.

plural en datiuo queftus notaras.
con otros en ubus, tu los hallaras
y queftus en bus, también fi te vales

En la a quinta inflexión vná fola ponemos
es, y no otra, y neutros no quiere
es tambien e (buscando) hallaremos.
[Thámara 1550: 46 - 48]

De los anomalos algo diremos,
que son etheroclitos, defectuosos,
en genero, numero, y caso, dubdosos,
y en declinacion, que muchos veremos.
[Thámara 1550: 48]

Prima nominis declinatio
Prima nominis delinatio est cuius genitivus singularis in ae diphtongo desinit et habet quinque terminationus in nominativo singulari scilicet a, as, es, e et am ut
Quorundam irregularium declanatio
Adiectivorum primae et secundae declinationis declinatio
Adiectiva tertiae
[Gilberti 1559: 101]

De nominibus anomalis seu irregularibus

Pro quo notabunt quaedam variari regulariter, quaedam iregulariter. Quae autem regulariter variantur prius quibusdam sub regulis sunt ostendenda quorum debite variandorum quoad nomina notanda sunt quinque formulae, quas quinque declinationes grammatici vocant.
Prima est eorum nominum, quae genitivum singularem in ae vel pluralem in arum habent terminatum.
[Gilberti 1559: 120]

Sciant quoque eandem variationem in verbis oportet. Non enim ipsa verba omnes personas, numeros, tempora, modos et voces uniformiter terminant sed variae. **Circa igitur variationem,** quam hic prosequimur, notandum **venit ipsam fieri circa finem vocabuli,** cum non sit alia variatio quam finis vocabuli **debita diversificatio**, principio eius observato unifirmi ac invariatio, ut patet in his vocabulis...
[Gilberti 1559: 121]

Compositum autem ex duobus obliquis est ex parte utriusque omnimodo indeclinabile ut huiusmodi.

[Gilberti 1559: 134]

(439)

Declinación del nombre no tiene la lengua castellana, salvo del número de uno al número de muchos; pero la significación de los casos distingue por preposiciones. Assí, que pueden se reduzir todos los nombres a tres formas de declinación:

La primera, de los que acaban el singular en a, añadiendo s, embían el plural en as, como la tierra, las tierras. Sácanse los que tienen acento agudo en la última sílaba, por que sobre el singular reciben esta terminación es, como alvalá, alvalaes; alcalá, alcalaes; et assí, diremos una a, dos aes; una ca, dos caes.

La segunda, de los que acaban el número de uno en o, et añadiendo s, embían el número de muchos en os, como el cielo, los cielos.

La tercera, de los que acaban el número de uno en d, e, i, l, n, r, s, x~ z; por que en las otras letras ningún nombre acaba, salvo si es bárbaro, como Jacob, Isaac; et embían todos el número de muchos en es; et fórmanse del singular, añadiendo es, si acaban en i, o en alguna de las consonantes; o añadiendo sola mente s, si el singular acaba en e, como la ciudad, las ciudades; el ombre, los ombres; el rei, los reies; el animal, los animales; el pan, los panes; el amor, los amores, el compás, los compases, el relox~, los relox~es; la paz, las pazes.
[Nebrija 1492: 28]

Capítulo II, De la declinación del nombre.

Las declinaciones del nombre son tres: la primera, de los que acaban el número de uno en a, et embían el número de muchos en as, como la tierra, las tierras. La segunda, de los que acaban el número de uno en o, et embían el número de muchos en os, como el cielo, los cielos. La tercera, de los que acaban el número de uno en d, e, i, l, n, r, s, x, z, et embían el número de muchos en s, como la ciudad, las ciudades; el ombre, los ombres; el rei, los reies; el animal, los animales; el pan, los panes; el señor, los señores; el compás, los compases; el relox~, los relojes; la paz, las pazes. Ninguna de las otras letras puede ser final en palabra castellana.
[Nebrija 1492: 45]

(440)

Nombre es una de las diez partes de la oración, que se declina por casos, sin tiempos, et significa cuerpo o cosa.

En el número de uno
primer caso la tierra
segundo de la tierra
tercero a la tierra
cuarto la tierra o a la tierra
quinto o tierra
[Nebrija 1492: 24]

(441)

Sácanse los que acaban en e aguda, por que sobre el singular reciben esta terminación es, como el alquilé, los alquilees; la fe, las fees; i assí dezimos una b, dos bees; una d, dos dees. Tan bien se saca maravedí, que por aquesta regla avía de hazer maravedíes, et haze maravedís. Esso mesmo, en las palabras que acaban en x~, como relox~, balax~, mas parece que en el plural suena j consonante, que no, x~ como relox~ relojes; carcax~, carcajes.
[Nebrija 1492: 24]

(442)

Las **conjugaciones** del verbo son tres: la primera, que acaba el presente del infinitivo en ar, como amar, enseñar; la segunda, que acaba el infinitivo en er, como leer, correr; la tercera, que acaba el infinitivo en ir, como oir, bivir.
[Nebrija 1492: 31]

(443)

Porque como los nombres en la lengua Castellana **no se declinan variando la terminaçion final por casos** como ya vimos en el segundo capitulo del primer libor.
[Villalón 1558: 40]

Que el Latino para ordenar bien sus clausulas en su hablar uso de unos nominatiuos, ordenados por seys casos enel declinar, que es enel variar dela letra final, **enlo qual solo los differençio al uno del otro entresi.** Los casos, como digo que son seys se nonbran por esta manera. Nominatiuo, genitiuo, datiuo, acusatiuo, vocatiuo, ablatiuo. Los quales todos como digo diffieren por letra final, que cada caso acabo en su letra differente

Y en este orden de proçeden pussieron **çinco differençias de declinaçion**, que quiere dezir, de variaçion de la letra final del cada caso por si.
[Villalón 1558: 11]

Esto presupuesto que queda agora claro para cada qual, digo **q enla lengua Castellana no se puede poner declinaçion, ni la ay,** porque para ninguna clausula, ni proposito se varia el nombre o vocablo por letra final por ninguna manera de dezir.
[Villalón 1558: 11]

(444)

Que en el castellano en ningun nombre **ay variac¡ion de la letra final en los casos, sino solo entre el singular y plural:** los quales no pueden ambos fenecer en una mesma letra, sino en diuersas.

[Villalón 1558: 13]

(445)

Quarto es de notar q el varbo enla lengua Castellana tiene tres conjugaciones o tres maneras o differençias de proçeder enla conjugaçion.

[Villalón 1558: 33]

(446)

Las terminaciones de los nombres varias son. Casos tienen siete, **mas no diffieren en la inflexion**, pero conoçense y distinguense por los articulos, **y numeros el caso, y numero del nombre.**

De las quales las cinco premieras, **se varian**, cada una segun su natura, las demas, no se varian.

[Anónimo 1555: XVI]

El masculino se declina d'esta manera

Singular Numero		Singul			
No	el	M Neu		F	
Ge	del	Le		No & Ac	La
Da	al,a	De		Ge & Ab	Du
Ac	Al,el	A (aux)		Dat	Au
Ab	del				

El articul femenino **se declina assí**

No	la
Ge	dela
Da	ala
Ac	la
Ab	dela

[Anónimo 1555: 2-3]

(447)

Declinacion es forma i manera de **entender las finales cadencias i variedad delas palabras conque hablamis en repsondencia de macho i hembra,** persona, **numero** i tiempo cujas partes son quatro solamente, Declinacion del Articulo, del Nombre, del Pronombre, del Verbo; porque las partes dela Declinacion no pueden ser mas, del que fueren las partes declinables; i en esta lengua Vulgar solo hallan los el Articulo, Nombre, Pronombre i Verbo, q pueden sed declinados en la forma sobredicha, sino en todo, en parte a lo menos, portando en este segundo libro trataremos la Declinacion delas quatro dichas partes por el orden que las nombremos.

[Anónimo 1559: 29]

Los unos i lo sotros tienen varias sus finales. **No se varian por Casos.**

[Anónimo 1559: 33]

Los pronombres **se declinan como los articulos i Nombres** pero por quanto tienen ensi alguna variedad, pornemos por exemplo alguna parte dellos a fin que mejor i mas facilmente se puedan entender.

[Anónimo 1559: 34]

(448)

Los nombres y pronombres y participios **no se declinan por casos** mas los articulos denotan en que caso esta cada nombre
[Del Corro 1586: 17]

Para denotar los casos sera menester **declenar los articulos** ansi como se sigue

Nominatiuo, Genit, Accusatiuo, Ablativo
el
del
a el
de el
[Del Corro 1586: 17]

La lengua Española y francesa no tienen decliantion alguna por que todos los nombres son indeclinables, pero la variacion se haze mediante los articulos, y para q **mejor se pueda ver la diferencia de los generos y caso**

en la española seiys casos, y en la francesa tres. No obstante que hay poca diferencia entre el datiuo, accusatiuo y ablatiuo en el Español

[Del Corro 1586: 18]

Masculino singularia
N el doctor
G del doctor
D para el doctor
A al doctor
V O doctor
Ab del doctor

[Del Corro 1586: 18]

(449)

Quanto a los substantivos primitivos, es de notar que **no tienen declinationes**, pero **hazen differencia entre el singular y el plura**l, añadiendo o mudando en el plural alguna letra o síllaba
[Olmos 1547: 286]

Pero porque en esta lengua no quadrará la orden que él lleva porque faltan muchas cosas de las quales en el arte de gramática se haze gran caudal, como son **declinationes**, supinos y las especies de los verbos, para denotar la diversidad dellos, y lo que en el quinto libro se trata de accentos y otras materias que en esta lengua no se tocan, no seré, por tanto, reprehendido si en todo no siguiere la orden de la Arte de Antonio.
[Olmos 1547: 269]

Quanto a los substantivos primitivos, es de notar que no tienen **declinationes**, pero hazen **differencia entre el singular y el plural,** añadiendo o mudando en el plural alguna letra o síllaba.
[Olmos 1547: 286]

Divídese, pues, esta arte en tres partes: **la primera trata de los nombres y pronombres y de lo que a ellos pertenezce; la segunda contiene la conjugación,** formación y pretéritos y diversidad de los verbos; en la tercera **se ponen las partes indeclinábiles** y algo de orthographía, con una plática por los naturales compuesta, provechosa y de buena doctrina, con otras maneras de hablar, ansí para que vean los nuevos cómo han de escrivir y distinguir las partes como para saber más en brebe hablar al natural.
[Olmos 1547: 264]

En la qual se tratará de las partes de la oración **indeclinables** y de la orthographía; y tanbién de algunas maneras de hablar, ansí comunes como otras que usavan en su tiempo.
[Olmos 1547: 420]

(450)

Tambien se deue denotar que en el vocatiuo ay **variacion** porque siempre acaba en e, y para denotar o señalar este vocatiuo usan en todos los nombres de una destas tres particulas: tze, ne, e. Ex.: Pedroe, Pedrotze, Pedrotzine.
[Olmos 1547: 270]

Quanto a lo primero, es de notar que en esta lengua no ay declinaciones de manera que aya **variacion de todos los casos.** Ay, empero, **differentia entre el singular y el**

plural, porque para el plural toman una destas sýllabas o letras: –ti, –me, –que, –h, de lo qual se dirá más largamente quando se tratare de los nombres.
[Olmos 1547: 269]

Quanto a lo primero, es de notar que en esta lengua no ay declinaciones de manera que aya **variacion** de todos los casos.
[Olmos 1547: 269]

En el segundo y tercero significado **se varía** en esta manera: singular, 1a anac, 'no estoi aqui o no soi nada', 2a atac, 3a ayac; plural, 1a ataque, 2a amaque, 3a ayaque.
[Olmos 1547: 302]

(451)

Comun declinacion delos nombres arauigos
Mubtede a dar
Mudaf mita dar
Maxror la dar
Mafuul a dar
Munede ya dar
Darf fa dar

Plural
Mubtede a diar
Mudaf mita diar
Maxror la diar
Mafuul a diar
Munede ya diar
Darf fa diar
Primera forma de conjugar
[de Alcalá 1505:16]

Y porque todos los nombres arauigos **son invariables y monatotos** asi en el numero singular como en plural es necessario conocer lagunas abitudines o conocimientos q hazen la differencia entre los casos
[de Alcalá 1505:22]

Capitulo nono dela decliacion delos nombres arauigos.
La **declinacion** de todos los nombres arauigos es una solamente. Porque todos los nombres arauigos son **inuariables**. Saluo si alguno q siese multiplicar las declinaciones y dezir que tantas son las declinaciones quantas son enlos nombres las terminaciones lo qual se superflua cosa de oyr. Ca por semejante manera en nnuestra habla castellana una es solamente la declinacion de todos los nombres. Ca assi dzimos Pedro, **Pedro por todos los casos.** Empero una es la terminacion del nombre enelsingular, y otra enel plural. Asi como dezimos Zemen tiempo Azemn tiempos. Dicha la teorica vengo a la

practica delos nombres y assi pongo aqui una comun declinacion. Por la qual se declinan todos los nombres y es esta.
[de Alcalá 1505:23]

(452)

Declinaciones quoque apud eosdem non **distinguntur nisi ex singulari numero in pluralem** ut sit prima declinacio nominum masculinorum que in plurali mittunt numerum multitudinis in IM ut 'ish 'ishim vir, viri. Secunda declinatio femininorum que mittunt eusdem numerum multitudinis in OTH, ut 'ishet 'ishot mulier mulieres. Patitur tamen haec regula exceptionem. Nam & msculina exeunt aliquando in OTH atq e diuerso feminina in IM

Tertius modus cognoscendi genus nominis est ex ipsius **declinatione** quoniam masculina mittunt numerum multitudinis in im, ut 'ish ishim idest vir viri, feminina vero in oth 'ishah 'ishot idest mulier mulieres. Sed hec regula non usquequaq vera est nam patitur plerumq exceptione, ut in declinatione nominis disseremus in cap. sequanti.

Solent in aliis dictionibus poni ad denitandum accidentia nominis aut verbi ut genus, **declinationem, coniugationem**, tempus, personam, casum, &c ut infra dicem.
[Zamora 1526: 78]

Sed quoniam declinatio sit **p numeros & per casus dicendum** est prius de numeris, tum de casibus.
Quemadmodum iam supra dictum est octo sunt partes orationis quarum duo sunt gna altere principaliter & per se signant quare possunt appellari significatiue possuntq **inflecti** puta nomen & pronomen per **casus** verbum per modos & tempora, participium per utraq. Altere sunt partes orationis que non significant per se sed cum partibus quibus iunguntur atq idcirci dicte sunt consignificatiue neq **declinantr**. Cuismodi est prepositio que preponitur nomini & pronomini.

Sed aduertendum quod harum partium **indeclinabilium** duo sunt genera: quedam sunt que nunquam reperiuntur nisi in compositione quedam que reperiuntur etiam separate.
[Zamora 1515: 45]

Declinationes nominum apud Hebraeos sicut apud Hispanos & quosdam alios **non variantur** per **casus** sed **solum per numeros** quia nominis **terminatio in omnibus casibus numeri singularis est eadem sed variatur in numero plurali** quae **variatio duplex est**
[Zamora 1515: 56]

De nominubus anomalis
In superbioribus dictum est de nominibus **regulariter declinatis** nunc de irregularibus hoc est quae in **declinatione** aliquid mutant. Nam quod de nominum formatione a

singulari in pluralem dictum est quod masculina exeunt in im addita im vel ultima littera in im mutata non usque quaq obseruatur qupniam aliquando additur vel detrahitur vel mutatur littera vel apex aut utrumq ut ecce XX hoc est auris per rectam formationem debuit facere SSS dicendum est tamen XXX hoc est a vocalis addita.
[Zamora 1515: 57]

Atq ad proportionem horum duorum nominum alterius masculini & alterius feminini **declinantur** omnia alia nomina si non carent alterutro numero.
[Zamora 1515: 57]

(453)

Dictiones indeclianbiles que non componuntur nec **variantur** sunt aduerbia & coniunctiones cum interiectinibus.

Nomen est quod significat substantiam siue accidens sine tempore & **habet casus licet apud hebreos non declinetur.**

Et **casus istarum declinationum non variantur per temrinationes sed per articulos & per numeros** sicut diximus in nomine.

Sermo hebraicus praeter communem usum latinorum & Graecorum non **variat casus nominum per terminationes**, quandoquidem omne nomen hebraeum est **indeclinabile per omnes casus**, excepta differentia numeri singularis, & pluralis.

Quemadmodum iam supra dictum est octo sunt partes orationis quarum duo sunt gna altere principaliter & per se signant quare possunt appellari significatiue possuntq **inflecti** puta nomen & pronomen per **casus** verbum per modos & tempora, participium per utraq. Altere sunt partes orationis que non significant per se sed cum partibus quibus iunguntur atq idcirci dicte sunt consignificatiue neq **declinantur**. Cuismodi est prepositio que preponitur nomini & pronomini.
Sed aduertendum quod harum partium **indeclinabilium** duo sunt genera: quedam sunt que nunquam reperiuntur nisi in compositione quedam que reperiuntur etiam separate.

Et sic de reliquis & omnes dectiones superius dicte **variantur** preter quam que sequuntur
Dictiones indeclianbiles que non componuntur nec **variantur** sunt aduerbia & coniunctiones cum interiectinibus.
[Zamora 1515:43]

(454)

Declinacion de los nombres adjetivos

Los nombres substantivos son de tres maneras, es a saber, de cosas racionales como de varones, mugeres, moc¡os, donzellas, etc.; de cosas bivas no racionales como de perros, gatos, puercos, ovejas, gallinas, etc.; de cosas inanimadas como de piedras, palos, agua,

tierra, fuego

Los primeros nombres de cosas racionales son **declinables** pro casos, generos, numeros

Los secundos **no lo son, ni lo dexan de ser** porque hablando en pluralidad destas cosas se puede dezir

Assi que en dezir que estos nombres de cosas bivas no racionales sin indeclinables, sera mejor acertar que en dezir que lo son, porque aunque tengan el nominativo plural semejante a los otros nombres de cosas racionales, no se sigue por esto que **sean declinables**, como en la Gramatica **no lo son los nombres que en todos los casos no tienen mas de una sola terminacion**

Los nombres de cosas inanimadas son **indeclinables**, aunque **en algunos hablando en pluralidad tengan la mesma terminacion que tienen los declinable**s, como diziendo: Ambocutarechan Las calles
Mas no se sigue por esto que **sean declinables** por la razon ya dicha

Mas no es de callar la **differencia** que ay en la terminacion plural destos nombres de cosas racionales & irracionales, o inanimadas y es esta que quando se habla en pluralidad de cosas racionales communmente se pierde la ultima syllaba de nombre singular antes de la particul cha, con la qual se constituye el plural assi como en el vocablo de yuritsqueri, quitado la ri y puesto cha quedara yuritsquecha donzella, y assi de Tecari recacha...

Y hablando en pluralidad de cosas irracionales o inanimadas nunca se pierde nada y tienen la mesma terminacion que tienen los poquillos de que hablamos arriba.

Delos nombres adiectiuos.
Los nombres adiectiuo s**e declinan por la mesma manera qlos substantiuos** yno tienen mas de una terminacion para las **tres bozes Masculina, femenina, y neutra** vt. Ambaqueti, bueno o buena.

Ya esta dicho arriba que enlos nombres **adjetivos no ay mas de una terminacion para las** tres vozes, masculina, femenina y **neutra salvo en el plural do agunas** vezes parece que ay **diferencia** aplicando un mesmo adjectivo a cosas animadas bivas racionales y a cosas bivas no racionales o casas inanimadas, porque para dezir hombres de buen paraecer diran
[Gilberti 1558: 127 - 130]

(455)

De manera que aquel alli, que es el adjectivo, que quiere dezir 'bueno', **de la misma manera se dize** juntándose con este nombre cari, que significa 'varon', que cuando se junta con este nombre guarme que significa 'muger'

[Tomás 1560: 23]

Cerca de la sexta y última propriedad, que es declinación, es de notar que no ay en esta lengua declinación ninguna sino que todos los nombres son **indeclinables** en sí, como en nuestra lengua española, en la qual ningún nombre **se declina y de una misma manera haze en todos los casos** como en este nombre 'hombre', dezimos en el nominativo hombre, y en el genitivo dezimos del hombre, y en el dativo dezimos para el hombre. De manera que todos los casos son **invariables & indeclinables,** y **se profieren** de una misma manera; pero conoscemos ser la significación del nominativo, o genetivo, o dativo, **no en la variación dél,** que **ninguna ay** como está dicho, sino en los artículos que se les añaden a los casos.
[Tomás 1560: 12]

Assí, acá en esta lengua general de los indios **todos los nombres en sí son invariables**, y no ay en ellos **variación** alguna, sino que por ciertas partículas o artículos que se añaden a los casos se conoscen si es nominatiuo o genitiuo.

Y aunque esto sea assí verdad, que **el nombre en sí sea indeclinable**, pero porque los artículos que se le añaden paresce que se hazen un mismo término con él, y éstos entre sí son diversos como abaxo se verá, me paresce se puede y **debe dezir que todos los nombres y demás partes de la oración declinables tengan una declinación, no por parte dellos, sino por razón de la diversidad de los artículos.**
[Tomás 1560: 12]

También es de notar, cerca desta partícula ta, que todas las vezes **que en el genitiuo del nombre que se declina** se pierde la a, que es quando el nombre se acaba en pura vocal, como dicho es, en tal caso antes del ta en el accusativo se ha de entreponer una letra c: **como declinando este nombre pirca**, que en el genitiuo haze porcap como se dixo, en el accusativo antes del ta se ha de añadir una c; y assí dirá, accusativo pircacta 'a la pared', ñocacta 'a mí'

Exemplo de todo lo dicho

Nominativo	yayanc	el señor
Gentivio	yayancpa	del señor
Dativo	yayancpac	para el señor
Accusativo	yayncta o yayancman	al señor
Vocativo	xe, o xay yaync	o, señor
Ablativo	yayancpi o yayancmanta	en el señor , del señor
Effectivo	yayancguan	con el señor

Los mismos artículos sirven y se han de añadir en el plural, diziendo

Plural Nom.	yayancpa	los señores
Genitivo	yayancconapa	de los señores
Dativo	yayancconapac	para los señores

Accusativo	yayancconacta, o yayancconaman	a los señores
Vocativo	xe, o xay yayanccona	o, señores
Ablativo	yayancconapi o yayancconamanta	de los señores
Effectivo	yayancconaguan	con los señores

(456)

ay preposisciónes que determinan los nombres y pronombres a ciertos y determinados **casos de la declinación**
[Tomás 1560: 10]

La segunda differencia se tractará en la **conjugación** del verbo, por quanto depende la claridad della del mismo verbo.
Declínase este pronombre en el singular y en el plural conforme a la regla general arriba dicha de los nombres.
La declinación deste pronombre en singular y plural es conforme a la regla general con los artículos del nombre y pronombre ya dichos, v.g.:
Nominativo yayanchic o yayaco nuestro señor

Y assí en todos los demás: **la declinacón déste en singular y plural** está clara porque va conforme a la regla general, estando siempre en genitivo el nombre o pronombre de la cosa que posee, y el de la cosa poseída, **variándose** conforme a las reglas de la construción, v.g.: dezimos 'yo veo la ropa de aquél', diremos paypa pachacta ricuni, la ropa que es la cosa posseída puesta en accusativo porque el verbo assí lo pide; y assí en todos los demás.
[Tomás 1560: 24]

El qual, conforme a la etimología de su nombre, participa del nombre y verbo, porque en algunas cosas (como son la significación con tiempo determinado, formación y regimiento) conviene con el verbo, cuyo es; en otras cosas (como es **declinación**, &c.) con el nombre.
[Tomás 1560: 34]